ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ

ФИЛАРЕТЪ

ВЪ СХИМОНАШЕСТВѢ ѲЕОДОСІЙ

(Амфитеатровъ)

МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ и ГАЛИЦКІЙ

И

ЕГО ВРЕМЯ.

Съ портретомъ и текстомъ факсимиле.

СОСТАВЛЕНО

въ трехъ томахъ

АРХИМАНДРИТОМЪ СЕРГІЕМЪ

(Василевскимъ).

ТОМЪ ВТОРОЙ.

КАЗАНЬ.

Типографія Окружнаго Штаба.

1888.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. С.-Петербургъ, Сентября 19 дня 1887 года.

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

ОТДѢЛЪ I.

Глава I. Прибытіе Высокопреосвященнаго Филарета въ Казань . . . . . Стран. 1—4.

Глава II. Заботы высокопр. Филарета о христіанскомъ просвѣщеніи инородцевъ . . . Стран. 5—29.

Глава III. Переписка высокопр. Филарета съ другими сосѣдственными Архипастырями по предмету христіанскаго просвѣщенія инородцевъ . Стран. 30—63.

Глава IV. Проектъ, составленный высокопр. Филаретомъ, для приготовленія миссіонеровъ путемъ образованія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.—Личныя посѣщенія имъ инородческихъ селеній . Стран. 64—82.

Глава V. Заботливость высокопр. Филарета о крещенныхъ инородцахъ; его мѣры по части миссіонерства . . . . . Стран. 83—102.

Глава VI. Объ отдѣленіи отъ Казанской Епархіи Симбирской губерніи и объ учрежденіи новой Епархіи Симбирской; взглядъ высокопр. Филарета по этому предмету . . . . . Стран. 103—120.

Глава VII. Факты обращенія инородцевъ въ христіанство Удѣльными Приказами, или Головами.—Позднѣйшее положеніе миссіонерскаго дѣла, указывающее, что мѣры, принимавшіяся высокопр. Филаретомъ, принесли бы пользу и впослѣдствіи.—Составленныя имъ же, правила относительно ересей и расколовъ—общія и частныя . . . . . Стран. 121—145.

ОТДѢЛЪ II.

Глава VIII. Святительское служеніе и особенная дѣятельность высокопр. Филарета въ Казани во время

холеры и въ неурожайное время.—Сооруженіе храмовъ . . . . . Стран. 145—171.

Глава IX. Попечительность высокопр. Филарета о Монастыряхъ.—Характеръ его проповѣди и личное наблюденіе за проповѣдями учителей и воспитанниковъ . . . . . Стран. 172—210.

ОТДѢЛЪ III.

Глава X. Отеческая заботливость высокопр. Филарета о духовно-учебныхъ заведеніяхъ и воспитанникахъ . . . . . Стран. 211—249.

ОТДѢЛЪ IV.

Глава XI. Попеченіе о сиротствующихъ родныхъ и вообще о бѣдныхъ «нашего роднаго духовнаго сословія» . . . . . Стран. 250—276.

ОТДѢЛЪ V.

Глава XII. Свѣдѣнія о домашней жизни высокопр. Филарета. Вызовъ его въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ. Проводы его изъ Казани Стран. 277—304.

ОТДѢЛЪ VI.

Глава XIII. Посѣщеніе высокопр. Филаретомъ Воронежа и Задонска на пути въ С.-Петербургъ. Свиданіе и бесѣды его съ Архіеписк. Антоніемъ Воронежскимъ и Затворникомъ Задонскимъ Георгіемъ. Стран. 305—324.

Глава XIV. Пребываніе въ С.-Петербургѣ.—Перемѣщеніе высокопр. Филарета на Ярославскую каѳедру. Назначеніе его Митрополитомъ Кіевскимъ . Стран. 325—338.

ОТДѢЛЪ I.

ГЛАВА I.

(ВСТУПЛЕНІЕ).

«Вѣрую, что блаженный духъ бывшихъ ангеловъ (Епископовъ) Церкви Казанской, каковы—Ефремъ, великій Гермогенъ, Веніаминъ, Амвросій и *Филаретъ* еще живо памятуемый многими здѣсь живущими и приснопамятный своею святою жизнію и Апостольскими трудами,—носится и теперь надъ сею бывшею ихъ паствою съ живымъ участіемъ въ судьбахъ ея и не престаетъ немолчно вопіять предъ Престоломъ Господнимъ на небесахъ о помощи и благопоспѣшеніи позднѣйшимъ преемникамъ ихъ Святительской каѳедры». [1]).

Читатели уже видѣли, что высокопреосвященный Филаретъ долженъ былъ отправиться изъ С.-Петербурга и ѣхать прямо въ Казань въ наивозможной скорости; ему не привелось даже заѣхать и въ Рязань, чтобы проститься въ послѣдній разъ съ своею бывшею паствою. Такая поспѣшность требовалась повелѣніемъ Самого Государя Императора. Въ указѣ св. Сунода читаемъ: „Государь Императоръ, 25 Февраля 1827 г. Высочайше утвердивъ докладъ Св. Сунода о назначеніи Архіепископа Рязанскаго Филарета въ Казанскую епархію, съ симъ вмѣстѣ изволилъ повелѣть,—немедленно ѣхать ему на

[1]) Изъ слова сказаннаго высокопр. Антоніемъ Архіепископомъ Казанскимъ, при вступленіи его на паству Казанскую.

новую епархію для устраненія тѣхъ затрудненій относительно крещенныхъ инородцевъ, какія оказались въ сей епархіи по смерти преосв. Іоны [1]). Монаршую волю преосв. Филаретъ исполнилъ въ всевозможной точности и исправности. Когда именно онъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга, за подлинно не извѣстно; но, не смотря на разстояніе въ полторы тысячи верстъ и на неудобство въ тогдашнія времена путей сообщенія, и къ тому же въ наступавшую уже весеннюю распутицу, (во второй половинѣ Марта) представляющую особенныя затрудненія и опасности на пути между Нижнимъ Новгородомъ и Казанью, гдѣ дорога идетъ въ зимнюю пору, обыкновенно, по льду рѣки Волги, и гдѣ, какъ разсказывалъ самъ въ Бозѣ почившій, экипажъ его однажды провалился и едва былъ вытащенъ съ опасностію для его собственной жизни,—не смотря на все это, онъ прибылъ въ Казань ко времени св. Пасхи, которая въ этомъ году была 25 Марта. Пріѣхалъ онъ, какъ разъ, въ самые посдѣдніе дни предъ Св. Пасхою, такъ что первое служеніе въ Казани совершалъ высокопреосв. Филаретъ именно въ первый день Свѣтлаго Христова Воскресенія, а вмѣстѣ и Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы [2]).

Прилучившееся въ столь сугубый свѣтлый праздникъ, первое служеніе и, слѣдовательно, самое начало вступленія на паству новаго Архипастыря не могло не представлять тогда же особеннаго знаменательнаго смысла для людей внимательныхъ. Мы указываемъ на эту знаменательность по отношенію собственно къ призванію и назначенію высокопр. Филарета на Казанскую епархію по особеннымъ важнымъ обстоятельствамъ и потребностямъ въ ея состояніи,—именно по отношенію, какъ сказано въ вышеприведенномъ указѣ Св. Сунода, къ тѣмъ затрудненіямъ касательно иновѣрцевъ, какія встрѣчены были самимъ Правительствомъ и которыя предлежало ему устранить.

---

[1]) Указъ Св. Сунода въ Казанскую дух. Консисторію отъ 27 Февраля 1828 г.

[2]) Смотр. Записки. Листъ 2-й, стр. 2-я.

Для уясненія указываемаго знаменательнаго значенія нужно знать,—въ чемъ именно состояли, сказанныя въ Сунодальномъ указѣ, затрудненія, встрѣченныя Правительствомъ, относительно состоянія инородцевъ въ Казанской епархіи.—Затрудненія эти были весьма важны и весьма грустны. Онѣ состояли въ томъ, что нѣсколько тысячъ инородцевъ въ разныхъ мѣстахъ Казанской епархіи, (заключавшей тогда въ себѣ и нынѣшнюю Симбирскую епархію и часть Самарской), принявшихъ въ болѣе, или менѣе близкое къ описываемой порѣ время Христіанскую Православную вѣру, вдругъ—иные совершенно отпали отъ нея, а другіе открыто заявили о своемъ желаніи оставить ее, нѣкоторые же близки были къ попользновенію во слѣдъ первыхъ. Какъ только открылось и стало извѣстно Правительству это дѣло, тогда же были приняты нужныя мѣры; но скоро оказалось, что какъ эти мѣры, такъ и самое состояніе всѣхъ вообще, такъ называемыхъ, новокрещенцевъ изъ разныхъ инородцевъ были не надежны въ будущемъ. Потому-то, по Высочайшему повелѣнію, опредѣлено было устранить, на сколько можно, навсегда всякое попользновеніе къ подобнымъ дѣйствіямъ и намѣреніямъ со стороны новокрещенцевъ, и съ этимъ вмѣстѣ найдти путь и средства къ возможно дѣйственному вліянію и на прочихъ, остающихся внѣ Христіанской вѣры, инородцевъ.—И вотъ, по отношенію къ этой-то спеціальной задачѣ, предлежавшаго высокопр. Филарету, служебнаго призванія и поприща, несомнѣнно, всякій изъ читателей ясно уразумѣетъ и приложитъ знаменательный смыслъ, предуказанный въ самыхъ названіяхъ двухъ великихъ празднествъ—*Воскресенія* и *Благовѣщенія*. Высокопр. Филарету предлежалъ истинно Христоподвижническій долгъ—*воскресить* въ душахъ инородцевъ, отпавшихъ и имѣвшихъ попользновеніе отпасть, богодарованную имъ благодать спасенія,—и *благовѣствовать* всѣмъ прочимъ о сей благодати спасенія. И, дѣйствительно, во имя Божественной силы и благодатныхъ дѣйствій, явленныхъ во спасеніе всего міра въ *Благовѣщеніи*,—какъ началѣ и *главизнѣ*, и въ *Воскресеніи*,—какъ концѣ и вѣнцѣ совершившейся

на землѣ Тайны искупленія, въ Бозѣ почившій доблестенно совершилъ и увѣнчалъ вожделеннымъ успѣхомъ, предназначенное ему, поприще служенія, а съ симъ вмѣстѣ онъ, какъ мѣстный Архипастырь, явилъ себя и словомъ, и дѣломъ, и примѣромъ на Казанской паствѣ тѣмъ ревностнымъ дѣятелемъ, тѣмъ же *добрымъ пастыремъ* и вѣрнымъ приставникомъ въ вертоградѣ Христовомъ, каковымъ мы видѣли его во всѣхъ этихъ отношеніяхъ въ паствахъ Калужской и Рязанской.

Въ виду такого двойственнаго служенія высокопреосв. Филарета въ Казанской паствѣ мы, въ порядкѣ нашего повѣствованія о настоящемъ періодѣ его жизни, сначала и изложимъ, въ особомъ отдѣлѣ, служебную дѣятельность по отношенію къ первому спеціальному дѣлу—миссіонерскому со всѣми, сколько возможно для обстоятельности и ясности его, подробностями. Такого изложенія требуетъ и самое значеніе дѣла, которое, строго говоря, не столько частное и личное и относится не къ одной лишь области біографической, сколько есть событіе, относящееся не къ мѣстной только, но и къ общей Исторіи нашей отечественной Православной Церкви.—Въ этомъ значеніи оно уже и признано, по крайней мѣрѣ, какъ матеріалъ историческій, и занесено въ современныя лѣтописи; при чемъ, и самая личная дѣятельность виновника его достойно и праведно оцѣнена по ея значенію и вліянію. Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ такое свидѣтельство въ этомъ отношеніи: *„время служенія въ Бозѣ почившаго высокопреосв. Филарета въ Казанской епархіи должно быть почтено эпохою, съ которой началось совершенное внутреннее перерожденіе нѣкоторыхъ изъ инородцевъ въ религіозномъ состояніи,*—перерожденіе и перехожденіе отъ коснѣнія и замертвѣнія во тьмѣ—къ жизни во свѣтѣ истины и спасенія!“ [1]).

Обстоятельства и весь ходъ указываемаго событія мы представимъ по документальнымъ даннымъ.

---

[1]) Смотр. въ выпискѣ исторически составленной по этому предмету и въ Православномъ Собесѣдникѣ.

ГЛАВА II.

«Время служенія въ Бозѣ почившаго высокопреосвященнаго Филарета въ Казанской епархіи должно быть почтено эпохою, съ которой началось совершенное внутреннее перерожденіе нѣкоторыхъ изъ инородцевъ въ религіозномъ состояніи: съ его времени въ цѣлой массѣ новокрещенныхъ инородцевъ изчезаютъ ощутительно-замѣтно языческіе обычаи и обряды». [1]).

„Въ 1827 году дошло до свѣдѣнія Государя Императора, что собраніе идолопоклонниковъ—Вотяковъ, крещеныхъ и некрещеныхъ Черемисъ, состоявшее изъ 1000 человѣкъ, торжественно совершило въ Ноябрѣ 1827 года обрядъ жертвоприношенія при деревнѣ Варангулѣ въ Царевококшайскомъ уѣздѣ. По разсмотрѣніи этого дѣла Духовною властію, которой Высочайше было повелѣно озаботиться внушеніемъ заблуждающемуся народу истиннаго понятія о вѣрѣ, открылось, что причинами отпаденія крещеныхъ, кромѣ неспособности священниковъ, поставленныхъ въ приходахъ Черемисъ, къ дѣлу проповѣди, были: 1) тайное вліяніе языческихъ учителей—мужедовъ на крестившихся Черемисъ; 2) разсѣянность новокрещеныхъ язычниковъ по множеству разныхъ селеній, отдаленныхъ отъ приходовъ иногда на 40 верстъ,—отчего прихожане, за крестьянскими работами и отдаленностію, въ церковь не могутъ приходить въ каждое Воскресенье, а священники, въѣзжая въ приходы, рѣдко могутъ застать въ домахъ прихожанъ, и потому не могутъ успѣвать часто и всѣмъ дѣлать настав-

[1]) Смотр. цитатъ предъидущій.

ленія въ христіанской вѣрѣ, между тѣмъ какъ мужеды, находясь въ ихъ жительствахъ, имѣютъ всегдашнее вліяніе на ихъ умы; 3) жительство некрещенныхъ Черемисъ съ крещеными въ однихъ селеніяхъ.—Но главною причиною отпаденія было то, что все просвѣщеніе Черемисъ христіанскою вѣрою состоитъ только въ томъ, что они призываютъ священниковъ для исправленія требъ, не понимая ни силы таинствъ и духовныхъ обрядовъ, ни потребности въ нихъ; а руководствуются лишь заведенными по своему обычаями.

Другой примѣръ подобнаго отпаденія въ томъ же году повторился между Татарами въ уѣздахъ:—Цивильскомъ, Тетюшскомъ, Буинскомъ, Симбирскомъ и Ставропольскомъ Казанской епархіи. Татары, жившіе въ разныхъ деревняхъ этихъ уѣздовъ и исповѣдывавшіе Православную вѣру, въ 1827 году подали 14 коллективныхъ прошеній на Высочайшее Имя о томъ, чтобы позволили имъ оставить христіанство и обратиться къ закону магометанскому. Когда, посланныя для увѣщанія ихъ, духовныя лица, убѣдивъ ихъ остаться въ христіанствѣ, стали спрашивать ихъ о причинахъ прежняго уклоненія отъ христіанства, то они объявили разныя причины своего отпаденія. Одни жаловались на непомѣрные, будтобы, поборы съ нихъ духовенства, другіе говорили, что, живя вмѣстѣ съ магометанами, они обольщены были нѣкоторыми изъ нихъ,—третьи приписывали свое уклоненіе отъ христіанства не основательнымъ толкамъ и смущеніямъ не многихъ изъ ихъ же собратій, болѣе приверженныхъ къ магометанству. Послѣдняя причина была едва ли не единственною. Дѣло въ томъ, что всѣ, изъявившіе желаніе перейти въ мусульманство, не имѣли и прежде расположенія къ Христіанству, а держали уже магометанскіе обычаи; нѣкоторые жили какъ вовсе не крестившіеся. У нихъ св. иконы изъ домовъ были вынесены, сами они ходили безъ крестовъ и поясовъ, на головахъ носили тюбетейки, не крестились по христіански и не читали молитвъ, съ сосватанными невѣстами жили не вѣнчавшись, родившихся дѣтей не крестили,—словомъ не было у нихъ почти никакихъ слѣдовъ Хри-

стіанства. Испрашивая въ своихъ прошеніяхъ разрѣшенія перейти въ магометанство, они желали только, чтобы имъ дозволено было открыто числиться магометанами.

Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Въ 1807 году въ Симбирской Уголовной Палатѣ производилось дѣло о татаркѣ Алифѣ, которая судима была за отреченіе отъ вѣры Христіанской. Когда рѣшеніе по этому дѣлу поступило на заключеніе Сената, то Сенатъ, между прочимъ, предписалъ Палатѣ, что „какъ дѣвка Алифа отрицается, что она никогда въ греческомъ исповѣданіи не была, а изъ дѣла не видно, чтобы она въ ономъ была воспитана, то и поступить съ нею въ разсужденіи сего по указу 1764 года Февраля 20-го, которымъ предписывалось, чтобы тѣмъ иновѣрцамъ, кои св. крещенія воспріять не пожелаютъ, къ тому отнюдь принужденія никакого не чинить". Палата, исполняя этотъ указъ Сената, въ указѣ своемъ Буинскому уѣздному Суду, прибавила уже рѣшительное предписаніе—татарку Алифу, оставить въ магометанствѣ, хотя ее въ этой же бумагѣ именовали *„изъ татаръ новокрещенною Анною Ѳеодоровою"*. Свѣдѣніе объ этомъ дошло до татаръ, и между ними пронесся слухъ, что Высшее Правительство предоставляетъ новокрещеннымъ свободу переходить, по ихъ усмотрѣнію, изъ Христіанства въ магометанство, что этому препятствуютъ только мѣстныя власти. Это и побудило татаръ, желавшихъ обратиться въ магометанство, подать прошенія на Высочайшее Имя [1]). Съ этою же

---

[1]) Въ 1827-мъ году подано было на Высочайшее Имя 14-ть прошеній. Приводимъ здѣсь образецъ этихъ прошеній въ подлинныхъ словахъ.

Всеавгустѣйшій Монархъ! Всемилостивѣйшій Государь!

Съ благоговѣніемъ припадаемъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, осмѣливаемся испрашивать милостиваго и человѣколюбиваго вниманія къ нашей всеподданнѣйшей просьбѣ.—Довѣрители наши, Казанской губерніи, Цивильскаго округа, Тобурдановской волости, деревни Чутеевой крещеные изъ татаръ Авдей Дементьевъ, Алексѣй Матвѣевъ,—Тетюшскаго уѣзда большой Тайбинской волости деревни Старой Кур-

цѣлію былъ отправленъ ими въ С.-Петербургъ нарочитый ходатай по этому дѣлу. Потому-то, когда лица духовныя, посланныя вслѣдствіе Именнаго Высочайшаго повелѣнія Казанскою Консисторіею для увѣщанія, объявили подавшимъ прошенія на Высочайшее имя, отказъ въ ихъ просьбахъ, нѣкоторые изъ нихъ, жившіе въ Цивильскомъ уѣздѣ, не повѣрили ихъ словамъ, приписывая такое рѣшеніе Казанскому начальству, а не Государю Императору [1]).

баши—Кондратій Яковлевъ, а всего съ семействами въ 124 душахъ, со всего мірскаго согласія дозволили подать прошеніе, такъ какъ дѣды наши и прадѣды прежде сего были въ магометанской вѣрѣ, а нынѣ не извѣстно по какимъ обстоятельствамъ переведены крещеніемъ въ греческое исповѣданіе, а потому и по проживанію нашему въ татарскихъ деревняхъ ни той, ни другой вѣры не исполняемъ, а болѣе привержены къ магометанской вѣрѣ; а потому,—Великій Государь! къ тебѣ прибѣгаемъ, какъ чадолюбивому отцу вѣрноподданныхъ. Сотвори, Всеавгустѣйшій Монархъ, судъ твой и милосердіе и повели насъ именованныхъ всего съ семействами въ 124 душахъ, по силѣ указа 1764 г. Февраля 20 числа, оставить насъ въ магометанской вѣрѣ. Ибо мы всегда исправляемъ лашманскую повинность. — Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества всенижайшіе рабы Казанской губерніи Цивильскаго уѣзда деревень повѣренные: Иванъ Алексѣевъ, Тукаевой Терентій Давыдовъ, Урмаевой Захаръ Артемьевъ. Марта „ „ дня 1827 года.

Въ другомъ прошеніи (Тетюшскаго уѣзда, Фроловской волости) отступниковъ значилось 1128 душъ. Прочія просьбы всѣ имѣли такую же форму и содержаніе, и суть только копія съ одного изъ нихъ. Напримѣръ, отступники Симбирской губер., въ трехъ всеподданнѣйшихъ прошеніяхъ, чрезъ повѣренныхъ Романова, Тимоѳѣева и Игнатьева, изъясняли, что предки ихъ прежде состояли въ магометанской вѣрѣ и были крещены не извѣстно по какимъ обстоятельствамъ, но по жительству ихъ вмѣстѣ съ татарами ни греческой, ни магометанской вѣры они не исполняютъ, а потому просятъ оставить ихъ въ магометанствѣ, на основаніи указа 1764 г. Февраля 20-го и проч.

[1]) Смотр. Указы Св. Синода въ Казанскую духовную Консис-

Какъ бы то нибыло, но изъ разслѣдованія дѣла объ искавшихъ отпаденія новокрещенныхъ язычникахъ и магометанахъ, оказалось, что состояніе новокрещенныхъ вообще весьма не надежно, что они не имѣютъ искренней привязанности къ Христіанству, и если остаются въ немъ, то остаются по страху наказанія за отпаденіе. Потому хотя дѣйствіями нарочно посланныхъ духовныхъ лицъ, оказавшіе поползновеніе къ язычеству и магометанству были удержаны въ Христіанствѣ, однако же представлялось нужнымъ на будущее время, въ предотвращеніе подобныхъ явленій отпаденія и для утвержденія крещеныхъ изъ язычниковъ и магометанъ въ истинахъ Православной вѣры, принять особыя мѣры.

Высокопреосвященный Филаретъ, прибывъ на епархію, лично обозрѣлъ въ первый же годъ многіе изъ новокрещенскихъ приходовъ и нашелъ, что большая часть приходскихъ священниковъ, не заботясь о наставленіи прихожанъ своихъ въ вѣрѣ, ограничиваютъ свою обязанность только исполненіемъ христіанскихъ требъ, что Благочинные, наблюдая лишь за поведеніемъ причта, вовсе не входятъ въ состояніе вѣры прихожанъ; почему предписалъ тогда же всѣмъ священникамъ новокрещенскихъ церквей, чтобы они, по долгу своего званія, употребляли всѣ мѣры къ обращенію прихожанъ отъ суевѣрныхъ ихъ дѣйствій, наставляя ихъ въ догматахъ и правилахъ Православной Церкви, чтобы Благочинные обращали на этотъ предметъ особенное вниманіе и объ успѣхѣ сего дѣла доставляли ему—Преосвященному свѣдѣнія послѣ каждаго полугодичнаго обозрѣнія церквей, ввѣренныхъ ихъ смотрѣнію. Въ слѣдъ за этимъ высокопр. Филаретъ, чтобы видѣть нагляднѣе инородческое населеніе своей епархіи, не задолго предъ порученіемъ, возложеннымъ свят. Сунодомъ о составленіи проэктовъ для миссіонерскихъ учрежденій, 13 Декабря 1828 года потребовалъ, чтобы Консисторія доставила ему свѣдѣнія

торію за 1828-й годъ,—отъ 28 Февраля, отъ 24 Марта, отъ 28 Мая и отъ 24 Октября.

о томъ 1) сколько въ Казанской епархіи вообще церквей соборныхъ, городскихъ и сельскихъ, 2) сколько въ нихъ причтовъ, 3) сколько изъ нихъ отдѣльно въ Казанской и сколько въ Симбирской губерніяхъ, 4) сколько въ нихъ по каждой губерніи кончившихъ курсъ ученія въ семинаріи и сколько не обучавшихся священниковъ градскихъ и сельскихъ церквей порознь по каждому уѣзду, 5) сколько по каждой губерніи праздныхъ священническихъ мѣстъ, включая въ сіе число и предоставленныя за учениками семинаріи и училищъ, 6) сколько по каждой губерніи приходовъ новокрещенскихъ и старокрещенскихъ изъ татаръ, чувашъ, черемисъ и вотяковъ и какое въ нихъ количество душъ приходскихъ. Мы помѣщаемъ здѣсь таблицу, въ которой показаны свѣдѣнія на всѣ 6 пунктовъ, предложенныхъ преосвященнымъ Филаретомъ Консисторіи [1]).

	По казанской губерніи.	По симбирской губерніи.	Всего.
Церквей	411	607	1018
Причтовъ	610	800	1410
Священник. ученыхъ	232	111	343
— неученыхъ	307	584	891
Мѣстъ праздныхъ	34	84	118
— предоставленныхъ	37	21	58
Число приходовъ	213	109	322
Новокрещ. татаръ	12858	1659	14515
— чувашъ	123114	38439	161553
— черемисъ	26068	—	26068
— вотяковъ	2674	—	2674
— мордвы	2240	30090	32330
— калмыковъ	—	1285	1285
Всего новокрещенныхъ	184689	71471	256160

[1]) Свѣдѣнія эти заимствуемъ изъ статьи: «Православная про-

Въ этой таблицѣ не показано количество *старокрещенныхъ*, такъ какъ свѣдѣнія требовались по изданной формѣ только о количествѣ новокрещенныхъ инородцевъ. Впрочемъ высокопреосв. Филаретъ скоро собралъ свѣдѣнія и о количествѣ старокрещенныхъ.

Вскорѣ всѣ эти послѣднія свѣдѣнія, дѣйствительно, были собраны съ указаніемъ на то, какое количество изъ всѣхъ вообще крещеныхъ инородцевъ оставили языческія и магометанскія заблужденія до 1829 г. и сколько затѣмъ остается придерживающихся этихъ заблужденій и т. п. Правда, эти послѣднія свѣдѣнія очень кратки, они собирались по данной формѣ [1]) и имѣютъ видъ таблицы; но на первый разъ много и сдѣлать было нельзя. Считаемъ не лишнимъ добавить, что въ дѣлѣ Казанской духовной консисторіи находятся репорты съ обозначеніемъ самыхъ селъ и деревень, въ которыхъ проживаютъ старокрещенные и новокрещенные, а такимъ образомъ справедливо можно было смотрѣть на всѣ подобнаго рода свѣдѣнія, какъ на подробную этнографическую карту.

Собравши эти статистическія свѣдѣнія по своей епархіи, высокопреосвященный Филаретъ сдѣлалъ, въ началѣ Ноября 1829 года, слѣдующее доношеніе св. Сѵноду. „Указомъ св. Сѵнода отъ 24 Декабря 1828 г., писалъ преосвященный, предписано мнѣ войдти въ ближайшія соображенія на мѣстѣ о способахъ къ распространенію и утвержденію христіанской вѣры, господствующаго въ Россійской Имперіи восточно-каѳолическаго греко-россійскаго исповѣданія, въ Казанской епархіи примѣнительно къ потребностямъ окрестныхъ странъ, гдѣ жительствуютъ народы, не познавшіе христіанства, или, по обращеніи въ оное, не довольно въ Православіи утвержденные и наставленные.

тивумусульманская миссія въ Казанскомъ краѣ». Православный Собесѣдникъ 1870 г. Іюль.

[1]) Дѣло объ учрежденіи миссіи стр. 63 и 81.

„Для исполненія сего предписанія почелъ я нужнымъ предварительно собрать свѣдѣнія *во первыхъ*, о числѣ обращенныхъ въ христіанство изъ татаръ, чувашъ, черемисъ, мордвы и вотяковъ и объ успѣхѣ ихъ какъ въ познаніи догматовъ христіанскія вѣры, такъ и въ исполненіи правилъ православныя нашея Церкви, *во вторыхъ*, о числѣ еще не обращенныхъ въ христіанство изъ означенныхъ народовъ, жительствующихъ въ Казанской епархіи.

„По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось:

I) Обращенныхъ въ христіанство въ губерніяхъ

	Казанской:	*Симбирской:*
Татаръ старокрещенныхъ	19,016	—
Ихъ же новокрещенныхъ	12,129	2,667
Крещеныхъ черемисъ . . .	66,650	—
— чувашъ	269,942	80,876
— вотяковъ . . .	4,866	—
— мордвы	11,317	107,641
Итого	383,920	191,184
А всего	575,104.	

II) Не обращенныхъ въ христіанство по 7-й ревизіи числится въ губерніяхъ *Казанской:* татаръ 105,425, вотяковъ 533, черемисъ 1,007, чувашъ 1,816, итого: 108,781 душа; *Симбирской:* татаръ 32,006, чувашъ 2,437, мордвы 60, итого: 34,503. А всего въ Казанской епархіи не обращенныхъ татаръ 137,431, вотяковъ 533, черемисъ 1,007, чувашъ 4,253, мордвы 60. Всѣхъ же вообще: 143,284 души.

Затѣмъ высокопреосвященный Филаретъ изобразилъ религіозное состояніе крещеныхъ татаръ, мордвы, чувашъ и черемисъ. О татарахъ онъ доносилъ, что „татары старокрещенные, исключая не многихъ, довольно утверждены въ Православіи. Причиною сего было и есть—какъ самое время, такъ и то, что они большею частію живутъ отдѣльно отъ магометанъ. Но всего труднѣе наставлять татаръ новокрещенныхъ. Препятствіемъ, едва ли преоборимымъ, къ утвержденію ихъ въ Христіанской вѣрѣ служитъ то, что почти всѣ новокрещенные

татары имѣютъ жительство въ однихъ деревняхъ съ татарами не крещенными, и при томъ такъ, что число магометанъ несравненно превышаетъ число Христіанъ. Сіи слабые Христіане, живя между магометанами въ маломъ числѣ и не имѣя предъ глазами своими христіанскихъ церквей, мѣсто которыхъ занимаютъ магометанскія мечети, и обращаясь постоянно съ единоплеменниками своими, естественно, удерживаютъ образъ ихъ жизни, отъ чего и происходитъ внутренняя склонность ихъ къ магометанству, которая въ прошедшихъ годахъ и обнаружилась явнымъ ихъ отступленіемъ отъ Христіанской вѣры".

„Въ ряду инородцевъ многочисленнѣе всѣхъ, писалъ высокопр. Филаретъ въ своемъ донесеніи св. Суноду, изъ числа обращенныхъ въ христіанство, есть народъ Чувашскій. По кротости нравовъ своихъ и по той покорности начальству, каковою отличается сей народъ, можно бы ожидать отъ него такихъ же успѣховъ въ христіанствѣ, какіе видны и въ Мордвѣ, ежели бы и Чуваши были разселены между Русскими. Но населяя, большею частію, цѣлые уѣзды отдѣльно отъ Русскихъ населеній, Чуваши и въ образѣ жизни своей доселѣ удерживаютъ слѣды первобытной образованности и въ вѣрѣ не отстали еще отъ языческихъ заблужденій предковъ своихъ. Мужчины хотя и говорятъ русскимъ языкомъ, но худо, и то для выраженія только необходимыхъ жизненныхъ потребностей, а женщины и дѣти почти вовсе русскаго языка не понимаютъ. Отъ чего, естественно, происходитъ незнаніе ихъ въ догматахъ христіанской Вѣры и правилъ Православной Церкви. Хотя во всѣхъ новокрещенныхъ приходахъ иждивеніемъ ихъ построены церкви, большею частію каменныя, довольно изящной архитектуры, но большая часть Чувашъ, не понимая Богослуженія на Славянскомъ языкѣ совершаемаго, совсѣмъ не имѣютъ охоты приходить въ Воскресенье и праздничные дни для слушанія Божественнаго славословія. Находясь прежде въ рабствѣ у татаръ, заняли они отъ нихъ празднованіе пятка, въ который не работаютъ, а воскресный день проводятъ въ работѣ наравнѣ съ прочими днями. Дру-

гихъ христіанскихъ праздниковъ какъ двунадесятыхъ, такъ и св. угодниковъ Божіихъ почти вовсе не знаютъ. Изъ христіанскихъ Таинствъ сохраняютъ св. крещеніе младенцевъ и бракъ; къ таинствамъ покаянія и св. причащенія прибѣгаютъ только въ случаѣ болѣзней, угрожающихъ опасностію смерти. Оставаясь въ такомъ незнаніи вѣры христіанской, большая часть сего народа доселѣ не можетъ отстать отъ суевѣрныхъ обрядовъ язычества, которые поддерживаются въ нихъ корыстолюбіемъ ихъ предсказателей, коихъ они называютъ юмзями и почитаютъ слова и убѣжденія ихъ велѣніями божественными. Почти каждая деревня имѣетъ особеннаго своего юмзю, а въ иныхъ находятся ихъ и больше, смотря по количеству жителей;—юмзями, по большей части, бываютъ женщины, кои, снискавши къ себѣ довѣренность Чувашъ, пользуются слѣпымъ ихъ повиновеніемъ и объявляютъ о себѣ, что онѣ въ сновидѣніяхъ получили даръ быть истолкователями Божіей воли, и дѣйствуютъ будто бы во всѣхъ случаяхъ не произвольно, но по повелѣнію Божію. Народное довѣріе къ симъ внушеніямъ, и вообще мнѣніе, что сопротивленіе онымъ влечетъ на нѣкоторыхъ гнѣвъ карающаго божества, убѣждаютъ опасно скрывать сихъ лживыхъ и вредныхъ прорицателей, и удерживаютъ Чувашъ въ ихъ заблужденіяхъ. О другихъ язычникахъ, населявшихъ Казанскую епархію—Черемисахъ и Вотякахъ высокопр. Филаретъ сдѣлалъ такой отзывъ въ донесеніи своемъ св. Сѵноду:—„Черемисы раздѣляются на горныхъ и лѣсныхъ. Первые населяютъ половину Козьмодемьянскаго уѣзда по правую сторону рѣки Волги, а послѣдніе по лѣвую сторону почти весь Царевококшайскій уѣздъ.—Нагорные Черемисы, имѣя жительство около большой дороги и вблизи къ Русскимъ городамъ и селеніямъ, въ образѣ жизни и въ знаніи Русскаго языка довольную пріобрѣли образованность. А потому и въ познаніи догматовъ вѣры христіанской, время отъ времени, оказываются въ нихъ успѣхи. А лѣсные, напротивъ, живя въ лѣсахъ, удерживаютъ доселѣ во всѣхъ отношеніяхъ невѣжество, свойственное дикому народу. Русскій языкъ и мужчины знаютъ очень

мало, а женщины совсѣмъ не разумѣютъ. Вотяки, живя смежно съ лѣсными Черемисами, во всемъ сходны съ ними. Въ отношеніи къ вѣрѣ христіанской какъ Черемисы, такъ и Вотяки сходствуютъ съ Чувашами. Ибо каждый изъ сихъ народовъ хотя имѣетъ свой собственный языкъ, но въ языческихъ заблужденіяхъ и суевѣрныхъ обрядахъ, которые они называютъ старою своею вѣрою, почти ничѣмъ между собою не разнятся".

Не смотря на такое жалкое состояніе всѣхъ крещеныхъ инородцевъ, высокопр. Филаретъ надѣялся однако утвердить ихъ въ Вѣрѣ Христіанской. Онъ писалъ въ Св. Сунодъ, что Вѣра Христова надъ многими изъ нихъ производитъ спасительныя дѣйствія, что всѣ они способны къ принятію сей Вѣры, совершеннаго рѣшительнаго сопротивленія ей не оказываютъ и въ суевѣріяхъ своихъ удерживаются только невѣжествомъ, долговременною привычкою и страхомъ, чтобы злой духъ, именуемый у нихъ „*Кереметью*", не покаралъ ихъ всякаго рода бѣдствіями, если они перестанутъ приносить ему жертвы.—

Чтобы наставить и утвердить въ вѣрѣ разноплеменныхъ обитателей своей паствы, еще не твердыхъ въ ней, высокопреосв. Филаретъ призналъ необходимыми и благонадежными слѣдующія мѣры, вполнѣ доказывающія его мудрую опытность.

I. Прежде всего дать инородцамъ христіанское ученіе на языкѣ имъ понятномъ;—мѣра эта одна изъ раціональныхъ, на которую однако же доселѣ, мало было обращено вниманіе. Для сего предположилъ онъ: а) перевести на языки Чувашскій, Черемисскій, Вотякскій и Татарскій—краткій Катихизисъ, изданный подъ названіемъ: „Начатки Христіанскаго ученія",—отъ св. Сунода въ 1827 году; б) сочинить, приспособительно къ ихъ понятіямъ и перевести на эти же языки, краткія поученія на воскресные и праздничные дни, заимствуя ихъ изъ дневнаго Евангелія; в) въ общественномъ богослуженіи во всѣхъ новокрещенскихъ церквахъ ввести чтеніе Апостола, Евангелія, Сумвола вѣры и Отче нашъ на родномъ языкѣ прихожанъ.—

II. Озаботиться воспитаніемъ молодаго поколѣнія иновѣрцевъ въ истинахъ Православной вѣры; для сего поручить священникамъ учить иновѣрческихъ дѣтей на ихъ языкахъ Христіанской вѣрѣ сначала въ домахъ своихъ, а потомъ когда возрастетъ число ихъ, то въ школахъ при церквахъ, кои должны быть выстроены на счетъ прихожанъ.

III. Обратить бдительное вниманіе на состояніе духовенства въ приходахъ новокрещенскихъ. Для сего а) избирать сюда священниковъ вполнѣ благонравныхъ и способныхъ; б) поставить имъ въ обязанность какъ въ церквахъ въ воскресенье и праздничные дни прочитывать по частямъ катихизисъ и поученія, такъ то же дѣлать и въ домахъ при исполненіи требъ и при всякомъ удобномъ случаѣ съ приличнымъ изъясненіемъ и наставленіемъ; в) Благочиннымъ надъ новокрещенскими церквами вникать при полугодичныхъ обозрѣніяхъ и при всякомъ удобномъ случаѣ въ состояніе вѣры прихожанъ; г) обращать вниманіе не только на поведеніе священниковъ, но и на способность, или неспособность ихъ, раченіе, или нераченіе о наставленіи прихожанъ въ христіанской вѣрѣ; д) по окончаніи обозрѣнія каждаго прихода, составлять журналъ съ обстоятельнымъ описаніемъ всего ими замѣченнаго и за подписаніемъ своимъ, а равно и приходскаго духовенства, представлять епархіальному архіерею; е) объ успѣхахъ въ наставленіи и утвержденіи новокрещенныхъ епархіальному Архіерею, по прошествіи года, доносить св. Суноду съ присовокупленіемъ мнѣнія о дальнѣйшихъ къ совершенію дѣла сего мѣрахъ, какія откроетъ опытъ.

IV. Для наблюденія за дѣйствіями самихъ священниковъ и благочинныхъ, къ успѣшнѣйшему утвержденію въ христіанской вѣрѣ новокрещенныхъ и не познавшихъ Христіанства, назначить въ Казанской епархіи изъ Архимандритовъ, или Игуменовъ трехъ миссіонеровъ, безъ опредѣленія имъ на то особеннаго жалованья, если будутъ управлять монастырями. При отправленіи въ новокрещенскія селенія, отпускать имъ прогоны на 4-ре лошади, по 3 руб. асс. въ день на содержаніе; кромѣ

того Епархіальному Архіерею всякій разъ сноситься съ Губернаторомъ объ оказаніи имъ должнаго пособія со стороны мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ. Въ монастыряхъ Зилантовскомъ, Кизическомъ, Чебоксарскомъ отселѣ должны быть мѣста настоятельскія занимаемы только такими лицами, кои были бы способны къ проповѣди. [1]).

Наконецъ для руководства миссіонеровъ высокопреосвященный самъ составилъ инструкцію. Духъ благочестія, апостольская кротость и глубокое благоразуміе дышутъ въ каждомъ изъ наставленій, въ ней преподанныхъ [2]).

---

[1]) Со времени выбытія высокопр. Филарета—съ сороковыхъ годовъ никогда этого не было и доднесь нѣтъ... Всѣ монастыри въ Казанской епархіи сверхъ сказанныхъ трехъ, еще—пять не имѣютъ этого назначенія, и настоятельствующія во всѣхъ монастыряхъ лица, кромѣ двухъ, не имѣютъ и семинарскаго образованія, а иныя—(четверо) вовсе никакого, кромѣ грамотности, хотя всѣ они въ санѣ Игуменовъ.

[2]) Вотъ подлинный текстъ этой инструкціи:

1) Какъ обращать сердца человѣческія къ истинѣ принадлежитъ одному Богу: то миссіонерамъ, назначеннымъ на сіе важное служеніе, по утвержденіи ихъ Св. Сунодомъ въ семъ званіи, предъ начатіемъ сего подвига, надлежитъ приготовить себя постомъ и молитвою, по наставленію епархіальнаго своего Архіерея, и во всемъ поступать съ его вѣдома и благословенія.

2) Начинать дѣло служенія своего утвержденіемъ и наставленіемъ въ Православіи народовъ, просвѣщенныхъ уже святымъ крещеніемъ въ тѣхъ уѣздахъ, которые каждому изъ нихъ назначены будутъ епархіальнымъ Архіереемъ.

3) По прибытіи въ каждый новокрещенскій приходъ, имѣть квартиру у приходскаго священника, отъ котораго предварительно получить обстоятельное свѣдѣніе о состояніи Христіанской вѣры и жизни прихожанъ. Потомъ, по общему съ нимъ совѣщанію, назначить воскресный, или праздничный день собранія прихожанъ хотя не всѣхъ, а по крайней мѣрѣ по одному старшему изъ каждаго семейства въ церковь къ слушанію Божественной Литургіи, которую миссіонеръ долженъ

Кромѣ этой инструкціи преосвященный Филаретъ написалъ еще *пастырское посланіе отъ своего лица* ко всѣмъ новокрещеннымъ инородцамъ, (въ частности къ Черемисамъ) которое, по 4-му пункту инструкціи, миссіонеры должны были читать предъ началомъ своей про-

---

совершить соборнѣ со всѣми имѣющимися при церкви священнослужителями и повѣстить о семъ прихожанамъ чрезъ сельское начальство.

4) По окончаніи Литургіи, прочитать ему самому на русскомъ языкѣ пастырское посланіе прихожанамъ, которымъ снабдитъ его епархіальный Архіерей, при отправленіи въ новокрещенскіе приходы, а потомъ тоже посланіе приходскому священнику или діакону прочитать на природномъ языкѣ ихъ.

5) По прочтеніи посланія, начать съ ними простую изустную бесѣду, приспособленную къ ихъ понятію о Христіанской вѣрѣ и жизни, сообразуясь съ младенческимъ еще ихъ въ оной возрастомъ

6) Ежели благодать Божія подѣйствуетъ надъ сердцами ихъ такъ, что они всѣ изъявятъ рѣшительное свое намѣреніе оставить заблужденія и суевѣрія предковъ своихъ и жить по христіански: то миссіонеръ тогда же соборнѣ имѣетъ совершить благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ.

7) Послѣ сего миссіонеръ вмѣстѣ съ священноцерковнослужителями со святымъ и животворящимъ Крестомъ и святою водою имѣетъ посѣтить домы и семейства прихожанъ. При чемъ вникать ему тщательно въ образъ жизни ихъ относительно къ Православной вѣрѣ, и простою съ ними бесѣдою убѣждать ихъ къ оставленію навсегда суевѣрныхъ обычаевъ язычества и къ соблюденію правилъ святой Православной Церкви нашей, коея они дѣлаются сынами по воспріятіи святаго крещенія.

8) Ежели откроются упорствующіе въ заблужденіяхъ язычества, таковыхъ увѣщевать съ кротостію и терпѣніемъ, излагая имъ суетность ихъ обычаевъ и внушая спасительный страхъ суда Божія на отпадающихъ отъ Христіанской вѣры.

9) Которые, убѣдившись увѣщаніями, изъявятъ рѣшительное намѣреніе оставить заблужденіе язычества и жить по христіански, въ домахъ тѣхъ отслужить молебны и окропить ихъ святою водою,—и давъ имъ наставленіе, чтобъ они твер-

повѣди въ тѣхъ мѣстахъ, куда прибудутъ для этого дѣла. Изложивъ кратко въ этомъ посланіи исторію Божественнаго домостроительства вообще о цѣломъ родѣ человѣческомъ и въ частности начало вѣры въ Россіи и между Казанскими инородцами, высокопр. Филаретъ убѣждалъ послѣднихъ и собственнымъ ихъ благополучіемъ и за-

---

до держались Православнаго исповѣданія вѣры Христіанской, поручить приходскимъ священникамъ, чтобъ въ слѣдующую св. Четыредесятницу, или въ другой постъ, исповѣдали ихъ и по удостоенію пріобщили св. Таинъ.

10) Ежели окажутся такіе, которые останутся непреклонными къ убѣжденіямъ миссіонера, таковыхъ поручить приходскому священнику, чтобы онъ непрестанно ихъ увѣщевалъ и объ успѣхахъ доносилъ благочинному, а сей епархіальному Архіерею.

11) Въ тѣхъ приходахъ, гдѣ есть еще непросвѣщенные святымъ крещеніемъ идолопоклонники, миссіонеру проповѣдывать имъ Слово Божіе на Русскомъ языкѣ, буде они оный разумѣютъ.—А ежели не знаютъ, то употреблять въ переводчики изъ приходскихъ священниковъ, или діаконовъ.

12) Тѣхъ, кои изъявляютъ искреннее желаніе обратиться въ Христіанство, наставивъ, сколько можно, въ важнѣйшихъ догматахъ Христіанской вѣры и правилахъ Православной Церкви, просвѣщать св. крещеніемъ самому миссіонеру по чиноположенію и немедленно доносить епархіальному Архіерею.

13) А которые изъ нихъ святаго крещенія воспріять не пожелаютъ, таковымъ принужденія къ крещенію отнюдь не чинить, и имъ за то ничѣмъ не угрожать, но поступать въ томъ по образу апостольской проповѣди со всякимъ смиреніемъ, тихостію и кротостію, оставляя ихъ съ миромъ до другаго благопріятнѣйшаго времени.

14) По исполненіи вышеозначеннаго въ одномъ новокрещенскомъ приходѣ миссіонеру, составивъ обстоятельный журналъ за своимъ и приходскаго священника подписаніемъ, отправиться въ другой ближайшій.

15) По возвращеніи изъ посольства журналы сіи представлять епархіальному начальству при рапортѣ со всѣми замѣчаніями о причинахъ успѣха, или безуспѣшности обращенія невѣрующихъ, и утвержденія въ православіи крещенныхъ по каждому приходу.

ботливостію Власти Предержащей о ихъ спасеніи, и примѣромъ нѣкоторыхъ изъ ихъ собратій и видимымъ благоволеніемъ Божіимъ, явленнымъ въ избавленіи всѣхъ новокрещенныхъ приходовъ отъ холеры, оставить языческія суевѣрія и быть вѣрными долгу Христіанскому [1]).

---

[1]) Приводимъ въ подлинномъ текстѣ указываемое Пастырское посланіе.

„Божію милостію Смиренный Филаретъ, Архіепископъ Казанскій и Симбирскій.

Новокрещеннымъ изъ черемисовъ и возлюбленнымъ чадамъ святыя Православныя Церкви Бога Отца и Единороднаго Сына Его Господа нашего Іисуса Христа и Святаго Утѣшителя Духа, о Господѣ радоватися.

Благочестивѣйшій и Всемилостивѣйшій Великій Государь Императоръ всея Россіи Николай Павловичъ, имѣя неусыпное отеческое попеченіе не только о временномъ на землѣ благоденствіи вѣрноподанныхъ Своихъ, но паче о вѣчномъ ихъ спасеніи и блаженствѣ на небесахъ, повелѣлъ и Святѣйшій Правительствующій Сунодъ благословилъ мнѣ послать къ вамъ, братіе, сего благоговѣйнаго мужа (имя рекъ). Желалъ бы я усердно и самъ посѣтить васъ, возлюбленные братіе, но, по множеству дѣлъ служенія моего, не имѣя къ сему возможности, чрезъ сего мужа посылаю вамъ миръ и благословеніе отъ Господа Бога Отца и Сына и Святаго Духа. Всеблагій Богъ и Отецъ небесный, сотворивши небо и землю и солнце и луну и звѣзды и моря и рѣки и вся древа и травы и всѣхъ птицъ и рыбъ и звѣрей и скотовъ, создалъ человѣка. По образу и по подобію Своему сотворилъ Богъ человѣка съ душею разумною и свободною, и съ тѣломъ безсмертнымъ. Какъ царя, ввелъ его въ рай сладости, и всѣхъ звѣрей и скотовъ и птицъ и рыбъ покорилъ ему, дабы онъ, обладая всѣми земными тварями, самъ служилъ вѣрно Господу Богу и Творцу своему и, храня его законъ, блаженствовалъ на землѣ со всѣми своими чадами и внуками и со всѣмъ родомъ человѣческимъ и, насладившись всѣми благами на землѣ, вѣчно царствовалъ съ Богомъ на небесахъ. Еще, прежде сотворенія земли и человѣка, Богъ сотворилъ безчисленное множество Ангеловъ—духовъ разумныхъ и чистыхъ, которые обитаютъ на небесахъ и предстоятъ Престолу Всесвятыя Троицы—Бога Отца и Сына и Св. Духа. Но одинъ изъ сихъ ангеловъ,

Св. Сунодъ утвердилъ вполнѣ предположенія высокопреосвященнаго Филарета съ нѣкоторыми только небольшими исключеніями. Тогда же, утверждены св. Сунодомъ и назначенные быть миссіонерами: 1) посвященный въ Чебоксарскіе Архимандриты Игуменъ Седміозер-

---

возгордившись своимъ умомъ и силою, возжелалъ быть равнымъ самому Богу и нарушилъ Его законъ. Къ своему беззаконію онъ привлекъ многихъ изъ ангеловъ; изъ ангела же содѣлался діаволомъ, какъ онъ, такъ и сообщники его беззаконія. Богъ за сію гордость согналъ ихъ съ неба во тьму и отлучилъ отъ Ангеловъ, которые пребывали Ему вѣрными. Діаволъ, завидуя счастію прародителей нашихъ, наслаждавшихся въ раю, прельстилъ ихъ и ввелъ въ преслушаніе заповѣди Божіей, которую Богъ далъ имъ, чтобы они, питаясь отъ всѣхъ деревъ райскихъ плодами, не вкушали отъ одного только древа, называемаго древомъ познанія добра и зла. По наущенію діавола, вопреки заповѣди Божіей, они вкусили отъ плода сего древа,—за что Богъ правосудный изгналъ ихъ изъ рая сладости и повелѣлъ работать имъ и трудомъ снискивать себѣ пропитаніе, и наказалъ тѣмъ, что какъ они, такъ и всѣ ихъ потомки должны умирать, и души какъ ихъ, такъ и потомковъ ихъ, по правосудію Божію, должны были вѣчно мучиться во адѣ. Но поелику прародители наши покаялись въ содѣянномъ ими грѣхѣ, то Богъ Отецъ небесный обѣщалъ имъ послать Единороднаго Сына Своего, Господа нашего Іисуса Христа, для избавленія ихъ и всѣхъ потомковъ ихъ отъ вѣчныя смерти, и тѣмъ, которые увѣруютъ въ Сына Божія, обѣщалъ даровать жизнь вѣчную и блаженство на небесахъ со Ангелами. Одного діавола и сообщниковъ его Богъ проклялъ на всю вѣчность за его нераскаянную гордость и непокорность Творцу своему. Пораженный таковымъ проклятіемъ, діаволъ не пересталъ однако прельщать человѣковъ и вводить ихъ во всякіе грѣхи. По его внушенію, весьма многіе народы, оставивши поклоненіе Господу Богу, Творцу и Промыслителю своему, начали поклоняться идоламъ и приносить имъ въ жертву скотовъ и птицъ, которыхъ Богъ сотворилъ на службу человѣкамъ. Но люди честные и праведные сохранили законъ Божій и поклонялись Господу Богу, Отцу и Сыну и Св. Духу, и Ему единому приносили свои молитвы. Когда родъ человѣческій, по внушенію діавола, вдавался въ тяжкіе грѣхи и не-

ской Пустыни Самуилъ, 2) поставленный въ Игумены Кизическаго монастыря экономъ архіерейскаго дома іеромонахъ Гурій, и 3) къ нимъ вскорѣ присоединенъ былъ Архимандритъ Раифской Пустыни Амвросій [1]).

честіе, Богъ, по правосудію Своему, наказывалъ ихъ, то потопомъ, то огнемъ, то гладомъ и моромъ; а по милосердію Своему посылалъ многихъ Пророковъ для наученія людей закону Своему и для отвращенія ихъ отъ грѣховъ идолопоклонства. Наконецъ, по прошествіи пяти тысячей лѣтъ отъ созданія міра, Отецъ небесный, умилосердившись надъ родомъ человѣческимъ, послалъ съ неба Единороднаго Сына Своего, Господа нашего Іисуса Христа, Который по человѣколюбію Своему, будучи Богъ, равный Отцу, принялъ на Себя плоть человѣческую и содѣлался человѣкомъ. Онъ зачался во чревѣ Пресвятыя Дѣвы Маріи безъ мужа, дѣйствіемъ Св. Духа, и отъ Нея родился;—когда достигъ совершеннаго возраста, крестился во Іорданѣ рѣкѣ, дабы освятить своимъ пречистымъ Тѣломъ воды по всей землѣ для крещенія всѣхъ человѣковъ, вѣрующихъ въ Него; возвѣстилъ человѣкамъ милосердіе Отца небеснаго, Который всѣмъ, истинно вѣрующимъ въ Единороднаго Сына Его и кающимся въ своихъ грѣхахъ, прощаетъ всѣ ихъ грѣхи и дѣлаетъ ихъ наслѣдниками Царствія небеснаго; творилъ безчисленныя чудеса: отъ всякихъ болѣзней исцѣлялъ однимъ словомъ Своимъ, яко Всемогущій Богъ и Творецъ міра, слѣпымъ давалъ прозрѣніе, глухимъ возвращалъ слухъ, нѣмымъ давалъ языкъ, мертвыхъ воскрешалъ, бѣсовъ изгонялъ, пятію хлѣбами насыщалъ многія тысячи народа; не только Самъ творилъ чудеса, но далъ власть творить чудеса двѣнадцати Апостоламъ, которыхъ Онъ избралъ изъ простаго народа, большею частію изъ рыбарей. Послѣ всѣхъ сихъ чудесъ Единородный Сынъ Божій Господь нашъ Іисусъ Христосъ, для искупленія вѣрующихъ въ Него, Своею Божественною Кровію, благоволилъ, по волѣ Отца небеснаго, Самъ Себя предать въ руки Іудеевъ, которые распяли Его на крестѣ. Ибо Отецъ небесный такъ возлюбилъ родъ человѣческій, что для искупленія его отъ вѣчной смерти ничего не пощадилъ, отдалъ на крестную смерть Сына Своего, Господа нашего Іисуса Христа, дабы всякій,

---

[1]) Указъ св. Сунода отъ 23-го Мая 1830 года.

Не всѣ, однакожъ, предположенія высокопреосв. Филарета могли быть приведены въ исполненіе съ одинаковымъ успѣхомъ. Первое затрудненіе встрѣтилось при переводахъ. Языки Чувашъ, Черемисъ, Вотяковъ, еще не развившіеся, не имѣющіе письменности, немно-

---

вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. Когда Господь Іисусъ Христосъ умеръ на крестѣ: то солнце затмилось среди дня, земля потряслась, камни распались, многіе изъ мертвыхъ и давно уже погребенныхъ воскресли и явились во Іерусалимѣ. Господа нашего Іисуса Христа сняли со креста благочестивые мужи и положили во гробъ. Въ третій день Господь Іисусъ Христосъ Своею Божественною силою воскресъ изъ мертвыхъ и явился Пресвятой Матери Своей Дѣвѣ Маріи и ученикамъ Своимъ. Сорокъ дней по воскресеніи Своемъ Господь Іисусъ Христосъ пребывалъ на землѣ и много разъ являлся Своимъ ученикамъ, обѣщалъ имъ послать Духа Святаго, и повелѣлъ идти имъ во всю землю и вѣрующихъ крестить во имя Отца и Сына и Св. Духа. По прошествіи сорока дней, вознесся на небо, куда провожали Его тысячи ангеловъ и сѣлъ одесную Бога Отца. Послѣ десяти дней по Вознесеніи на небо, послалъ отъ Отца на учениковъ Своихъ Духа Святаго, по принятіи Котораго Апостолы, получивъ даръ говорить всѣми языками, разошлись во всѣ концы земли и всюду проповѣдывали вѣру въ Господа нашего Іисуса Христа. Св. Апостолы, творя многія чудеса, крестили безчисленныя тысячи вѣрующихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа и научали ихъ жить благочестиво и праведно и цѣломудренно.

Послѣ кончины Апостоловъ, преемники ихъ,—Архіереи и священники не переставали обращать всѣхъ народовъ изъ тьмы идолопоклонства въ свѣтъ вѣры Христовой. Такимъ образомъ, по прошествіи тысячи лѣтъ отъ Рождества Христова, и Русскій народъ, прежде бывшій въ идолопоклонствѣ, обратился къ вѣрѣ во Христа. И Христосъ Спаситель прославилъ за сіе царство Русское великою славою. Попеченіемъ Россійскихъ Царей и Архіереевъ и вы, возлюбленные о Господѣ братіе, обращены со всѣмъ родомъ вашимъ изъ тьмы идолопоклонства во свѣтъ Вѣры Христовой. Ибо Богъ Отецъ небесный есть и вашъ Отецъ. Онъ, по милосердію Своему, и васъ также сотворилъ по образу и по подобію Своему и вамъ хочетъ даровать наслѣдіе Царствія небеснаго вѣрою во Единород-

госложные были не трудны для изученія. И знатоковъ первыхъ двухъ языковъ въ Казанской, а послѣдняго въ Вятской епархіяхъ было не мало между лицами духовными. Еще для Библейскаго Общества священниками селъ новокрещенскихъ были переведены на языки Чувашскій и Черемисскій Евангелія, и переводы эти были весьма удовлетворительные, по крайней мѣрѣ понятные. Они и были розданы по селамъ новокрещенскимъ. Эти-

---

наго Сына Его Господа нашего Іисуса Христа, и вамъ и чадамъ вашимъ благоволилъ воспріять святое крещеніе. Іисусъ Христосъ, по благости Своей, никѣмъ не гнушается, всѣхъ милуетъ, о всѣхъ промышляетъ и всѣмъ, истинно вѣрующимъ въ Него, желаетъ даровать жизнь вѣчную и Царство небесное.

Но діаволъ, издревле завидующій счастію рода человѣческаго, позавидовалъ и вашему счастію. По его внушенію, многіе изъ васъ послѣ святаго крещенія продолжаютъ *еще досель приносить жертвы кереметямъ; многіе рѣдко, а иные никогда не ходятъ въ Церковь Божію на молитву; дней воскресныхъ и праздничныхъ не почитаютъ, а празднуютъ пятницу по обычаю невѣрныхъ; не сохраняютъ постовъ, установленныхъ Церковію Божіею для очищенія отъ грѣховъ душъ нашихъ; не бываютъ ежегодно у исповѣди и не пріобщаются Святаго Таинства Тѣла и Крови Господа нашего Іисуса Христа*, которое установилъ Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ предъ Своею смертію и повелѣлъ всѣмъ, вѣрующимъ въ Него, пріобщаться въ очищеніе грѣховъ и въ жизнь вѣчную.

Всемилостивѣйшій Великій Государь нашъ Николай Павловичъ, съ отеческимъ сердцемъ желая избавить души ваши отъ вѣчной погибели и спасти ихъ въ жизнь вѣчную, повелѣлъ мнѣ употребить все попеченіе объ обращеніи васъ на путь истины. Исполняя Высочайшую Волю Всемилостивѣйшаго Государя, *три года трудился я* съ вашими священниками надъ симъ спасительнымъ для васъ дѣломъ. Многіе новокрещенскіе приходы самъ я посѣщалъ и всѣхъ новокрещенныхъ увѣщевалъ, чтобы они оставили всѣ заблужденія предковъ своихъ и прилѣпились всѣмъ сердцемъ къ христіанской Вѣрѣ. Господь Богъ благословилъ наши труды: не только во всѣхъ приходахъ многіе новокрещенные обратились къ христіанской Вѣрѣ, но болѣе четырехъ тысячъ некрещенныхъ чувашъ приняли святое Крещеніе и начали жить по Христіански.

ми же священниками были еще сдѣланы по порученію Преосвященнаго переводы „Начатковъ Христіанскаго ученія на языки Чувашскій и Черемисскій (горный и луговой особо) и съ разрѣшенія св. Сунода. отпечатаны— Чувашскій въ 1200, а Черемисскій на двухъ нарѣчіяхъ въ 600 экземплярахъ на каждомъ. Составленныя же по порученію высокопреосвящ. Филарета краткія поученія священникомъ Альбинскимъ для перевода на тѣ же язы-

---

Всеблагій Господь Іисусъ Христосъ, прощая прежніе грѣхи заблужденія обращающимся къ Нему, видимымъ образомъ показалъ къ вашему Черемисскому роду свое милосердіе. Когда въ прошедшемъ годѣ губительная болѣзнь—холера, по грѣхамъ нашимъ, свирѣпствовала во многихъ городахъ и селахъ, то мы молились Господу Богу, дабы сохранилъ васъ отъ сей болѣзни. И Господь Богъ, въ награду за начатки обращенія вашего къ Христіанской Вѣрѣ, всѣ новокрещенскіе приходы сохранилъ отъ сей болѣзни такъ, что ниодинъ изъ новокрещенныхъ не умеръ отъ холеры.

Видите, братіе возлюбленные, милосердіе къ вамъ Господа нашего Іисуса Христа! Онъ милуетъ васъ, какъ Отецъ чадъ своихъ. Заповѣдую убо вамъ и умоляю васъ именемъ Господа нашего Іисуса Христа: отложите всѣ заблужденія предковъ вашихъ и обратитесь всѣмъ сердцемъ къ Господу Богу. Ежели вы обратитесь всѣмъ сердцемъ къ Господу Богу, то Онъ благословитъ ваши домы, благословитъ васъ и чадъ вашихъ здравіемъ и всякимъ благоденствіемъ, благословитъ поля ваши изобиліемъ плодовъ земныхъ, благословитъ стада скотовъ вашихъ и птицъ, и во всемъ пошлетъ вамъ благословеніе Свое,— и, по христіанской кончинѣ, содѣлаетъ васъ наслѣдниками царствія небеснаго и вѣчнаго блаженства со Ангелами и всѣми святыми. О семъ не престану азъ молиться, да сподобитесь вы благъ вѣчныхъ благодатію человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Ему же со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь. 1831 года Маія 18 дня. Казань. N.B. Подлинникъ этого Посланія писанъ, на девяти страницахъ въ малый листъ, писцомъ, а слова—въ началѣ: „Божіею Милостію Смиренный Филаретъ Архіепископъ Казанскій и Симбирскій“ и въ концѣ: „1831 года Маія 18-го дня. Казань.“—написаны собственною рукою высокопр. Филарета.

ки были представлены въ св. Сунодъ, которымъ переданы на разсмотрѣніе цензуры и оттуда не возвращались; вѣроятно, одобрены не были. Но знатоковъ языка татарскаго, требующаго изученія долговременнаго и основательнаго, не имѣлось между лицами духовными. Татарамъ новокрещеннымъ даны были переводы св. Писанія Библейскаго Общества. Но эти переводы, составленные въ Астрахани англичаниномъ Митчелемъ и Нордманомъ для нарѣчій татарскихъ—ногайскаго и кавказскаго, были, по самому языку, не вполнѣ понятны для татаръ Казанскихъ, имѣющихъ особенное нарѣчіе. Еще болѣе усиливала темноту языка конструкція этихъ переводовъ. Митчель и Нордманъ, вполнѣ владѣвшіе языкомъ татарскимъ, не отчетливо знакомы были съ конструкціею собственно татарскою, и строили татарскую конструкцію на Персидскій ладъ. Оттого переводъ, сдѣланный ими, не вполнѣ былъ понятенъ даже татарамъ нарѣчій ногайскаго и кавказскаго. Переводъ „Начатковъ христіанскаго ученія“ порученъ было высокопреосв. Филаретомъ Казанской Семинаріи учителю Александру Онисифорову, знакомому съ языкомъ татарскимъ болѣе лексикально, чѣмъ грамматически, и хотя святѣйшимъ Сунодомъ былъ препровожденъ для цензуры въ Казанскій Университетъ, гдѣ однимъ изъ отличныхъ знатоковъ татарскаго языка былъ разсмотрѣнъ, исправленъ, и сличенъ,—но такъ какъ разсматривавшій былъ несовершенно знакомъ съ языкомъ Славянскимъ и вообще съ богословскою терминологіею, то и этотъ переводъ вышелъ не вполнѣ удовлетворителенъ, впрочемъ отчасти могъ достигать своего назначенія. [1]).

Гдѣ же было взять людей достойныхъ и способныхъ во всѣ иновѣрческіе приходы, которыхъ въ одной Казанской епархіи считалось 213, и 109 въ Симбирской, и тѣмъ болѣе что, большею частію, духовенство новокрещенскихъ приходовъ должно было остаться тоже самое,

---

[1]) Указъ св. Сунода Казанской Консисторіи отъ 29 Октября 1831 года.

какое было и прежде? Изъ священниковъ не многіе знали иновѣрческіе языки, потому не всѣ могли преподавать инородцамъ Христіанское ученіе и дѣлать наставленія на ихъ языкахъ; они не были въ большинствѣ также способны и обучать дѣтей иновѣрческихъ. Такая неспособность, и еще въ большей степени, оказывалась въ церковныхъ причтахъ, на которыхъ, между тѣмъ, возлагалась обязанность помогать священникамъ. Наконецъ въ нѣкоторыхъ приходахъ и способные священники оказывались не вполнѣ удовлетворительными къ прохожденію пастырскаго служенія, потому что приходы состояли изъ разноплеменныхъ народовъ: Татаръ, Черемисъ, Вотяковъ, совершенно отличныхъ другъ отъ друга по языку. Такимъ образомъ оставалось единственное предположеніе, которое могло быть вполнѣ выполнено. Мы разумѣемъ строгій надзоръ за дѣятельностію духовенства и добросовѣстнымъ исполненіемъ имъ, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, своихъ обязанностей. Правда, и здѣсь священники болѣе ловкіе могли скрывать отъ благочинныхъ и миссіонеровъ истинное состояніе своихъ прихожанъ или изъ видовъ корысти, или изъ боязни лишиться мѣста, но подобное зло не могло укрываться при высокопреосв. Филаретѣ [1]).

Впрочемъ обстоятельства, при всей трудности дѣла и скудости средствъ, благопріятствовали миссіи. Высочайшимъ вниманіемъ къ дѣлу миссіи, послѣдовавшимъ по случаю бывшихъ отпаденій множества инородцевъ отъ христіанства, возбуждена была и въ духовенствѣ и даже въ лицахъ власти гражданской возможно энергическая дѣятельность по дѣламъ миссіонерскимъ. Это Высочайшее вниманіе вліяло даже прямо на самыхъ инородцевъ и дѣлало ихъ удобопреклоннѣе къ христіанской проповѣди. По ученію нѣкоторыхъ изъ нихъ (напр. Чувашъ), земной Царь есть представитель высочайшаго

---

[1]) Докладъ св. Сунода объ учрежденіи Симбирской епархіи отъ 9-го Февраля 1832 года. Указъ св. Сунода Казанской духовн. Консисторіи отъ 28-го Февраля 1828 года.

Бога на землѣ, имѣетъ чисто божественную природу и имя его въ молитвахъ и жертвоприношеніяхъ произношеніяхъ произносится непосредственно послѣ имени высочайшаго Бога, прежде всѣхъ другихъ небесныхъ божествъ. Вотъ почему убѣжденіе инородцевъ, что ихъ призываютъ ко крещенію по волѣ Государя Императора, по единогласному свидѣтельству миссіонеровъ, послужило лучшимъ средствомъ къ привлеченію ихъ въ христіанство.

Съ своей стороны высокопреосв. Филаретъ умѣлъ пользоваться благопріятствующими обстоятельствами и, при всей скудости средствъ, при недостаткѣ способныхъ людей, успѣлъ сдѣлать очень многое. Еще въ 1829 г., послѣ вторичнаго обозрѣнія многихъ изъ новокрещенскихъ церквей, онъ доносилъ св. Суноду, что онъ замѣтилъ благопріятную перемѣну въ общемъ расположеніи Чувашъ и горныхъ Черемисъ къ христіанству. Такъ, при освященіи семи церквей въ чувашскихъ и черемисскихъ селахъ, онъ видѣлъ многочисленное собраніе сихъ новокрещенныхъ, и въ истинномъ расположеніи ихъ къ Церкви Православной удостовѣрился самымъ опытомъ. Вообще же въ теченіе девяти не полныхъ лѣтъ управленія Казанскою паствою изъ всѣхъ инородцевъ, составляющихъ постоянное народонаселеніе нынѣшнихъ Казанской, Симбирской и Самарской епархій, высокопреосв. Филаретомъ было обращено въ Христіанство слишкомъ 5000 человѣкъ. Изъ нихъ болѣе значительное число пріобрѣтено для Церкви въ первые годы его служенія, именно: въ 1829 году—1144 человѣка, въ 1830 г.—2294 чел., въ 1831 году—1182 чел. Самые значительные опыты обращенія были сдѣланы въ 1830 и 1831 г.г. въ нынѣшней Самарской губерніи въ имѣніяхъ Графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской и Графа Владиміра Григорьевича Орлова. Въ имѣніяхъ первой крещено въ деревнѣ Ивановкѣ, въ Январѣ 1830 года, чувашъ 137 душъ обоего пола; въ деревнѣ Кармалахъ, Іюня 1-го 1830 года,—168 душъ; въ деревнѣ Березовомъ Солонцѣ, Іюня 1-го 1830 года,—552 души; въ деревнѣ Ивановкѣ, Іюня 3-го 1830 года,—350 душъ; и еще вновь пересе-

ленныхъ изъ деревни Березоваго Солонца 158 душъ: и изъ деревни Кармалъ 72, всего 580 душъ. Въ имѣніяхъ втораго въ деревнѣ Сергокаевой обращено Чувашъ же. Мая 31-го дня 1830 года,—727 душъ; въ селѣ Покровскомъ и деревнѣ Преполовенской, Мая 25-го 1831 года,—907 душъ.—Изъ 5000 слишкомъ, обращенныхъ съ 1828 по 1836 г. включительно, большая часть обращенныхъ, именно 4348 душъ, принадлежали чувашскому племени. Это зависѣло какъ отъ благочестиваго содѣйствія Графини Орловой и Графа Орлова дѣлу проповѣди въ ихъ имѣніяхъ, которыя состояли изъ Чувашъ, такъ и отъ того, что было довольно священниковъ, знающихъ чувашскій языкъ. Пріобрѣтеніе, сдѣланное проповѣдію между другими племенами въ продолженіе того же времени, было не значительно. Изъ татаръ обращено 235, изъ черемисъ 215, изъ мордвы 209 и изъ вотяковъ 8 душъ [1]).

[1]) О числѣ обращенныхъ, во время управленія высокопреосв. Филарета Казанскою паствою, смотр. Росписи Консисторскія о присоединяющихся къ Православію за 1828, 1829, 1830, 1831, 1832, 1833, 1834 и 1835 годы.

ГЛАВА III.

«На сердцѣ моемъ—важный святый долгъ обращенія не вѣрующихъ изъ тьмы въ свѣтъ Вѣры Христовой. Конечно сіе есть дѣло Божіе, но молитва, но забота, но трудъ есть дѣло наше» [1]).

«Всякій успѣхъ новокрещенныхъ въ познаніи и дѣлахъ Православной Вѣры истинно радовалъ его—высокопр. Филарета, и всякая духовная опасность, грозившая имъ, сильно обезспокоивала его. Для этого, при каждогодномъ неопустительномъ обозрѣваніи Епархіи, онъ всегда старался и особенно любилъ посѣщать новокрещенскіе приходы» [2]).

Сверхъ свѣдѣній, внесенныхъ уже, какъ мы сказали, на страницы современныхъ лѣтописей, въ объясненіе и дополненіе ихъ имѣется еще достаточно другихъ данныхъ [3]), весьма характеристично представляющихъ и внутреннее состояніе апостольски-ревностнаго Архипастыря, равно и самые пріемы и образъ его личныхъ дѣйствій по отношенію къ инородцамъ какъ отпадавшимъ, такъ и вовсе не бывшимъ просвѣщенными Христіанскою Вѣрою.

Выше было сказано, что преосв. Филаретъ умѣлъ

---

[1]) Слова изъ письма высокопр. Филарета къ родственнику отъ 2 Іюня 1832 г.

[2]) Изъ выписки, составленной изъ дѣлъ Консисторскихъ.

[3]) Эти данныя содержатся въ письмахъ высокопр. Филарета и въ личныхъ, тогда же записанныхъ, разсказахъ его, а также въ выпискахъ изъ разныхъ дѣлъ Консисторіи и въ доставленныхъ отъ частныхъ лицъ достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ (письменныхъ), и наконецъ въ его письмахъ къ бывшему Вятскому Преосвященному Кириллу.

пользоваться всѣми, благопріятствовавшими дѣлу, обстоятельствами и, не смотря на скудость средствъ и недостатокъ способныхъ людей, самъ лично успѣвалъ сдѣлать очень многое. Мы уже видѣли, что высокопр. Филаретъ еще въ 1829 г., т. е. послѣ вторичнаго обозрѣнія имъ многихъ изъ новокрещенскихъ приходовъ, удостовѣрился уже личнымъ опытомъ въ благопріятной перемѣнѣ крещеныхъ инородцевъ по части расположенія ихъ къ христіанству.—Къ поддержанію же въ нихъ этого состоянія онъ употреблялъ всѣ усилія и возможныя пособія и мѣры. Самъ онъ освящалъ многія церкви въ новокрещенскихъ приходахъ; входилъ въ домы новокрещенцевъ, чтобы лично осмотрѣть весь ихъ бытъ. и, съ тѣмъ вмѣстѣ, вникалъ въ ихъ положеніе въ отношеніи къ мѣстнымъ властямъ [1]).

И, дѣйствительно, всматриваясь во всѣ данныя, свидѣтельствующія о такой всесторонней, полной сердечнаго участія личной дѣятельности высокопр. Филарета, видишь здѣсь истинно апостольскій подвигъ служенія, въ духѣ благочестивой ревности и самоотверженія какъ по образу и характеру дѣйствій, такъ въ особенности по внутреннему состоянію, по которому онъ, истинно какъ пастырь, упоминаемый въ Евангельской притчѣ, оставлялъ *девяносто девять овецъ*, и бѣгалъ, чтобы отыскать *одну заблудшую*... Не опуская изъ виду и рукъ, обычныхъ по званію и долгу мѣстнаго Епископа, дѣлъ управленія Епархіею, онъ все—и время, и силы, и труды, и матеріальныя собственныя средства готовъ былъ посвятить настоящему дѣлу. Самъ онъ свидѣтельствовалъ о своемъ состояніи въ этомъ отношеніи такъ: „На сердцѣ моемъ важный, святый долгъ обращенія не вѣрующихъ изъ тьмы въ свѣтъ Вѣры Христовой, (писалъ онъ къ своему искреннѣйшему родственнику); конечно сіе есть дѣло Божіе,—но молитва, но заботы, но труды—есть дѣло наше“ [2]). Потому-то, (говорится въ выпискѣ),

---

[1]) Смотр. въ выпискѣ изъ дѣлъ Консисторскихъ.

[2]) Смотр. письмо въ Калугу къ родственнику—Протоіерею Петру Степ. Алексинскому отъ 2 Іюня 1832 г.

„всякій успѣхъ новокрещенныхъ въ познаніи и дѣлахъ Православной Вѣры радовалъ его и всякая духовная опасность, грозившая имъ, сильно обезпокоивала его. Для этого, при каждогодномъ неопустительномъ посѣщеніи Епархіи, онъ всегда старался и особенно любилъ посѣщать новокрещенскіе приходы. Поэтому и плодомъ пастырской заботливости высокопр. Филарета о новокрещенныхъ инородцахъ было то, что они и сами всякій разъ, какъ онъ пріѣзжалъ къ нимъ, встрѣчали его съ чувствами истинно сыновней преданности и радости: самыя дѣти ихъ, коихъ мѣстные священники успѣвали уже обучить грамотѣ, спѣшили на перерывъ открывать ему свои познанія въ чтеніи, пѣніи и письмѣ [1]). Каковы же были по своему духовно-вліятельному, точнѣе же сказать, благодатно чудодѣйственному значенію указываемыя посѣщенія, считаемъ умѣстнымъ представить пока для примѣра слѣдующій фактъ [2]).

„До 1832 г. Симбирская губернія входила въ составъ Казанской епархіи и высокопреосв. Филаретъ два раза посѣтилъ Симбирскъ. Въ одну поѣздку изъ Симбирска по селамъ взялъ онъ съ собою Эндиміонова, какъ благочиннаго. Пріѣхавъ въ одно село новокрещенныхъ чувашъ, Владыка вошелъ въ церковь, осмотрѣлъ ея внутренность, приложился къ престолу и, вышедъ на улицу, поворотилъ направо. Благочинный доложилъ ему, что болѣе удобное помѣщеніе для отдыха въ домѣ священника. Владыка, не отвѣчая ничего, пошелъ влѣво отъ церкви. Благочинный за нимъ.—Не доходя одной избы до конца села, вдругъ поворотилъ въ предпослѣд-

---

[1]) Смотр. выписку, стр. 6.

[2]) Представляемый фактъ описанъ въ особой статьѣ, составленной и доставленной лично покойному высокопр. Антонію авторомъ ея—Александромъ Карачевымъ (получившимъ образованіе въ Казанскомъ Университетѣ и служившимъ въ Казани), какъ матеріалъ для біографіи высокопр. Филарета. Изъ этой статьи мы будемъ приводить еще въ своихъ мѣстахъ весьма интересныя свѣдѣнія, «о достовѣрности которыхъ самъ авторъ свидѣтельствуется въ своей собственноручной рукописи Именемъ Господнимъ».

нюю избу весьма ветхую. Раньше этого времени, Владыка никогда не бывалъ въ этомъ селѣ. Входитъ въ избу,—Благочинный за нимъ. Въ углу лежитъ старикъ, у котораго *харбрецъ въ горлѣ* [1]) былъ единственнымъ свидѣтельствомъ того, что онъ еще живъ. Владыка спрашиваетъ домашнихъ: гдѣ образъ? они не поняли. Гдѣ Богъ? „А!—мальчишка игралъ... знать-та куда затащилъ...“ Кинулись искать... и не нашли. Владыка снялъ съ себя панагію и, повѣсивъ въ переднемъ углу на гвоздь, весь погрузился въ молитву. Видимо было неподвижное тѣло, а душа воспарила къ Источнику жизни и безсмертія. Проходитъ минутъ пять, лице Владыки зарумянилось. Положивъ три поклона въ землю, обращается онъ къ умирающему и, взявъ его за руку, началъ его поднимать. Больной открываетъ глаза, безсознательно смотритъ... а—Врачъ уже его полупосадилъ. „Вставай! наконецъ Владыка возгласилъ повелительнымъ тономъ и полумертвецъ всталъ на ноги. Трижды цѣлитель осѣнилъ десницею ожившаго,—и бывшій на прагѣ вѣчности, вдругъ какъ будто разбуженный отъ крѣпкаго сна, приходитъ въ себя и—повергается къ ногамъ возвратившаго его къ жизни.—Владыка сказалъ: „корми сиротъ, ходи въ церковь, да слушайся попа“. Возложивъ на себя панагію, онъ отправился на отдыхъ въ домъ священника, отъ котораго потомъ Эндиміоновъ узналъ, что возвращенный къ жизни—единственный кормилецъ внучатъ, сиротъ своихъ дѣтей“.

„Что скажете на это молодой ученый“, сказалъ мнѣ очевидецъ-разсказчикъ?—Да, Филаретъ—истинный слуга Сказавшаго: *талиѳа кумі!* (Дѣвице востани) (Марк. V, 41)—былъ мой отвѣтъ“ [2]).

Къ какой порѣ относится этотъ фактъ, не извѣстно; но то несомнѣнно, что дѣйствія высокопр. Филарета по-

---

[1]) *Харбрецъ въ горлѣ* въ простонародьѣ называется то, когда у больнаго, близкаго совершенно къ смерти, происходитъ хрипѣнье или *харлыканье* въ груди и горлѣ.

[2]) Въ статьѣ г. Карачева стран. 12, 13, 14 и 15.

средствомъ личныхъ посѣщеній и обращеній инородцевъ начались, можно сказать, съ первыхъ шаговъ его служенія въ Казанской паствѣ. Объ этомъ читаемъ въ его собственныхъ запискахъ, гдѣ, между прочимъ, изложенъ и фактъ,—въ какомъ духѣ совершалъ онъ дѣло Апостольскаго просвѣщенія невѣрующихъ.—„Съ самаго же перваго лѣта началъ я посѣщенія инородческихъ приходовъ, и, Господу содѣйствующу, съ перваго же раза началось и обращеніе заблуждавшихъ“ [1]). „Такъ въ первомъ же мѣстѣ призвалъ онъ къ себѣ двѣнадцать человѣкъ и старшину, и началъ убѣждать. Сперва же служилъ Литургію и допустилъ ихъ къ слушанію ея. Послѣ убѣжденій старшина однако отвѣтилъ ему: *Лапть березой не быть, и намъ христіанами не быть*. Но, (при всей рѣзкости такого отвѣта и слѣдов. при явной безнадежности на успѣхъ), преосвящ. Филаретъ (тѣмъ не менѣе съ рѣшительною дерзновенною увѣренностію, какую только можетъ внушить вѣра и ревность по Бозѣ и спасеніи заблуждающаго и погибающаго),—сказалъ ему: *„Такъ я тебя окрещу непремѣнно въ слѣдующій пріѣздъ“*. И точно, сказанныя лица сперва, по видимому, не обнаруживали склонности къ принятію Христіанской вѣры, а впослѣдствіи согласились при продолженіи убѣжденій со стороны священника и при содѣйствіи управляющаго. Во второй объѣздъ епархіи преосв. Филаретъ самъ же сперва огласилъ ихъ, а потомъ и окрестилъ въ двѣнадцати купеляхъ. Это было въ имѣніи Графини Орловой, состоявшемъ изъ двухъ тысячъ душъ. *Другой случай:* въ имѣніи Орлова (Владиміра Григорьевича) въ первое же посѣщеніе сего имѣнія склонилъ и окрестилъ до 1500 человѣкъ. *Третій случай:* Мордвы въ одномъ селеніи также окрещено столько, что между ними не осталось некрещенныхъ [2]).

Но при всей такой успѣшности первоначальныхъ дѣйствій высокопр. Филарета невольно приходитъ мысль:

---

[1]) Лист. 2-й, стр. 6.

[2]) Смотр. тамъ же.

не слишкомъ ли поспѣшенъ былъ такой его приступъ къ дѣлу обращенія и могъ ли онъ надѣяться на такой же дальнѣйшій успѣхъ? Мысль эта вызывается дѣйствительными явленіями, бывшими въ описываемое время въ средѣ другихъ смежныхъ епархій, въ коихъ мѣстные Архипастыри призваны и поставлены были въ положеніе и обязанности, совершенно одинаковыя съ высокопр. Филаретомъ,—но дѣйствовали, какъ увидимъ сейчасъ, въ иномъ родѣ и порядкѣ, особливо бывшій въ Тобольской епархіи преосв. Евгеній (Казанцевъ), а также преосвящ. Кириллъ (Богословскій-Платоновъ), епископъ Вятскій. Правда, послѣдній во многомъ сходился съ высокопр. Филаретомъ, но по мѣстнымъ обстоятельствамъ и по другимъ причинамъ, отъ него частію не зависѣвшимъ, отступалъ отъ послѣдняго; а это и послужило въ прямой ущербъ дѣла обращенія отпадавшихъ инородцевъ въ Вятской епархіи. Все это мы увидимъ изъ подлинныхъ писемъ высокопр. Филарета къ преосв. Кириллу [1]), въ которыхъ ясно и вѣрно представляется, разсматриваемый теперь, вопросъ, равно какъ и въ самомъ отчетливомъ видѣ иллюстрируется весь духъ и характеръ взглядовъ и образъ самыхъ дѣйствій высокопр. Филарета въ значеніи положительно-мудрой так-

---

[1]) Высокопр. Филаретъ въ 1814 г., когда оканчивалъ свое образованіе Кириллъ въ С.-Петербургской духовной Академіи, былъ Инспекторомъ въ этой Академіи. Въ 1819 г. Кириллъ занялъ мѣсто Ректора Московской духовной Академіи, гдѣ Ректоромъ былъ прежде него Филаретъ, переведенный въ 1819 г. въ Калугу Епископомъ. Вотъ съ какого времени началось близкое знакомство и дружба этихъ Архипастырей. Переписка между ними началась еще съ 1817 г. Къ сожалѣнію, писемъ преосв. Кирилла къ Филарету мы не имѣемъ; письма же послѣдняго (въ числѣ 38-ми) присланы бывшимъ Ректоромъ Московской духовной Академіи, Протоіереемъ Александромъ Васильевичемъ Горскимъ къ высокопр. Казанскому Антонію, какъ матеріалъ для біографіи Высокопреосв. Филарета, Митрополита Кіевскаго. Письма эти начинаются 1817 годомъ, но весь интересъ заключается собственно въ тѣхъ письмахъ, которыя адресовались въ Вятку, когда тамъ былъ Епископомъ Кириллъ.—Интересъ этихъ писемъ *миссіонерскій*.

тики въ дѣлѣ миссіонерскаго архипастырскаго служенія его въ Казанской епархіи.—Эту послѣднюю иллюстрацію представимъ мы въ подлинныхъ краскахъ, излагая ее въ дословномъ текстѣ самыхъ писемъ въ самомъ точномъ, хотя и краткомъ содержаніи.—Теперь же обратимся собственно къ вопросу,—на сколько правъ былъ въ своихъ, по видимому чрезчуръ поспѣшныхъ, дѣйствіяхъ высокопр. Филаретъ по обращенію заблуждавшихъ,—сравнительно съ современными и сопредѣльными архипастырями—въ Вятской и Тобольской епархіяхъ, въ коихъ, какъ и въ Казанской, одновременно оказались въ средѣ инородцевъ печальныя движенія къ отпаденію и особенно сильное упорство противъ миссіонерствъ, предназначенныхъ во всѣхъ этихъ трехъ епархіяхъ. Одновременность же и совмѣстность этихъ миссіонерствъ очевидна уже изъ того, что всѣмъ троимъ архипастырямъ были одинаковые указы Св. Сунода по особому Высочайшему повелѣнію объ учрежденіи этихъ миссіонерствъ и о всѣхъ возможныхъ мѣстныхъ мѣропріятіяхъ къ обращенію отпавшихъ, хотя, какъ увидимъ, одинъ только Филаретъ Казанскій всячески поспѣшилъ и своими личными дѣйствіями, и представленіемъ, составленнаго имъ, общаго для всѣхъ плана миссіонерства. Такимъ образомъ и самая переписка вызывалась прямою потребностію искренняго общенія въ настоящемъ, такъ сильно озабочивавшемъ и самое Высшее Правительство, дѣлѣ.

Переписку свою велъ высокопр. Филаретъ во все время служенія въ Казани съ преосв. Кирилломъ Вятскимъ, но не съ Тобольскимъ Евгеніемъ; съ послѣднимъ, какъ видно, не было у высокопр. Филарета прямыхъ поводовъ имѣть переписку [1]). По крайней мѣрѣ то, что ста-

[1]) Знакомство, впрочемъ, личное между ними было. Въ то время, когда Филаретъ былъ Ректоромъ Московской Академіи—Евгеній былъ Ректоромъ Московской Семинаріи; затѣмъ Евгеній былъ преемникомъ Филарета по Рязанской каѳедрѣ (въ 1831—37 г.) и, наконецъ, преемствовалъ Филарету по Ярославской каѳедрѣ въ 1837 г., когда послѣдній былъ назначенъ въ Митрополиты Кіевскіе.—Въ Тобольской епархіи преосв. Евгеній былъ съ 1825 по 1831 г.

новится извѣстнымъ по настоящему дѣлу относительно дѣйствій преосв. Евгенія, видно изъ переписки между послѣднимъ и Кирилломъ Вятскимъ. Оказывается впрочемъ, что преосв. Вятскій началъ свою переписку съ преосв. Евгеніемъ подъ вліяніемъ переписки съ нимъ высокопр. Филарета.—На сколько высокопр. Филаретъ и Кириллъ желали дѣйствовать согласно въ предстоящемъ трудномъ дѣлѣ миссіонерства, на столько же преосв. Кириллъ старался было привлечь къ этому же и Тобольскаго Евгенія, въ епархіи котораго находились также инородцы и тоже отпадавшіе—Остяки, Вогулы и Татары.—Во всякомъ случаѣ инициатива къ настоящей по миссіонерскимъ дѣламъ перепискѣ принадлежитъ высокопр. Филарету, хотя преосвященные и Вятскій и Тобольскій были старше его по времени ихъ служенія въ мѣстномъ краѣ. Вотъ содержаніе самаго перваго письма [1]) его къ преосв. Кириллу. „Преосвященнѣйшій Владыко! Возлюбленный о Господѣ братъ и сослужитель! Господа ради простите мнѣ, что доселѣ не писалъ Вамъ. Епархія, мнѣ ввѣренная, такъ обширна и многосложна, что истинно недостаетъ ни времени, ни силъ отъ безконечныхъ хлопотъ, особенно по новости моей. Впрочемъ Господь Богъ помогъ мнѣ почти всю обозрѣть нынѣшнимъ лѣтомъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Теперь хотя дѣлъ и много,—но, по личномъ обозрѣніи, я начинаю успокоиваться. Жалѣю очень, что въ бытность Вашу на границахъ здѣшней епархіи не могъ съ Вами видѣться, ибо Вы были ранѣе меня нѣсколькими недѣлями. А нужно бы намъ имѣть общеніе и совѣтъ,—какія принять мѣры къ наставленію въ догматахъ Христіанской Вѣры Вашихъ новокрещенныхъ Вотяковъ, а нашихъ Черемисъ и Чувашъ. Не знаю, какъ у Васъ, а здѣсь въ новокрещенныхъ, къ прискорбію моему, замѣтилъ я глубокое ихъ невѣжество въ Христіанствѣ и склонность къ обычаямъ идолопоклонническимъ. Священники или не могутъ, или

[1]) Письмо отъ 8 Октября 1828 г.—слѣдов. спустя полгода послѣ вступленія его на Казанскую каѳедру.

не хотятъ наставлять сихъ бѣдныхъ и жалкихъ твореній. Дайте мнѣ ума, какъ быть, и что̀ дѣлать съ сею нивою, совершенно заросшею терніемъ. Не скорбите о дѣлѣ протоіерея:—въ дѣлѣ Божіемъ должно быть твердымъ и нелицепріятнымъ, всѣмъ угождать только въ добрѣ,—а худые люди пусть думаютъ, какъ хотятъ,—а безчинныхъ очень должно обуздывать“ [1]).

Въ другомъ письмѣ его читаемъ: „Ваше Преосвященство всегда въ моемъ сердцѣ,—хотя и часто виноватъ я бываю предъ Вами моею безъотвѣтностію. Первый годъ моего служенія въ новой паствѣ такъ для меня былъ труденъ, что я и не чаялъ и прожить оный, ибо паче мѣры отяготихся;—но сила Божія въ немощи совершается. Теперь ощущаю въ душѣ моей какую-то пріятную свободу и тягость паствы ношу съ удовольствіемъ. Любовь *вся терпитъ*. Вмѣстѣ съ Вами очень озабочиваюсь я состояніемъ нашихъ простыхъ и глупыхъ Чувашъ и Черемисъ, а еще болѣе Татаръ хитрыхъ. Мою паству въ теченіе года Богъ сохранилъ отъ такихъ большихъ сборищъ для жертвоприношеній, какія случались у Васъ. Но, вѣрно, мои не лучше вашихъ въ духѣ.—Впрочемъ заволжскіе Чуваши и Черемисы въ прошедшемъ годѣ послѣ обозрѣнія моего, и по принятымъ мною мѣрамъ, начинаютъ цѣлыми деревнями и даже цѣлыми приходами бросать свои нелѣпые обряды. Изъ сего я вижу ясно, что успѣхъ въ обращеніи ихъ не сомнителенъ, при помощи благодати Божіей, ежели мы не станемъ отвращать отъ нихъ своего бдительнаго надзора. Жаль, что дѣло сіе давно запущено;—впрочемъ я не имѣю причины отчаяваться въ ихъ обращеніи. Очень бы полезно и нужно намъ съ Вами видѣться и посовѣтоваться о семъ общемъ дѣлѣ. Въ первыхъ числахъ Іюня я непремѣнно располагаюсь быть въ Царевококшайскѣ. Ежели Ваше Преосвященство, по милости своей, соизволите пріѣхать

---

[1]) Кажется, здѣсь разумѣется протоіерей г. Глазова Іосифъ Стефановъ. Онъ былъ миссіонеромъ у Вотяковъ и допускалъ, будто бы, какія-то злоупотребленія. Было дѣло объ этихъ злоупотребленіяхъ и тянулось довольно долго.

ко мнѣ въ сей, пограничный съ Вашею епархіею, городъ,—то сдѣлайте одолженіе, извѣстите меня о времени, когда Вамъ удобно будетъ пріѣхать. Недалече отъ города есть Мироносицкая Пустынь, въ которой можно намъ въ уединеніи и на свободѣ цѣлыя сутки и болѣе провесть въ дружеской бесѣдѣ. О назначеніи миссіонеровъ я получилъ указъ изъ Святѣйшаго Сунода еще 3 числа Января [1]). Съ тѣхъ поръ занимаюсь собраніемъ нужныхъ для сего свѣдѣній, чтобы положить прочное сему дѣлу основаніе.—Очень бы нужно мнѣ съ Вами о семъ побесѣдовать, ибо предписано составить проэктъ о образованіи миссіонеровъ какъ для Казанской, такъ и для другихъ окрестныхъ епархій“ [2]).

Въ слѣдующемъ письмѣ высокопр. Филаретъ, назначивъ время и мѣсто свиданія (9-го числа Іюля 1829 г., въ Мироносицкой Пустыни, Царевококшайскаго уѣзда), писалъ: „Самъ Господь Богъ Промысломъ своимъ такъ устрояетъ, что даетъ намъ случай къ общенію въ дѣлѣ, для насъ обоихъ толико нужномъ. Помолимся убо Господу Іисусу Христу, да будетъ посредѣ насъ и откроетъ намъ отъ сокровищей Своея мудрости смыслъ и разумъ, како подобаетъ вразумлять простыя души, ввѣренныя попеченію нашему“.

Въ слѣдъ за этимъ состоявшимся свиданіемъ высокопр. Филаретъ немедленно по возвращеніи домой писалъ: „Ваше Преосвященство крайне меня одолжили посѣщеніемъ своимъ на краю моей паствы. Я считаю сіе благословеніемъ Божіимъ для себя и для паствы моей.—Разставшись съ Вами, имѣлъ я случай на обратномъ пути видѣть и обращаться съ Черемисами истинно нищими и духомъ, и тѣломъ. Въ трехъ черемискихъ приходскихъ церквахъ служилъ Литургію и бесѣдовалъ съ сими жалкими твореніями. Ваше замѣчаніе весьма справедливо, что образованіе ихъ требуетъ *всегдашняго и постояннаго попеченія мѣстныхъ священниковъ, и бди-*

---

[1]) Указъ отъ 24 Декабря 1828 г.

[2]) См. Прав. Собесѣдн. 1870 г. ч. 2 стр. 245 и слѣд.

тельнѣйшаго надзора съ апостольскимъ снисхожденіемъ, терпѣніемъ и любовію самихъ Архіереевъ. Богъ вѣсть какой буду имѣть плодъ отъ сѣятвы въ Черемисахъ нынѣ. а прошлогоднюю мою сѣятву въ Чувашахъ, подобныхъ имъ, Господь ощутительно благословляетъ. Прилагаю при семъ одно изъ донесеній ко мнѣ Благочиннаго [1]) и вмѣстѣ протоіерея церкви чувашской, въ ко-

---

[1]) Такихъ донесеній нами прочитано въ дѣлахъ Консисторіи весьма много. Для примѣра приводимъ здѣсь въ точныхъ копіяхъ, съ соблюденіемъ орѳографіи, три донесенія—одно отъ о. Благочиннаго, и два отъ священниковъ чувашскихъ приходовъ. Въ этихъ донесеніяхъ содержатся весьма интересныя свѣдѣнія о состояніи и вѣрованіяхъ инородцевъ и объ образѣ дѣйствій священноцерковнослужителей и благодатной силѣ Христовой Вѣры на души заблуждшихъ.

Великому Господину Высокопреосвященнѣйшему Филарету Архіепископу Казанскому и Симбирскому и разныхъ орденовъ Кавалеру—Благочиннаго Чебоксарскаго уѣзда, села Сундыря Казанской церкви Священника Іоанна Коршунова—покорнѣйшій репортъ.

Вѣдомства моего благочинія 11-ти церквей въ приходахъ состоятъ изъ Чувашъ новокрещенные, которые, до сего времени не соблюдая правилъ Христіанской Вѣры, упорно держались своихъ заблужденій, вѣрили ворожеямъ, *гомзами* называемымъ, и по сказанію ихъ приносили жертвы въ *Киреметяхъ*. При полугодичномъ осмотрѣ церквей на сдѣланныя имъ мои убѣжденія они дали мнѣ обѣщанія оставить свои суевѣрія и принять правила Христовой Вѣры, послѣ рабочаго времени о чемъ до свѣдѣнія Вашего Высокопреосвященства было мною доведено репортомъ. Нынѣ при ревностномъ дѣйствіи и убѣжденіи приходскихъ ихъ священниковъ Чуваши наконедъ рѣшились исполнить свои обѣщанія, сами открыли кумиры свои, сверхъ киреметей у нихъ имѣемые, доселѣ неизвѣстные священникамъ, а именно: 1) *Ирнхъ*—литой изъ олова, походящій на мелкую сребренную монету, подвѣшенный въ анбарахъ, въ кузовъ, служившій имъ памятникомъ тяготѣющихъ надъ ними идоловъ, отъ предковъ ихъ преемствованный и на нихъ самихъ относительно болѣзней и другихъ несчастныхъ приклю-

торой въ проѣздъ мой совершалъ я Литургію при собраніи Чувашей. Прошу Васъ, Владыко святый, сообщите Ваши мысли,—не удобнѣе ли будетъ достигнуть цѣли обращенія язычествующихъ крещенныхъ тѣми же средствами, какія Православная Церковь установила и упот-

---

ченій, по ихъ понятію, имѣвшій большое вліяніе; сей кумиръ найденъ во многихъ приходахъ и у многихъ Чувашъ. Села Тимирга священникъ Тимоѳей Цвѣтковъ по всему своему приходу собралъ *33 Ириха*, коимъ по указанію и избранію юмзей приносились жертвы изъ съѣстныхъ припасовъ для умилостивленія ихъ. Чуваши сами боялись прикоснуться къ кузову, при коемъ хранился *Ирихъ*, а просили священниковъ, чтобъ взяли сами или чрезъ церковниковъ, которые служа молебны и кропя все святою водою, при стеченіи народномъ, собирали, возили за собою въ возахъ тѣ кузовья и наконецъ по желанію Чувашъ самихъ сожигали ихъ вмѣстѣ съ *Ирихами*. 2) *Тюрькилли* значущій по русски—истинное моленіе—есть важнѣйшій у Чувашъ кумиръ, открытый Тимирганскимъ священникомъ Цвѣтковымъ въ деревнѣ большой Тимиргѣ, хранимый въ анбарѣ, въ деревянномъ ящикѣ, имѣющій большое вліяніе на проходящихъ мимо анбара, такъ что ежели проходящій не броситъ на анбаръ сей денегъ отъ 2 до 10 коп, то его *Тюрькилли* ввергнетъ въ болѣзнь и лишитъ жизни, ежели по совѣту юмзи не принесетъ жертвы. Къ умилостивленію сего идола потребна большая жертва, какъ то: закланіе коровы, или быка, или лошади, и онъ есть, по преданію ихъ предковъ, древнѣйшій, до крещенія Чувашъ существовавшій. 3) *Шехреби*, или *Шульдермь* въ деревнѣ Аксаринои священникомъ же Цвѣтковымъ открытый—есть боготворимая Чувашами береза, требующая въ жертву гусей, утокъ и барановъ, о которой Чуваши баснословятъ, что оная береза перешла изъ Астрахани и вселилась въ стоявшую на томъ мѣстѣ рябину—и рябина сдѣлалась березою. Цвѣтковъ приказалъ ее сжечь. Къ симъ двумъ кумирамъ *Тюрь-килли* и *Шехреби* изъ дальнихъ мѣстъ пріѣзжали-де Чуваши для мольбищъ. Такимъ образомъ изъ Чувашъ новокрещенные, утверждаясь въ Христіанской Вѣрѣ, добровольно разставались съ своими кумирами, дабы нетерпѣть болѣе отъ нихъ мщенія поврежденіемъ здоровья, или лишеніемъ самой жизни, приписываемаго имъ юмзами. Они уже не одинъ по одному, а цѣлыми деревнями рѣшились оставить

ребляла при обращеніи и нашихъ предковъ—Русскихъ?—„*Бесѣда Матери нашей Церкви съ сими малоумными чадами посредствомъ священныхъ наружныхъ обрядовъ по опыту оказывается самою дѣйствительною*—и, кажется, иначе быть не можетъ. Я поручилъ священникамъ такъ дѣйствовать, чтобы вмѣсто ихъ суевѣрныхъ жертво-

---

свои заблужденія, съ усердіемъ принимали въ домы свои св. Иконы, очистивъ себя предварительно банею, перемѣняли одежды свои и одѣвались въ бѣлыя или новыя. Смотря по успѣхамъ обращенія ихъ къ вѣрѣ, какіе видны изъ доставленныхъ ко мнѣ свѣдѣній отъ священниковъ, предвидится большая надежда, что они совершенно утвердятся въ оной, тѣмъ наипаче, что всѣхъ новокрещенныхъ въ моемъ вѣдомствѣ обратилось уже *болѣе десяти тысячъ душъ*, о которыхъ вѣдомость къ Вашему Высокопреосвященству имѣетъ быть представлена въ свое время. Особенную ревность оказали въ утвержденіи Чувашъ въ вѣрѣ священники селъ: *Акулова* Стефанъ Цивильскій и Аѳанасій Васильевъ; *Вимбукасъ*—Подобѣдовъ, обратившій весь приходъ при пособіяхъ діакона Ивана Смѣловскаго и пономаря Луки Любимова, знающихъ твердо Чувашскій языкъ, и проч. 22-го Ноября 1829 г. № 254.

Отцу Благочинному—репортъ Священника села Тимирга Тимоѳея Цвѣткова. По полученіи отъ Васъ приказа 19-го числа я приступилъ немедленно и исполняю во всей точности. Надѣюсь не токмо оправдать, но и доказать на самой практикѣ; именно: 20-го числа мною былъ собранъ народъ въ караулку, гдѣ успѣлъ я одного уговорить изъ деревни Кушнары, состоящей въ 7 верстахъ отъ села, взять образъ въ домъ свой Покрова Божіей Матери для прогнанія и небоязни киремети, отслуженіемъ молебна съ водоосвященіемъ и для совершенной безбоязни, выгнать оною водою, кропя все, что только есть, на что онъ и согласился; икона мною въ то же время провождена изъ церкви съ должнымъ благоговѣніемъ до околицы, гдѣ по принесеніи въ околотокъ согласились до 5 домовъ принять, у коихъ очищено было водою въ домахъ святою окропленіемъ, совершенно безъ всякаго интересу—хотя и непредполагалъ видѣть подобныхъ; но однако сверхъ всякаго чаянія при собраніи къ вечеру сходки, какъ на смерть рѣшились принять также, какъ и первые, только съ обрядомъ подобнымъ прежнимъ; почему ни мало не медля по утру начиная съ

приношеній, стараться всевозможно пріучать ихъ къ святымъ и освящающимъ, и наставляющимъ обрядамъ Церкви нашея и даже такъ, чтобъ не измѣнять, гдѣ можно, ни времени, ни мѣста для священнослуженій— напримѣръ: они при началѣ сѣянія приносятъ жертвы— почему-жъ и священнику не отслужить молебна со свя-

---

перваго и до послѣдняго дома по ихъ прошенію служилъ безпрерывно до совершенной ночи молебны съ водоосвященіемъ и кропилъ до малаго клева; по обойденіи около околотка перешелъ съ ними въ другой околотокъ Купмары, куда сопроводили всѣ принявшіе русскую вѣру, коимъ было отслужено въ ихъ околоткѣ всенощное бдѣніе Казанской Божіей Матери, по утру еще въ 9 ч. было отправлено въ домахъ, наконецъ по ихъ прошенію сдѣлалъ освященіе на самомъ родникѣ, по ихъ мнѣнію, чтобъ въ ведрахъ обратно не принести, откуда проводили до обѣдни еще въ церковь, въ сопровожденіи принявшихъ; во время же Литургіи, имъ было сказано поученіе на Чувашскомъ языкѣ, а по окончаніи общій молебенъ для нихъ былъ отслуженъ и по окропленіи всѣ отправились домой, коихъ числомъ до 309 человѣкъ съ малолѣтками; усердіе ихъ было мною замѣчено въ продажѣ свѣчъ; въ числѣ втораго околотка осталось до 9 домовъ кажется совершенно кремневые, впрочемъ жалѣю, что время для священнодѣйствія не позволило еще съ ними заняться. Примѣръ поминовенія надъ родственниками былъ сдѣланъ у одного мною замѣченнаго болѣе всѣхъ укореняющагося въ Х. В., что имъ пріятно показалось а равно и прочимъ. Вотъ первые плоды, Ваше благословеніе, мои—надѣюсь, что Богъ возвратитъ и укрѣпитъ ослабѣвшія отъ дыму жару и сильнаго ненастья съ холодомъ, силы. 25 Октября 1829 г.

Отцу Благочинному—репортъ Священника села Вимбукасъ Богородицкой церкви Льва Подобѣдова. Во исполненіе начальственныхъ предписаній письменныхъ и словесныхъ о принятіи всякихъ мѣръ къ обращенію въ Христіанскую Вѣру изъ Чувашъ новокрещенныхъ моего прихода, я предпринималъ различныя средства, а именно: начавъ дѣйствовать еще въ прошедшую четыредесятницу, ѣздя по деревнямъ, я всѣхъ вообще исповѣдовалъ, исключая малолѣтнихъ, а тѣхъ кои ходили въ церковь и говѣли, также исповѣдовалъ и пріобщалъ Св. Таинъ, гдѣ, обращаясь дружелюбно и отечески, совѣтовалъ имъ,

тыми иконами на открытомъ полѣ?—и тому подобное.— Таковый образъ дѣйствованія представляется единственнымъ средствомъ къ премѣненію ихъ суевѣрныхъ обычаевъ на святые обычаи вѣры.—Такъ ли я думаю, прошу меня вразумить. Ибо дѣло сіе Божіе не иначе можетъ идти благоуспѣшно, какъ взаимнымъ совѣтомъ".

оставить грубыя ихъ заблужденія, изъяснялъ имъ правила Христіанской Вѣры, при пособіяхъ Діакона Ивана Иванова Смѣловскаго и пономаря Луки Игнатьева Любимова, знающихъ весьма твердо Чувашскій языкъ Потомъ по просухѣ, послѣ Святыя Пасхи въ воскресные и праздничные дни, прихожане для слушанія Литургіи собираясь въ довольномъ количествѣ въ церковь, просили въ свои деревни съ иконами, куда отправляясь я, по ихъ желанію, служилъ молебны и святилъ воду, какъ въ домахъ ихъ, такъ и на протекающихъ по близости къ онымъ рѣчкахъ и ключахъ, при многочисленномъ стеченіи усердствующихъ, не требуя за то съ нихъ ни малой платы и кропилъ святою водою, какъ дома ихъ, такъ и въ дворахъ, находящіяся строенія и усадьбы. Будучи восхищены переходомъ ихъ отъ заблужденій въ правовѣріе съ великою охотою, отдавали они, древніе свои кумиры, такъ называемые ими *ерлхи*, хранящіеся у нихъ, подвѣшенными въ кузовьяхъ, кои всѣ я приказалъ сожигать. При совершеніи сихъ спасительныхъ дѣйствій, между тѣмъ, какъ Чуваши провожали святые иконы съ должною честію и благоговѣніемъ, изъ одной деревни прихожане другой движимые также ревностію и усердіемъ, встрѣчали и принимали оные торжественно съ малолѣтними дѣтьми и кажется старались въ усердіи превзойти послѣдніе первыхъ. Наконецъ нынѣ 22 Октября, въ день храмоваго праздника Казанскія Божія Матери, ходя по приходу со святымъ Крестомъ, дозналъ я своихъ прихожанъ уже совершенно утвердившимися въ Православной Христіанской Вѣрѣ, такъ, что всѣ они соблюдаютъ посты оставивъ праздновать пятницу, почитаютъ день воскресный и совершенно оставили свои заблужденія; всѣхъ же таковыхъ новокрещенъ, утвержденныхъ въ Христіанской Вѣрѣ числится по обоимъ частямъ Вимбукасинскаго прихода 315 дворовъ; въ нихъ мужеска пола 1057, и женска пола 1156 душъ; а затѣмъ придерживающихся заблужденій уже не осталось ни одного человѣка. Ноября 10 дня 1829 г.

Наконецъ чрезъ мѣсяцъ въ письмѣ, писанномъ по частному случаю—(именно съ рекомендаціею одного старца Оптиной Пустыни сборщика)—высокопр. Филаретъ въ дополненіе къ предшествовавшему письму сообщилъ преосв. Кириллу: „Труднымъ дѣломъ миссіонерства, извѣстнаго Вамъ, я доселѣ еще болѣзную—parturio [1])—и не вѣмъ, кій принесу плодъ святой Церкви. Тѣмъ *простымъ способомъ*, который я сообщилъ Вашему Преосвященству въ письмѣ моемъ [2])—привлечено къ Церкви въ теченіе первой половины сего года около шестидесяти тысячей обоего пола Чувашей и Черемисовъ [3]). Но это еще нача-

---

[1]) Parturio—лат. слово, значитъ мучусь болѣзнями рожденія.

[2]) Въ предъидущемъ; способъ этотъ—вліяніе церковной обрядности на инородцевъ.

[3]) Подъ этими 60,000 отнюдь не слѣдуетъ разумѣть Чувашъ и Черемисъ *изъ язычества* обращенныхъ къ христіанству, а нужно разумѣть въ этомъ числѣ Чувашъ и Черемисъ *уже и крещенныхъ*, но доселѣ предававшихся языческимъ обрядамъ. Слѣдовательно рекомендованнымъ высокопреосв. Филаретомъ способомъ было направлено на путь истинной вѣры 60 тысячъ Чувашъ и Черемисъ, а не вновь только просвѣщено. Язычествующихъ некрещенныхъ Чувашъ и Черемисъ въ то время и не было уже такого громаднаго числа. Высокопреосв. Филаретъ въ 1828 г., какъ извѣстно, собиралъ чрезъ Казанскую духовную Консисторію свѣдѣнія о крещенныхъ до него Чувашахъ и Черемисахъ и о не крещенныхъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ въ тогдашней епархіи Казанской оказалось: крещенныхъ Черемисъ 66,650, а некрещенныхъ—1007 человѣкъ; Чувашъ крещенныхъ 350,818 чел., а некрещенныхъ 4353 человѣка. Такимъ образомъ Чувашъ и Черемисъ *некрещенныхъ* было всего только 5260 человѣкъ. Кромѣ того высокопреосв. Филаретъ требовалъ навести справку, какое количество *изъ всѣхъ* вообще *крещенныхъ* инородцевъ *оставили* языческія и магометанскія заблужденія до 1829 г. и сколько затѣмъ остается придерживающихся этихъ заблужденій. Вотъ эти-то, оставившіе свои языческія заблужденія, крещенные Чуваши и Черемисы и разумѣются въ количествѣ 60,000 душъ. (См. Православн. противомусульманская миссія въ Казанскомъ краѣ...

ло, и сѣмя можетъ увянуть скоро. Придумываю, какъ воздѣлывать сію ниву—а Божіе дѣло возращать. Съ 22 сего мѣсяца намѣренъ я еще ихъ посѣтить, чтобъ видѣть самому и удостовѣриться въ степени ихъ обращенія, и тогда уже сдѣлаю донесеніе Святѣйшему Сѵноду".

Наконецъ еще читаемъ въ послѣдующемъ письмѣ, какъ продолженіе вышеприведеннаго, очевидно краткаго: „Со времени свиданія моего съ Вами такъ я былъ озабоченъ дѣлами ввѣренной мнѣ паствы, что истинно и доселѣ не вижу надежды въ облегченіи непреодолимыхъ трудностей въ управленіи ею.—Господь Богъ, по не изреченному Своему милосердію ко мнѣ многогрѣшному, утѣшилъ труды мои пріобрѣтеніемъ въ нѣдро Церкви Своей многихъ язычествовавшихъ. Въ теченіе прошедшаго года просвѣщено святымъ крещеніемъ тысяча триста душъ, въ нынѣшнемъ около двухъ сотъ—и еще готовятся къ воспріятію св. крещенія въ Маіѣ мѣсяцѣ около двухъ тысячей, а можетъ быть и болѣе. Крещенные полуязычники обращаются безпрерывно цѣлыми приходами отъ тьмы заблужденій предковъ своихъ,—но еще далече отъ нихъ настоящее понятіе христіанскаго благочестія. Конечно *свѣтъ и во тьмѣ свѣтится* и *просвѣщаетъ всякаго человѣка* путями намъ недовѣдомыми,—будемъ молить Господа Источника и Подателя свѣта, да умилосердится надъ созданіемъ своимъ. Проэкты о миссіяхъ представилъ я Святѣйшему Сѵноду еще въ Ноябрѣ минувшаго года,—но ничего въ разрѣшеніе не полу-

---

Прав. Собесѣдн. 1870 г., ч. 2, стр. 239—244). Что же касается до количества вновь окрещенныхъ Чувашъ и Черемисъ въ теченіе 1829 г., то это количество весьма ясно обозначено въ письмѣ (13-мъ) высокопреосв. Филарета къ Преосвященному Кириллу отъ 31 Марта 1830 года. Въ этомъ письмѣ говорится: „въ теченіе прошедшаго (т. е. 1829 года) *просвѣщено св. крещеніемъ тысяча триста душъ*—въ нынѣшнемъ (т. е. 1830 уже году) около двухъ сотъ и еще готовятся около двухъ тысячъ, а можетъ быть и болѣе.

чаю. Впрочемъ дѣло Божіе идетъ безостановочно. Впрочемъ просилъ я объ учрежденіи особой Епископской каѳедры въ Симбирскѣ,—ибо, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, нельзя одному съ пользою управлять такою обширною и многосложною епархіею;—но отложили до Сентября мѣсяца. Не знаю—какъ Господь Богъ устроитъ. Какъ у Васъ?! а я чрезвычайно затрудняюсь въ надѣленіи церквей священниками по случаю запрещенія производить изъ неокончившихъ курса ученія въ Семинаріи. Дожидаю съ нетерпѣніемъ, откуда укажутъ требовать. А, между тѣмъ, очень боюсь, чтобъ церкви не остались безъ какихъ нибудь пастырей. Своихъ ученыхъ давно уже нѣтъ ни одного въ запасѣ,—оканчивающихъ ученіе и на половину не достанетъ для замѣщенія праздныхъ вакансій священническихъ. Одна надежда на Господа Бога, могущаго вся устроить во благое".

Хотя, какъ мы уже и замѣтили, содержаніе отвѣтныхъ писемъ преосв. Кирилла Вятскаго намъ не извѣстно (по отсутствію самыхъ писемъ), но изъ одного уже содержанія приведенныхъ писемъ высокопр. Филарета ясно видно, что получавшій ихъ былъ однихъ мнѣній съ писавшимъ. А потому и естественно, какъ было сказано прежде, что преосв. Кириллъ старался своими письмами склонить и преосв. Евгенія Тобольскаго на ту же едино-общую сторону въ образѣ дѣйствованія миссіонерскаго. Но что же встрѣчаемъ въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ послѣдняго?! Многое и многое совершенно иное... чему дать должное названіе предоставляемъ самимъ читающимъ...

Преосв. Евгеній Тобольскій не оставался безмолвнымъ на письма къ нему преосв. Кирилла Вятскаго. Прочитаемъ нѣкоторыя изъ нихъ по имѣющимся источникамъ [1]).

Въ одномъ изъ писемъ преосв. Евгеній писалъ

---

[1]) Смотр. «Странникъ» 1875 г.—Православный Собесѣдникъ 1870 г., Чтенія въ обществѣ любителей духовн. просвѣщенія—1874 г.

преосв. Кириллу: „мысль Ваша объ обращеніи язычниковъ едва ли сходна съ моей. *Я никакъ не принималъ на себя подвига апостольскаго, превышающаго мои силы, а только такъ протолковано мнѣ...*

„Разскажу Вамъ мою исторію. Вскорѣ, по моемъ пріѣздѣ, пишетъ мнѣ Губернаторъ, что Остяки, Вогулы, *уже крещенные*, во время промысловъ продолжаютъ идолопоклонство; то не угодно ли мнѣ принять мѣры?! Я тотчасъ понялъ, что предписать духовенству, каково оно есть, значитъ дать имъ въ руки способъ притѣснять сихъ бѣдныхъ промышленниковъ.—Потребовалъ справку: нашелъ, что сіи дѣла всегда оканчивались злоупотребленіями. Между тѣмъ прочелъ, (прочтите и Вы),—въ Сибирскомъ учрежденіи,—тамъ велѣно, и съ обращенными обращаться весьма осторожно. И такъ отвѣствовалъ: что предписаніями успѣть не можно.—Однако предписалъ предлагать имъ, при съѣздѣ на ясакъ, исповѣдываться и пріобщаться, но предлагать при полицейскомъ чиновникѣ, чтобъ не было притѣсненія, и перевесть на ихъ языкъ „исповѣдь, Вѣрую, Отче нашъ, и предпричастную молитву“. Но чѣмъ же кончилось? Распространился между не крещенными слухъ, будто хотятъ ихъ крестить силой, и сказано Губернатору, что они собираются на Обдорской ярмаркѣ всѣхъ русскихъ за то перебить. Принужденъ былъ поѣхать Губернаторъ. Злаго умысла не нашелъ, а волненіе умовъ нашелъ, и насилу могъ успокоить;—послѣ сего я отвѣтствовалъ, что *не хочу быть причиной бунта*,—и Васъ увѣряю, что прежде намъ надобно *исправить нашихъ христіанъ*, тогда и сами язычники обратятся. А теперь у меня много обращенныхъ, но отъ Русскихъ *сдѣлались хуже язычниковъ*... И сбылось оное: *обходятъ море и сушу, да сотворятъ единаго пришельца, и творятъ его сына геенны, сугубѣйша себе*.—Опытъ-наука.

„P. S. Другой примѣръ былъ еще при преосв. Варлаамѣ [1]). Онъ послалъ протопопа обращать въ Оренбург-

[1]) Варлаамъ Петровъ, Архіепископъ Тобольскій, скончался въ 1802 г. Смотр. Прав. Собесѣдн. 1870 г., ч. 2, стр. 234.

ской губерніи иновѣрцевъ. Такой возсталъ бунтъ, что Генералъ-Губернаторъ прислалъ нарочнаго къ Варлааму, и протопопа взяли и бунтъ насилу уняли“ [1]).

„Обращеніе иновѣрцевъ,—говоритъ въ другомъ письмѣ преосв. Евгеній,—по указу о льготѣ и здѣсь въ истекшемъ году, какъ видно изъ присылаемыхъ за годъ вѣдомостей о обращающихся, значительно умножилось. Я съ намѣреніемъ этотъ указъ по полученіи велѣлъ по всѣмъ церквамъ разослать и внушать иновѣрцамъ, но отнюдь не грозя и не принуждая. Охъ! пуганая ворона куста боится и проч.“ [2]).

Въ письмѣ 1829 г. отъ 2 Марта преосв. Евгеній говоритъ, что „онъ получилъ отъ Оберъ-Прокурора предложеніе, чтобы послать миссіонеровъ по епархіи для обращенія иновѣрцевъ, и чтобъ представить о томъ *проэктъ*. А въ письмѣ отъ 30 Апрѣля 1829 г. онъ писалъ: *„по миссіонерству я и доселѣ ни шагу*. Желающихъ нѣтъ. Кого же послать?! Впрочемъ составили всѣ отзывы, представлю о положеніи имъ. Тогда же, можетъ быть, не скорѣе ли найдемъ охотниковъ, ежели будетъ хорошее положеніе.—Намъ *не видать благороднаго духовенства*, пока не будетъ достаточнаго оклада, съ уничтоженіемъ акциденцій за требы. Это *подъяческое* основаніе есть язва для нравственности духовенства. Но, мнѣ кажется, казна не въ силахъ положить хорошій окладъ“ [3]).

Преосв. Тобольскій Евгеній, между прочимъ, опасался, какъ бы его не перевели изъ Тобольска въ Казань, гдѣ епархія была въ то время въ жалкомъ положеніи, по причинѣ отступничества крещенныхъ Татаръ въ мухаммеданство. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Епископу Кириллу онъ писалъ: „замѣчаніе Ваше на счетъ Казанской паствы есть повтореніе того, что̀ писалъ о ней ко мнѣ Каменецъ-Подольскій, которому по связямъ

---

[1]) См. Чтенія въ обществѣ любителей дух. просвѣщенія. Москва. 1874 г. Ноябрь, стр. 60—61.

[2]) Тамъ же, стр. 62.

[3]) Тамъ же, стр. 67, 68 и 69.

весьма коротко извѣстна сія епархія [1]). Потому-то я благодарю Господа, что *мимо иде меня чаша сія* [2]). Новость Ваша о истребленіи остатковъ язычества по намѣренію радостна. по мѣрамъ удивительна... Но у Васъ миссія какъ ни есть. да спѣетъ,—писалъ преосв. Евгеній къ преосв. Кириллу 2 Мая 1831 г.—о Казанскомъ слышно, что онъ окрестилъ до 3000, да теперь оглашено и готовятся къ Маю 300 душъ. Но я *неключимый...*“ [3]).

Этимъ и кончились, какъ оказывается, всѣ отношенія между Тобольскимъ и Вятскимъ архипастырями... тѣмъ болѣе, что преосв. Евгеній былъ перемѣщенъ въ томъ же 1831 г. въ Рязань. Впрочемъ со стороны его, кажется, трудно было ожидать чего либо содѣйствующаго къ общей цѣли, судя по тому, что̀ высказывалось имъ въ приведенной перепискѣ.

Между тѣмъ у самого преосв. Кирилла Вятскаго пошли своего рода невзгоды по части обращенія инородцевъ. и,—что̀ замѣчательно,—по преимуществу въ слѣдствіе неодинаковости нѣкоторыхъ порядковъ и дѣйствій съ тѣми, какіе видимъ у высокопреосв. Филарета [4]). Узнавая объ этихъ-то невзгодахъ, высокопр. Филаретъ сколько выражалъ скорбь свою о такомъ положеніи дѣлъ въ сосѣдственной епархіи, столько же каждый разъ пользовался всѣмъ, что̀ могло бы предустранить какія либо подобныя печальныя явленія въ средѣ своихъ пасомыхъ—

---

[1]) Здѣсь говорится о Ксенофонтѣ Троепольскомъ, Архіепископѣ Подольскомъ. Онъ въ 1796 г. былъ Архимандритомъ Свіяжскаго монастыря, а въ 1800 г. Викаріемъ Свіяжскимъ, слѣдовательно имѣлъ въ Казани связи и зналъ хорошо положеніе дѣлъ въ Казанской епархіи. Въ 1832 г. преосв. Ксенофонтъ былъ уволенъ на покой и въ 1834 г. скончался.

[2]) Это было слѣд. до поступленія Высокопр. Филарета въ Казань. Отпаденія крещенныхъ въ мухаммеданство тогда только что начались и были въ полной силѣ.

[3]) Смотр. чтенія въ общ. люб. духовн. просв. Москва. 1874 г. Декабрь.

[4]) Объ этомъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

инородчествующихъ,—о чемъ и продолжалась у него непрерывная переписка съ преосв. Кирилломъ до самаго времени перемѣщенія послѣдняго изъ Вятской епархіи въ Каменецъ-Подольскую въ 1832 г.—Впрочемъ и послѣ этого высокопр. Филаретъ не прекращалъ своей переписки въ этомъ же родѣ, отдавая преосв. Кириллу какъ бы отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ по миссіонерству, и прося у него, по прежнему, иногда совѣта, или одобренія, какъ у лица, и заочно понимавшаго дѣло [1]). Въ промежутокъ этого времени произошли, между тѣмъ, и для всей вообще паствы Казанской и для самого высокопр. Филарета грустныя и тяжелыя событія, именно—эпидемія—холера и страшный неурожай и голодъ. Но этими обстоятельствами Господь помогъ ему пользоваться ко благу миссіонерства. Главное здѣсь было то, что какъ онъ началъ, такъ и продолжалъ свое дѣло, т. е. не отступая отъ своихъ всѣхъ пріемовъ, (хотя и казавшихся для иныхъ слишкомъ поспѣшными,)—„*отъ чего*,—какъ замѣчено въ его запискахъ,—*и было все хорошо*“ [2]).

Впрочемъ всякіе наши комментаріи, чувствуемъ мы сами, были бы слишкомъ не полны и отзывались бы безцвѣтностію противу того, что увидятъ читающіе въ самыхъ подлинныхъ письмахъ высокопр. Филарета. Представляемъ послѣднія въ возможной подробности, соблюдая по возможности порядокъ писемъ и во времени,—отъ чего, надѣемся, читающіе не затруднятся ориентироваться въ отношеніи самыхъ предметовъ.

Первое изъ представляемыхъ писемъ относится къ тому времени, когда преосв. Вятскій Кириллъ былъ предназначенъ къ вызову въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Сунодѣ [3]). Имѣя особенное желаніе и нуж-

---

[1]) Это продолжалось до самаго времени вызова высокопр. Филарета въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Сунодѣ, куда онъ отправился 11 Апрѣля 1836 г. и уже не возвращался.

[2]) Листъ 3-й, стран. 2.

[3]) Это было въ Августѣ 1830 г.,—но вызовъ не состоялся именно потому, что дѣло обращенія инородцевъ—Черемисъ потребовало непремѣнно пребыванія преосв. Кирилла на мѣстѣ.

ду лично повидаться еще съ преосв. Кирилломъ, ради полученія отъ него свѣдѣній по миссіонерству и сообщенія своихъ, высокопр. Филаретъ писалъ.—„Именемъ Господа нашего Іисуса Христа прошу Ваше Преосвященство не миновать Казани проѣздомъ въ столицу, и посѣтить мое убожество. Буду Васъ ожидать, какъ вожделеннаго гостя. Помолимся вкупѣ Заступницѣ нашей усердной, Пресвятой Матери Божіей предъ пречистымъ Ея Образомъ, и Святителямъ Казанскимъ, да благословитъ Господь Богъ путь Вашъ молитвами ихъ. Даю Вамъ обѣщаніе нисколько Васъ здѣсь не удерживать. Сотворите милость, пожалуйте прямо ко мнѣ въ загородный домъ, хотя на одни сутки".

Но какъ вызовъ преосв. Кирилла былъ отмѣненъ, то высокопр. Филаретъ немедленно же писалъ: „Богъ вѣсть, какъ это измѣнилось, что Ваше Преосвященство не вызваны были по сдѣланному назначенію въ Св. Сѵнодъ. Но сдѣлайте милость сообщите мнѣ, что̀ за разстройство у Васъ по дѣлу обращенія Черемисъ [1]);—я

---

[1]) Указываемое разстройство состояло въ слѣдующемъ: одинъ изъ священниковъ донесъ о многочисленномъ (болѣе 3000) сборищѣ Черемисъ въ лѣсу для богомолья по своему. Поводомъ къ этому были какіе-то появившіеся сновидцы изъ Черемисъ. Донесеніе о семъ доходило до Святѣйшаго Сѵнода, даже до Высочайшаго воззрѣнія. Вызванные по волѣ Государя Императора въ С.-Петербургъ, сновидцы оказались невѣждами и дикарями, между тѣмъ они указывали на не вниманіе и стѣснительныя дѣйствія въ отношеніи къ нимъ мѣстнаго духовенства. Поэтому поручено было высокопреосвященному Филарету (Московскому) избрать изъ Московскаго духовенства способнаго священника для вразумленія и наученія трехъ сновидцевъ и для обращенія на мѣстѣ жительства ихъ соплеменниковъ къ христіанству. Сверхъ того, согласно съ предначертаніями преосв. Кирилла, учреждены миссіонеры для утвержденія Черемисъ въ Христіанской Вѣрѣ по Уржумскому и Яранскому уѣздамъ. Первыя дѣйствія миссіи обѣщали успѣхъ. Но послѣдствія не соотвѣтствовали началу,—и это дѣло причинило много скорби преосв. Кириллу. Послѣ сего дѣло утвержденія

забочусь, какъ бы Ваши не передали моимъ сосѣдственнымъ съ ними Черемисамъ духа отступленія. У меня доселѣ, слава Богу, спокойны.—Для свѣдѣнія Вашего прилагаю при семъ копію съ указа Св. Сунода, на мое имя послѣдовавшаго, по дѣлу миссіонерства: общее наше дѣло, кажется, и требуетъ общенія въ дѣйствіяхъ нашихъ.—Ожидая Васъ, хотѣлъ лично Вамъ сообщить все, что̀ по сему испыталъ. Но теперь сей самый наилучшій образъ общенія отдалился по не предвидѣннымъ причинамъ.—Въ нынѣшній годъ Господь благословилъ мое недостоинство пріобрѣтеніемъ чадъ Церкви Своей,—но теперь веліе искушеніе настоитъ намъ по грѣхамъ нашимъ. Болѣзнь холера, свирѣпствующая по Астраханской, Саратовской, Пензенской и Оренбургской губерніямъ открылась въ городѣ Самарѣ Симбирской губерніи. Казань въ большомъ страхѣ: молимся Господу по всѣмъ церквамъ:—Единъ только Господь Богъ молитвами Пресвятыя Бородицы, Заступницы нашей усердной, можетъ спасти насъ отъ сей губительной болѣзни“ [1]).

Получивъ, какъ очевидно, отъ преосв. Кирилла прошенное сообщеніе о разстройствѣ по дѣлу обращенія Черемисъ, высокопр. Филаретъ опять немедленно же писалъ.—„Бумаги Ваши прочиталъ я съ удивленіемъ и съ великимъ прискорбіемъ предалъ ихъ огню. Молю Господа Бога, чтобъ изъ такихъ, непостижимыхъ для меня, распоряженій не вышло, вредныхъ вообще для дѣла обращенія, послѣдствій. Хорошо, ежели Богъ вложитъ тамъ... мысль удалить, какъ можно поскорѣе и навсегда, чужаго дѣлателя отъ ввѣренной Вамъ Господомъ нивы. Тогда оставалась бы еще надежда поправить съ помощію Божіею великую ошибку. А ежели станутъ, вмѣсто сѣянія слова Божія, сѣять раздоръ и клевету:

Черемисъ въ Христіанской Вѣрѣ поведено чрезъ приходскихъ священниковъ и особыхъ миссіонеровъ подъ наблюденіемъ и руководствомъ епархіальнаго начальства. Слѣдовательно дѣло пошло, какъ велось у высокопр. Филарета.

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ встрѣтимъ еще въ своемъ мѣстѣ.

то дѣло сіе придется бросить Вашему Преосвященству. Совѣтую я объясниться во всемъ съ Московскимъ Владыкою со всею искренностію и откровенностію. Можетъ быть, онъ, по свойственной ему проницательности, изобрѣтетъ средство поправить сіе дѣло. Только Бога ради въ терпѣніи держитесь справедливости и невинныхъ не подвергайте бѣдствіямъ. Господь Богъ Самъ поможетъ Вамъ извести истину во свѣтъ и судьбу Вашу изведетъ въ свѣтъ полуденный".

Послѣ этого письма, по причинѣ, постигшей уже Казань, холеры, переписка была прервана на время.— Въ письмѣ уже отъ 3-го Декабря видимъ сообщеніе о дѣйствіяхъ и послѣдствіяхъ этой эпидеміи, гдѣ замѣчательно свѣдѣніе, что „изъ числа всѣхъ жертвъ въ епархіи *болье трети* было Татаръ некрещенныхъ,—въ чемъ видимо было особенное знаменіе Десницы Божіей". Особенное утѣшеніе выражалъ высокопр. Филаретъ въ томъ, что изъ лицъ духовенства въ епархіи скончались отъ болѣзни только двое и одинъ въ самой Казани.—„Учениковъ же духовныхъ заведеній я немедленно приказалъ распустить... (писано въ этомъ же письмѣ); признаюсь, что слишкомъ смѣло поступилъ,—но безпредѣльно благодарю Господа, что Онъ вложилъ мнѣ сію мысль... иначе бы погибъ сей цвѣтъ духовенства въ тѣсныхъ казенныхъ зданіяхъ и дурныхъ квартирахъ, по всему городу разсѣянныхъ" [1]). Сообщилъ высокопр. Филаретъ подробно и о своемъ личномъ положеніи во время этой эпидеміи. Но видно, что и въ это время онъ, по его выраженію, parturiverat главною задачею... дѣломъ своего апостольства.—Самое первое послѣдующее письмо къ преосв. Кириллу было именно таково.

„Очень жалѣю, читаемъ въ указываемомъ письмѣ, что дѣло обращенія Черемисовъ такъ у Васъ испорчено неопытнымъ человѣкомъ, что доселѣ не поправляется.

---

[1]) Въ этомъ, какъ и другомъ письмѣ, еще до наступленія холеры, содержится очень подробное сообщеніе о многомъ,—но мы скажемъ объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Впрочемъ молю Васъ Господомъ не унывать и не отчаяваться въ помощи Его.—Онъ совершитъ во благое чрезъ Ваше пастырское о заблуждающихъ попеченіе. Можетъ быть, послѣ сей неудачи будутъ *тамъ* осторожнѣе въ порученіяхъ дѣла сего постороннимъ лицамъ, мимо истинныхъ пастырей. Дѣло сіе дѣйствительно требуетъ большой осмотрительности. Я еще и своихъ не посылалъ миссіонеровъ [1]; я думаю по одиночкѣ на первый разъ брать ихъ съ собою, чтобы они видѣли, какъ должно обращаться съ сими людьми во спасеніе ихъ и въ назиданіе,—а не въ раззореніе и послѣдней ихъ слабой вѣры".

Относительно осмотрительности, которую, какъ видно, всячески старался высокопр. Филаретъ передать своему возлюбленному о Господѣ собрату—преосв. Кириллу,—и для которой онъ и самъ пользовался всякимъ случаемъ—какъ урокомъ, встрѣчаемъ въ одномъ письмѣ (времени не обозначено) слѣдующее: „Sine dolore non vivitur et in amore. Впрочемъ очень хорошо сдѣлали, что покрыли смиреніемъ, сдѣланный на Васъ, извѣтъ о Вашемъ путешествіи по епархіи. А на будущее время примите сіе за урокъ. Я нигдѣ не бралъ коней болѣе назначеннаго числа, ибо и свиту имѣлъ всегда только самую нужную, а не болѣе".

Въ послѣдующемъ за этимъ письмѣ (18-го Мая 1831 г.) читаемъ: „Всемилостивѣйшій Государь Императоръ обрадовалъ мое недостоинство въ первый день св. Пасхи пожалованіемъ мнѣ брилліантоваго Креста для ношенія на клобукѣ [2]). Велика милость Монаршая—и тѣмъ

---

[1]) Миссіонерами тогда были Седміезерской пустыни Игуменъ Самуилъ, архіерейскаго дома экономъ іеромонахъ Гурій и Раиѳской пустыни Игуменъ Амвросій. По утвержденіи ихъ Св. Сѵнодомъ въ должности миссіонеровъ, ихъ велѣно было возвести въ санъ Архимандрита.

[1]) Профессоръ Казанскаго Университета Городчаниновъ, по случаю Всемилостивѣйшаго пожалованія Креста на клобукъ высокопреосвященному Филарету, Архіепископу Казанскому и Симбирскому, написалъ слѣдующіе стихи:

«Сей крестъ, что на челѣ Святителя блистаетъ,
«Апостольскій его намъ подвигъ представляетъ.

для сердца моего драгоцѣннѣе, что выражается *Святымъ Знаменіемъ* спасенія нашего. Помолитесь, Владыко святый, да Господь Богъ укрѣпитъ мою немощь къ благоугодному предъ очами Его ношенію спасительнаго Креста".

„Завтрешній день отправляюсь я для обозрѣнія епархіи въ Симбирскую губернію. Есть надежда уловить въ спасительныя мрежи Евангелія Господа нашего Іисуса Христа довольное число душъ, погруженныхъ во тьмѣ язычества. *Девять сотъ* душъ уже оглашены ко святому Крещенію. Не оставьте, Владыко святый, въ молитвахъ своихъ предъ Господомъ воздохнуть къ Его неизреченному милосердію, да дастъ новымъ овечкамъ стада Своего совершеніе вѣры и просвѣтитъ ихъ святымъ Крещеніемъ чрезъ наше недостоинство.

„Призвавъ всесильную благодать Господа Бога, рѣшился я *въ первый разъ* послать *троихъ миссіонеровъ* въ жребіи служенія ихъ въ новокрещенскіе приходы. Не безъ трепета приступаю къ сему дѣлу Божію, но всю мою надежду возлагаю на милосердіе Господа моего Іисуса Христа. Кій обрящу самъ и чрезъ нихъ плодъ Господеви нашему, извѣщу Васъ.

„Всѣмъ сердцемъ участвую въ праведной скорби Вашей о разстроенномъ дѣлѣ обращенія Черемисовъ. Но Господа ради не унывайте и не ослабѣвайте въ дѣлѣ Его. Это дѣйствительно есть искушеніе врага спасенія душъ христіанскихъ. Но *болій есть въ насъ* Іисусъ Христосъ всѣхъ козней вражіихъ. Взирая на Крестъ Его, подобаетъ намъ съ вѣрою и упованіемъ на Его всемогущую благость преодолѣвать всѣ искушенія, сколь бы онѣ велики ни были. Господь выну близъ,—поможетъ вѣрно вѣрнымъ служителямъ Слова Его".

«Невѣдущихъ Креста привелъ онъ ко Кресту,
«И чадъ погибели усыновилъ Христу.
«Сѣ Архипастыря за подвигъ сей отличной
«Премудрый Царь почтилъ наградой, столь приличной».

(См. Сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ Григорія Городчанинова. Казань. 1831 г., стр. 542).

Менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ, высокопр. Фаларетъ писалъ о продолженіи миссіонерства.—„Молитвами Вашими Господь Богъ и въ третій разъ благословилъ ловитву нашу. 25-го минувшаго Мая, въ день третьяго обрѣтенія честныя Главы Іоанна Крестителя Господня, совершили мы торжественно святое таинство Крещенія надъ многими обращенными изъ тьмы идолопоклонства въ свѣтъ вѣры Христовой. Девять сотъ десять душъ пріобрѣтены въ стадо Христовой Церкви. Буди благодареніе Господу Богу о неизреченномъ дарѣ милосердія Его къ простымъ душамъ симъ и къ намъ грѣшнымъ. Я имѣлъ истинно пастырское удовольствіе при посѣщеніи крещенныхъ въ прошедшемъ годѣ видѣть благословенные успѣхи сихъ новыхъ овечекъ въ жизни христіанской. Въ одной деревнѣ, населяемой ими, заложилъ церковь, и восхищался зрѣніемъ,—съ какимъ усердіемъ старшины новокрещенныхъ полагали со мною основные камни въ созиданіе храма Божія. Снова убѣдился я въ той истинѣ, что съ простыми душами *всего плодоноснѣе есть бесѣда Церкви чрезъ священные ея обряды.* Къ Царевококшайскимъ Черемисамъ изволилъ путешествовать угодникъ Божій и молитвенникъ о Россіи св. преподобный Сергій Чудотворецъ [1]). Еще не получилъ я подробнаго извѣстія о плодахъ сего священнодѣйствія: но слышу, что святую икону его принимаютъ съ усердіемъ. Въ одно время со мною отправились во всѣ четыре стороны и миссіонеры мои. Я—*на востокъ*, Раиѳскій Игуменъ—*на сѣверъ*, Чебоксарскій Архимандритъ—*на западъ*, а Кизическій—*на югъ* [2]). Кій обращутъ плодъ

---

[1]) Разумѣется ходъ съ храмовою чудотворною иконою преподобнаго *Сергія Радонежскаго Чудотворца*, находящеюся въ Свіяжскомъ дѣвичьемъ Іоанно-Предтеченскомъ монастырѣ. Съ незапамятныхъ временъ икона сія ежегодно въ Маѣ мѣсяцѣ поднимается съ мѣста и носится по разнымъ уѣзднымъ городамъ и селеніямъ Казанской епархіи. Ходъ сей продолжается около двухъ мѣсяцевъ и болѣе. (Смотр. «Чудотворныя и особенно мѣстно чтимыя иконы и крестные ходы въ Казанской епархіи». Казань. 1872 г., стр. 3).

[2]) Раиѳскій игуменъ *Амвросій;* Чебоксарскій Архимандритъ *Самуилъ*, бывшій до миссіонерства игуменомъ Седміезерской пусты-

Господеви, извѣщу Васъ. Къ сожалѣнію, не могу я никакъ отправиться въ Царевококшайскій уѣздъ прежде Августа, или Іюля мѣсяца—а потому и лишаюсь удовольствія видѣться съ Вами. Нужно мнѣ дождаться возвращенія миссіонеровъ, и, получа отъ нихъ свѣдѣнія, распорядиться, гдѣ болѣе нужнымъ окажется личное мое посѣщеніе".

Дальнѣйшее письмо было послѣ очень долгаго промежутка, чуть не полугодичнаго. Оно и начинается такъ: „Простите милостиво, что такъ замедлилъ я отвѣтомъ. Хотя въ нынѣшнія времена, конечно, подобало бы намъ находить утѣшеніе въ сколь можно частыхъ бесѣдахъ, отъ братской любви истекающихъ,—но то̀ бѣда, что суеты и хлопоты безконечныя и, можетъ быть, безплодныя пожираютъ и время и силы. Послѣ тяжкаго мимоходящаго года дай Господи срѣтить намъ новый въ радости духовной со знаменіями благословенія Отца небеснаго. Да не попуститъ милосердіе Его по грѣхамъ нашимъ искуситися намъ паче, неже можемъ понести.

„О себѣ доложу Вашему Преосвященству, что силы мои изнемогаютъ подъ бременемъ управленія обширною и многосложною паствою,—прошу у вышнихъ облегченія: но доселѣ не получаю; вотъ уже два года скоро кончится, какъ представленіе мое о раздѣленіи епархіи лежитъ безъ дѣйствія [1]). Видно Господу Богу угодно смирять меня непотребнаго.—Помолитесь, Владыко святый, да укрѣпитъ Господь немощь мою.

„Осенью и мои Черемисы, смежные съ Вашими, осквернили себя идольскими жертвами человѣкъ до пятидесяти. Но, кажется, мои помягче Вашихъ; ибо на гласъ мой чрезъ миссіонера Раифскаго игумена Амвросія обратились тотчасъ на путь истины и принесли всѣ раскаяніе съ обѣщаніемъ не повторять болѣе своихъ паденій. Дай

ни; Кизическій Архимандритъ *Гурій*, прежде экономъ архіерейскаго дома.

[1]) Письмо это было отъ 16 Декабря 1831 г.; въ 1832 г. Симбирская епархія была открыта.

Богъ, чтобъ устояли въ своемъ обѣщаніи;—впрочемъ безпрекословно отдали всѣ суевѣрныя свои вещи на сожженіе. Нѣкоторыхъ главныхъ зачинщиковъ приговорили мы къ посылкѣ въ монастыри на покаяніе, но не знаю,—какъ рѣшитъ сіе дѣло Святѣйшій Сунодъ. Долго еще намъ будетъ трудиться надъ сими невѣждами, но не надобно ослаблять начатаго съ несомнѣнною надеждою въ успѣхѣ съ помощію Божіею. Вѣроятно, что при введеніи въ Россію Христіанской Вѣры прежнимъ тогдашнимъ Архіереямъ много труда было и надъ *Русскими*:—что дѣлать, когда таковъ родъ человѣческій,—вдругъ ни что не созрѣваетъ!.. А поле требуетъ воздѣлыванія, чтобъ пожать плоды.

„Ежели Господу Богу угодно будетъ, очень желательно мнѣ бесѣдовать съ Вами въ Муроносицкой Пустыни,—да и очень нуженъ намъ взаимный совѣтъ въ общемъ дѣлѣ послѣ нѣсколькихъ опытовъ Вашихъ и моихъ".

Наконецъ доходимъ и до послѣдняго письма (отъ 10-го Февраля 1832 г.), писаннаго въ Вятку преосв. Кириллу,—такъ какъ въ эту пору преосв. Кириллъ получилъ новое назначеніе—быть Архіепископомъ Каменецъ-Подольскимъ. „Слышу и навѣрное,—писалъ высокопр. Филаретъ,—что Вашему Высокопреосвященству Промысломъ Божіимъ назначена новая паства въ южномъ краѣ нашего отечества. Мнѣ бы конечно хотѣлось, чтобъ Васъ перемѣстили поближе къ сердцу Россіи: но якоже Господеви изволися, тако и бысть. Зная преданность Вашу Господу Богу, я увѣренъ, что Вы съ покойнымъ духомъ отъ руки Его примете сіе служеніе Церкви Его святой. Не отриньте, Владыко святый, моей покорнѣйшей просьбы, которая, можетъ быть, придетъ Вамъ первая въ новомъ Вашемъ чинѣ.—Посѣтите мою старость въ Казани проѣздомъ въ Вашу новую паству. Богъ вѣсть, дастъ ли Промыслъ Его случай видѣться намъ на земли пришельствія нашего.—Мнѣ еще представляетъ вѣра моя, что въ Казани подобаетъ Вамъ помолиться и поклониться святой чудотворной Иконѣ Божіей Матери, Заступницы нашей усердной, и святите-

лямъ Казанскимъ,—да благословитъ Господь Богъ молитвами ихъ путь Вашъ и начало подвиговъ Вашихъ въ новой паствѣ.—Въ надеждѣ имѣть сердечное удовольствіе личнаго съ Вами собесѣдованія [1]), съ моимъ искреннѣйшимъ къ Вамъ почитаніемъ и любовію имѣю пребыть навсегда".

По перемѣщеніи преосв. Кирилла въ Каменецъ-Подольскъ переписка съ нимъ у высокопр. Филарета продолжалась, хотя и не такъ часто. Въ первомъ письмѣ, отвѣтномъ на письмо перваго, высокопр. Филаретъ, главнѣе всего, выражалъ свои чувства и надежды, что Господь *Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи* даруетъ силы къ преодолѣнію трудностей служенія и на новомъ мѣстѣ... „И Слово Божіе намъ глаголетъ, и долголѣтній собственный опытъ удостовѣряетъ, что, трудный и многими скорбями усѣянный, путь жизни всегда и нѣчти есть выраженіе любви къ намъ Господа Іисуса Христа, Великаго Крестоносца. Вѣрно, Господь Васъ, сѣющихъ слезами, благословитъ радостною жатвою на нивѣ Его. Хотя по премудрому строенію Господа Іисуса Христа очень рѣдко случается истиннымъ служителямъ Его вкушать въ жизни сей плоды трудовъ своихъ, но что-до того?—Было бы посѣяно и напоѣно,—а Богъ возраститъ, какъ и когда Ему благоугодно. Въ Казани у насъ все мирно и благополучно. Только необыкновенная на всѣ жизненныя потребности дороговизна. Хлѣба у насъ, по милости Божіей, уродилось очень довольно,—но неурожай въ другихъ мѣстахъ и широкая Волга обобрали насъ и возвысили цѣну. Надобно благодушно дѣлиться съ ближними".

---

[1]) Преосв. Кириллъ, дѣйствительно, проѣздомъ посѣтилъ высокопреосвящ. Филарета, у котораго пробылъ въ Казани съ 6 по 9-е Марта 1832 г. (См. Вятск. Епарх. Вѣд. 1868 г. № 19). Въ послѣдствіи оба Святителя видѣлись въ С.-Петербургѣ, когда находились одновременно присутствовавшими въ Св. Сунодѣ.—Преосв. Кириллъ тутъ и скончался 1841 г. Марта 28 въ Великій Пятокъ, и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ. (Смотр. полное собраніе Словъ и рѣчей Архіеп. Кирилла. Москва. 1854 г., часть 1, стран. 43—48).

Слѣдующее письмо содержитъ подтвержденіе и оправданіе прежнихъ чувствъ и надеждъ.—„Сердечно радуюсь, что Благочестивѣйшій Государь всемилостивѣйше сопричислилъ Васъ къ ордену св. Благовѣрнаго Князя Владиміра [1]). Съ сею Монаршею милостію усерднѣйше Васъ поздравляю. Конечно, Господу Богу благоугодно единеніе сердецъ нашихъ любовію о Господѣ, что вмѣстѣ съ Вами и я удостоился получить великую Царскую милость [2]). Будемъ вседушно уповать на Господа Бога, силу Свою могущаго совершать и въ нашихъ немощахъ. Я Вамъ предрѣкалъ, что тѣ трудности, которыя срѣтили Вы при вступленіи въ управленіе ввѣренной Вамъ паствы, благодатію Божіею преодолѣются. Теперь благодарю Господа, во всемъ Вашему упованію благопоспѣшествующаго. Послѣ терпкаго оставлять преемникамъ сладкое весьма похвально и благочестно. Сіе носитъ на себѣ знаменіе *Апостольскаго служенія*. Помолитесь, Владыко святый, о моемъ недостоинствѣ, да Господь Богъ поможетъ мнѣ немощному непостыдно совершить служеніе Церкви Его святой въ *лѣтахъ уже преклонныхъ*. У Васъ, думаю, теперь уже довольно тепло—а у насъ зима весьма многоснѣжная и холодная. Впрочемъ, по замѣчанію старожиловъ, это служитъ признакомъ хорошаго лѣта для урожая хлѣбовъ.—Подобаетъ намъ сугубо возсылать молитвы къ Господу Богу, да умилосердится надъ соотечественниками и братіями нашими, терпящими крайній недостатокъ въ продовольствіи“.

---

[1]) 25-го Декабря 1833 г. преосв. Кириллъ за дѣятельное попеченіе о благоустройствѣ, ввѣренной ему, епархіи (Каменецъ-Подольской) и утвержденіи паствы въ Православіи сопричисленъ былъ къ ордену Владиміра 2-й степени большаго креста.

[2]) Въ это же самое время (25-го Декабря 1833 г.) высокопр. Филаретъ сопричисленъ былъ къ Ордену св. Александра Невскаго;—слѣдов. эта награда послѣдовала чрезъ два года его служенія въ Казани послѣ Высочайшаго пожалованія ему бриллiантоваго креста на клобукъ.—Каково же было значеніе этой награды—«*креста на клобукѣ*» мы уже видѣли въ своемъ мѣстѣ (въ стихотвореніи Проф. Городчанинова); таково же, несомнѣнно, значеніе и новой Монаршей награды, не безъ причины такъ скоро послѣдовавшей.

Въ дальнѣйшихъ письмахъ, до самой поры отбытія изъ Казани высокопр. Филарета въ С.-Петербургъ, не встрѣчаемъ ничего особеннаго по излагаемому предмету. Только въ письмѣ, (отъ 7-го Мая 1834 года), высокопр. Филаретъ, сообщая еще о надеждѣ на хорошій урожай хлѣба послѣ тяжкаго голоднаго прошлаго года, выражалъ свои мысли и чувствованія относительно значенія этого бѣдствія въ путяхъ Всеблагаго Промысла. „Господь, всеконечно, готовъ всегда премѣнять все на благословеніе и радость для насъ; да наше окаянство коснѣетъ во грѣхахъ и нераскаянности. Къ утѣшенію, однакожъ, скажу Вамъ, что при великомъ множествѣ нищихъ всѣ именемъ Христовымъ питаются благотвореніемъ и общеніемъ вѣрныхъ. У самыхъ Чувашъ и Черемисъ чувство человѣколюбія раскрывается ощутительно. И Татары толпами ходятъ и просятъ у Русскихъ милостыни *ради Христа* [1]) и получаютъ. И сіе есть уже знаменіе благости Господней, призывающей къ истинѣ и спасенію не познавшихъ еще пути къ нимъ. Дай Богъ, чтобъ чувство чловѣколюбія возвышалось до чувства благочестія, и имъ освящалось. Сего-то еще мало примѣтно въ очахъ нашихъ. Очи Господни видятъ вся". И въ заключеніе письма выражаетъ молитвенно благожелательныя и общеуповательныя чувствованія вѣры непостыдной.—„Да укрѣпитъ Господь душевныя и тѣлесныя силы Ваши, яко же и мои на дѣло служенія нашего... Его только Святымъ и Всесильнымъ Духомъ можетъ возрастать и преуспѣвать и совершаться сіе святое дѣло и въ самыхъ немощахъ нашихъ. Святіи Богомудріи Отцы сами испытали и намъ грѣшнымъ передали, что тамъ наипаче совершается сила Божія, гдѣ оскудѣваютъ силы человѣческія. А матерью всѣхъ благихъ дѣлъ поставляютъ они молитву, возносящуюся къ Престолу Бога Отца небеснаго, отъ Него же исходитъ всяко даяніе благо и всякъ

---

[1]) Татары просятъ у Русскихъ, т. е. Христіанъ, милостыню, всегда произнося какъ-то особенно протяжно и жалобно выраженіе *Христа ра!!*.—Объ этомъ бывшемъ голодѣ и о дѣйствіяхъ благотворенія самого высокопр. Филарета будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

даръ совершенъ. Будемъ убо молитися Господу Богу, да устроитъ вся по Своей святой и всеблагой волѣ".

Этимъ послѣднимъ, бывшимъ изъ Казани, письмомъ, закончимъ и мы изложеніе переписки съ повтореніемъ прежняго нашего убѣжденія, что для прочитавшихъ излишни были бы какіе либо комментаріи. Во всей серіи, приведенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, писемъ очевидны такая полнота и ясность, равно и самая характеристичность содержанія по роду и значенію предметовъ, и по взаимному сочувствію, и самой дѣятельности переписывавшихся Святителей, а въ особенности высокопр. Филарета, что нужно лишь имѣть соотвѣтствующее чувство и пониманіе, чтобы признать и оцѣнить все по истинному достоинству.—Намъ остается еще представить только другія документальныя данныя и разные факты, относящіеся къ излагаемому предмету,— къ дѣлу миссіонерско-архипастырскаго служенія высокопр. Филарета. Эти послѣдующія свѣдѣнія восполнятъ и освѣтятъ и самое содержаніе бывшей переписки и еще полнѣе и рельефнѣе представятъ личность жизнеописуемаго Святителя во всей цѣлостности духа и образа его дѣйствій въ разсматриваемомъ дѣлѣ. Это увидятъ читающіе въ сейчасъ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IV.

«Высокопреосвященный Филаретъ ясно понималъ и опытно убѣдился и самымъ дѣломъ доказалъ, что на разсматриваемомъ поприщѣ нужно дѣйствовать не путемъ науки и вообще не по идеѣ и теоріи, и не по системѣ подвижныхъ миссій, а чрезъ мѣстное духовенство и развѣ еще чрезъ лицъ съ истинно христіанскимъ участіемъ и призваніемъ» [1]).

«Озаботиться нужно воспитаніемъ молодаго поколѣнія инородцевъ въ истинахъ Православной Вѣры: для сего поручить мѣстнымъ священникамъ съ причтами учить дѣтей *на ихъ языкахъ* сначала въ домахъ своихъ, а потомъ, когда возрастетъ число ихъ, въ школахъ при церквахъ» [2]).

Въ изложеніи нашемъ, по отношенію ко времени, мы должны вернуться нѣсколько назадъ,—именно обратиться къ „проэкту особаго учрежденія для приготовленія миссіонеровъ путемъ образованія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ“.—Составить такой проэктъ было предписано высокопр. Филарету самимъ Св. Сунодомъ въ первый еще годъ поступленія его на Казанскую каѳедру (именно указомъ отъ 24-го Декабря 1828 г.), при томъ не для одной лишь Казанской епархіи, но примѣнительно къ состоянію и потребностямъ окрестныхъ странъ, въ которыхъ находились (и находятся и теперь) разные инородцы и новокрещенные, но отпадавшіе, и вовсе некрещенные.—Съ своей стороны сознавая всю важность

---

[1]) Слова въ послѣдующемъ повѣствованіи.

[2]) Слова изъ донесенія высокопр. Филарета Св. Суноду.

и пользу такого учрежденія, высокопр. Филаретъ поспѣшилъ всячески выполнить распоряженіе Св. Сунода, хотя, какъ мы видѣли, „у него, по его выраженію, не хватало и рукъ и времени среди заботъ и трудностей", встрѣченныхъ особенно въ самыхъ первыхъ годахъ по части обращенія инородцевъ и возможнаго успокоенія ихъ противо-христіанскихъ движеній. Проэктъ былъ имъ представленъ въ Св. Сунодъ возможно немедленно [1]). Правда, проэктъ этотъ не вошелъ въ силу по причинамъ, очевидно, сознаваемымъ тогда же самимъ Св. Сунодомъ, въ числѣ коихъ, вѣроятнѣе всего, было то, что для приведенія проэкта въ дѣло требовалась значительная сумма, по составленному Филаретомъ же примѣрному штату, въ количествѣ 5400 руб. на каждый годъ.—Но, вникая въ сущность всего содержанія указываемаго проэкта, должно признать въ немъ именно то, что встрѣчаемъ въ одномъ изъ отзывовъ, высказанномъ уже въ печати [2]). При томъ этотъ проэктъ получаетъ особенную великую важность именно въ связи и единствѣ съ тѣми дѣйствіями и мѣропріятіями, какія мы видѣли въ перепискѣ между архипастырями—Филаретомъ и Кирилломъ и отчасти—Евгеніемъ. Мы представимъ ниже выводъ изъ этого проэкта и переписки. Предварительно же ознакомимъ читающихъ съ самымъ содержаніемъ проэкта высокопр. Филарета, хотя и не во всей полнотѣ, а въ главныхъ, болѣе важныхъ, пунктахъ, которыхъ въ проэктѣ тридцать.

Проэктъ высокопр. Филарета касался слѣдующихъ предметовъ: 1) цѣли учрежденія для образованія миссіонеровъ, 2) средствъ приготовительныхъ и 3) примѣрнаго оклада жалованья преподавателямъ инородческихъ языковъ.

---

[1]) Оказывается, что Св. Сунодъ предписывалъ такъ же и Тобольскому преосв. Евгенію составить проэктъ въ этомъ же родѣ для миссіонерства въ средѣ Сибирскихъ инородцевъ (смотр. Странникъ. 1872 г., Май).—Но мы уже видѣли, какъ поступилъ этотъ Преосвященный.

[2]) Смотр. въ Православн. Собесѣдникѣ статью «Матеріалы для Исторіи Русской Церкви». Свящ. Е. А. Малова. 1876 г., Сентябрь.

1) *Цѣль учрежденія.* Примѣняясь къ потребностямъ Казанской и окрестныхъ епархій, цѣль учрежденія сего должна быть двоякая: а) образованіе священниковъ въ новокрещенскіе приходы, способныхъ къ наставленію и утвержденію въ Православіи народовъ, обращенныхъ въ христіанство,—и б) образованіе миссіонеровъ какъ для утвержденія крещенныхъ, такъ и для обращенія въ христіанскую Вѣру господствующаго въ Россійской имперіи Восточно-каѳолическаго Грекороссійскаго Исповѣданія народовъ, не познавшихъ еще христіанства.

2) *Средства приготовительныя.* § 1. Для образованія какъ священниковъ въ новокрещенскіе приходы, такъ и миссіонеровъ, между другими употребляемыми въ духовныхъ училищахъ средствами, необходимо нужнымъ признается приготовить ихъ заблаговременно основательнымъ знаніемъ языковъ тѣхъ народовъ, для обращенія которыхъ въ христіанскую Вѣру, и для наставленія обращенныхъ изъ нихъ въ Православіи, они предназначаются.

§ 2. Обученіе этимъ языкамъ назначается не только въ Семинаріи, но и въ училищахъ.

Примѣчаніе. Полезнымъ и нужнымъ признается обученіе означеннымъ языкамъ въ уѣздныхъ училищахъ и низшемъ отдѣленіи Семинаріи всѣмъ вообще ученикамъ для того, чтобы не только священники, поступающіе въ новокрещенскіе приходы, по окончаніи полнаго семинарскаго курса, пріобрѣтали основательное оныхъ познаніе; но чтобы и діаконы и причетники, опредѣляемые изъ не окончившихъ курса ученія въ Семинаріи, могли имѣть первоначальныя въ тѣхъ языкахъ свѣдѣнія, которыя они могутъ усовершенствовать, сообразно званію своему, изъ обращенія съ прихожанами подъ руководствомъ мѣстныхъ священниковъ.

Въ дальнѣйшихъ десяти §§ содержится изложеніе всего, касающагося учебниковъ, [1]) распредѣленія пред-

---

[1]) Относительно учебниковъ замѣчено, что ихъ слишкомъ мало, и какіе имѣются недостаточны по содержанію.

метовъ по классамъ и по числу уроковъ и, наконецъ, распредѣленіе самыхъ учениковъ по группамъ.—При этомъ замѣчательно, что по слѣдующему за этими §§ (по § 15-му) поставлено то непремѣнное условіе, чтобы при распредѣленіи учениковъ въ общихъ разрядныхъ спискахъ успѣхи ихъ въ инородческихъ, изучаемыхъ ими, языкахъ принимать въ уваженіе наравнѣ съ прочими предметами.

За этимъ идутъ §§ такого содержанія:

§ 16. Изъ учениковъ, окончившихъ курсъ ученія, избрать отличныхъ по поведенію и успѣхамъ по три человѣка, обучавшихся каждому изъ сихъ языковъ, а всего 9 и оставить ихъ еще на два года, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ предметахъ, нужныхъ къ отправленію званія миссіонеровъ; а прочихъ распредѣлять на священническія вакансіи въ новокрещенскіе приходы по успѣхамъ.

§ 17. Ученикамъ, оставляемымъ для дальнѣйшаго усовершенствованія, имѣть жительство при архіерейскомъ домѣ подъ непосредственнымъ попеченіемъ епархіальнаго Архіерея.

§ 18. На содержаніе ихъ назначить особую сумму по 200 рублей въ годъ на каждаго.

§ 19. Въ теченіе двухъ лѣтъ подъ руководствомъ епархіальнаго Архіерея заниматься имъ чтеніемъ свящ. Писанія съ изъясненіемъ св. Отецъ и другихъ твореній учителей Православной Церкви, переводами на означенные языки, нужныхъ для сихъ народовъ, книгъ и сочиненіемъ поученій подъ руководствомъ учителей. Сверхъ того могутъ они быть лекторами въ классахъ сихъ языковъ, а равно отправляться по очереди съ дѣйствительными миссіонерами въ новокрещенскіе приходы для пріобрѣтенія познаній о свойствахъ тѣхъ народовъ и для вспомоществованія миссіонерамъ въ составленіи журналовъ, а, въ случаяхъ, служить имъ вмѣсто переводчиковъ.

§ 20. По окончаніи двухгодичнаго приготовленія, ученики сіи поступаютъ: а) на учительскія мѣста сихъ языковъ, буде откроются вакансіи; б) въ монашеское

званіе, ежели изъявятъ на то собственное желаніе, съ надеждою быть имъ впослѣдствіи времени миссіонерами; в) въ священники или къ каѳедральному собору и къ церквамъ губернскимъ и уѣздныхъ городовъ, дабы впослѣдствіи изъ нихъ можно было составить комитеты для разсмотрѣнія переводовъ и сочиненій на ихъ языкахъ, или въ новокрещенскіе лучшіе приходы.

§ 21. На такомъ же основаніи избираются вновь девять учениковъ изъ окончившихъ курсъ ученія въ безпрерывномъ порядкѣ, дабы епархіальное начальство всегда имѣло въ готовности людей образованныхъ и способныхъ къ отправленію должности миссіонеровъ, по достиженіи ими зрѣлаго возраста.

§ 23. Для обученія языкамъ Татарскому, Чувашскому и Черемисскому изъ тѣхъ епархій, гдѣ жительствуютъ въ большомъ количествѣ сіи народы, прислать единовременно въ Казанскую Семинарію по два человѣка для каждаго языка изъ отличныхъ учениковъ, окончившихъ ученіе въ низшемъ отдѣленіи епархіальныхъ семинарій къ 1-му Сентября 1830 года.

§ 25. По окончаніи курса ученики эти съ аттестатами обращаются въ вѣдомства тѣхъ епархій, изъ которыхъ они присланы будутъ, и поступаютъ въ учители сихъ языковъ на такомъ же основаніи, на какомъ предполагается имъ быть въ Казанской Семинаріи.

§ 29. Нужнымъ признается для поощренія учителей сихъ языковъ положить имъ жалованья въ Семинаріи по 500 рублей, а въ уѣздныхъ училищахъ по 300 рублей на каждаго.

§ 30. Службу учителей сихъ языковъ считать наравнѣ съ наставниками прочихъ предметовъ какъ въ Семинаріи, такъ и въ уѣздныхъ училищахъ.

Въ отзывѣ, выраженномъ въ прежде упомянутой нами статьѣ, читаемъ, между прочимъ, что „какъ ни много обѣщалъ изложенный проэктъ высокопр. Филарета тогдашнимъ успѣхамъ миссіонерства,—онъ, однако же, не былъ утвержденъ Св. Сунодомъ. Въ частности, въ этомъ же отзывѣ указывается, какъ на особенное достоинство проэкта въ двухъ послѣднихъ §§—именно

29-мъ о количествѣ обезпеченія преподавателей инородческихъ языковъ въ Семинаріи и училищахъ, и въ 30-мъ о признаніи за ними одинаковыхъ правъ по службѣ съ преподавателями другихъ предметовъ; наконецъ еще въ § 15 о томъ (какъ и нами выше замѣчено), чтобы, при распредѣленіи учениковъ на разряды въ общихъ спискахъ, успѣхи ихъ въ инородческихъ языкахъ принимать въ уваженіе наравнѣ съ прочими предметами.—Это правило,—замѣчено Авторомъ статьи,—не мѣшало бы имѣть въ виду и въ наше время. Но это достоинство, если и признавать его, понятно по значенію своему, т. е. оно не болѣе, какъ мѣра поощрительная,—и къ сущности дѣла почти не относится.

Съ своей стороны мы повторяемъ, что достоинство разсматриваемаго проэкта можетъ опредѣлиться не иначе, какъ только въ сопоставленіи съ тѣми способами и мѣропріятіями, какіе употреблялись уже самымъ дѣломъ тремя современными Святителями, лично призванными къ миссіонерству и во главѣ ихъ высокопр. Филаретомъ, и которые довольно подробно изложены въ приведенной перепискѣ. Правда, въ общемъ составѣ отдѣльно разсматриваемаго проэкта поминаемый Авторъ находитъ нѣкоторыя стороны его *слабыми* [1]), именно по части программы, по тѣснотѣ послѣдней; но мы, хотя отнюдь не излагаемъ дѣла въ смыслѣ апологетики, не можемъ не сказать въ отвѣтъ на такую рецензію Автора, что онъ, очевидно, держался взглядовъ на дѣло такихъ, какіе могли дѣйствительно образоваться у него, судя по тому, что̀ оказывалось въ 1876 г., т. е. спустя, не много не мало, почти цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ.—Нечего тутъ горевать о томъ, что были нѣкоторыя стороны проэкта слабы,—онѣ, естественно, скоро были бы усмотрѣны, сознаны и исправлены: горе-то въ томъ, что проэктъ весь цѣликомъ какъ бы канулъ въ воду—въ Лету.

Если мы сопоставимъ все содержаніе переписки и всего проэкта, то въ выводѣ получаемъ самый ясный и

---

[1]) Смотр. выше цитату—Правосл. Собесѣдникъ. Сентябрь, 1876 г.

точный итогъ всего, что главнѣйшимъ и необходимѣйшимъ признавалось для успѣховъ миссіонерства, — а именно: 1) Узнать языкъ инородцевъ и ихъ обычаи. 2) Переложить на языкъ инородцевъ необходимыя молитвы, житія святыхъ и Богослуженіе. 3) Учить дѣтей инородческихъ въ духовныхъ училищахъ, научать ихъ Богослуженію и посвящать въ духовный санъ, чтобы сами они распространяли Вѣру Христову между своими единоплеменниками. 4) Посылать особыхъ миссіонеровъ къ инородцамъ. 5) Расположить приходскихъ священниковъ къ постоянному дѣйствованію на инородцевъ и дать священникамъ приличное содержаніе, чтобы они не обижали вымогательствомъ инородцевъ. 6) Вмѣстѣ съ наученіемъ инородцевъ Вѣрѣ Христовой, дѣйствовать на нихъ путемъ торжественной христіанской обрядности, которая производитъ неотразимое впечатлѣніе на зрителей и благотворное вліяніе на ихъ душевное состояніе".

И такъ чтожъ? Если бы всѣ эти пункты до іоты были бы осуществлены на дѣлѣ, то, какъ замѣчаетъ и сказанный Авторъ, несомнѣнно, что многія мѣры тогда же получили бы громадную силу, особенно если были бы всѣ благопріятныя условія, начиная съ того, если бы всѣ трое сопредѣльные епархіальные Преосвященные вступили на одинъ общій неуклонный путь дѣйствованія и съ одинаковою ревностію и энергію, и если бы они всѣ, одинъ за другимъ, не были переведены на другія мѣста въ ту пору, когда и сѣяніе и жатва были *многи*, а дѣлателей подготовленныхъ было, какъ нельзя менѣе... Такъ и Авторъ, не безъ основанія, говоритъ во первыхъ,— что „какъ ни много обѣщалъ проэктъ высокопр. Филарета общимъ успѣхамъ миссіонерства, но за неутвержденіемъ его (проэкта) ему же первому оставалось дѣйствовать только наличными силами и средствами, какія могли только быть въ его распоряженіи". Во вторыхъ,—если же бы былъ утвержденъ проэктъ и не замедлилъ бы, конечно, быть приведеннымъ въ исполненіе, то многія изъ дѣйствительно бывшихъ неблагопріятныхъ условій тогда же были бы устранены. А между тѣмъ эти-то, неблагопріятствовавшія тогда, условія и были самою

главною причиною того, что инородцы, по мѣстамъ и просвѣщенные тогда же святымъ Крещеніемъ, оставались мало знакомыми съ христіанскимъ ученіемъ и христіанскою жизнію, какъ остаются еще и доселѣ. А къ этому нужно присовокупить еще горшее послѣдствіе, когда чрезъ 30 лѣтъ послѣ архипастырства высокопр. Филарета открылось вновь (въ 1866 г.) почти, точь въ точь, такое же отступническое движеніе въ средѣ новокрещенныхъ Татаръ, какое было въ 1827 г. въ тогдашней Казанской, совмѣстной съ Симбирскою, епархіи. Въ послѣдней же, по отдѣленіи ея отъ первой, еще ранѣе открылись отпаденія новокрещенныхъ инородцевъ—именно въ 1856—57 г., о чемъ увидимъ ниже.—И такъ, во всякомъ разѣ, самыя даже свѣдѣнія о содержаніи и значеніи, излагаемыхъ теперь, миссіонерскихъ дѣйствій тогдашнихъ Святителей и во главѣ ихъ высокопр. Филарета, какъ это признаетъ и Авторъ статьи, крайне необходимы и весьма полезны для исторіи миссіонерства. Въ этихъ свѣдѣніяхъ живой опытъ и прямой урокъ и для настоящихъ дѣятелей на святомъ и столь великотрудномъ поприщѣ миссіонерства.—А этотъ опытъ и урокъ дѣйствительно и, справедливо сказать, примѣрнѣйшимъ образомъ воспринялъ и, такъ сказать, воплотилъ въ себя и на самомъ дѣлѣ осуществилъ тотъ изъ послѣдующихъ дѣятелей—Святителей Казанскихъ, который былъ, и по ближайшему родству и по духу, истый преемникъ-послѣдователь во всемъ образѣ и характерѣ архипастырски-апостольскаго служенія приснопамятнаго для Казанской паствы высокопр. Филарета—это *родной его племянникъ* высокопр. *Антоній*, поступившій на Казанскую паству въ концѣ 1866 г. (ровно чрезъ 30 лѣтъ послѣ дяди) и, непреувеличенно выразиться, принесшій въ жертву всѣ свои силы и труды въ борьбѣ со всѣми многотрудностями и неблагопріятностями, сократившими такъ скоро и жизнь его, въ теченіе тринадцатилѣтняго архипастырскаго его подвигослуженія [1]).

---

[1]) Для ознакомленія съ этими свѣдѣніями мы просимъ читающихъ обратиться къ изданной нами въ 1885 г. полной біографіи

Въ заключеніе о значеніи всего изложеннаго о проэктѣ высокопр. Филарета, въ нераздѣльной связи съ его способами и мѣропріятіями, употребляемыми въ дѣлѣ личнаго миссіонерскаго служенія, мы должны остановиться въ частности на томъ, что̀ обозначено въ выводѣ—въ пунктѣ 6-мъ, именно: „Чтобы съ наученіемъ инородцевъ Вѣрѣ Христовой дѣйствовать на нихъ непремѣнно, при всякой возможности, путемъ священно-церковной обрядности въ разныхъ чинопослѣдованіяхъ,—что̀, несомнѣнно, всегда сильно производитъ глубокое впечатлѣніе на зрителей и участниковъ и имѣетъ благотворное вліяніе на ихъ душевное состояніе“.—Значеніе этого пункта, по нашему убѣжденію, достойно особеннаго глубокаго вниманія. И упоминаемый Авторъ, по видимому, коснулся этого предмета, но какъ бы вскользь и, при томъ, въ томъ смыслѣ, что будто бы и самъ высокопр. Филаретъ не вполнѣ былъ убѣжденъ въ цѣлесообразности и благотворности такого образа и пути дѣйствованія на обращаемыхъ. „Высокопр. Филаретъ, читаемъ у Автора, придавалъ *слишкомъ важное* значеніе въ дѣлѣ миссіонерства *наружнымъ церковно-христіанскимъ* обрядамъ и отъ нихъ многаго надѣялся; впрочемъ эту мѣру хотя онъ самъ и признавалъ таковою,—но не считалъ своего мнѣнія не подлежащимъ *ошибкѣ*.., а потому и въ письмѣ къ преосв. Кириллу онъ спрашивалъ: *такъ ли я думаю,—прошу меня вразумить*“. Но такое сужденіе, такъ или иначе, узковато...—При чтеніи и самаго письма въ подлинникѣ, чувствуется и прямо видится, что просьба о вразумленіи есть не иное что̀, какъ взаимно-братственная откровенность и совѣщательность, что̀ и выражено въ непосредственно слѣдующихъ за этимъ выраженіемъ словахъ въ этомъ письмѣ: „ибо дѣло сіе Божіе и не иначе можетъ идти благоуспѣшно, какъ *взаимнымъ совѣтомъ*“.—Въ полномъ текстѣ самаго письма

сего Архипастыря—Архіепископа Антонія (Амфитеатрова). Въ текущемъ же изложеніи мы будемъ дѣлать по мѣстамъ нѣкоторыя только краткія указанія.

читаемъ такъ: „*Бесѣда Св. Матери нашей Церкви съ сими малоумными чадами посредствомъ священныхъ наружныхъ обрядовъ по опыту оказывается самою дѣйствительною*—и, кажется, иначе быть не можетъ.—Я поручилъ священникамъ такъ дѣйствовать, чтобы, вмѣсто суевѣрныхъ языческихъ жертвоприношеній, стараться всевозможно пріучать ихъ къ святымъ и освящающимъ и наставляющимъ Церкви нашея обрядамъ—и даже такъ, чтобъ не измѣнять, гдѣ можно, ни времени, ни мѣста для священнослуженій—напримѣръ: они при началѣ сѣянія приносятъ жертвы—почему жъ и священнику не отслужить молебна со святыми иконами на открытомъ полѣ?—и тому подобное.—Таковый образъ дѣйствованія мнѣ представляется *единственнымъ* средствомъ къ премѣненію ихъ суевѣрныхъ обычаевъ на святые обычаи вѣры“. Наконецъ, къ этому писавшій присовокупилъ: „Не удобнѣе ли, въ самомъ дѣлѣ, достигнуть цѣли обращенія язычествующихъ этими именно средствами, которыя не даромъ св. Православная Церковь установила и употребляла при обращеніи въ Христіанство и нашихъ предковъ—Русскихъ язычествовавшихъ“. —И такъ, если видимъ здѣсь всѣ основанія и экклезіастическія и практическо-фактическія и историческія,—которыя приводитъ высокопр. Филаретъ къ признанію этой употребляемой имъ мѣры прямо благотворною,—то напрасно наводитъ мысль, что онъ опасался яко бы *ошибки*... указываемой Авторомъ. — Къ историческимъ основаніямъ нужно присовокупить даже и то, что указываемая мѣра и самая практика въ дѣлѣ просвѣщенія и утвержденія въ Христіанской Вѣрѣ и духовной нравственной жизни путемъ церковной обрядности, употреблялись, какъ свидѣтельствуетъ Исторія, и въ древней первенствующей Церкви и, при томъ, именно такъ, что нѣкоторые священно-церковные обряды вводились именно въ замѣнъ языческихъ обычаевъ и обрядовъ при ихъ моленіи.—Если храмъ христіанскій есть училище вѣры и благочестія, то все Богослуженіе есть—самые уроки ученія по содержанію, а обрядности церковныя,—если можно такъ выразиться,—и декорація и драмматургія,

въ живыхъ лицахъ священнодѣйствующихъ и въ чинопослѣдованіи всѣхъ дѣйствій то же, что и туманныя картины, принятыя нынѣ въ употребленіе при духовно-религіозныхъ чтеніяхъ простому народу,—но только въ высшей и чистѣйшей степени значенія и эффекта, чѣмъ послѣднія.

Наконецъ, что касается практической стороны, т. е. выполненія указываемыхъ способа и мѣры, то какъ самъ высокопр. Филаретъ, въ удостовѣреніе ихъ дѣйствительной благотворности, не безъ намѣренія препроводилъ преосв. Кириллу при своемъ томъ же письмѣ [1]) репортъ одного о. Благочиннаго, такъ и для читающихъ, для этой же цѣли, были предложены нами три репорта, содержаніе которыхъ цѣликомъ свидѣтельствуетъ, что и какъ совершалось разсматриваемымъ способомъ, и какое истинно благотворнѣйшее происходило отсюда впечатлѣніе и дѣйствіе,—и какъ сами исполнители священники, несомнѣнно, фактически удостовѣрялись въ дѣйственности, употребляемыхъ ими, способовъ церковно-обрядовыхъ, и какъ, наконецъ, сами инородцы сразу воспринимали силою своего простодушнаго, за то чистосердечнаго, вѣрованія и убѣжденія значеніе и дѣйствіе всякой священно-церковной обрядности, не исключая даже вещественныхъ предметовъ—воскуренія напр. ѳиміама (ладона).

Въ окончательное удостовѣреніе всего сказаннаго намъ остается представить тѣ документальныя данныя, гдѣ является самъ началовождь и примѣрный руководитель, и выполнитель описываемыхъ мѣръ и дѣйствій—самъ высокопр. Филаретъ.

Въ самыхъ письмахъ къ преосв. Кириллу мы уже видѣли, что высокопр. Филаретъ съ первыхъ же весеннихъ мѣсяцевъ своего поступленія на Казанскую каѳедру началъ дѣлать личныя посѣщенія инородческихъ селеній и продолжалъ ихъ непрестанно въ теченіи двухъ первыхъ лѣтъ по преимуществу. Затѣмъ, когда стали быть у него миссіонеры въ числѣ главныхъ трехъ лицъ—

---

[1]) Письмо это по порядку 10-е.

архимандритовъ, то и ихъ онъ не иначе рѣшался отправлять на дѣло ихъ служенія, какъ прежде бралъ ихъ съ собою въ сопутники,—равно и тамъ, гдѣ, по донесеніямъ благочинныхъ, или священниковъ, оказывались зачатки обращенія, онъ непремѣнно отправлялся туда самъ же.—И, какъ оказывается, дѣйствительно въ эти-то самые первые два года, по преимуществу, и были особенные успѣхи въ дѣлѣ обращенія. Въ выпискѣ [1]) изъ дѣлъ Консисторіи читаемъ: „Благочинные и священники инородческихъ приходовъ Симбирской губерніи доносили высокопреос. Филарету объ заявленной склонности и готовности къ принятію Христіанской Вѣры со стороны Чувашъ въ весьма большомъ числѣ въ разное время. И, вотъ, всѣ сіи Чуваши, въ разное время, Крещены были самимъ его Высокопреосвященствомъ при содѣйствіи мѣстныхъ благочинныхъ и священниковъ въ рѣкахъ, и послѣ Крещенія пріобщены Св. Таинъ въ походной церкви. И такое непосредственное участіе Владыки, какъ оправдалось въ послѣдствіи, имѣло то особенное значеніе, что новокрещенные оказывались съ разу особенно утвердившимися въ Вѣрѣ и благочестіи христіанскомъ; у нихъ самое это событіе вошло тогда же въ особенное памятное для нихъ преданіе“.—Сейчасъ сказанное, значеніе факта само собою понятно; естественно, что при Архіерейскомъ Священнодѣйствіи все чинопослѣдованіе совершалось съ особенною торжественностію по части обрядности церковной и выполненія ея, начиная съ пѣнія и проч. Несомнѣнно, что и самъ высокопр. Филаретъ, полагавшій въ обрядности великую силу для воздѣйствія на новокрещаемыхъ, показалъ и присутствовавшимъ—священникамъ и причтамъ образецъ возможно *истовой* выполнительности всей церковности.—Но столько же несомнѣнно, что при этой внѣшней сторонѣ церковной обрядности имѣли особенное значеніе и дѣйствіе тотъ духъ, характеръ и самое

а) Въ выпискѣ, стр. 2, 3. Тутъ означены и нѣкоторые изъ указовъ Св. Сунода по подобнымъ предметамъ.

проявленіе внутренняго состоянія, коими обладалъ Священнодѣйствовавшій.—Въ запискахъ въ Бозѣ почившаго мы не разъ встрѣчаемъ такой отзывъ о всѣхъ, подобныхъ настоящему, его дѣйствіяхъ; „*И все это имѣло вполнѣ благой успѣхъ*“.

Что жъ такое *все это*, о чемъ свидѣтельствуетъ онъ, какъ о причинѣ особеннаго успѣха?

Одна половина отвѣта на этотъ вопросъ, всего прежде, видится изъ того, что мы знаемъ уже изъ инструкціи, составленной высокопр. Филаретомъ для священниковъ и всѣхъ призываемыхъ на это важное святое служеніе миссіонеровъ. „*Предъ начатіемъ сего святаго подвига надлежитъ каждому приготовить себя постомъ и молитвою.*“ Нужно ли объяснять, что силою и дѣйствіемъ поста и молитвы, прежде и главнѣе всего, и обусловливался успѣхъ дѣла по буквальному изреченію Самого Господа: *сей родъ ничимже можетъ быть изгнанъ, токмо молитвою и постомъ.* Ибо какой былъ и здѣсь *враждебный родъ*, какъ не тотъ же *бѣсовскій*, по злому и пагубному вліянію и дѣйствію котораго находились всѣ заблудшіе въ своемъ пагубномъ состояніи. И дѣйствительно, высокопр. Филаретъ, не обинуясь, доносилъ Св. Суноду, „что инородцы язычествующіе (Чуваши и Черемисы) удерживаются въ своемъ заблужденіи и суевѣріи привычкою и страхомъ, чтобы *злой духъ*, именуемый *керметью*, не покаралъ ихъ всякаго рода бѣдствіями, если они перестанутъ приносить ему жертвы“. А при этомъ простительно ли было бы и помыслить, что высокопр. Филаретъ, заповѣдуя другимъ такое правило и подвигъ, не выполнялъ его самъ?—Не постъ ли и молитва отъ дѣтства были его постоянными вожделѣнными подвигами, и не силою ли молитвы онъ уже являлъ, дерзновенные по вѣрѣ и упованію, опыты побѣжденія враждебныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ разрушительныхъ стихіяхъ природы, и наконецъ, не силою ли молитвы, какъ мы видѣли уже въ приведенномъ фактѣ, именно по отношенію къ инородцамъ, — онъ исхитилъ, такъ сказать, изъ самыхъ челюстей смерти, бывшаго уже при послѣднихъ вздохахъ, старика-чувашенина? — Не

тѣмъ ли паче онъ усугублялъ эти же подвиги молитвы и поста, когда исходилъ на дѣло апостольскаго служенія... и въ особенности тамъ, гдѣ, какъ читали мы въ его письмахъ къ преосв. Кириллу, онъ предвидѣлъ явную ловитву погибавшихъ душъ въ спасительную мрежу Евангелія. Не въ этихъ ли письмахъ онъ постоянно выражалъ, или, точнѣе, исповѣдывалъ своему собрату—Архипастырю-соапостольнику именно тѣ чувствованія и убѣжденія и все свое состояніе, какія мы читаемъ въ послѣднемъ заключительномъ письмѣ [1]). „Да утвердитъ Господь душевныя и тѣлесныя немощныя силы Ваши, яко же и мои, къ распространенію и утвержденію спасительнаго Православія. Его бо только Святымъ и Всесильнымъ Духомъ можетъ возрастать, и преуспѣвать, и совершаться сіе святое дѣло и въ самыхъ немощахъ нашихъ. Святіи Богомудріи и Богоносніи Отцы сами испытали и намъ грѣшнымъ передали, что тамъ наипаче совершается сила Божія, гдѣ оскудѣваютъ силы человѣческія. А матерью всѣхъ благихъ дѣлъ поставляютъ они *молитву*, возносящуюся къ престолу Бога Отца небеснаго, отъ Него же исходитъ всяко даяніе благо и всякъ даръ совершенъ“. Наконецъ, какъ мы уже знаемъ и увидимъ еще, что въ Бозѣ почившій, во время всѣхъ своихъ поѣздокъ по обзору епархіи и въ частности при посѣщеніи инородческихъ приходовъ, вездѣ, гдѣ только было возможно, совершалъ Божественную Литургію, а также отправлялъ и другія молебствія, и сверхъ того, при каждомъ потребномъ случаѣ, говорилъ проповѣди *безъ всякаго приготовленія*, такъ что „съ этихъ именно поръ онъ пріобрѣлъ навыкъ (вѣрнѣе сказать, воспріялъ благодатный даръ) проповѣдывать всегда безъ приготовленія, и проповѣдывалъ такъ до послѣдняго времени“ [2]);—потому и подвиги поста и молитвы тѣмъ болѣе были присущи совершав-

---

[1]) Смотр. письмо 25-е, отъ 7-го Мая 1834 г.

[2]) Смотр. записки со словъ самого высокопр. Филарета, листъ 2, стр. 4.

шему всѣ эти священнодѣйствія. О самомъ проповѣданіи Слова Божія самъ Апостолъ языковъ свидѣтельствовался, что оно споспѣшествуется молитвою,—почему и просилъ, напр. Ефесскихъ христіанъ: *Всякою молитвою и моленіемъ* (будите) *молящеся на всякое время духомъ... и о мнѣ, да дастся ми слово во отверзеніе устъ моихъ, съ дерзновеніемъ сказати тайну благовѣствованія Христова* (Ефес. VI, 18. 19). Да и вообще, что̀ значитъ, въ истинномъ, строгомъ пониманіи, церковная проповѣдь Слова Божія? По разумѣнію св. великихъ Пастырей и Учителей Церкви и по буквальному выраженію напр. св. Златословеснаго проповѣдника, проповѣдывать Слово Божіе значитъ то̀ же, что̀ *священнодѣйствовать*.—Слѣдовательно, если въ Бозѣ почившій произносилъ свои проповѣди безъ приготовленія, понимаемаго въ смыслѣ изложенія своихъ мыслей на бумагѣ и даже безъ обдумыванія ихъ предварительно,—то ясно, какое требовалось приготовленіе къ проповѣди Слова Божія въ сказанномъ значеніи *священнодѣйствія?* Не постъ ли и не молитва ли должны были быть здѣсь существеннѣйшими, такъ сказать, проводниками того дарованія *помазанія отъ Святаго* [1]), о которомъ свидѣтельствуетъ Св. Апостолъ: *и вы помазаніе имате отъ Святаго и вѣсте вся... яко то само помазаніе учитъ вы о всемъ*...—Говоря это, мы, впрочемъ, представляемъ вниманію читающихъ не что либо новое о личномъ состояніи въ Бозѣ почившаго. Достаточно только припомнить то̀, что̀ говорилъ онъ самъ въ своей вступительной бесѣдѣ еще на Калужской каѳедрѣ, когда возъимѣлъ святое намѣреніе начать свои бесѣды толковательныя на св. Евангеліе Матѳея, а впослѣдствіи въ Кіевѣ свои собесѣдовательныя толкованія на другія Евангелія. „Приступая къ сему важному *под-*

---

[1]) О значеніи сего дарованія—*Помазанничества*, (каковымъ терминомъ оно опредѣляется въ наукѣ—Гомилетикѣ),—будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ, когда представленъ будетъ характеристическій духъ вѣдѣнія вообще высокопр. Филарета по предметамъ Богословія христіанскаго въ самомъ широкомъ и глубокомъ пониманіи этого слова.

вигу, я не имѣю нужды убѣждать васъ ко вниманію бесѣдѣ моей. Будучи совершенно увѣренъ въ благочестивой любви вашей къ словесамъ Господа Іисуса, *единаго* прошу отъ благочестія вашего—*споспѣшествовать мнѣ молитвами вашими,—да дастся ми слово во отверзеніе устъ моихъ съ дерзновеніемъ сказати тайну благовѣствованія Христова* (Ефес. VI, 19) [1]). Нужно ли входить въ сравнительное объясненіе этихъ словъ бесѣды съ сказанными выше;—не чистое ли въ нихъ тожество и не тѣмъ ли паче, когда въ описываемое время и на настоящемъ мѣстѣ служенія церковному проповѣднику подобало быть не *витіею многовѣщаннымъ*, чтобы блистать краснорѣчіемъ предъ образованными слушателями, а предъ малоразвитыми, или, какъ онъ самъ выражался въ письмахъ, „малоумными дѣтьми и простодушными овечками“.—Для этихъ овечекъ, очевидно, былъ у него истинно подражательный Евангельскому *гласъ добраго Пастыря*, чтобы оглашать ихъ словомъ Богоспасительнаго ученія, такъ что онѣ тотчасъ начинали *вѣдать гласъ* пастыря, чтобы *идти по немъ*... А если гдѣ и встрѣчались среди овецъ сихъ упорныя и дерзкія, какъ напр. въ прежде описанномъ фактѣ, когда одинъ изъ упорствовавшихъ сказалъ на отрѣзъ: „*какъ липѣ березой не быть, такъ и намъ не быть крещенными*“,—то и тутъ, если не въ тотъ же самый разъ *гласъ* архипастыря былъ *увѣданъ сими овцами*, чтобы внити во дворъ спасенія по гласу его, за то самъ глашавшій на столько *исполнѣ бѣ вѣры*, (Дѣян. IV. 8), что тогда же предъузрѣлъ въ сердцахъ ихъ несомнѣнное призваніе Божественною силою и предвозвѣстилъ имъ тутъ же, что въ слѣдующее же прибытіе къ нимъ онъ непремѣнно *окреститъ ихъ*—что и исполнилось по его столь непостыдному упованію.

Впрочемъ, не въ отношеніи только къ этимъ овцамъ, *яже не быша* еще *во дворѣ* и *ихже подобало* ему *при-*

---

[1]) Смотр. Бесѣды, говоренныя Членомъ Св. Синода Филаретомъ, Митроп. Кіевскимъ и Галицкимъ. Томъ 1. Бесѣда 1, стран. 14, 15. Кіевъ. 1847 г.

вести, таковъ былъ *гласъ* Архипастыря для приведенія въ едино стадо Единаго Божественнаго Пастыря,—но и въ средѣ всей своей паствы.—Истинно характеристическое и назидательное до умиленія изображеніе излагаемыхъ чертъ высокопр. Филарета встрѣчаемъ мы у прежде упоминавшагося нами доставителя свѣдѣній [1]).—„Каждое священнослуженіе, свидѣтельствуетъ онъ, запечатлѣнное необыкновеннымъ благоговѣніемъ, напаяло души предстоящихъ и млекомъ Евангельскаго ученія.—Ставъ на амвонѣ и опершись на архіерейскій жезлъ, приснопамятный Святитель Казанскій простымъ разговорнымъ языкомъ объяснялъ „нынѣ читанное Евангеліе“, держась, какъ я въ послѣдствіи узналъ, духа и образа толкованія св. Златоуста. И всякое слово его простое, безъискуственное, чуждое риторическихъ фигуръ, въ его устахъ всегда было *живо*, *дѣйственно*, *солію растворено*, поядающее всякую гниль душевныхъ страстей и пороковъ. На лицахъ слушателей видно было, что слово Учителя потрясало не воздухъ, но сердца...“. Далѣе этотъ же доставитель свѣдѣній, сопоставляя представленную черту въ столь назидательномъ и дѣйственномъ словѣ церковнаго проповѣданія, живописуетъ въ Бозѣ почившаго въ слѣдующей картинѣ, изображающей и тѣ внутреннія свойства и черты духовнаго состоянія, какія видѣли мы въ проявленіяхъ дѣйствій на поприщѣ Апостольскаго его служенія по отношенію къ инородцамъ.—„Довольно было посмотрѣть на приснопамятнаго Святителя, чтобы вынести глубоко поучительный урокъ на всю жизнь. Евангельскія—кротость, смиреніе, простота обрисовывали, какъ ореолъ, его лице, просвѣтленное чистотою души; взоръ поникнутый, чело полное глубокой думы, всякому свидѣтельствовали, что умъ его былъ постоянно занятъ инымъ невидимымъ, (Лѣств. стр. 385, слово къ пастырю), пребывая видимо съ людьми, внутренно же съ Богомъ, по слову Лѣствичинка.—Только

---

[1]) Это г. Карачевъ Александръ, о рукописи котораго цитовано было прежде.

имѣющіе понятіе объ умномъ дѣланіи могли видѣть, что онъ постоянно совершаетъ молитву умомъ въ сердцѣ [1]).— Рѣчь его была всегда простая, нескорая, краткая, но обширная и глубокая по смыслу, привѣтливость ко всѣмъ равная. Какъ служитель Церкви, онъ видѣлъ въ каждомъ, первѣе и главнѣе всего, Христіанина. Земныя отличія не входили въ его расчетъ. Однимъ тономъ, чудно совмѣщавшимъ въ себѣ отеческую любовь съ святительско-пастырскою солидностію, онъ привѣтствовалъ и простаря въ смуромъ армякѣ, и сановника, на груди коего обаятельно сіяла звѣзда... И первому являлся отцемъ, и второму—пастыремъ. И перваго утѣшалъ наслѣдіемъ вѣчныхъ благъ за временное терпѣніе мірскихъ житейскихъ невзгодъ, и второму напоминалъ объ отчетѣ „о приставленіи домовнѣмъ". Богатымъ открывалъ путь къ вѣчному блаженству предпосланіемъ тлѣнныхъ благъ руками убогихъ въ вѣчную сокровищницу и пр. и пр. Однимъ словомъ—это былъ истинно Евангельскій добрый Пастырь, который *вѣдалъ своихъ овецъ* и уразумѣвалъ вся внутреннія души ихъ; и, съ тѣмъ вмѣстѣ, зналъ, по возможности, и внѣшнее житейское положеніе и даже, истинно по дару прозорливости, вдругъ не жданно являлся иногда въ домы ихъ въ среду семьи, какъ истиннѣйшій любвеобильнѣйшій отецъ,—учитель и утѣшитель, не взирая ни на какое состояніе посѣщаемыхъ по сословію, или служебному званію, какъ будто онъ самъ постоянно вращался посредѣ всѣхъ" [2]). Во свидѣтельство всего этого мы увидимъ, въ своемъ мѣстѣ, истинно назидательные до благоговѣйнаго умиленія факты.

И такъ, вотъ, тѣ данныя, изъ которыхъ,—въ чемъ не обинуясь каждый можетъ убѣдиться,—истекало то, о чемъ собственно-устно свидѣтельствовалъ самъ подви-

---

[1]) Онъ самъ съ умиленіемъ воспоминалъ, что Господь даровалъ ему счастіе во время Калужскаго Святительства жить въ Оптинѣ и получить аскетическіе уроки по ученію Паисія Величковскаго. (Слова доставителя—г. Карачева).

[2]) Смотр. въ рукописи г. Карачева страницы—6 и 3—4.

завшійся на поприщѣ своего апостольскаго служенія во спасеніе и не *сущихъ отъ двора овецъ* и бывшихъ уже въ его паствѣ вѣрующихъ, т. е. что „все это имѣло благой успѣхъ“. Но это, какъ мы сказали выше, одна только половина отвѣта на данный вопросъ, относящаяся къ внутренней сокровенной сторонѣ, или иначе, къ силѣ и дѣйствію Божественной благодати, дѣйствовавшей въ лицѣ въ Бозѣ почившаго, какъ сосудѣ и орудіи Богоизбранномъ. Если же мы обратимся и къ естественнымъ, собственно человѣческимъ, свойствамъ и дѣйствіямъ, то и здѣсь откроется предъ нами столько и такихъ чертъ и условій въ лицѣ и дѣятельности его, какихъ только нужно желать въ настоящемъ мѣстѣ и дѣлѣ.

ГЛАВА V.

«Какъ для тогдашняго времени всѣ проэкты и мѣры Высокопреосвященнаго Филарета имѣли бы громадную силу, такъ и для всего послѣдующаго миссіонерства, если бы, къ сожалѣнію, не были они отклонены отъ приложенія ихъ къ дѣлу» [1]).

«Высокопреосвященный Антоній—Архіепископъ Казанскій тяготѣлъ всѣми своими убѣжденіями и желаніями реставрировать все то, что было во время служенія его дяди—Высокопр. Филарета и въ проэктахъ и въ практическихъ опытахъ» [2]).

Высокопреосвященный Филаретъ, читаемъ въ выпискѣ, какъ нельзя болѣе вѣрно понялъ и опредѣлилъ, съ перваго же раза, природный духъ и свойства инородцевъ, (съ чѣмъ долженъ согласиться всякій изъ этнографовъ-спеціалистовъ), какъ по отношенію къ ихъ умственному и вообще духовному неразвитому и простодушному состоянію, такъ и къ самому быту семейному и общественному. Такъ напр. о *Чувашахъ*, составлявшихъ самое значительное большинство въ числѣ обращенныхъ въ христіанство, онъ писалъ Св. Суноду, что *по кротости нравовъ своихъ и по той покорности начальству, каковою отличается сей народъ, и по самому образу ихъ жизни, можно ожидать отъ него успѣховъ въ христіанствѣ* и проч.—По этому, какъ написалъ онъ свое пастырское окружное посланіе въ духѣ простоты и задушевности, такъ и въ инструкціи, составленной имъ для миссіонеровъ, далъ наставленіе (пунктъ V) „по про-

[1]) и [2]) Смотр. въ послѣдующемъ изложеніи.

чтеніи сейчасъ сказаннаго посланія начать съ обращаемыми къ Вѣрѣ *простую изустную бесѣду, приспособленную къ ихъ понятію* о Христіанской Вѣрѣ и жизни, *сообразуясь съ младенческимъ еще ихъ возрастомъ*". Что же касается до національнаго духа и свойствъ Татаръ, то и объ нихъ высокопр. Филаретъ свидѣтельствовалъ характеристично вѣрно,—хотя и въ другую сторону сравнительно съ инородцами—Чувашами и Черемисами.—Татаръ онъ признавалъ и именовалъ „*хитрыми, лукавыми*", и отъ этого, какъ свидѣтельствуютъ документальныя данныя, если онъ и занимался дѣломъ обращенія ихъ—собственно отступниковъ изъ крещенныхъ, то больше всего путемъ административнымъ. Вообще, оказывается, что онъ, сравнительно, мало ожидалъ и успѣха среди Татаръ, а напрягалъ свои труды и заботы на простодушныхъ и малоумныхъ (неразвитыхъ и некультированныхъ нисколько) Чувашъ и Черемисъ [1]). На сколько дѣйствительно правильны были пониманія и убѣжденія высокопр. Филарета относительно состоянія Татаръ, и какія, дѣйствительно, были основанія и причины, чтобы дѣйствовать на нихъ такъ, а не иначе, мы увидимъ это вскорѣ во всей вѣрности—и со стороны исторической, и этнографической, и фактической, подтверждаемой до днесь опытами современныхъ дѣйствій по части обращенія Татаръ.

Указываемое, возможно скорое и вѣрное, ознакомленіе высокопр. Филарета съ инородцами, въ томъ числѣ и съ Татарами, объясняется, между прочимъ, и тѣмъ, что еще въ теченіи шестилѣтней службы своей—ректорской въ Уфѣ, онъ пріобрѣлъ, какъ и самъ говаривалъ, довольно свѣдѣній обо всѣхъ этихъ инородцахъ, которыхъ, въ тогдашней Оренбургской губерніи было огромное число,—именно и Татаръ, и Чувашъ, и Черемисъ, и Мордвы.—Пишущему самому, какъ урожденцу этой губерніи, приводилось слышать изъ устъ самого въ Бозѣ

---

[1]) Объ этомъ смотр. замѣтку и въ цитованной прежде статьѣ «Матеріалы для Исторіи Русской Церкви», стр. 11.

почившаго нѣкоторыя воспоминанія въ этомъ родѣ, съ употребленіемъ даже нѣкоторыхъ выраженій по татарски, или на манеръ татарскій, какъ это бываетъ въ средѣ русскихъ, въ родѣ напр. ладно—*яраръ*, хорошо—*якши* [1]), иди—*айда*, и т. п. Я, говорилъ мнѣ Владыка, и доселѣ помню даже поговорки въ средѣ Русскихъ Уфимцевъ въ отношеніи къ Татарамъ и другимъ инородцамъ. Можетъ быть, и ты, землякъ, слыхивалъ эти поговорки: а я, пожалуй, присовокуплюеще и о Тобольскихъ. И тутъ же съ задушевною улыбкою проговорилъ въ родѣ стиховъ риѳмованныхъ:

„Черемисы и Чуваши,
„И Башкирцы и Мордва
„И Киргизы-Татарва
„Всѣ они—родные наши...
„И Вогулы, Остяки
„И Зыряне, Вотяки
„Это—тоже земляки...

Въ частности же съ Татарами въ самой Казани высокопр. Филаретъ ознакомлялся и, до нѣкоторой степени, приближалъ ихъ къ себѣ, по преимуществу, когда живалъ, обыкновенно, лѣтомъ въ загородномъ домѣ, гдѣ, замѣчательно, находятся, и до днесь сохранившіеся, памятники (изъ огромныхъ цѣльныхъ камней съ татарскими надписями) на могилахъ погребенныхъ тутъ, очевидно, въ далеко-давнія времена, какихъ-то лицъ, особенно чтимыхъ Татарами въ родѣ святыхъ. На эти могилы собиралось, въ извѣстныя нарочитыя времена, на моленье при этихъ могилахъ не малое число Татаръ, въ томъ числѣ даже женщинъ.—До высокопр. Филарета запрещали и даже прогоняли посѣщавшихъ по распоряженію эконома, или по личной непріязни другихъ, живущихъ въ архіерейскомъ домѣ, лицъ; но онъ прекратилъ все это гоненіе и, на оборотъ, самъ выходилъ даже и за ограду, когда видѣлъ приходившихъ, и успокоивалъ ихъ безопасностію отъ сказанныхъ преслѣдованій; и тутъ же, съ обычною простотою и ласковостію, вступалъ

[1]) Употребительнымъ у него весьма часто было слово—*якшаться*.

съ иными въ разговоръ [1]). Это же, въ особенности, было во время голода, когда крайне бѣдствовавшіе приходили гурьбами въ загородный домъ за подаяніемъ, какъ Русскіе, такъ и Татары и другіе, и имъ всѣмъ безъ различія были одинаковыя подаянія. Объ этомъ говоритъ и г. Карачевъ: „И что̀ всего удивительнѣе, а съ тѣмъ вмѣстѣ умилительнѣе, было, это то̀, что въ толпахъ просителей тѣснились и татарки съ грудными дѣтьми на рукахъ и дряхлые старики—и всѣ получали равное изъ рукъ раздававшаго иподіакона о. Андрея, (впослѣдствіи посвященнаго въ священники къ Макарьевской церкви, что̀ въ Адмиралтейской слободѣ подъ Казанью); или же и самъ,—воистинну достоподражатель Василію Великому, или паче своему тезоименнику Филарету Милостивому—Владыка Филаретъ собственноручно раздавалъ подаянія, особливо дѣтямъ, или дряхлымъ старикамъ“.— Посѣщенія Татаръ и ихъ моленья на могилахъ, какъ сказано, продолжалось и до послѣднихъ поръ. Приводилось мнѣ самому видѣть приходившихъ и заводить съ ними разговоръ по ихнему—полуломаннымъ татарско-русскимъ говоромъ. При этомъ я особенно интересовался знать,—осталось ли что̀ либо въ памяти и преданіи о времени бывшаго голода и въ частности о Владыкѣ Филаретѣ. И, къ утѣшенію моему, я убѣдился, что дѣйствительно осталось живое преданіе особенно о милостности въ Бозѣ почившаго и о его ласковости въ слѣдующихъ отзывахъ.—„Да-да, наша-та слыхалъ яво... Бульна—хорошъ онъ была тотъ-та большо̀й мулла, иные называли—большой ахунъ, или даже муфтѣй Русскій. Добра бульна былъ, акча̀ [2]) давалъ наша, голодный и бараньчукъ и бабай [3]) сама биралъ рука яво. Бульна-бульна хороша добра былъ... будта родна̀ наша какой... и нашато бульна любилъ яво...“. Изъяснять чѣмъ либо еще

[1]) Намъ приводилось часто быть свидѣтелями такихъ же именно дѣйствій высокопр. Антонія, который и самъ вспоминалъ при этомъ дядю своего—Владыку Филарета, такъ какъ ему были тоже извѣстны, излагаемыя нами теперь, свѣдѣнія о послѣднемъ.

[2]) Акча̀—деньги.

[3]) Бараньчукъ—ребенокъ, бабай—старикъ.

всю несомнѣнную дѣйствительность этихъ и подобныхъ данныхъ болѣе чѣмъ излишне; вникающіе въ суть и истину излагаемаго, сами скорѣе готовы сказать: *что̀ еще требуемъ свидѣтельствъ?!* Свидѣтельство потребно и умѣстно здѣсь развѣ только то̀, какое видѣли мы въ собственныхъ словахъ виновника этихъ фактовъ самого жизнеописуемаго,—потребно для того, чтобы признать и возчувствовать эти факты въ томъ значеніи и духѣ, въ какомъ онъ самъ выразился въ письмѣ къ преосв. Кириллу.—Повторимъ еще для вящшей памяти и назиданія себѣ эти строки писанія: „Къ утѣшенію моему вседушевному скажу Вамъ, что, при великомъ множествѣ ницихъ (по причинѣ неурожая и голода), всѣ именемъ Христовымъ питаются благотвореніемъ и общеніемъ вѣрныхъ. У самыхъ Чувашей и Черемисовъ чувство человѣколюбія раскрывается ощутительно. И Татары толпами ходятъ и просятъ у Русскихъ милостыни ради Христа и получаютъ. И сіе есть уже знаменіе благости Господней, призывающей къ истинѣ и спасенію не познавшихъ еще пути къ нимъ. Дай Богъ, чтобъ чувство человѣколюбія возвышалось до чувства благочестія, и имъ освящалось. Сего-то еще мало примѣтно въ очахъ нашихъ. Очи Господни видятъ вся“. Въ этихъ словахъ письма, сопоставленныхъ съ сейчасъ сказанными свѣдѣніями, кто не узнаетъ, прежде всего, именно въ лицѣ самого писавшаго то̀ чувство человѣколюбія, которое воистинну возвышалось до чувства христіанскаго благочестія и имъ освящалось... А самыя послѣднія слова: „*Очи Господни видятъ вся*“,—что̀ иное значатъ и свидѣтельствуютъ о писавшемъ, какъ не то̀, что онъ первый самъ творилъ эти дѣла человѣколюбія въ раздаяніи милостыни именно такъ, что шуйца не вѣдала, что̀ творила десница, и чтобы все это видѣли Очи Господни, а онъ самъ уразумѣвалъ то̀, что̀ свидѣтельствовалъ какъ въ этомъ письмѣ, такъ и въ письмѣ къ родственнику при извѣщеніи его объ голодѣ [1]). Вотъ что писалъ онъ.—„И сіе есть уже

[1]) Изъ писемъ въ Калугу къ родственнику—Протоіерею Петру Степ. Алексинскому, съ которымъ мы встрѣтимся много разъ.

несомнѣнное, являемое для насъ, знаменіе Благости Господней, призывающей къ истинѣ и спасительному животу не познавшихъ еще пути къ нимъ и, хотя бы даже упорно, коснѣющихъ въ состояніи своего заблужденія... Воистинну всеблагій Господь нашъ Отецъ небесный и солнце Свое сіяетъ на злыя и благія и дождитъ на праведныя и на неправедныя.., а мы если хощемъ быти сынове Его, что̀ и какъ должны творить... (разумѣя здѣсь именно благотворенія къ бѣдствовавшимъ отъ голода безъ всякаго различія между христіанами и невѣрующими) и не тѣмъ ли паче, когда и они, какъ бы безсловесныя, вѣщаютъ Сладчайшее Имя Христа Спасителя—съ простертіемъ рукъ произнося: „Христа-ради!“

Обращаемся къ послѣдующимъ даннымъ въ излагаемомъ родѣ и значеніи.

Излишне уже указывать, на сколько, дѣйствительно, любвеобиленъ былъ сердцемъ высокопр. Филаретъ, а равно какими обладалъ врожденными личными чувствами и рѣдкою способностію самаго искренняго добродушнаго обращенія и общенія со всѣми и, въ частности, съ простолюдинами, являя себя въ средѣ всѣхъ съ тихостію и ласковостію. Не даромъ любимымъ у него и задушевнымъ выраженіемъ было изреченіе Св. Апостола: *яко же доилица, грѣющая чада своя*, когда онъ и другимъ, подвѣдомымъ ему, начальникамъ и приставникамъ дѣлалъ указанія для ихъ дѣйствованія въ отношеніи къ поставленнымъ подъ ихъ руководство и наставленія,—не исключая напр. и начальствъ въ учебныхъ заведеніяхъ—даже въ Академіи,—о чемъ увидимъ впослѣдствіи.—Въ настоящемъ же мѣстѣ мы видимъ это именно въ отношеніи къ инородцамъ, гдѣ въ самой инструкціи для миссіонеровъ читаемъ: „А которые изъ инородцевъ, не смотря на убѣжденіе, св. Крещенія воспринять не пожелаютъ, таковымъ принужденія отнюдь не чинить, и имъ за то ничѣмъ не угрожать, но поступать въ томъ, по образу апостольской проповѣди, со всякимъ смиреніемъ, тихостію, кротостію и ласковостію, оставляя ихъ съ миромъ до другаго благопріятнаго времени“. Объ этомъ же читаемъ и въ запискахъ самого высокопр.

Филарета и въ извлеченіи изъ дѣлъ Казанской духовной Консисторіи и въ другихъ частныхъ свѣдѣніяхъ.

„Архипастырь (Филаретъ) каждый годъ ѣздилъ въ эти (инородческія) селенія и *очень освоился съ ними.* Въ одномъ селеніи привлекъ *собственно ласковостію своею* новообращенныхъ *прежде чуждавшихся;* раздавалъ дѣтямъ, по чувству и въ знакъ ласковости, деньги, и раздавалъ иногда по цѣлому кошельку серебренныхъ монетъ". При посѣщеніяхъ новокрещенскихъ приходовъ онъ не оставлялъ въ селеніяхъ почти ни одного дома, чтобы самому лично не осмотрѣть новокрещенныхъ въ ихъ житейскомъ домашнемъ быту. Плодомъ такой пастырской заботливости о новокрещенныхъ инородцахъ и было то, что всякій разъ, какъ онъ пріѣзжалъ къ нимъ, встрѣчали его съ чувствомъ сыновней преданности и радости, а дѣти ихъ, которыхъ мѣстные священники обучали грамотѣ, спѣшили открывать ему свои свѣдѣнія въ чтеніи и письмѣ [1]). Сближаясь и освоиваясь такъ съ инородцами въ личныхъ съ ними отношеніяхъ и вникая въ ихъ бытъ житейскій домашній, высокопреосв. Филаретъ со всею заботливостію входилъ и въ положеніе общественное въ отношеніи къ мѣстнымъ властямъ. Обозрѣвая въ 1834 г. новокрещенскіе приходы въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, онъ узналъ, что въ одну волость избранъ и утвержденъ волостной голова изъ *некрещеныхъ* Черемисъ. Онъ вошелъ тогда же съ протестомъ, куда слѣдовало. По доведеніи о семъ до свѣдѣнія даже Его Величества чрезъ Комитетъ Министровъ, Государь Императоръ повелѣть соизволилъ: „постановить правиломъ на будущее время, чтобы въ казенныхъ волостяхъ, гдѣ вмѣстѣ съ идолопоклонниками жительствуютъ христіане, волостные головы, сельскіе начальники и писари изъ идолопоклонниковъ утверждаемы не были [2]). Фактъ—слишкомъ много говорящій и для нас-

---

[1]) Смотр. выписку изъ дѣлъ Казан. дух. Консисторіи, стр. 7.

[2]) Тамъ же стран. 6—7. гдѣ обозначенъ указъ Св. Сунода отъ 9 Сент. 1835 г.

тоящаго времени не къ свѣдѣнію только, но къ непремѣнному руководству.—Такой фактъ, дѣйствительно, встрѣчаемъ какъ у достоподражателя своему дядѣ—бывшаго Архіепископа Казанскаго Антонія, который протестовалъ противъ выбора въ городскіе головы почетнаго купца изъ старообрядцевъ. Избранный голова если не путемъ оффиціальнаго распоряженія, за то, по сознанію и общества и личному желанію, вскорѣ же оставилъ свое служебное званіе [1]).

Но относясь съ такою вникательностію и заботливостію къ житейскому и общественному быту и положенію новокрещенныхъ чадъ своихъ, могъ ли преосв. Филаретъ опустить здѣсь изъ виду главное существенное благосостояніе ихъ,—разумѣемъ утвержденіе и преуспѣяніе ихъ въ Вѣрѣ и благочестіи? Мы разумѣемъ дѣла по части храмоздательства въ инородческихъ приходахъ и устройства самыхъ приходовъ. Объ этомъ онъ самъ говорилъ, какъ значится въ запискахъ. „Это все имѣло особенно большое вліяніе и привлекало самыхъ новообращенныхъ къ исполненію всѣхъ требъ христіанскихъ и къ исповѣди и св. причащенію“ [2]). Здѣсь подъ словомъ—*все это* ближайшимъ образомъ разумѣлась именно его архипастырская попечительность о храмахъ Божіихъ и объ увеличеніи приходовъ. Читаемъ въ этихъ же запискахъ: „Много было въ епархіи церквей хотя и построенныхъ, но не освященныхъ по нерадѣнію... Въ одномъ селеніи, заставъ все готовымъ, самъ освятилъ тогда же церковь къ великой радости прихожанъ, такъ что другіе тутъ же стали просить, и въ одинъ этотъ объѣздъ освятилъ до пяти церквей“ [3]). А такъ какъ въ недостаточности церквей и въ разрозненности приходовъ по многочисленнымъ селеніямъ и на весьма значительныхъ пространствахъ,—иногда на 40 верстъ отъ приходской церкви,—и заключалась одна изъ главныхъ при-

---

[1]) Смотр. Біографію, томъ II.

[2]) Смотр. Записки, листъ 2, стр. 4.

[3]) Тамъ же, стр. 3.

чинъ отпаденія отъ Вѣры прежде крещенныхъ инородцевъ, въ чемъ съ перваго же раза опытомъ убѣдился высокопр. Филаретъ, то понятно, какъ велико и важно было значеніе излагаемой попечительности объ умноженіи храмовъ. Объ этомъ онъ доносилъ Св. Суноду такъ: „замѣтилъ я особенную благопріятную перемѣну въ общемъ расположеніи инородцевъ къ христіанству, именно при освященіи, между прочимъ, семи церквей въ Чувашскихъ и Черемисскихъ селахъ, гдѣ и увидѣлъ тутъ же многочисленное собраніе сихъ новокрещенныхъ въ истинномъ расположеніи къ Церкви Православной".—Къ этому довольно припомнить еще напр. писанное въ письмѣ къ преосв. Кириллу: „Я имѣлъ истинное пастырское утѣшеніе при посѣщеніи крещенныхъ въ прошломъ (1830) году видѣть благословенные успѣхи по неизреченному дару милосердія Божія къ простымъ симъ душамъ и къ намъ грѣшнымъ. Въ одной деревнѣ, населяемой ими, я самъ заложилъ новую церковь и восхищался духомъ и зрѣніемъ, съ какимъ усердіемъ старшины сихъ новокрещенныхъ полагали со мною основные камни въ созиданіе для нихъ храма Божія" [1]). Да и во многихъ другихъ письмахъ, какъ припомнятъ читающіе, сколько подобныхъ фактовъ, свидѣтельствуемыхъ писавшимъ, въ такихъ же чувствахъ и убѣжденіяхъ, восхищавшихъ его истинно, по выраженію слова Божія, *яко отца, веселящагося о чадѣхъ своихъ* въ благоговѣйнѣйшемъ благодареніи *Отцу щедротъ и Богу всякія утѣхи!*..

Но этотъ благопріятный успѣхъ дѣла и расположеніе новокрещенныхъ, очевидно, не доходили еще до такой степени, чтобы можно было расчитывать и настаивать на особенное усердіе и приношенія со стороны обращавшихся въ пользу устройства церквей и обезпеченія причтовъ. Потому высокопр. Филаретъ, съ свойственнымъ ему благоразуміемъ по отношенію къ такому состоянію прихожанъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, съ такою же

[1]) Письмо 20-е отъ 10 Іюня 1831 г.

рѣшимостію и дерзновенностію предъ Высшимъ Начальствомъ, не умедлилъ войти съ представленіемъ, чтобы разрѣшено было устроять церкви и обезпечивать приходское духовенство на счетъ казны. Такъ напр. „въ 1833 г., видя особенную настоятельную нужду въ увеличеніи числа приходовъ въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, онъ образовалъ три новыхъ прихода, испросивъ позволеніе построить церкви и домы для священноцерковнослужителей на счетъ казны“ [1]).

При всей, однако, возможной благоуспѣшности своихъ личныхъ дѣйствій, горѣвшій апостольскою ревностію и отеческою попечительностію, высокопр. Филаретъ не могъ не горевать, когда видѣлъ затрудненія, исходившія даже *оттуда свыше*, въ опредѣленіи благонадежныхъ лицъ въ составъ причтовъ для новоустроенныхъ храмовъ и приходовъ, а равно и для миссіонерства. О послѣднихъ не даромъ онъ писалъ къ преосв. Кириллу: „Я не посылалъ еще своихъ миссіонеровъ, а думаю сначала по одиночкѣ брать ихъ съ собою, чтобы они видѣли, какъ должно обращаться съ этими овечками во спасеніе ихъ и назиданіе, а не въ раззореніе еще младенчествующей вѣры“.—„Но я особенно чрезвычайно затрудняюсь, (писалъ онъ въ другомъ письмѣ), въ надѣленіи вообще церквей священниками, особливо въ виду послѣдовавшаго *оттуда* воспрещенія производить изъ не окончившихъ курсъ... А откуда же прикажутъ брать?! Своихъ ученыхъ давно уже нѣтъ въ запасѣ, а оканчивающихъ ученіе и на половину не достаетъ для замѣщенія праздныхъ мѣстъ... Въ частности же, относительно лицъ для новокрещенскихъ приходовъ и ума таки не приложу, токмо полагаю всю надежду на Господа Бога, могущаго все устроить во благое“. Въ такомъ же точно крайнемъ затрудненіи и столь же глубокомъ гореваніи чувствовалъ себя и племянникъ его—покойный Владыка Антоній, который, по этому, дѣлалъ

---

[1]) Смотр. свѣдѣнія изъ Казанск. духовной Консисторіи, стр. 6, гдѣ обозначенъ указъ Св. Сунода отъ 22-го Апрѣля 1833 года.

даже, по буквальному его выраженію въ донесеніи Св. Суноду, рѣзкія и даже *дерзкія* представленія, при чемъ указывалъ на тѣ же самыя представленія своего дяди и на указы Св. Сунода съ сказанными воспрещеніями—не поставлять въ Священники не окончившихъ полнаго курса [1]).

Относительно затруднительнаго положенія высокопр. Филарета по части выбора лицъ въ приходы инородческіе читаемъ у одного доставителя свѣдѣній [2]). „Всѣ, содѣйствующія Архипастырю, лица, какъ то: мѣстные приходскіе священники и лица причта, равно и благочинные и особо назначенные о.о. Архимандриты, конечно, совершали свое дѣло; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, каково было ихъ личное состояніе, чтобы относиться къ исполненію сего дѣла умѣло и, еще болѣе, со всею искренностію и ревностію объ его успѣхѣ и безукоризненностію своихъ дѣйствій?.. Отъ того-то, естественно, волей не волей,—нѣкоторыя предположенія и даже начинанія самого высокопр. Филарета должны были остаться безъ исполненія. Оставалась, по преимуществу, одна мѣра,—это возможно строгій надзоръ за дѣятельностію духовенства и добросовѣстнымъ исполненіемъ имъ, по мѣрѣ силъ и способностей, своихъ обязанностей. Хотя и здѣсь священники болѣе ловкіе могли скрывать отъ благочинныхъ и миссіонеровъ истинное состояніе своихъ прихожанъ или изъ видовъ корысти, или изъ боязни лишиться мѣста. И, дѣйствительно, подобное зло едва ли могло происходить открыто при высокопр. Филаретѣ“.—Но по смыслу самаго выраженія,—*едва ли*—позволительно думать, что оно было и въ дѣйствительности, но только не въ боль-

---

[1]) Смотр. Біографію, томъ II, стр. 153—154.

[2]) Это было въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ еще въ Смоленскъ покойному Владыкѣ Антонію отъ бывшаго ректора Казанской Семинаріи и, за тѣмъ, Академіи, Архим. Иннокентія, которому дѣлалъ преосв. Антоній особое отъ себя порученіе, въ виду Біографіи высокопр. Филарета, какъ бывшему по Академіи своему воспитаннику и постриженнику въ монашество.—Изъ этихъ свѣдѣній у насъ сохранились только, сдѣланныя нами въ свое время, выписки существенно потребныхъ для дѣла свѣдѣній.

шихъ размѣрахъ;—а главное то, кому же и чему обязано опять такое отрадное явленіе?! Отвѣтъ понятенъ, когда мы только что видѣли, какъ высокопр. Филаретъ боялся даже отпускать, до времени, безъ себя самыхъ миссіонеровъ - Архимандритовъ, назначенныхъ, между прочимъ, для наблюденія за дѣйствіями самыхъ благочинныхъ, которыхъ, какъ сказано выше, могли проводить ловкіе священники и которые, въ свою очередь, не въ обиду сказать, могли такъ же проводить и о.о. Архимандритовъ, а въ случаѣ непосредственно и своего Архипастыря.—Словомъ, здѣсь была цѣлая series casuum et accidentium..,—разобраться въ которой, дѣйствительно, было равностепенно тому состоянію, о которомъ самъ высокопр. Филаретъ выразился не иначе, какъ глубокознаменательнѣйшимъ въ этомъ отношеніи терминомъ—parturio, что̀ означаетъ буквально *состояніе родильницы*, такъ какъ и самое дѣло разсматриваемаго служенія его было именно такое, какъ свидѣтельствуетъ о благодатнотаинственномъ значеніи его Св. Апостолъ въ отношеніи себя къ увѣровавшимъ: „*благовѣствованіемъ азъ вы родихъ*...“. Такое состояніе особливо видимъ мы въ самомъ началѣ служенія высокопр. Филарета, какъ и писалъ онъ къ преосв. Кириллу.—„Этотъ годъ (первый) моего служенія въ здѣшней паствѣ такъ былъ труденъ для меня, что я и не чаялъ прожить оный, ибо паче мѣры отяготихся...“ [1]). А это все, понятно, собственно отъ того, что онъ смотрѣлъ на порученное ему дѣло обращенія заблудшихъ не съ оффиціальной только стороны, чтобы исполнять его лишь по формѣ, или какъ выражался о себѣ современникъ его—преосв. Евгеній Тобольскій [2]),—а прямо свидѣтельствовалъ въ одномъ изъ писемъ къ своему родственнику—Калужскому, что

---

[1]) Письмо 8-е.

[2]) Вотъ подлинныя слова: «Я никакъ не принималъ на себя подвига Апостольскаго, превышающаго мои силы.., а такъ только протолковано мнѣ...» или въ другомъ мѣстѣ: «я въ этомъ дѣлѣ *не ключимый*!!..»

не на обязанности, или, какъ говорится, не на плечахъ виситъ, а „на сердцѣ его лежитъ важный долгъ (а не порученіе) обращенія не вѣрующихъ изъ тьмы въ свѣтъ Христовой Вѣры. Конечно, сіе есть дѣло Божіе, но молитва, но заботы, но труды есть дѣло наше“.

Сказанная parturientia, само собою, еще болѣе вызывалась, когда не предвидѣлось и въ будущемъ имѣть возможность для кандидатовъ на инородческіе приходы, которыхъ чаялъ возрастить высокопр. Филаретъ въ проэктированныхъ имъ разсадникахъ—Семинаріи и училищахъ путемъ научнаго образованія, какъ воспитанниковъ изъ лицъ духовенства, такъ, по возможности, и изъ среды самихъ инородцевъ. Судьба этого проэкта читающимъ уже извѣстна; но сколько велико было злосчастіе этой судьбы по послѣдствіямъ, — трудно, или точнѣе, слишкомъ грустно и опредѣлять.—Довольно, что и всѣ послѣдующія отпаденія новокрещенныхъ и даже старокрещенныхъ, въ особенности Татаръ, были именно плодомъ этой злосчастной судьбы проэкта.—И замѣчательно опять, что никто другой, какъ *чрезъ тридцать лѣтъ* явившійся, подобный высокопр. Филарету, ревнитель—племянникъ его Архіепископъ Антоній первый взялся съ особеннымъ жаромъ за возстановленіе этого проэкта, т. е. чтобы открыть въ Семинаріи непремѣнно каѳедры для Татарскаго языка, и Чувашскаго, и Черемисскаго. Но увы!.. какъ онъ и самъ буквально выражался,—получалъ только въ отвѣтъ или „vetimur“ или „non possumus“ [1]). Такимъ образомъ, какъ замѣчаетъ и прежде упоминавшійся Авторъ, что̀ видимъ и мы всѣ,—на сколько имѣли бы, для тогдашняго времени, всѣ проэкты и мѣры высокопр. Филарета, взятые въ сложности съ его проэктомъ, громадную силу, такъ и для всего послѣдующаго миссіонерства,—если бы, къ сожалѣнію, не были онѣ отклонены отъ приложенія ихъ къ дѣлу. Въ частности нужно указать еще и на то̀, заслуживающее особеннаго сожалѣнія, обстоятельство, что какъ принимать и учить

---

[1]) Смотр. въ Біографіи, томъ II, стр. 148, 151, 152 и др.

дѣтей изъ семействъ инородцевъ въ надеждѣ образовать ихъ достойными и способными посвященія въ духовный санъ не открылось возможности за не полученіемъ, просимыхъ высокопр. Филаретомъ, денежныхъ окладовъ для преподавателей,—такъ и школы, подобныя нынѣшнимъ церковно-приходскимъ, среди населенія инородцевъ тоже не привились, хотя за время служенія высокопр. Филарета и проявились-было хорошіе зачатки, такъ что,—какъ сказано было выше,—„при всякомъ посѣщеніи инородцы встрѣчали его съ особенною радостію въ чувствѣ сыновней радости, а дѣти ихъ, которыхъ обучали священники грамотѣ, спѣшили открывать ему *свои свѣдѣнія въ чтеніи и письмѣ*“. А причина была опять въ томъ же отсутствіи средствъ, потому что обученіе въ этихъ школахъ возлагалось на священниковъ, которымъ, какъ замѣчаетъ и Авторъ, между тѣмъ, не платили за эти труды ничего.—Да и назначать-то священниковъ, знакомыхъ съ инородческими языками, и, при томъ, въ силу Сѵнодальнаго Указа изъ окончившихъ только курсъ, было не кого для многихъ приходовъ. Въ этомъ отношеніи мы опять, какъ нельзя болѣе, такъ сказать, лицемъ къ лицу, встрѣчаемся съ тѣмъ же племянникомъ высокопр. Филарета—Архіепископомъ Антоніемъ. Послѣдній, идя какъ бы шагъ за шагомъ по стезямъ своего дяди, возгарался всею ревностію, когда встрѣчалъ чистое тожество въ состояніи и въ разнообразныхъ явленіяхъ по части инородчества, и, потому, пользовался всѣмъ, что̀ только подходило подъ характеръ и образъ дѣйствій своего дяди,—или что̀ могло восполнять прежніе пробѣлы... Такъ и въ отношеніи къ избранію лицъ въ священники и діаконы въ инородческихъ приходахъ, помимо оканчивающихъ курсъ, которыхъ и число къ тому же было не достаточно, да еще былъ введенъ тогда законъ, чтобы посвящать кончившихъ курсъ не моложе 25-ти лѣтняго возраста,—высокопр. Антоній далъ предложеніе такое, что, какъ говорится, кличъ кликнулъ ко всему духовенству въ епархіи, чтобы всякій изъ діаконовъ и даже причетниковъ, знающихъ хорошо тотъ, или другой инородческій языкъ, явился къ нему съ проше-

ніемъ о посвященіи изъ діаконовъ въ священники, а изъ причетниковъ въ діаконы въ инородческіе приходы, а также и о томъ, чтобы всѣ лица причтовъ инородческихъ старались и дѣтей своихъ возможно ознакомлять съ разговорнымъ языкомъ мѣстныхъ инородцевъ.— [1]).

И такъ что же открывается изъ всей представленной серіи мѣропріятій и дѣйствій высокопр. Филарета по части миссіонерства, какъ не тотъ выводъ, какой уже видѣли мы прежде, и въ значеніи котораго уже внесена, въ своей мѣрѣ, въ скрижали исторіи вся Архипастырская Апостольская дѣятельность его, такъ что „время управленія Архіепископа Филарета должно почитать *эпохою*, въ которой началось внутреннее перерожденіе инородцевъ (въ особенности Чувашъ), въ силу именно его просвѣтительной дѣятельности“. Такое значеніе дѣятельности, въ свое же время, достойно и праведно было признано и въ Рескриптѣ Государя, при пожалованіи Креста на клобукъ—именно *за неусыпные труды его и особенно за обращеніе въ Христіанскую Вѣру и просвѣщеніе св. Крещеніемъ болѣе пяти тысячъ язычниковъ* [2]). А какъ это пожалованіе послѣдовало въ 1831 г. въ Апрѣлѣ, слѣдовательно чрезъ три лишь года его служенія, когда только еще организовалась имъ самимъ миссія, и то не болѣе, какъ въ числѣ трехъ лицъ—Архимандритовъ, то очевидно, что все сдѣланное имъ въ теченіи этого трехлѣтія, въ полномъ смыслѣ слова и значеніи самаго дѣла, относилось къ его исключительной личной дѣятельности. При этомъ же нужно не забывать, что такая просвѣтительная дѣятельность высокопр. Филарета проявлялась въ столь благоуспѣшныхъ дѣйствіяхъ въ ту еще пору, когда подъ его архипастырскимъ управленіемъ состояла двойная епархія—и Казанская и нынѣшняя Симбирская, состоявшая, къ тому же, въ раіонѣ отдѣльной Губернской администраціи, а наконецъ, въ ту пору не было еще и викаріатства, не смотря

---

[1]) Смотр. Біографію. Томъ II, стран. 105 и многія другія.

[2]) Смотр. въ формулярномъ спискѣ и некрологѣ.

на обширность и многолюдность Казанско-Симбирской Епархіи, заключавшей въ себѣ 1018 церквей и при нихъ—1410 причтовъ.

Съ другой стороны, указываемое достоинство дѣйствій и положительныхъ заслугъ высокопр. Филарета во сколько должно быть возвышено, смотря потому, что̀ видѣли мы въ самыхъ сопоставленіяхъ дѣйствій, или даже всего status-quo за время служенія его въ Казанской Епархіи, съ тѣмъ, что̀ оказалось впослѣдствіи чрезъ тридцать лѣтъ?! При этомъ же опять должно имѣть въ виду, что во 1-хъ въ теченіи этого періода служили преемственно три только Святителя [1]),—значитъ каждый былъ на паствѣ, въ частности, долговременнѣе, чѣмъ высокопр. Филаретъ; къ тому же одинъ изъ нихъ,—послѣдній Архіепископъ Аѳанасій, поступилъ изъ Иркутской Епархіи и прежде служилъ въ Томской весьма долго, гдѣ—въ обѣихъ этихъ епархіяхъ—миссіонерство было его же спеціальнымъ дѣломъ служенія. — Во 2-хъ управленіе этихъ трехъ преемниковъ было собственно только въ предѣлахъ нынѣшней Казанской Епархіи, въ которой, за отдѣленіемъ отъ нея Симбирской губерніи, оставалось изъ бывшихъ 1018 церквей только 411-ть. Въ 3-хъ при двухъ послѣднихъ Архіепископахъ были уже Викаріи. Понятно, на сколько были уже облегчены труды этихъ Святителей и тѣмъ паче, когда положены были прежде благонадежныя основанія и были такіе же благіе начатки въ дѣлѣ инородческаго обращенія, что оставалось только продолжать дѣло и, по крайней возможности, восполнять то̀, или другое. Это разъ.—Но, съ этимъ вмѣстѣ, мы видимъ еще другія многообразныя стороны и условія, долженствовавшія служить къ особенно большо̀му облегченію для успѣха дѣйствій миссіонерскихъ. Такъ въ 1842 г. была открыта въ Казани Духовная Академія, при томъ съ спеціальнымъ назначеніемъ, или,

---

[1]) 1-й—Архіепископъ Владиміръ 1836—1848 г., 2-й Архіепископъ Григорій 1848 — 1856 г., 3-й Архіепископъ Аѳанасій 1856—1866 г.

какъ выражался самъ высокопр. Филаретъ, съ *пресловутымъ девизомъ* [1]),—быть разсадникомъ образованія по части миссіонерства съ изученіемъ, для этого, восточныхъ языковъ въ нашихъ окраинахъ—сибирскихъ и степныхъ;—и затѣмъ при этой же Академіи былъ издаваемъ и спеціальный по программѣ журналъ „Православный Собесѣдникъ“.

Что касается до прочихъ многообразныхъ содѣйствующихъ миссіонерству сторонъ, то правда, что онѣ относятся къ послѣдующему, за сказаннымъ тридцатилѣтнимъ періодомъ, времени,—именно ко времени тринадцатилѣтняго служенія высокопр. Антонія—(1866—79 г.).—Но тутъ-то,—что̀ особенно замѣчательно,—и видимъ, что этотъ ревностнѣйшій дѣятель, видимо, не столько смотрѣлъ на всѣ, открывавшіяся при немъ, многообразныя содѣйствующія стороны, сколько на все прежнее, что̀ было при его дядѣ, и въ этомъ имѣлъ, несомнѣнно, вѣрныя основанія.—Такъ и самъ Авторъ, не разъ цитованной нами статьи, сколько ни относился, и такъ и сякъ, ко времени служенія высокопр. Филарета, къ его проэктамъ и самымъ мѣропріятіямъ и дѣйствіямъ его по миссіонерству, выразившись между прочимъ такъ: „однимъ словомъ—тогда-де не было крѣпкой организаціи христіанской Православной миссіи“, но въ концѣ концовъ самъ же высказалъ ту сущую правду, что „если бы хотя самый проэктъ высокопр. Филарета былъ утвержденъ Св. Сунодомъ и приведенъ былъ въ исполненіе (прочія мѣры и дѣйствія здѣсь, какъ видно, не разумѣются), тогда многія изъ не благопріятныхъ сторонъ и условій были бы уничтожены. А между тѣмъ,—свидѣтельствуетъ Авторъ,—всѣ эти не благопріятствовавшія стороны и условія и были главною причиною того, что инородцы, по мѣстамъ и просвѣщенные св. Крещеніемъ,

---

[1]) Впослѣдствіи увидимъ, что высокопр. Филаретъ при личномъ своемъ пребываніи въ Св. Сунодѣ, когда проэктировалось дѣло объ открытіи Казанской Академіи съ сказаннымъ назначеніемъ, весьма не сочувствовалъ дѣлу и прямо предсказывалъ, что толку не выйдетъ изъ этой спеціальности.

оставались, какъ *и досель остаются* (?!), мало знакомыми съ христіанскимъ ученіемъ и христіанскою жизнію“ [1]). Но какъ Авторъ выступилъ съ этою своею статьею (какъ показываетъ цитата) въ 1876 г., слѣдовательно чрезъ десять лѣтъ служенія высокопр. Антонія, то ясно, что послѣднія слова его „инородцы хотя и просвѣщенные св. Крещеніемъ *и досель остаются* мало знакомыми съ христіанскимъ ученіемъ и съ христіанскою жизнію“, падаютъ прямо на самое позднѣйшее время архіепископства Антонія, а слѣдовательно и на время существованія самыхъ, сказанныхъ, содѣйствующихъ миссіонерству, сторонъ, заключавшихся во многихъ разныхъ учрежденіяхъ.—Спрашивается: въ чемъ же проявилось это содѣйствіе, особливо сравнительно съ тѣмъ, что было во дни оны при архипастырствѣ высокопр. Филарета, въ послѣднее время?! Если, по свидѣтельству Автора, не было крѣпкой организаціи христіанской Православной миссіи въ прежнее Филаретовское время,—то на сколько крѣпка и мощна организація настоящая?!. Отвѣтъ на это мы увидимъ изъ послѣдующаго изложенія фактическихъ данныхъ,—а теперь сдѣлаемъ только указаніе на позднѣйшія, содѣйствующія миссіонерству, учрежденія—въ краткой перечени.

Во 1-хъ въ 1864 г. завелась, какъ выражается Авторъ, въ родѣ лишь пробы, татарско-крещенская *школка*, которая, однако, вскорѣ же, именно при участіи высокопр. Антонія, утвердилась,—какъ именовалъ ее высокопр. Антоній, въ значеніи прочнаго *гнѣздышка*... и, затѣмъ, развилась цѣлесообразно и благоплодно въ своей мѣрѣ... Во 2-хъ открыто было въ самый первый годъ архіепископства Антонія — Братство Святителя Гурія ради именно распространенія христіанскаго просвѣщенія въ мѣстномъ инородческомъ населеніи. Въ 3-хъ открыта была Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія инородческая учительская Семинарія. Въ 4-хъ такое же заведеніе

---

[1]) Смотр. статью «Матеріалы для Исторіи Русской Церкви». Прав. Собесѣдникъ. 1876 г., Сентябрь.

и для лицъ женскаго пола,—и въ 5-хъ при самомъ Братствѣ открытъ особый Пріютъ для воспитанниковъ изъ Семинаріи съ цѣлію спеціальнаго ихъ приготовленія къ миссіонерству, или къ служенію въ инородческихъ приходахъ. Наконецъ, еще самъ же высокопр. Антоній, чтобы извлечь хотя какую либо, по его выраженію, лептовую долю изъ спеціальнаго назначенія мѣстной Академіи, исходатайствовалъ разрѣшеніе, чтобы помимо Православнаго Собесѣдника, оказывавшагося слишкомъ скуднымъ проводникомъ какихъ либо данныхъ на пользу миссіонерства, издавать при той же Академіи „Извѣстія по Казанской Епархіи", въ коихъ, между прочимъ, постановлено имѣть въ виду возможное ознакомленіе духовенства съ состояніемъ и ходомъ этого дѣла.—Сверхъ этого онъ же вызвалъ дѣятелей на изданіе особыхъ сборниковъ противомусульманскихъ сочиненій изъ академическихъ, такъ называемыхъ курсовыхъ, сочиненій студентовъ на темы въ этомъ содержаніи.—Но, что жъ?. Какъ ни обстановлено было дѣло миссіонерства этою цѣлою, такъ сказать, арматурою, остается повторить, что высокопр. Антоній тяготѣлъ всѣми своими убѣжденіями и желаніями реставрировать все то, что было во время служенія его дяди и въ проэктахъ и практическихъ опытахъ.

Въ заключеніе всего изложеннаго о мѣропріятіяхъ и дѣйствіяхъ высокопр. Филарета намъ остается присовокупить еще то, что, какъ читаемъ въ одной выпискѣ, „нѣкоторыя изъ предположеній, утвержденныхъ даже и Св. Сунодомъ, оставлены были, однако, имъ безъ приведенія въ исполненіе",—и что въ своемъ представленіи Св. Суноду, онъ, не обинуясь, доносилъ о своихъ другихъ предположеніяхъ,—однихъ, какъ испытанныхъ уже на дѣлѣ, а о другихъ, какъ имѣвшихся только въ виду, но не удобоприложимыхъ пока къ дѣлу, и въ заключеніи сказалъ, что „онъ и *впредь будетъ дѣйствовать* такъ, какъ укажетъ время и откроетъ опытъ,—и какъ и на сколько даруетъ ему Господь разума и силъ".—Объ этомъ же, какъ видѣли мы и въ письмахъ его къ преосв. Кириллу,—онъ непрестанно высказывался со всею прямо-

тою и братственно просилъ и молилъ Собрата своего дѣйствовать *общимъ взаимнымъ совѣтомъ и по указанію опыта*... Этотъ-то опытъ и, точнѣе, самый духъ и характеръ дѣйствованія дяди, очевидно, и преклоняли достоподражательнаго племянника на сторону перваго предпочтительно предъ всѣмъ, что̀ было у него предъ глазами и подъ руками... Правъ ли былъ въ этихъ своихъ убѣжденіяхъ и тенденціяхъ высокопр. Антоній, мы увидимъ вскорѣ изъ фактовъ и печатныхъ изслѣдованій по разсматриваемому предмету.—Послѣ же всѣхъ, изложенныхъ уже, проэктовъ высокопр. Филарета и мѣропріятій и ходатайственныхъ, по содержанію ихъ, представленій Св. Суноду, мы обратимся, въ сейчасъ слѣдующей главѣ, къ вопросу, имъ же самимъ начатому и осуществившемуся, о необходимости открытія самостостоятельной Епархіи Симбирской.

ГЛАВА VI.

«Чрезъ отдѣленіе части ввѣренной мнѣ Епархіи я получилъ облегченіе бремени. Но помолись, брате, Господу Богу, да дѣло сіе благоугодно Ему будетъ и да благословитъ Онъ благословеніемъ Своимъ новую Епархію во славу Пресвятаго Своего Имени и въ назиданіе вѣрующихъ». [1]).

Потребность въ открытіи отдѣльной самостоятельной Епархіи—Симбирской высокопр. Филаретъ созналъ съ перваго же года своего поступленія въ Казанскую паству. Сознаніе и положительное убѣжденіе его были естественны, и, главное, именно потому, что онъ, съ перваго же года и съ первыхъ же своихъ шаговъ, вѣрно взвѣсилъ и опредѣлилъ все значеніе и всю задачу, предназначенной ему самимъ Правительствомъ, дѣятельности, которой онъ и посвятилъ себя съ разу до всецѣлаго самопожертвованія на всѣ возможные труды и подвиги.—По словамъ высокопр. Антонія, комментировавшаго намъ, въ свое время, значеніе этого дѣла, „Владыка—дядя его ясно предвидѣлъ, ожидавшія его, великія трудности при самомъ назначеніи его въ Казань, что было при личномъ его присутствованіи въ Св. Сунодѣ, и думалъ-было тогда же провести мысль о потребности открытія Симбирской Епархіи; но, по его выраженію, не хотѣлъ забѣгать впередъ, не узнавши и не испытавши на дѣлѣ, что могло встрѣтить его на новомъ поприщѣ служенія.—

---

[1]) Изъ письма высокопр. Филарета къ одному изъ ближайшихъ его родственниковъ.

Московскій митр. Филаретъ, съ своей стороны, тоже готовъ былъ поддержать эту мысль въ Сунодѣ,—но и тутъ дядя не хотѣлъ измѣнить своей тактики. Да и не когда было, говорилъ дядя, много разтабаривать тогда, когда повелѣно было собраться и отправиться къ новому служенію почти, какъ говорится, въ двадцать четыре часа, не смотря на крайнюю трудность самого проѣзда по наступившей тогда весенней распутицѣ... Оставалось только сложить, глубже всего, въ сердцѣ своемъ слова Господа св. Апостолу Петру: *„егда же состарѣешися инъ тя поясетъ, и ведетъ, аможе не хощеши...* хотя бы до положенія живота... а не только въ предвидѣніи трудностей".

Но вотъ, въ первый же годъ служенія, высокопр. Филаретъ дѣйствительно увѣрился на опытѣ въ истинности своего предположенія. Чрезъ полгода онъ писалъ уже къ преосв. Кириллу: „Епархія, мнѣ ввѣренная, такъ обширна и многосложна, что истинно не достаетъ ни времени, ни силъ отъ безконечныхъ и разнообразныхъ заботъ, трудовъ, хлопотъ, особенно по новости моей" [1]).— Затѣмъ чрезъ другіе полгода времени [2]) писалъ ему же: „Весь первый годъ моего служенія на новой паствѣ такъ для меня былъ труденъ, что я и не чаялъ и прожить оный, ибо паче мѣры отяготихся... обаче сила Божія въ немощѣхъ совершается... И я даже теперь ощущаю въ душѣ моей какую-то пріятную свободу, и тягость паствы, меня толико отягощающей, несу съ удовольствіемъ. Воистинну *любы все терпитъ* и превозмогаетъ силою и дѣйствіемъ, всеконечно, Того, о Комъ Св. Апостолъ глаголетъ: *Вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ, могущемъ вся творити по преизбыточествію въ насъ*".

Но, хотя всѣ труды и подвиги высокопр. Филарета явственно благословлялись отъ Господа успѣхами, (о чемъ читатели припомнятъ въ прежде изложенныхъ

---

[1]) Письмо отъ 8 Октября 1828 г.

[2]) Письмо отъ 9 Апрѣля 1829 г.

письмахъ), ровно черезъ годъ [1]) высокопр. Филаретъ писалъ къ преосв. Кириллу: „Проэкты мои о миссіяхъ и пр. представилъ я Св. Суноду еще въ Ноябрѣ (за пять мѣсяцевъ предъ симъ), но ничего въ разрѣшеніе не получаю. И тутъ-то присовокупилъ: „Просилъ я и объ учрежденіи особой Епископской каѳедры въ Симбирскѣ, ибо по нынѣшнимъ обстоятельствамъ нельзя одному съ пользою управлять такою обширною и многосложною епархіею, какова ввѣренная мнѣ теперь;—но отложили до Сентября мѣсяца. Не знаю, какъ Господь Богъ устроитъ, на Него же вся надежда, яко могущаго устроити всяческая во благое". Наконецъ, когда дѣло, отложенное до Сентября (1830 г.), не подвигалось даже до Декабря 1831 г.,—то высокопр. Филаретъ сообщилъ преосв. Кириллу: „О себѣ доложу Вашему Преосвященству, что силы мои изнемогаютъ подъ бременемъ управленія обширною и многосложною паствою моею... Прошу давно у *вышнихъ* облегченія, но доселѣ не получаю... вотъ уже два года скоро кончатся, какъ представленіе мое о раздѣленіи епархіи лежитъ безъ дѣйствія. Видно Господу Богу угодно смирять меня непотребнаго.—Помолитесь, Владыка Святый, да укрѣпитъ Господь немощь мою".

„Причиною замедленія открытія Симбирской Епархіи было, по словамъ высокопр. Антонія, кажется, главнымъ образомъ то, что тамъ *у вышнихъ* было своего рода опасеніе, чтобы не повредить, оказывавшимся уже, успѣхамъ дѣла и обязаннымъ собственно личному непосредственному дѣйствованію Владыки Филарета. При этомъ думали *тамъ* и такъ, что лучше открыть въ Казанской Епархіи Викаріатство, которое и существовало прежде съ титуломъ Свіяжскаго.—Объ этомъ сообщилъ Владыкѣ и склонялъ его къ соглашенію и Филаретъ Московскій.—Но дядя прямо признавалъ это Викаріатство излишнимъ и не видѣлъ въ немъ ни пользы, ни

---

[1]) Письмо отъ 31 Марта 1830 г.

цѣлесообразности". Въ Біографіи высокопр. Антонія [1]), который и самъ не сочувствовалъ, открывавшимся въ его время, многимъ викаріатствамъ, мы помѣстили его разсказъ о томъ, какъ именно разсуждалъ высокопр. Филаретъ вообще о значеніи викаріатствъ. „Имѣть Викарія почти то же, въ извѣстномъ родѣ, для самостоятельнаго дѣловаго Архіерея, какъ если бы, сидящій на козлахъ, главный возница имѣлъ около себя подручное лицо (къ тому же малоопытное), которому или навсегда отдалъ бы одну возжу, положимъ лѣвую, или, хотя по временамъ, отдавалъ бы отъ усталости, или отъ лѣности и правую возжу... Понятно, какъ надежна была бы такая ѣзда и для хозяина—сѣдока и для самаго экипажа". Такъ выражался высокопр. Филаретъ (Кіевскій), когда (еще въ 1856—57 годахъ) было разсуждаемо въ Св. Сунодѣ по вопросу о викаріатствахъ вслѣдствіе записки, присутствовавшаго тогда въ Св. Сунодѣ, преосв. Иннокентія, бывшаго тогда Архіеписк. Камчатскаго (впослѣдствіи Митроп. Московскаго). Вопросъ этотъ не получилъ тогда хода и результата, какъ несоотвѣтствовавшій дѣлу и цѣли... Филаретъ Митрополитъ Московскій принялъ этотъ вопросъ особенно несочувственно [2]) и, помню, писалъ объ этомъ тогда же Владыкѣ Филарету Кіевскому."

„Въ частности, (продолжалъ покойный Антоній), самъ Владыка-дядя еще прежде, когда Архіепископъ Казанскій Григорій исходатайствовалъ открыть въ его епархіи викаріатство, разсуждалъ такъ: „ну вотъ тебѣ и на!.. Къ чему это, развѣ лишь honestatis gratia по званію Члена Св. Сунода понадобилось ему викаріатство... или потому, что онъ любитъ больно часто отправляться

---

[1]) Смотр. томъ II, стран. 64 и др.

[2]) Это было, дѣйствительно, такъ. По этому вопросу, по разсмотрѣніи самой записки преосв. Иннокентія, высокопр. Филаретъ Москов. писалъ отдѣльное пространное письмо, которое было напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1881 г., кн. 2, и затѣмъ перепечатано въ Душеполезн. Чтеніи за Іюнь 1882 г.

въ Сунодъ". Далѣе было передано намъ многое высокопр. Антоніемъ, высказанное, въ свое время, высокопр. Филаретомъ,—но мы не помѣщаемъ этого разсказа цѣликомъ; а продолжимъ его лишь въ слѣдующемъ краткомъ содержаніи. „А что творить-то подобаетъ намъ архіереямъ, и чему и какъ научать,—это-то и должно вѣдать намъ и опять не по ученому только, а всѣмъ сердцемъ, всею душею, всѣми помышленіями и всѣми силами и трудами и не своими, а паче всего Богодарованными въ благодати епископства, да къ тому же такъ, чтобы соотвѣтствовать и мѣсту и времени своего призванія и служенія... А вотъ я слышу за вѣрное, что Казанскій-то Преосвященный какъ будто и забываетъ что такое—край Казанскій со всѣми сопредѣльными епархіями, наполненными населеніемъ инородцевъ—мусульманъ и язычниковъ. Если бы что особенно хорошо онъ сдѣлалъ, такъ это то, чтобы, какъ старѣйшій между всѣми сосѣдственными епархіальными Архіереями и какъ Членъ Сунода, притянулъ бы ихъ къ себѣ, какъ къ центру... по части именно просвѣтительной дѣятельндсти въ средѣ невѣрующихъ, и повременно отступающихъ отъ Христовой вѣры, какъ было и во дни оны; а тогда такъ и быдо дѣйствовано,—именно съ-обща, или по взаимнымъ совѣтамъ, о чемъ напр. я постоянно велъ въ Казани переписку съ бывшимъ Вятскимъ Преосвященнымъ и лично видался съ нимъ нарочито. Сказать правду, я было и порадовался, когда получилъ два письма отъ Преосвященнаго Оренбургскаго, въ которыхъ онъ сообщалъ, что вотъ недавно съ 1854 г. въ тамошней епархіи разрѣшено учредить миссіонерство въ лицѣ Священниковъ, назначаемыхъ, сверхъ штатнаго причта, въ тѣ приходы, которые сплошь окружены инородческимъ населеніемъ, совершенно еще не просвѣщеннымъ и даже не слышавшимъ никогда благовѣстія Христова. Я отвѣчалъ ему тогда же, чтобы поступалъ въ этомъ дѣлѣ не иначе, какъ съ-обща съ сосѣдственными Архіереями и совѣтывалъ ему непремѣнно и, главнѣе всего, войти въ совѣщаніе съ Казанскимъ... Но что жъ? Отвѣтъ былъ почти такой, что *просившій хлѣба*, по слову Евангелія

(Матѳ. VII. 9). получилъ не лучшее, какъ похожее на *камень*... Казанскій даже не удостоилъ Оренбургскаго и отвѣтомъ".

Выслушивая все, говоренное такимъ образомъ высокопр. Антоніемъ отъ лица и устъ Владыки Филарета, я, при послѣднихъ свѣдѣніяхъ объ Оренбургской епархіи и о самомъ Преосвященномъ тогдашнемъ *Антоніи* [1]), перебилъ его рѣчь словами: „объ этомъ-то извѣстно мнѣ, могу сказать, все до іоты, такъ какъ все это происходило въ бытность мою на свѣтской службѣ въ Уфѣ; а съ другой стороны и самъ въ Бозѣ почившій Владыка Филаретъ говорилъ со мною по этому предмету весьма много и выслушивалъ меня съ особеннымъ интересомъ, тѣмъ болѣе, что и письма преосв. Антонія Оренбургскаго были тогда для него въ живой памяти; такъ какъ разговоръ со мною Владыки Филарета былъ въ 1857 г." Объ этомъ отчасти мною уже и высказано было прежде въ томъ собственно отношеніи, (какъ припомнятъ читающіе), что высокопр. Филаретъ до послѣднихъ дней твердо помнилъ о бывшихъ—и татарахъ и чувашахъ братьяхъ нашихъ, и о черемисахъ и вотякахъ,—бывшихъ тоже землякахъ въ Оренбургской епархіи во время его ректорства въ Уфѣ...

Покойный Владыка Антоній сразу заинтересовался, слушая меня, особливо когда я ему сообщилъ, что у меня есть въ моихъ мемуарахъ, еще за время студенчества въ Кіевской Академіи, указываемый теперь разговоръ.—Выслушавъ все, онъ промолвилъ: „все это прекрасно сходится и съ моими, только что переданными тебѣ разсужденіями дяди Владыки; потому и въ Біографіи его ты совмѣсти все—и мое, и твое".

---

[1]) Антоній (Шокотовъ) изъ Магистровъ первыхъ курсовъ Кіевской дух. Академіи,—былъ сначала Баккалавромъ и Священникомъ Константино-Еленовской церкви въ Кіевѣ; овдовѣвши, принялъ монашество и въ санѣ Архимандрита былъ Инспекторомъ въ тѣ именно годы (1835—37), когда высокопр. Антоній былъ студентомъ въ младшемъ курсѣ. Въ описываемую пору преосв. Антоній былъ Епископомъ Оренбургскимъ и Уфимскимъ; резиденція же его, и Консисторія, и Семинарія были въ г. Уфѣ.

Что̀ передано было мною Владыкѣ Антонію и помѣщено было въ моихъ замѣткахъ,—я теперь предлагаю читающимъ только въ самомъ краткомъ содержаніи.— Высокопр. Филаретъ, вспоминая и распрашивая меня объ Уфѣ, сказалъ: „значитъ ты, землякъ, знаешь хорошо— Оренбургскаго-то преосв. Антонія... Вотъ, я кстати и хочу узнать отъ тебя не объ немъ собственно, а о томъ, о чемъ онъ мнѣ писалъ года два назадъ именно о татарвѣ, Черемисахъ и Чувашахъ, что̀ родня наша, именно о начинавшемся тамъ миссіонерствѣ. Скажи-ка ты мнѣ, что̀ знаешь?!“ „Если не извѣстенъ Вашему Высокопреосвященству исходъ этого дѣла, я долженъ сказать, что какъ только разгорѣлась Крымская война и дѣла военныя пошли неудачно... тогда-то и въ нашихъ краяхъ начались-было въ средѣ особенно татаръ, и башкировъ, и мещеряковъ, и тептярей, и даже киргизовъ если не движенія какія либо, то толки и слухи въ ущербъ значенія самаго Правительства.—А Генералъ-Губернаторъ [1]), былъ хотя достойнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ Правитель края, и при томъ пользовавшійся особеннымъ уполномоченнымъ довѣріемъ блаженной памяти Императора Николая Павловича, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ самый рашительнѣйшій, не задумывавшійся ни надъ какою мѣрою и не останавливавшійся ни предъ какимъ затрудненіемъ...“ „Что̀ же такое отъ него вышло?“—„Отъ него ли прямо, или не отъ него, но вышло оттуда *свыше* распоряженіе—немедленно пріостановиться дѣломъ по учрежденію миссіонерства и самыми дѣйствіями лицъ, размѣщенныхъ было уже въ своихъ мѣстностяхъ... А я знаю самъ во очію, фактически, что по энергическому дѣйствованію преосв. Антонія дѣло

---

[1]) *Перовскій* Василій Алексѣевичъ, который дважды управлялъ Оренбургскимъ краемъ,—сперва въ званіи Военнаго Губернатора въ сороковыхъ годахъ, когда былъ совершенъ имъ крайне неудачно первый Хивинскій походъ,—а потомъ съ 1851 г. по конецъ жизни въ 1857 г. (7-го Апрѣля) въ званіи Генералъ-Губернатора Оренбургско-Самарскаго; тутъ онъ возведенъ былъ и въ Графское достоинство.

пошло-было очень хорошо.—Видѣлъ я самъ и въ складахъ при Консисторіи и бывши лично у нѣкоторыхъ священниковъ-миссіонеровъ,—весьма значительные запасы и крестиковъ нашейныхъ, и иконъ разнаго рода, и даже матеріаловъ—холста и ситцу для крестильныхъ сорочекъ и пр.“—Ну такъ теперь я понимаю, отъ чего и Оренбургскій-то вашъ Архіерей вдругъ замолчалъ, хотя прежде и писалъ довольно подробно и утѣшительно. Все таки я скажу одно: выходитъ, что *тамо убоящася страха, идѣже не бѣ страхъ*... и главное все это видимо отъ того, что вмѣшиваются въ дѣло Христово слуги не призванные,—разумѣю свѣтскія власти. Вотъ уже двадцать одинъ годъ прошелъ, какъ я выбылъ изъ Казани, но до днесь теперь все представляю живо какъ бы предъ глазами, что̀ было тогда по части миссіонерства,—именно въ средѣ Татаръ, которыхъ я самъ признавалъ за волковъ, или лисицъ-лукавыхъ, хитрыхъ,—къ тому же крѣпкихъ въ своемъ магометанствѣ; почему и трудно было чаять отъ нихъ, какъ *отъ козлищъ*, успѣха на пути ихъ обращенія къ свѣту Христову.—За-то, на оборотъ, Чуваши и Черемисы—чисто безхитростныя *овечки*... Потому-то и тамъ, въ Оренбургскомъ краѣ, если боялись какого либо движенія въ Татарахъ, подъ вліяніемъ Крымскихъ военныхъ дѣйствій,—за что̀ же было пріостанавливать дѣло миссіонерства въ средѣ Черемисъ и Чувашъ, этихъ, говорю, по природѣ овечекъ... Эхма, Эхма!.. Впрочемъ, вотъ и въ Казанской-то губерніи, сколько я знаю, дѣла по просвѣщенію инородцевъ больно не *яраръ*... Между тѣмъ, какъ въ Казани открыто Викаріатство... и еще Академія съ спеціальнымъ образованіемъ для цѣлей миссіонерскихъ... Правда, преосвященный Оренбургскій писалъ мнѣ тоже относительно викаріатства, но я отклонилъ его, а совѣтовалъ лучше просить раздѣлить епархію на двѣ части—на Оренбургскую и Уфимскую епархіи самостоятельныя [1]). Впрочемъ, суть-то дѣла не

---

[1]) Открытіе этихъ двухъ епархій, дѣйствительно, послѣдовало въ 1859-мъ г.

въ открытіи только самостоятельныхъ епархій, а въ томъ, что нужно назначать Архіереевъ-то подходящихъ. особенно на новыя-то епархіи. А то вотъ въ Самару, вдругъ, не долго думая, посадили на *новую первую* каѳедру такого же *новичка*—Архіерея прямо изъ столичной Академіи Ректора, всю жизнь свою далѣе столичныхъ стѣнъ ничего не видѣвшаго, къ тому же человѣка учено-кабинетнаго, привыкшаго, естественно, только къ писалу книжному, чѣмъ онъ, какъ слышно, и теперь по преимуществу любитъ заниматься [1]).

„Наконецъ вотъ и въ Симбирской-то епархіи, хотя она организовалась уже давно (въ 1832 г.) и хотя теперешній Преосвященный въ ней тоже служитъ весьма долго (съ 1843 г.), но, не въ укоръ будь сказано лицу Святительскому, епископствованіе его оказывается въ родѣ какого-то *боярствованія*, что зависитъ, положимъ, и отъ личнаго его, сколько я знаю, характера, а еще и отъ того, что въ Симбирской губерніи, дѣйствительно, ужасно много дворянъ—помѣщиковъ знатныхъ родовъ, такъ что, и въ мое время, эта губернія величилась *дворянскою - боярскою*. А между тѣмъ, въ послѣдніе уже годы, бывали у меня здѣсь Симбирскіе нѣкоторые помѣщики, еще прежде лично мнѣ знакомые въ Казани. Они-то, хотъ и мірскіе и великосвѣтскіе люди, не могли, однако, безъ глубокой скорби высказывать мнѣ, что о дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ почти нѣтъ и помину... Чуваши не только по мѣстамъ отпадали отъ Христовой Вѣры, но, что горше, и въ свою-то прежнюю не возвратились, а стали поступать изъ оставляемаго ими

---

[1]) Первымъ Епископомъ въ новооткрытую (въ 1850 г.) Самарскую епархію былъ назначенъ Ректоръ С.-Петербургской Академіи, Евсевій, бывшій уже въ санѣ Епископа съ званіемъ Викарія Винницкаго, (въ Каменецъ-Подольской епархіи); воспитывался онъ въ Московской Академіи, гдѣ и былъ (съ 1832 г. по 1848) въ должностяхъ Баккалавра, Инспектора и Ректора Московской Академіи, а затѣмъ, два года въ Петербургской. Литературныхъ произведеній, дѣйствительно, вышло изъ-подъ пера его весьма много, начиная со времени епископства въ Самарѣ и оканчивая въ Могилевѣ,—гдѣ онъ и скончался.

Христіанства прямо въ магометанство... или оставались просто безъ всякой вѣры, какъ жалкія безсловесныя. Это же все, очевидно, произошло уже не отъ того, отъ чего пріостановилось дѣло миссіонерства въ Оренбургской Епархіи, не отъ Крымской войны, или распоряженія Генералъ-губернаторскаго, а отъ того, что Архипастырь, по словамъ разсказчиковъ, вмѣсто того, чтобы *пастырствовать*, не переставалъ болѣе и болѣе *боярствовать*... Эхма, эхма!! произнесъ съ особеннымъ тяжелымъ вздохомъ высопр. Филаретъ.. и промолвилъ: „Да, вотъ каковы наши дѣла человѣческія, хотя бы и архіерейскія... *„О Тимоѳе!*—не даромъ твердилъ часто Св. Апостолъ Павелъ своему присному чаду поставленному имъ епископомъ,—*да увѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже естъ Церковь Бога жива, столпъ и утвержденіе истины*... (1 Тим. III, 15). Да и всѣмъ Епископамъ тотъ же Св. Апостолъ крѣпко заповѣдалъ: *подобаетъ Епископу и отъ внѣшнихъ свидѣтельство имѣти, да не въ поношеніе впадетъ и въ сѣть непріязненну. Аще же кто* (изъ Епископовъ) *своего дому не умѣетъ правити* (и слѣдов. и себя самого, какъ должно, поставити), *како убо о Церкви Божіей прилежати возможетъ.* (1 Тим. III. 7 и 5). Эхма! продолжалъ Владыка, Св. Апостоломъ речено:—*аще кто епископства хощетъ, добра дѣла желаетъ.* (1 Тим. III. 1.). И вотъ мы до епископства-то, (въ значеніи сана архіерейскаго), больно охочи, а *добраго-то дѣла*, подобающаго, въ возможномъ совершенствѣ по силѣ Благодати, именно Епископамъ, не больно-то совершаемъ... а прикасаемся къ нему какъ бы только перстами... Послѣ нѣсколькихъ, еще высказанныхъ, —разсужденій на эту же тему и послѣ небольшой паузы, въ Бозѣ почившій Владыка, взглянувши вдаль на Кіевъ [1])

---

[1]) Бесѣда была, нужно замѣтить, во время проходки по Голосѣевскому лѣсу и, между прочимъ, на одной вышкѣ близъ ограды, откуда прекрасный открытый видъ на Лавру и весь Кіевъ.— Объ этомъ будетъ рѣчь еще въ своемъ мѣстѣ при повѣствованіи о жизни въ Бозѣ почившаго въ Кіевѣ и, въ частности, о пребываніи его въ Голосѣевой Пустыни.

началъ такъ: „Вотъ, знаешь ли землякъ, какія у меня вдругъ зароились, по такъ называемой ассоціаціи, мысли... Смотримъ мы теперь на Кіевскія горы... а объ нихъ, извѣстно, что было предвозвѣщено Св. Андреемъ Первозваннымъ,—„яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія и имать Господь церкви многи на нихъ воздвигнути... О! когда бы исполнилось это же и на горахъ-то всѣхъ и Уральскихъ, и Уфимскихъ, и Жигулевскихъ, и Симбирскихъ, и Казанскихъ-Услонскихъ, и во всѣхъ *котловинахъ* Казанскихъ же!! [1]). А, вѣдь, благодать сія уже давно возсіяла, по милосердію Господню къ заблуждающему человѣчеству, во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, начиная съ покоренія Царства Казанскаго истинно Апостольскими трудами первозванныхъ Святителей Казанскихъ, и сѣяніе и возрастаніе Сѣмени Благовѣстія Христова множилось и во времена послѣдующія... Да вотъ что подѣлаешь съ нами—позднѣйшими преемниками онаго Апостольства... Эхма, эхма! можетъ быть и грѣховно разсуждать такъ... но, Господи Сердцевѣдче, Ты вся вѣси, и Ты самъ реклъ еси, *яко отъ избытка сердца и уста глаголютъ...*“

Оба приведенные разсказы, т. е. высокопр. Антонія—мнѣ и мой—ему были въ 1865 г. еще въ Смоленскѣ, когда я только-что начиналъ изучать матеріялы для Біографіи въ Бозѣ почившаго Владыки Филарета. Въ настоящемъ мѣстѣ они составляютъ своего рода эпизодъ, который хотя и показался бы кому нибудь, можетъ быть, длиннымъ, но по значенію своему онъ вполнѣ здѣсь умѣстенъ. Такое значеніе этого эпизода открылось для меня въ общемъ составленіи Біографіи именно въ томъ, что свѣдѣнія, заключающіяся въ открывшихся для меня впослѣдствіи источникахъ, какъ разъ совпадали и по содержанію и по времени съ тѣмъ, что сохранилось въ моихъ мемуарахъ изъ вышеприведеннаго личнаго моего

---

[1]) Слово «*котловина*», очевидно, разумѣлось здѣсь, какъ переводное самаго слова—«Казань», которое, если справедливо историческо-филологическое производство, значитъ *котелъ*, такъ какъ у Татаръ есть именно слово *казанъ*, что значитъ *котелъ*.

собесѣдованія съ жизнеописуемымъ. Подъ этими источниками свѣдѣній я разумѣю *двѣ* статьи, которыя напечатаны одна за другой (въ 1865—1866 г.) въ журналѣ „Странникъ“,—одна подъ заглавіемъ: „*Школа для первоначальнаго обученія дѣтей крещенныхъ Татаръ въ г. Казани*“ [1]), и другая подъ заглавіемъ: „*Нынѣшнее положеніе крещенныхъ Татаръ заволжскаго края*“ [2]). Статьи эти представятъ намъ положительные живые факты,—каково въ дѣйствительности оказалось дѣло миссіонерства именно въ Симбирской и Казанской епархіяхъ и, по преимуществу, въ первой въ отношеніи къ Чувашамъ, а во второй по отношенію къ Татарамъ. Свѣдѣнія и факты, относящіеся къ Симбирской Епархіи, замѣчательнѣйшимъ образомъ, падаютъ прямо на то самое время, къ которому относится изложенный нами эпизодъ.

Но прежде, чѣмъ обратиться къ этимъ фактамъ и современнымъ даннымъ въ описываемую въ этихъ статьяхъ пору, за нами остается вопросъ:—какъ смотрѣлъ высокопр. Филаретъ на совершившееся, по его настойчивымъ представленіямъ, учрежденіе особой самостоятельной Епархіи Симбирской, вмѣсто, предполагавшагося *тамъ* и ему предлагаемаго, Викаріатства?.

Въ письмахъ высокопр. Филарета къ преосв. Кириллу, законченныхъ, какъ помнятъ читающіе, послѣднимъ письмомъ (отъ 10-го Февраля 1832 г.) не встрѣчается ни слова о состоявшемся (наконецъ) открытіи Симбирской Епархіи.—Нѣтъ объ этомъ и помину и въ послѣдующихъ, писанныхъ уже въ Каменецъ-Подольскъ [3]),

---

[1]) Странникъ. Январь, 1865 г. Отдѣлъ Современной Хроники.

[2]) Странникъ. 1866 г., Августъ. Отдѣлъ Современной Хроники.—Заглавіе этой статьи, впрочемъ, не совсѣмъ точно; въ ней говорится о положеніи не Татаръ только, но и другихъ инородцевъ и, въ частности, Чувашъ.

[3]) Пробѣлъ этотъ, вѣроятнѣе всего, произошелъ не отъ того, что самъ высокопр. Филаретъ не сообщилъ своему собрату о такомъ важномъ предметѣ,—а отъ утраты, быть можетъ, самыхъ писемъ, или почему либо не попавшихъ въ руки доставителя ихъ—(Ректора Москов. дух. Академіи А. В. Горскаго).

гдѣ, особенно судя по содержанію перваго письма въ Каменецъ-Подольскъ, всего естественнѣе и умѣстнѣе быть бы рѣчи объ этомъ предметѣ. Въ указываемомъ письмѣ [1]) говорится напр. такъ: „Отдаленіе Ваше отъ Казани въ новую далекую паству хотя и было случаемъ довольно долгаго молчанія между нами, но сердце мое никогда не молчало въ теплыхъ молитвахъ о Васъ предъ Господомъ. Вѣрую, что и Вы не забываете моего недостоинства... Такожде вѣрую и твердо надѣюсь на Господа, что Онъ даровалъ духу Вашему силы къ продолженію трудностей служенія Вашего Церкви Его Святѣй на новомъ мѣстѣ... У насъ въ Казани, милостію Господнею, все мирно и благополучно..." и только... а о своихъ дѣлахъ по управленію паствою ни полслова...—Но вотъ предъ нами другое письмо высокопр. Филарета къ другому лицу — родственнику его Калужскому Протоіерею [2]). Въ этомъ-то письмѣ мы и встрѣчаемъ искомое восполненіе пробѣла, и въ такой степени, что,—не будь особаго заглавія на этомъ письмѣ,—можно бы всего скорѣе принять его прямо за письмо къ тому же преосв. Кириллу. „Чрезъ выдѣленіе части отъ ввѣренной мнѣ епархіи я получилъ *облегченіе бремени*. Но помолись, брате, Господу Богу, да дѣло сіе благоудно Ему будетъ и да благословитъ Онъ благословеніемъ Своимъ новую епархію во славу Пресвятаго Своего Имени и въ назиданіе вѣрующихъ. Впрочемъ хотя *наружныя дѣла* много убавились, но на сердцѣ моемъ лежитъ важный долгъ обращенія инородцевъ изъ тьмы въ свѣтъ Вѣры Христовой. Конечно, сіе есть дѣло Божіе,—но молитвы, но заботы, но труды—есть дѣло наше".—Да, если бы высокопр. Филаретъ и писалъ объ этомъ предметѣ преосв. Кириллу,—то едва ли бы не въ тожественныхъ даже выраже-

---

[1]) Письмо отъ 13-го Марта 1833 г., слѣдов. ровно чрезъ годъ послѣ того, какъ преосв. Кириллъ былъ проѣздомъ въ Каменецъ-Подольскъ у высокопр. Филарета въ Казани съ 6-го по 9-е Марта 1832 г. Смотр. свѣдѣнія, прежде сказанныя.

[2]) Петру Степановичу Алексинскому отъ 2 Іюня 1832 г.

ніяхъ.—Но, въ частности, для насъ,—думаемъ и для читающихъ,—особенно замѣчательно здѣсь тожество этихъ выраженій съ тѣми, какія мы слышали изъ устъ въ Бозѣ почившаго, чрезъ *тридцать пять лѣтъ* при воспоминаніяхъ его объ описываемомъ теперь событіи, гдѣ онъ изрекалъ именно то, что и по открытіи Симбирской Епархіи *„онъ крѣпко болѣлъ душею, за то и крѣпко молился ко Господу, да дѣло сіе благоугодно ему будетъ* и пр... Такое явленіе истинно знаменательно, а также и глубоко назидательно, чтобы понять и уразумѣть всю силу и значеніе смиренномудреннаго духа и чувства въ лицѣ Святителя Божія.

Для кого не понятно,—что разсуждавшій такъ *помышлялъ*, по слову Евангельскому, *не яже человѣческая, а яже суть Божія*... Хотя онъ и указываетъ на облегченіе бремени для себя, по открытіи новой епархіи, но относится къ этому дѣлу не какъ къ административно-оффиціальному только учрежденію, но какъ къ учрежденію Божію для устроенія Царства Христова на землѣ, въ которомъ всѣ области и образы управленія и дѣйствій хотя и не-независимы отрѣшенно отъ условій внѣшнихъ гражданскихъ положеній и порядковъ, и совмѣстныхъ съ ними, отчасти, и самыхъ правилъ и установленій церковныхъ,—но самоглавнѣйшимъ образомъ опредѣляются силою и дѣйствіемъ Того, Кто есть Единая Глава единаго Тѣла—Церкви, стяжанной Кровію Его. Потому-то онъ не разсуждаетъ, какъ естественно было бы ожидать по человѣчески, особливо въ письмѣ къ родственнику, предъ которымъ могла бы быть естественная откровенность,—о томъ напр. „кто-то будетъ Епископомъ новоучреждаемой паствы;.. какъ-то онъ поведетъ дѣла свои, въ какія отношенія поставитъ себя къ нему и проч.“, но молится и проситъ молитвъ у другихъ только о томъ, чтобы надъ новою епархіею почивало Благословеніе Божіе. Готовый самъ на все, какъ ревностный *соработникъ Богу на нивѣ Божіей* и въ *строеніи Царства Божія*, онъ забываетъ о личности и всѣхъ внѣшнихъ отношеніяхъ своего собрата въ дѣлѣ священнопастырскаго служенія, а вѣритъ и уповаетъ за

него, что и онъ долженъ быть тѣмъ же *сработникомъ;* почему и выражается отъ лица не единичнаго собственнаго,—но говоритъ: „но молитвы, но заботы, но труды есть *дѣло наше*“... И, наконецъ, если этотъ молитвенный духъ ревности въ Бозѣ почившемъ не ограничивался только мѣстомъ и временемъ его служенія въ Казанскомъ краѣ, но сохранился и на всю земную жизнь, (какъ мы видѣли это въ воспоминаніяхъ его чрезъ многіе десятки лѣтъ и въ отдаленіи отъ Казанской паствы) въ паствѣ Кіевской и, при томъ, когда онъ стоялъ уже именно на порогѣ къ вѣчности,—то усумнимся ли, что этотъ же духъ молитвенной ревности порешелъ съ нимъ и живетъ, и дѣйствуетъ и тамъ въ странѣ блаженной вѣчности. Да и можетъ ли быть мѣсто сомнѣнію послѣ того, что̀ изречено однимъ изъ позднѣйшихъ чрезъ тридцать лѣтъ преемниковъ въ Бозѣ почившаго на Казанской каѳедрѣ, явившимся всецѣло достоподражательнѣйшимъ ему Святителемъ—его племянникомъ и по плоти и по духу высококопр. Антоніемъ?!—Раскроемъ его хартію, съ которою онъ выступилъ при первомъ его священнослуженіи въ Казани.

Изобразивъ особенную важность и трудность, предлежащаго ему, служенія собственно по отношенію къ мѣсту и положенію Казанской паствы, новопоступившій на нее Архипастырь, между прочимъ, не обинуясь свидѣтельствовалъ: „Вѣрую, что и блаженный духъ цѣлаго сонма прежде бывшихъ ангеловъ (епископовъ) Церкви Казанской, между коими столько славныхъ именъ мужей доблестныхъ, сильныхъ словомъ и дѣломъ предъ Богомъ и людьми и незабвенныхъ заслугами Церкви и Отечеству, каковы: Ефремъ, великій Гермогенъ, впослѣдствіи Патріархъ и страдалецъ за Вѣру и Отечество, Веніаминъ, Амвросій, бывшій потомъ мудрымъ первостоятелемъ Собора Церкви Россійской, и *Филаретъ, еще живо памятуемый многими здѣсь и приснопамятный своею святою жизнію и апостольскими трудами,*—носится и теперь надъ сею бывшею ихъ паствою съ живымъ участіемъ въ судьбахъ ея, и не престаетъ немолчно вопіять предъ Престоломъ Господнимъ на небесахъ о помощи и благо-

поспѣшеніи позднѣйшимъ преемникамъ ихъ святительской каѳедры" [1]).

Съ другой стороны, если вникнуть въ тѣ причины и обстоятельства, по коимъ высокопр. Филаретъ находилъ необходимымъ облегчить себя и дѣйствительно получилъ облегченіе отъ *наружныхъ дѣлъ*, какъ и писалъ онъ въ письмѣ къ родственнику, то здѣсь самое это наименованіе дѣлъ *наружными* ясно показываетъ, въ чемъ состояло это потребное для него облегченіе. Подъ наружными дѣлами, составлявшими бремя по отношенію собственно къ дѣлу просвѣщенія инородцевъ, очевидно, разумѣются оффиціальныя и всякія сношенія, посредственныя или непосредственныя, съ разномѣстными гражданскими властями, начиная съ высшей губернаторской и не исключая волостныхъ управленій, или приказовъ. Неизбѣжность этихъ сношеній, самыхъ частыхъ и многостороннихъ, извѣстна всякому, сколько нибудь знакомому съ существующими законами и порядкомъ дѣлопроизводства по предметамъ, касающимся Вѣры и Церкви. Не менѣе извѣстна должна быть, соединенная съ этой неизбѣжностію, и особенная трудность, проистекающая изъ тѣхъ дѣйствій и отношеній гражданскихъ властей и вообще лицъ мірскихъ, сколько нибудь авторитетныхъ по званію, или состоянію, въ которыхъ, если не прямо и не явно, то посредственно скрытно, въ не рѣдкихъ случаяхъ соприкосновенности дѣлъ духовной сферы съ мірскою, выражается какая-то предвзятость, несочувственность, или такъ называемый антагонизмъ. Если и въ наши дни бываетъ достаточно подобныхъ примѣровъ, попадавшихъ и на страницы печати и не безъизвѣстныхъ въ разныхъ современныхъ общественныхъ явленіяхъ,—то что сказать о томъ, что было назадъ тому за нѣсколько десятковъ лѣтъ, и, при

---

[1]) Смотр. «Православный Собесѣдникъ» 1867 г. кн. 1. Слово, сказанное преосв. Антоніемъ, епископомъ Казанскимъ при вступленіи на паству Казанскую и первомъ служеніи его 25-го Декабря 1866 г.—Приведенныя сейчасъ слова поставлены нами эпиграфомъ въ первой-вступительной главѣ настоящаго тома.

томъ, въ такомъ краѣ и съ такою разнородческою и полуазіатскою населенностію, какъ было это во дни служенія высокопр. Филарета въ Казанской, вмѣстѣ съ Симбирскою, Епархіи, именно по части вліянія на дѣло просвѣщенія инородцевъ со стороны начальственныхъ, или иныхъ властныхъ лицъ?!.

Мы уже знаемъ, отъ чего возникло, между прочимъ, самое начальное движеніе (въ 1827—28 г.) крещенныхъ инородцевъ къ отпаденію отъ Христіанства. Это—во 1-хъ отъ невниманія и слабости надзора мѣстныхъ властей, допустившихъ извѣстное торжественное совершеніе идолопоклонническаго обряда жертвоприношенія; во 2-хъ отъ противозаконнаго рѣшенія дѣла, производившагося въ Симбирской Уголовной Палатѣ, по коему предписано было *бывшую крещенную татарку Анну* оставить въ магометанствѣ, если она не желаетъ пребывать въ Христіанствѣ.—Ясно, какова оставалась надежда на содѣйствіе и пособіе такого начальства въ интересахъ Вѣры и Церкви; между тѣмъ, Начальство духовное, начиная съ самаго Архіерея, никакъ не могло обходиться безъ обращенія къ гражданской власти за потребными содѣйствіемъ и пособіемъ. Такъ, самъ высокопр. Филаретъ, при назначеніи трехъ главныхъ миссіонеровъ, представлялъ Св. Суноду, что при отправленіи сихъ лицъ онъ *имѣетъ сноситься каждый разъ съ гражданскою властію* объ оказаніи имъ должнаго содѣйствія и пособія во всѣхъ потребныхъ случаяхъ. Равно и самъ онъ лично, какъ мы видѣли, при посѣщеніи инородческихъ селеній, *со всею заботливостію вникалъ въ положеніе ихъ даже въ отношеніи къ мѣстнымъ властямъ*, съ прямою цѣлію, чтобы предотвратить всякое, вредное со стороны этихъ властей, дѣйствіе и вліяніе на новокрещенцевъ.—Но, и при всемъ этомъ, мы знаемъ фактъ, по которому высокопр. Филаретъ долженъ былъ рѣшиться войдти отъ себя съ личнымъ представленіемъ-протестомъ, съ доведеніемъ сего дѣла даже до свѣдѣнія Государя Императора. Очевидно, что мѣстное Начальство не хотѣло уважить и удовлетворить его законныя требованія. Вообще же, что подобные факты въ бытность высокопр.

Филарета бывали, доказательство въ томъ свидѣтельствѣ, которое мы тоже видѣли прежде,—а именно: „сколько всякій успѣхъ новокрещенныхъ въ познаніяхъ и дѣлахъ Православной Вѣры радовалъ его, столько же *всякая духовная опасность, грозившая имъ, обезпокоивала его.*“ А что эта послѣдняя опасность проистекала именно изъ разсматриваемаго источника—не добрыхъ и не надлежащихъ дѣйствій и отношеній гражданскихъ властей по дѣламъ обращенія иновѣрцевъ,—это очевидно изъ тѣхъ *поразительно грустныхъ* фактовъ, которые совершались въ гораздо позднѣйшее время (въ 1857—58 г.) напр. въ Симбирской губерніи и именно со стороны собственно гражданской власти. Факты эти, къ которымъ сейчасъ и обратимся, и достовѣрность коихъ свидѣтельствуется подлинными документами, какъ увидятъ читатели, покажутъ именно то, какъ высокопр. Филаретъ мудро и право поступилъ, что возможно ускорилъ представить Св. Суноду о необходимости открыть самостоятельную Симбирскую Епархію. Если и при существованіи уже этой отдѣльной Симбирской Епархіи, когда, слѣдовательно, всякія дѣйствія Епархіальнаго Начальства сократились, по меньшей мѣрѣ, вдвое, чѣмъ прежде, и самыя отношенія къ гражданскимъ Властямъ сдѣлались также вдвое удобнѣе и непосредственнѣе,—если говоримъ,—и въ эту пору могли совершаться такіе факты,—то можно ли ручаться, что они не были бы еще горшими, когда дѣйствія и отношенія одного Казанскаго Епархіальнаго Начальства должны были бы простираться на двѣ и болѣе отдѣльныя губерніи [1]), хотя бы и было учреждено въ Казанской Епархіи Викаріатство.

[1]) Двѣ губерніи разумѣются здѣсь—во 1-хъ бывшая уже Симбирская и затѣмъ новоучрежденная Самарская, изъ которой нѣкоторые уѣзды принадлежали къ Симбирской губерніи, и слѣдов. къ Казанской Епархіи.

ГЛАВА VII.

«Возникшее въ послѣднее время (1866 г.) религіозное отступническое движеніе крещенныхъ Татаръ и другихъ инородцевъ свидѣтельствуетъ само собою, что какъ начало и причины его почти совершенно тѣ же, изъ коихъ произошло бывшее въ 1827 г., такъ и пути, и мѣры, и весь образъ дѣйствованія къ пресѣченію его могутъ быть, по преимуществу, тѣ же, какіе были употреблены высокопр. Филаретомъ, и тѣмъ болѣе, что и сами отпадающіе помнятъ прежнее движеніе и указываютъ даже,—какъ и что было сдѣлано въ ту пору со стороны Начальства, и этимъ самымъ какъ бы вызываютъ и просятъ тѣхъ же самыхъ дѣйствій для ихъ образумленія» [1]).

Факты, о которыхъ мы хотимъ теперь сказать, содержатся въ указанной нами прежде статьѣ подъ заглавіемъ: *„Нынѣшнее религіозное положеніе крещенныхъ Татаръ заволжскаго края“*, гдѣ Авторъ пишетъ слѣдующее:

„5-го Января (1866 г.), вечеромъ, я былъ въ Батыревскомъ (удѣльномъ) Приказѣ и собралъ кое-какія свѣдѣнія о крещеніи Чувашъ-язычниковъ, вѣдомства этого Приказа въ 1857 г. Но еще въ концѣ 1864 г. я былъ въ селѣ Шемуршѣ и узналъ, что въ приходской къ этому селу деревнѣ есть крещенные Татары, но съ давнихъ временъ они числятся отпадшими совершенно отъ христіанства. Вмѣстѣ же съ этими отпадшими Татарами живутъ, такъ называемые, новокрещенные Чува-

[1]) Слова изъ послѣдующаго повѣствованія.

ши, окрещенные по предписанію бывшаго Управляющаго Симбирскою Удѣльною Конторою С. П. Глинки. Дѣло это происходило, какъ мнѣ передавали за достовѣрное, слѣдующимъ образомъ: „Въ то время проѣзжалъ этими мѣстами какой-то Министръ, и, замѣтивши большое количество язычниковъ въ Удѣльномъ вѣдомствѣ, сдѣлалъ выговоръ Управляющему Глинкѣ. Этотъ, по отъѣздѣ Министра, сдѣлалъ предписаніе въ тѣ Приказы, въ вѣдомствѣ коихъ находятся Чуваши-язычники, *непремѣнно* окрестить ихъ. И намъ передавали, какъ сельскіе Головы, большею частію также изъ Чувашъ крещенныхъ, собирали *этихъ дикарей въ сараи*, или просто *на дворъ насильственно и, подъ угрозой, заставляли ихъ принимать крещеніе, послѣ котораго предлагали будто новокрещеннымъ вина*. Но Чуваши эти, со времени крещенія, рѣшительно не исполняютъ правилъ христіанской Вѣры и *готовы быть скорѣе магометанами, чѣмъ христіанами*. По внѣшности они и теперь точно Татары. Въ 1857 и 1858 г. подобнымъ же образомъ были крещены Чуваши и нѣкоторыхъ другихъ селеній Симбирской губерніи“. „Нынѣ же, продолжаетъ Авторъ, намъ привелось прочитать въ Батыревскомъ Приказѣ (деревня Большое Батырево Сугутскаго прихода) дѣло объ обращеніи въ христіанство крестьянъ, состоящихъ въ язычествѣ. (Дѣло началось 28-го Октября 1857 г., рѣшено 29-го Ноября того же года № 2055). Предлагаемъ читателямъ нѣкоторыя подробности этого дѣла.

„Предписывается Приказу, *чтобы Голова, при содѣйствіи приходскихъ священниковъ*, принялъ самыя дѣятельныя мѣры и средства къ убѣжденію и обращенію въ Православіе, установленнымъ порядкомъ, всѣхъ семействъ, состоящихъ въ язычествѣ по вѣдомству Приказа, употребивъ для наклоненія и увѣщанія тѣхъ язычниковъ всѣ мѣры благоразумія, которыя бы, безъ нарушенія законнаго порядка въ этомъ случаѣ, *непремѣнно* имѣли полный успѣхъ сдѣлать ихъ христіанами и *заставить* исполнять правила христіанской Вѣры. При чемъ предъявляется Головѣ, что успѣхъ въ этомъ важномъ дѣлѣ *поставитъ его въ особое отличіе, за которое*

онъ не останется безъ вознагражденія отъ начальства. и о послѣдующемъ донести господину Управляющему Конторою".

„25-го Ноября того же года получена была бумага въ Батыревскомъ Приказѣ изъ Удѣльной Конторы слѣдующаго содержанія: „Къ неудовольствію моему я замѣчаю, что Голова онаго Приказа совершенно бездѣйствуетъ въ обращеніи язычниковъ въ присоединеніи къ христіанству, тогда какъ всѣ прочіе приказные Головы заботятся о семъ, и *четыреста двадцать двѣ* души обоего пола присоединено къ Православной Церкви: въ Батыревскомъ же Приказѣ состоитъ некрещенныхъ 47 человѣкъ обоего пола. *Поставляю на строгое замѣчаніе Головѣ невнимательность его къ своему дѣлу* (!) обращенія въ Православіе язычниковъ".

„27-го Ноября—значитъ чрезъ два дня по полученіи строгаго замѣчанія, — Приказъ доносилъ Конторѣ, что некрещенныхъ осталось 1 душа муж. пола—крестьянинъ деревни Янтиковой *Аврикъ Аврельевъ* (ёмзя), который теперь боленъ. 29-го Ноября Приказъ доносилъ, что и этотъ самый Аврикъ, имѣющій отъ роду 71 годъ, крещенъ 28-го Ноября, а отъ 2-го Декабря Приказъ доносилъ уже, что всѣхъ окрещено 49 душъ обоего пола".

„30-го Ноября Батыревскому Приказу сообщалось изъ Конторы, что, состоящіе въ вѣдомствѣ Мамалаковскаго и Бюргановскаго Приказовъ, язычники изъ Чувашъ *обращены всѣ* въ Православную Вѣру. Относя это къ особенной дѣятельности приказныхъ Головъ тѣхъ Приказовъ, и изъявивъ имъ за сіе благодарность, поставляю это въ примѣръ Головѣ Батыревскаго Приказа, съ тѣмъ, чтобы онъ озаботился послѣдовать примѣру тѣхъ Головъ и *употребить особенную свою дѣятельность* о просвѣщеніи крещеніемъ язычниковъ изъ Чувашъ его Приказа".—5-го Апрѣля 1858 года (№ 435) Батыревскій Приказъ доносилъ Приставу 2-го стана Буинскаго уѣзда, что въ вѣдомствѣ сего Приказа *язычниковъ не находится.*

„Такъ происходило обращеніе въ христіанство язычествующихъ Чувашъ въ 1857 и 1858 годахъ. Не уди-

вительно, заключаетъ Авторъ, что эти новокрещенные Чуваши уклоняются въ магометанство, потому что съ Татарами они близки и по образу жизни, и по одеждѣ, и по языку, съ религіей же магометанской, въ общихъ чертахъ, они также знакомы, благодаря близости своего языка къ языку Татарскому, на которомъ магометане успѣли передать имъ свои религіозныя понятія. Съ Христіанскою же религіей эти Чуваши не были ознакомлены, какъ слѣдуетъ. *Обращеніемъ занимались Головы, или вообще Приказы, которые исполняли это дѣло, какъ начальственное предписаніе*".

Этимъ и заканчиваемъ мы приведенныя документальныя данныя.., не требующія, какъ видитъ всякій, разъясненій. Для окончательной иллюстраціи, изображаемаго теперь, положенія дѣлъ обращаемся ко *второй* изъ предуказанныхъ статей подъ заглавіемъ: „*Школа для первоначальнаго обученія дѣтей крещенныхъ Татаръ въ Казани*" [1]). Изъ этой статьи возмемъ, что̀ существенно относится къ предмету нашей рѣчи, имѣя, впрочемъ, въ виду все, что̀ совпадаетъ не только съ приведенными воспоминаніями высокопр. Филарета, но и съ самымъ временемъ его служенія въ Казанской Епархіи. На такое сопоставленіе фактовъ и свѣдѣній вызываетъ насъ самъ достопочтенный Авторъ. Онъ тотъ же самый, котораго мы цитировали не разъ при изложеніи переписки высокопр. Филарета съ преосв. Вятскимъ Кирилломъ.—Разсмотрѣніе этой статьи обрисуетъ, въ достаточной полнотѣ, суть дѣла не въ біографическомъ только значеніи, но и въ историческомъ въ приложеніи и къ настоящему времени и status-quo.

Указываемая статья явилась въ 1865 г. Авторъ свидѣтельствуетъ слѣдующее:—„Если старокрещенные Татары вообще чужды христіанскаго просвѣщенія,—большинство ихъ придерживается своей старины, а нѣкоторые увлекаются вліяніемъ магометанства, то новокре-

---

[1]) Странникъ. 1865 г., Январь.

щенные, въ извѣстныхъ мѣстахъ, въ большинствѣ наклонны къ магометанству".—Такимъ образомъ это, въ описываемое время, состояніе старо-и-новокрещенныхъ Татаръ оказывается тожественнымъ почти съ тѣмъ состояніемъ, по поводу котораго былъ назначенъ высокопр. Филаретъ въ Казанскую Епархію (1828 г.)—И что же?.. не плоды ли это (чрезъ 37 лѣтъ...) того, что было какъ будто забыто о всемъ, бывшемъ во дни управленія высокопр. Филарета Казанскою паствою?! Вопросъ этотъ ставимъ не отъ себя: онъ обосновывается на изложеніи того же Автора. Авторъ относится почему-то прямо съ указаніемъ на бывшія въ старину новокрещенскія школы въ родѣ описываемой имъ настоящей собственной; онъ беретъ время даже гораздо дальнѣйшее. Онъ говоритъ: „въ прошломъ столѣтіи въ Казани было нѣсколько школъ новокрещенскихъ, но онѣ, по видимому, не имѣли значительнаго вліянія на крещеныхъ Татаръ", и, при этомъ, представляетъ объясненіе причинъ такого не удовлетворительнаго вліянія. Но онъ умалчиваетъ объ этихъ же школахъ въ ближайшее время, именно въ пору управленія высокопреосв. Филарета Казанскою Епархіею. Между тѣмъ, мы уже видѣли свидѣтельства о существованіи и вліятельномъ значеніи этихъ школъ. Замѣтить нужно при этомъ, что школы указываемаго послѣдняго (Филаретовскаго) времени были не въ Казани только, а по приходамъ, по разнымъ селеніямъ, и что жители относились къ нимъ не съ такою холодностію и недовѣрчивостію, какъ свидѣтельствуетъ самъ Авторъ о своей Школѣ, не скрывая и своей собственной поспѣшности въ своемъ начинаніи, что̀ видимъ въ его собственныхъ выраженіяхъ: „Первые два мѣсяца Школа наша существовала *болѣе въ воображеніи*, чѣмъ въ дѣйствительности... И на досугѣ пришлось поразмыслить о Школѣ... Открыли мы ее, признаться, *съ горяча*..." [1]. Какая разница между отзывами самихъ учре-

---

[1]) Странникъ. Январь, 1865 г. Отдѣлъ Современной хроники, стран. 23—25.

дителей о своей *одной-единственной* школѣ и тѣмъ, что мы видѣли въ школахъ, имѣвшихся во многихъ селеніяхъ во время управленія преосв. Филаретомъ Казанскою Епархіею?!

Само собою, никто не почтетъ словъ нашихъ за нѣчто укорительное для лицъ-учредителей современной школы; просвѣщенная и благонамѣренная ихъ ревность и дѣятельность, и говорить нечего,—достойна истиннаго одобренія и искреннѣйшаго благожеланія успѣховъ во славу Божію и во благо Церкви и спасительную пользу ближнихъ. Съ своей стороны мы хотимъ и должны сказать, что если спустя столько лѣтъ (а ихъ *тридцать*) подобныя не новыя начинанія,—а вѣрнѣе—реставрируемыя лишь дѣйствія, хотя и туго прививаются къ новокрещеннымъ Татарамъ, однако обѣщаютъ же плодъ по роду своему, то что было бы, если бы не прерывалось это дѣло и шло естественнымъ путемъ истиннаго прогресса съ той самой поры и на тѣхъ началахъ, на коихъ основывалось и предустановлялось оно навсегда по мысли и плану въ Бозѣ почившаго высокопр. Филарета?! Припомнимъ опять, что именно полагалъ онъ въ основу и залогъ будущаго успѣха въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ свѣтомъ Христовой Вѣры? Въ представленіи своемъ Св. Сѵноду, сказавъ, „что прежде всего нужно дать имъ (инородцамъ) Христіанское ученіе на языкѣ имъ понятномъ“, онъ въ пунктѣ же второмъ писалъ: „Озаботиться (нужно) воспитаніемъ молодаго поколѣнія инородцевъ въ истинахъ Православной Вѣры; для сего поручить мѣстнымъ священникамъ учить инородческихъ дѣтей *на ихъ языкахъ* сначала въ домахъ своихъ, а потомъ когда возрастетъ число ихъ, то *въ школахъ при церквахъ*, кои должны быть устроены на счетъ прихожанъ“. Писалъ все это въ Бозѣ почившій *„не съ горяча“, какъ свидѣтельствуетъ* о себѣ и о своихъ сотрудникахъ по учрежденію новооткрытой школы Авторъ статьи. Чтобы понять и оцѣнить во всей силѣ и значеніи такое достоинство въ Бозѣ почившаго, предлагаемъ читателямъ еще нѣсколько строкъ изъ статьи, почти одно-

временной, и озаглавленной такъ: „*Къ дѣлу, къ свѣдѣнію и къ должному соображенію*“ [1]).

„Въ виду увеличивающагося отпаденія отъ Православія возсоединенныхъ мусульманъ,—(говоритъ отъ себя Редакторъ, помѣстившій въ своемъ журналѣ сейчасъ сказанную статью),—мы писали къ одному изъ спеціалистовъ по части мусульманской литературы и, съ тѣмъ вмѣстѣ, разумному ревнителю Православія, и спрашивали его: „что онъ думаетъ о состояніи Школы Казанской для крещенныхъ Татаръ и объ отношеніи ея къ обществу, составленному въ С.-Петербургѣ въ видахъ приготовленія миссіонеровъ“?—Спрашиваемое лицо отвѣчало: „Относительно *идеи приготовлять миссіонеровъ* въ Петербургѣ рѣшаюсь сказать, что, по моему, система миссій подвижныхъ, по крайней мѣрѣ въ здѣшнемъ краѣ, не удобна. *Главное—школы.* И наша школа растетъ съ Божьею помощію,—чего же больше?... И потому (продолжаетъ тотъ же Авторъ) свою школу и свое маленькое миссіонерство предлагать вашему *обществу* считаю безполезнымъ и неблаговременнымъ. Мы какъ знаемъ и находимъ удобнымъ, такъ и ведемъ свое дѣло. А у васъ станутъ *заглазно судить* и осуждать насъ: то-де не такъ, и то бы иначе... У насъ дѣло идетъ *не по теоріи*, но какъ анализъ какого нибудь химика, идетъ—путемъ дѣйствительности и наблюденія надъ фактами, совершающимися у насъ предъ глазами“.—По прочтеніи этого отвѣта, нужно ли указывать здѣсь на то, что мы уже видѣли въ намѣреніяхъ и самыхъ дѣйствіяхъ въ Бозѣ почившаго. Авторъ письма не говоритъ ли здѣсь какъ будто подъ диктовку его?!.

Далѣе тотъ же Авторъ разсуждаетъ: „Въ Писаніи сказано, что Богъ отвергъ разумъ и премудрость разумныхъ и, утаивъ отъ нихъ сущность Своего Строительства, открываетъ *та младенцемъ*. Вотъ наши татарчаты (крещенные)—*истые младенцы* по чистотѣ сердца,

---

[1]) Смотр. Домашнюю Бесѣду 1866 г., Января 7-го, выпускъ 2-й, стран. 69—70.

силѣ вѣры и любви къ Богу,—вотъ они и будутъ миссіонерами, да и теперь уже не мало приносятъ пользы по миссіонерской части. Мы, впрочемъ, не возмемся за приготовленіе миссіонеровъ, хотя и есть въ Академіи студенты на миссіонерскомъ отдѣленіи, которые подаютъ хорошія надежды".

Что̀ сказать и объ этомъ разсужденіи Автора письма сравнительно съ тѣмъ, что̀ имѣлъ въ виду преосв. Филаретъ, когда представлялъ Св. Сѵноду о необходимости озаботиться воспитаніемъ *молодаго поколѣнія* инородцевъ въ истинахъ Православной Вѣры,—а для сего полагалъ поручить и на самомъ дѣлѣ уже поручилъ священникамъ *учить крещенныхъ инородческихъ дѣтей на ихъ природныхъ языкахъ сначала въ домахъ, а потомъ въ школахъ?* Очевидно тоже, чтобы эти дѣти были въ своемъ родѣ миссіонерами.

Наконецъ, для сопоставленія дѣла нельзя не остановиться вниманіемъ и на слѣдующемъ изложеніи Автора статьи *о школѣ.* Онъ говоритъ во 1-хъ, что „состязаться съ магометанствомъ очень трудно, ибо въ средѣ крещенныхъ Татаръ распространяется магометанская грамотность; они отдаютъ дѣтей своихъ въ татарскія медресы. Есть изъ числа ихъ довольно ученые по мусульмански, знакомые не только съ магометанскими молитвословіями, но и съ схоластическимъ богословіемъ" [1]). Во 2-хъ Авторъ рядомъ съ этою трудностію ставитъ на видъ и то̀, что „магометанство, сравнительно съ господствующимъ по закону Православіемъ, на дѣлѣ имѣетъ болѣе средствъ, какъ то: больше мечетей, больше муллъ, больше школъ, даже болѣе свободное книгопечатаніе, потому что коранъ и другія мусульманскія вѣроучительныя книги разрѣшаются, безъ особыхъ формальностей, на мѣстѣ въ Казани, тогда какъ священныя книги должны подвергаться отдаленной и продолжительной цензурѣ [2]). Другой Авторъ разсказываетъ, что онъ самъ ви-

---

[1]) Смотр. Странникъ 1865 г., Январь. Хроник. стр. 25.

[2]) Тамъ же.

дѣлъ, во время своего путешествія, Татаръ—мелкихъ торговцевъ, которые, вмѣстѣ съ прочимъ товаромъ, развозили для продажи магометанскія книги [1]), тогда какъ

---

[1]) Смотр. Странникъ 1866 г., Августъ. Хроника, стран. 68. NB. О количествѣ издаваемыхъ и распространяемыхъ магометанскихъ книгъ вѣроучительнаго и вообще просвѣтительнаго содержанія приведемъ здѣсь статистическія свѣдѣнія, можно сказать, поражающія громадною численностью; при этомъ особенно замѣчательно, или точнѣе, поразительно то, что съ самыхъ давнихъ поръ—съ 1802, 1806 и другихъ годовъ дѣло печатанія было по указу Правительствующаго Сената (отъ 15-го Декабря 1800 г.) производимо Казанскою Гимназіею, именуемою нынѣ первою съ титуломъ „Императорской". Такъ въ 1802 г. было напечатано книгъ, начиная съ азбукъ и оканчивая полнымъ Алкораномъ, 31000 экз.; въ 1806 г. 26000 экз. Затѣмъ съ 1833 по 1852 г., когда Типографія была передана изъ Гимназіи въ Казанскій Императорскій Университетъ, было напечатано полнаго Алкорана—23600 экз. и Гафтіяка (или 7-й части его)—44300 экз, да еще книгъ другихъ подъ разными названіями по ихъ содержанію, напр.—„Разсужденіе о благоговѣніи—„*Шурилэ-халь*", „Курсъ магометанскаго законовѣдѣнія—„*Мюхтасеръ-юль-викайетъ*", „Книга о богопознаніи—„*Маарифетъ-намэ*", „Краткое начертаніе религіозныхъ законовъ—„*Устюани*", „Собраніе молитвъ „*Хезбъ-юль-аазамъ*", „Собраніе преданій о Мухаммедѣ—„*Терджюмси-текмиле*" и др.—въ количествѣ 49230 экз. Наконецъ съ 1855 г. по 1864 г. въ Типографіи Университетской же напечатано всѣхъ экземпляровъ разныхъ изданій на Татарскомъ языкѣ—1,084,320...—Что же все это, какъ не поражающее явленіе?! Къ тому же, какъ читаемъ въ цитуемой статьѣ, когда Типографія передана была въ вѣдѣніе Университета, то она, само собою, имѣла болѣе средствъ „къ употребленію самыхъ шрифтовъ съ пользою (?) и къ постепенному ихъ улучшенію...".—И что же сказать, въ концѣ концовъ, объ этомъ явленіи?!. Скажемъ въ отвѣтъ словами Автора: „Само собою разумѣется, что Правительство, дозволивъ мусульманамъ такое свободное книгопечатаніе, не предвидѣло (?) всѣхъ тѣхъ послѣдствій, къ какимъ привела эта свобода еще не окрѣпшихъ чадъ Церкви Христовой въ Казанской Епархіи. Книги изъ-подъ станковъ Татарской (при Университетѣ) Типографіи расходились въ громадномъ количе-

книги христіанскаго содержанія на Татарскомъ языкѣ не распространяются для крещенныхъ.—Но если, по сознанію и заявленію этихъ авторовъ, какъ спеціалистовъ и ревнителей Православія, „все это составляетъ такіе вопіющіе недостатки и затрудненія, не устранивши коихъ, едва ли можно и помышлять объ успѣхѣ въ отпорѣ возникающаго пропагандизма со стороны мусульманства“,—то они же сами свидѣтельствуютъ и за все наше прежнее изложеніе дѣла, гдѣ самъ высокопр. Филаретъ всемѣрное прилагалъ попеченіе какъ объ умноженіи церквей и распространеніи школъ въ инородческихъ приходахъ,—такъ и касательно перевода и изданія и распространенія книгъ христіанскаго содержанія на мѣстныхъ инородческихъ языкахъ и проч.

Напослѣдокъ всего какъ представятся на взглядъ и судъ читателей слѣдующія строки одного изъ указываемыхъ авторовъ, слѣдившихъ спеціально за настоящимъ религіознымъ положеніемъ крещенныхъ Татаръ, и, къ тому же, на мѣстахъ ихъ жительства во всей натурѣ ихъ быта и состоянія. Авторъ пишетъ: „Нельзя не пожалѣть, что у насъ очень мало обращено вниманія въ семинарскомъ образованіи на мѣстныя потребности епархій. Положимъ, что большинство извѣстной епархіи составляютъ русскіе жители,—другая, большая часть населенія, состоитъ изъ Чувашъ и Татаръ крещенныхъ и не крещенныхъ. И что же? Въ семинаріяхъ этихъ же самыхъ епархій больше употребляется времени на опроверженіе религіи католической, чѣмъ, положимъ, магометанской; между тѣмъ какъ священникамъ этихъ епархій не приведется въ жизни говорить съ католиками, а по-

---

ствѣ и читались не только всѣми мусульманами, но проникали и къ крещенным изъ нихъ и начали производить въ ихъ умахъ то броженіе, или подготовлять тотъ поворотъ къ старой, оставленной ими, религіи, который и совершился...“.—(Смотр. Православный Собесѣдникъ. 1868 г., Іюль. Статья: „Православная противомусульманская миссія въ Казанскомъ краѣ въ связи съ Исторіей мусульманства въ первой половинѣ XIX вѣка)“.

стоянно будетъ приводиться говорить съ Чувашами, Татарами, Черемисами и другими инородцами. Священникъ, опредѣлившійся въ инородческій приходъ, не зная большею частію языка своихъ прихожанъ, очень естественно, не можетъ пастырски дѣйствовать въ своемъ положеніи и не знаетъ, что происходитъ въ его приходѣ“ [1]). И еще: „Хорошо было бы опредѣлять, особенно въ приходы крещенныхъ Татаръ, людей знакомыхъ съ мусульманствомъ и восточными языками на правахъ учителей.—Они бы, мало по малу, научали дѣтей крещенныхъ татарскихъ, да и самихъ родителей ихъ христіанской Вѣрѣ и проч.“... [2]). Какъ, говоримъ опять, кажутся для читателей эти разсужденія спеціалиста и современнаго живаго наблюдателя дѣла? Не самое ли точное и буквальное и здѣсь повтореніе того же самаго, что мы видѣли прежде,—какъ относительно образованія воспитанниковъ Семинаріи для опредѣленія ихъ въ священники инородческихъ приходовъ съ спеціальнымъ знаніемъ языковъ и мѣстныхъ иновѣрныхъ религіозныхъ ученій, такъ и назначенія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ учители сельскихъ приходскихъ школъ? Во всякомъ случаѣ нынѣшнее религіозное отступническое движеніе крещенныхъ Татаръ и другихъ инородцевъ свидѣтельствуетъ само собою, что *какъ начало и причины его почти совершенно тѣ же*, изъ коихъ произошло бывшее въ 1827 г., такъ *и пути и мѣры и весь образъ дѣйствованія къ пресѣченію его могутъ быть по преимуществу тѣ же*, какіе употреблены были высокопр. Филаретомъ, и тѣмъ болѣе, что и *сами отпадающіе помнятъ прежнее движеніе и указываютъ даже, какъ и что было сдѣлано въ ту пору* со стороны Начальства, и этимъ самымъ, какъ бы, *вызываютъ и просятъ тѣхъ же самыхъ дѣйствій для ихъ образумленія*.

Вотъ почему, поступившій на Казанскую каѳедру (1866 г.), Архипастырь Антоній отнесся съ такимъ чув-

---

[1]) Тамъ же стран. 82.

[2]) Тамъ же стран. 78.

ствомъ благоговѣйной памяти къ имени въ Бозѣ почившаго, что не обинуясь свидѣтельствовалъ это торжественно предъ лицемъ всей своей паствы, еще *живо памятующей* время служенія, приснопамятнаго святою жизнію и апостольскими трудами, Архипастыря Филарета,—свидѣтельствовалъ такъ: „Вѣрую, что блаженный духъ въ Бозѣ почившаго, въ ряду цѣлаго сонма прочихъ Святителей, носится и теперь надъ сею же, бывшею его, паствою съ живымъ участіемъ въ судьбахъ ея, а съ нею и всего сопредѣльнаго края, и не престаетъ немолчно вопіять предъ престоломъ Господнимъ на небесахъ о помощи и благоспѣшеніи позднѣйшимъ преемникамъ Святительской каѳедры въ здѣшней *прежде темной, нынѣ же просвѣщенной странѣ Казанской*“ [1]). Да, замѣчательно и, можно сказать, знаменательно, что именно въ такую, а не иную пору, т. е. въ пору возникшаго (въ 1866 г.) религіозно-отступническаго движенія крещенныхъ инородцевъ, такъ близко сходствующаго съ бывшимъ во дни служенія въ Казани въ Бозѣ почившаго, послѣдовало, по волѣ Божіей и Монаршей, назначеніе не кого иного изъ Епископовъ на Казанскую паству, какъ преосв. Антонія.—Остается вѣрить, что и въ этомъ самомъ дѣлѣ участвовалъ благодатно-блаженный духъ самого же въ Бозѣ почившаго!!.

Этими вѣровательными чувствованіями и убѣжденіями заканчиваемъ первый отдѣлъ повѣствованія объ Архипастырской дѣятельности высокопр. Филарета на поприщѣ его служенія по отношенію собственно къ той спеціальной задачѣ, для которой онъ былъ назначенъ въ Казанскую паству. Но въ Казанской же паствѣ, какъ всякому извѣстно, находится весьма значительная численность и тѣхъ, кои, по слову Апостола, *отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ*... (1 Іоан. 11. 19). Мы разумѣемъ раскольниковъ. Само собою разумѣется, что по отношенію къ этимъ заблуждающимъ высокопр. Фи-

[1]) Слова курсивныя изъ службы Святителямъ Гурію и Варсонофію.

ларетъ, какъ занятый, главнымъ образомъ, дѣломъ, спеціально ему назначеннымъ по обращенію инородцевъ, не могъ проявлять особенныхъ своихъ дѣйствій. Къ тому же въ тѣ времена по дѣламъ о раскольникахъ вообще существовалъ особый учрежденный *Секретный* Совѣщательный Комитетъ въ С.-Петербургѣ [1]), и всѣ дѣйствія на мѣстахъ по отношенію къ нимъ имѣли свой особый характеръ. Но для насъ замѣчательно здѣсь то, что высокопр. Филаретъ находился, какъ очевидно, въ особенныхъ отношеніяхъ къ этому Секретному Комитету. Это несомнѣнно доказывается, имѣющимся у насъ въ біографическихъ матеріялахъ, документомъ, написаннымъ *собственноручно* высокопр. Филаретомъ на одинадцати страницахъ большаго письменнаго листа. Въ самыхъ начальныхъ строкахъ этого автографическаго документа читаемъ слѣдующее.—„По препорученію Секретнаго Комитета о раскольникахъ сообразивъ, составленныя въ разныя времена, предположенія и сдѣлавъ изъ оныхъ извлеченіе такихъ, которыя можно употребить съ пользою для огражденія Православной Церкви отъ ересей и расколовъ, нужнымъ нахожу:—*Во первыхъ* сохранять *общія и непремѣнныя* правила, сообразныя кореннымъ законамъ Самодержавія и постановленіямъ Православной Церкви для постояннаго руководствованія ими въ семъ дѣлѣ.—*Во вторыхъ*—постановить правила *частныя*, сообразныя обстоятельствамъ, распространявшихся въ Россійскомъ народѣ, ересей и расколовъ для постепеннаго уменьшенія оныхъ и обращенія заблуждающихъ въ нѣдра Православной Церкви [2]).

---

[1]) Въ составѣ этого Комитета, называвшагося *Центральнымъ*, находились два Митрополита и два Министра—Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Учрежденъ онъ былъ въ 1825 г. Затѣмъ, со временемъ, были учреждены еще Отдѣленія.

[2]) Мы излагаемъ здѣсь подлинное содержаніе этихъ, начертанныхъ въ Бозѣ почившимъ Святителемъ, правилъ, какъ документальное свидѣтельство прямаго его участія въ дѣлахъ Секретнаго Комитета о раскольникахъ, съ тѣмъ вмѣстѣ и по-

Почему послѣдовало такое препорученіе отъ Секретнаго Комитета именно высокопр. Филарету, ни изъ какихъ данныхъ не видно; но совершенно естественнымъ и понятнымъ представляется это дѣло изъ того, что̀ намъ извѣстно уже изъ свѣдѣній относительно Архипастырскихъ дѣйствій высокопр. Филарета въ отношеніи къ

тому, что этотъ автографическій документъ, полагать должно, нигдѣ еще не опубликованъ, но составляетъ собою предметъ, достойный лѣтописнаго значенія.

А. *Правила общія.*

1) Въ Самодержавномъ благоустроенномъ Государствѣ, исповѣдующемъ Православную Вѣру, благотворныя вліянія которой на благоденствіе народа и на твердость самого Самодержавія, оправданы опытами многихъ столѣтій, не должно допущать укореняться никакой ереси и никакому расколу, какъ такому злу, которое хотя медленно и не примѣтно, но, тѣмъ не менѣе, существенно и дѣйствительно разрушаетъ благоденствіе народа и ослабляетъ твердость Самодержавія.

2) Равнодушіе къ ересямъ, расколамъ, возникающимъ въ членахъ Православной господствующей Церкви, не должно смѣшивать съ терпимостію иностранныхъ исповѣданій, которая признана и ограничена Государственными постановленіями.

3) Ереси и расколы, какъ вредные для Государства, какимъ бы они видомъ ни прикрывались,—видомъ ли набожности, или благотворительныхъ учрежденій, Правительство обязано для соблюденія народнаго благоденствія останавливать силою убѣжденія и законовъ при самомъ первомъ ихъ появленіи, подобно какъ телѣсныя болѣзни удобнѣе врачуются при началѣ ихъ.

4) Въ отношеніи къ ересямъ и расколамъ, по несчастію, распространившимся въ Россійскомъ народѣ, какъ то: поповщинѣ, безпоповщинѣ съ разными толками, скопчеству, духоборству и жидовству Правительство имѣетъ важную и непреложную обязанность такъ направлять свои дѣйствія, чтобы твердыми и согласными духовной и гражданской власти мѣрами отпадшихъ отъ Православной Церкви чадъ, съ помощію Божіею, обратить къ единству ея.

5) Но какъ для достиженія сей великой цѣли потребно время и постоянныя усилія, то необходимо нужно всегдашнее

раскольникамъ въ Калужской Епархіи, въ которой находилось большое множество раскольниковъ и въ самомъ городѣ Калугѣ и, особенно, въ главномъ гнѣздищѣ ихъ въ г. Боровскѣ [1]). Эти-то, указываемыя теперь, Калужскія дѣйствія, не сомнѣнно, не были безъизвѣстны, гдѣ и кому слѣдовало, и особливо когда организовался

существованіе Секретнаго Комитета, составленнаго изъ духовныхъ и гражданскихъ лицъ, которому поручить всѣ дѣла, касающіяся до раскольниковъ, дабы въ дѣйствіяхъ по сей части сохранить сообразность съ постановленіями Святой Православной Церкви и съ Государственными законами.

6) Главнымъ основаніемъ дѣйствій Комитета должно быть коренное правило, словомъ Божіимъ заповѣданное, *хранить единеніе вѣры* и, ни подъ какимъ предлогомъ снисхожденія, ничего не допущать, что̀ противно постановленіямъ Православной Церкви. Истинная Церковь, при всей своей святости и строгости, всегда снисходительна къ проступкамъ чадъ своихъ, происходящимъ отъ слабости естества нашего, и кающихся съ матернею нѣжностію прощаетъ. Но, по непреложному свойству своей чистоты и святости, она никогда не можетъ быть равнодушна ни къ какой ереси и расколу,—подобно, какъ нѣжная матерь не можетъ быть равнодушна къ тѣмъ, которые исторгаютъ изъ нѣдръ ея любимыхъ чадъ, дабы ихъ развратить и погубить. Равнодушіе къ ересямъ и расколамъ было бы недостаткомъ ея любви къ чадамъ своимъ и ревности ко спасенію ихъ,—что̀ ей совсѣмъ не свойственно.

7) Другое правило, которымъ должно руководствоваться въ семъ дѣлѣ, основанное на духѣ истинной христіанской Вѣры и Самодержавнаго Правленія, есть то̀, чтобы Епархіальные Архіереи и Начальники губерній по единообразнымъ наставленіямъ, составляемымъ въ Комитетѣ, дѣйствовали согласно, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ и безъ всякаго послабленія. Почему, на основаніи заповѣди Апостольской, данной служителямъ Церкви Христовой:—*Проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ*, Епархіальнымъ Архіереямъ поставить въ непремѣнную обязанность, чтобы они, какъ

---

[1]) Смотр. томъ I, стран. 357—361.

самый Секретный Комитетъ, и, тѣмъ болѣе, что послѣдній учрежденъ былъ съ Высочайшаго утвержденія, именно въ 1825 году, когда высокопр. Филаретъ, въ теченіи шестилѣтняго своего служенія въ Калужской паствѣ, (съ 1819 по 1825 г.), дѣйствительно явилъ всю свою Архипастырскую ревность въ разсматриваемомъ дѣлѣ

сами лично при удобныхъ случаяхъ, такъ и чрезъ подчиненныхъ имъ священнослужителей, постоянно и открыто продолжали увѣщанія раскольникамъ, не приходя въ унынie въ случаѣ малаго, сначала, успѣха своихъ усилій. А Начальникамъ губерній такъ же поставить въ обязанность, чтобы они съ своей стороны оказывали духовной власти свое содѣйствіе и, по долгу своему, силою законовъ охраняли, ввѣренныя имъ, губерніи отъ всего, что нарушаетъ порядокъ благоустроеннаго Государства и вредно для народной нравственности. Опытомъ доказано, что нѣтъ ничего вреднѣе, какъ оставлять народъ самому себѣ въ его заблужденіяхъ о Вѣрѣ, которыя начинаются отъ невѣжества, а послѣ, по естественному ходу, обращаются въ законопреступное сношеніе и пагубный для него развратъ.

В. *Правила частныя.*

1) Высочайшее повелѣніе, объявленное Московскому Военному Генералъ-Губернатору о недопущеніи впредь бѣглыхъ поповъ въ тамошнія раскольническія часовни, распространить на всѣ раскольническіе монастыри, часовни и скиты, существующіе въ Россіи

2) За симъ всѣхъ священниковъ, которые покусятся впредь къ бѣгству къ раскольникамъ, обращать въ епархіальныя Начальства по принадлежности для поступленія съ ними по законамъ.

3) По мнѣнію Г. Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, всякаго званія людей мужеска и женска пола, проживающихъ въ раскольническихъ монастыряхъ, богадѣльняхъ и скитахъ безъ паспортовъ и увольнительныхъ отъ мѣстныхъ начальствъ видовъ, обратить въ свои семейства и въ то состояніе, къ которому каждый изъ нихъ принадлежитъ и запретить впредь допущать такой безпорядокъ, яко не терпимый въ благоустроенномъ обществѣ подъ строгою отвѣтственностію губернскихъ Начальствъ.

такъ, какъ торжественно и засвидѣтельствовалъ это самъ о себѣ въ извѣстныхъ словахъ его въ послѣднемъ словѣ при прощаніи съ Калужскою паствою: „Господи Сердцевѣдче, взывалъ онъ молитвенно, ты вѣси, сколько сердце мое воздыхало и будетъ воздыхать къ Тебѣ за сей, знаменитый благочестіемъ и добродѣтелями, градъ,

---

4) Употребленіе сей мѣры отнюдь не есть притѣсненіе раскольниковъ, а обращеніе ихъ къ порядку и правиламъ благоустроеннаго Государства. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ монастырей, богадѣленъ и скитовъ опустѣютъ, которые, какъ совсѣмъ ненужные, и уничтожить, не нарушая права собственности.

5) Могущіе остаться, затѣмъ, монастыри, богадѣльни, скиты и часовни запретить возобновлять, починивать, доколѣ скиты деревянные и часовни сами собою уничтожатся. Богадѣльни поступятъ въ вѣдѣніе Приказовъ общественнаго Призрѣнія на общихъ Государственныхъ постановленіяхъ; а монастыри и каменныя часовни причислятся или къ единовѣрческой, или къ господствующей Православной Церкви.

6) Хотя мѣры, означенныя въ 3, 4 и 5 пунктахъ основаны на справедливости, но должно приводить ихъ въ дѣйствіе не вдругъ и съ благоразумною осторожностію, чтобы раскольниковъ, издавна привыкшихъ пользоваться снисхожденіемъ Правительства, не привесть въ ожесточеніе. Почему предварительно сдѣлать имъ чрезъ епархіальныя Начальства увѣщанія къ обращенію въ Православную Церковь и ожидать успѣха онаго. А между тѣмъ чрезъ Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ секретно собрать обстоятельныя о состояніи раскольничьихъ монастырей, богадѣленъ и скитовъ свѣдѣнія. И тогда уже, соображаясь съ обстоятельствами, приступить къ приведенію въ дѣйствіе сихъ мѣръ.

7) Запретить какъ въ городахъ, такъ и селахъ и деревняхъ всякія собранія въ частныхъ домахъ, соединенныя съ совершеніемъ обрядовъ разныхъ сектъ, яко противныя общественному благоустройству и вредныя для народной нравственности, подъ строгою отвѣтственностію градской и земской Полиціи.

8) Проживающимъ въ раскольничьихъ монастыряхъ, богадѣльняхъ и скитахъ запретить отправляться для собиранія по разнымъ мѣстамъ подаяній, ибо извѣстно, что они подъ симъ предлогомъ совращаютъ Православныхъ и распространяютъ

да очистится отъ послѣднихъ останковъ заблужденій и суевѣрія, и пр.!“ А какъ эти заблужденія и суевѣрія были именно раскольническія, то возможно ли допустить, чтобы бывшія сердечныя воздыханія Архипастыря Калужскаго и ограничивались однимъ только этимъ временемъ служенія его... Напротивъ, какъ нельзя болѣе естественно, что вступивши, чрезъ три только года, въ Казанскую паству и узнавши, что и въ ней, начиная съ самой Казани, въ разныхъ городахъ находились въ

расколъ между простолюдинами. Градской и земской Полиціямъ поставить въ обязанность таковыхъ праздношатающихся брать подъ стражу и поступать съ ними, какъ съ бродягами.

9) Не позволять раскольникамъ никакихъ публичныхъ процессій, ибо на сіе смотрятъ, какъ на побѣду и торжество раскола.

10) На основаніи Духовнаго Регламента запретить обществамъ избирать раскольниковъ въ начальственныя должности, какъ то: въ градскіе и волостные Головы, а помѣщикамъ опредѣлять въ вотчинные начальники.

11) Въ прочія нижнія должности, въ случаяхъ только необходимости до времени, допускать раскольниковъ изъ поповщины, но такъ, чтобъ число должностныхъ изъ раскольниковъ въ одномъ мѣстѣ не превышало принадлежащихъ къ Православной Церкви.

12) На основаніи устава Управы Благочинія лжеучителей и совратителей не опустительно предавать суду и виновныхъ заключать въ крѣпкіе Православные монастыри, какъ для отнятія у нихъ способовъ къ распространенію расколовъ, такъ и для увѣщанія ихъ самихъ къ обращенію въ Православную Церковь.

13) Епархіальнымъ Архіереямъ поставить въ обязанность, чтобы они, когда откроется надобность въ особенномъ увѣщаніи раскольниковъ, избрали для сего изъ среды ввѣреннаго духовенства просвѣщенныхъ и опытныхъ священнослужителей и, снабдивъ ихъ потребными для сего наставленіями, по сношеніи съ Начальниками губерній, отправляли ихъ, куда слѣдуетъ.

большой численности зараженные раскольническими заблужденіями и суевѣріями, высокопр. Филаретъ не могъ не предаваться тѣмъ же сердечно-молитвеннымъ воздыханіямъ о состояніи этихъ заблуждающихъ. Правда, какъ мы уже выше замѣтили, отношенія и дѣйствія высокопр. Филарета къ раскольникамъ въ Казанской паствѣ не могли, особливо въ первые годы, проявляться особеннымъ образомъ, при неусыпныхъ спеціальныхъ его попеченіяхъ и трудахъ по обращенію инородцевъ,—но за-то, гдѣ и

---

14) На проѣзды и содержаніе, какъ во время пути, такъ и во время пребыванія ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда они посланы будутъ для увѣщанія, отпущать изъ мѣстныхъ Казенныхъ Палатъ потребное число суммы, сообразно Высочайше утвержденному распоряженію объ искорененіи хищнической секты.

15) Начальникамъ губерній поставить въ обязанность, посылаемымъ для увѣщанія раскольниковъ, духовнымъ лицамъ оказывать съ своей стороны нужное содѣйствіе.

16) Епархіальныхъ Архіереевъ уполномочить въ тѣ мѣста, гдѣ есть раскольники, или вновь будутъ открываться, опредѣлять надежнѣйшихъ священниковъ, а замѣченныхъ въ неспособности къ обращенію заблуждшихъ перемѣщать къ другимъ приходамъ по своему усмотрѣнію.

17) Епархіальные Архіереи, чрезъ первенствующаго Члена Св. Сунода, а Начальники губерній чрезъ Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ имѣютъ доставлять Комитету ежегодно свѣдѣнія объ успѣхѣ обращенія раскольниковъ къ Православной Церкви, съ изложеніемъ, употребленныхъ ими для сего, мѣръ и своихъ мнѣній о способахъ къ обращенію, какіе имъ по опытамъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ представятся полезными.

18) Къ огражденію народа отъ ересей и расколовъ нужно поставить духовенство въ такое состояніе, чтобъ причетники и діаконы могли заниматься обученіемъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ прихожанъ славянороссійской грамотѣ, а священники преподавать имъ Катихизисъ. Отъ сего учрежденія можно надѣяться, что простой народъ постепенно будетъ пріобрѣтать познаніе въ догматахъ христіанской Вѣры и въ прихожанахъ утвердится любовь и почтеніе къ духовенству, каковое обыкновенно бываетъ въ ученикахъ къ своимъ учителямъ.

когда могли только открываться умѣстность и возможность, онъ, естественно, не могъ оставаться ровнодушнымъ и къ этому своему Архипастырскому дѣлу.—Дѣло же это тѣмъ болѣе могло быть съ его стороны, въ той или другой мѣрѣ, успѣшно, что онъ былъ уже вполнѣ знакомъ съ общимъ духомъ и характеромъ раскольничествующихъ изъ прежнихъ живыхъ опытовъ и дѣйствій своихъ въ Калужской паствѣ.—А если припомнимъ,—каковъ былъ взглядъ высокопр. Филарета на состояніе раскольниковъ, и каковъ былъ духъ и образъ его отношеній и дѣйствій въ Калужской паствѣ, и каковы были самые плоды, то оставалось бы только придти къ полному убѣжденію, что и здѣсь въ Казани была бы несомнѣнно та же, по слову святоевангельскому, *жатва на нивѣ*, если бы было доступно, при всѣхъ прочихъ непомѣрныхъ трудахъ, вступить ему спеціально на поприще воздѣлыванія этой нивы... Впрочемъ свидѣтельствомъ въ этомъ отношеніи можетъ служить изложеніе тѣхъ правилъ—*общихъ* и *частныхъ*, которыя были составлены высокопр. Филаретомъ по препорученію, сдѣланному ему Секретнымъ Комитетомъ.

Что касается же самыхъ фактическихъ и вообще документальныхъ данныхъ, то мы не можемъ представить ихъ по самому ихъ отсутствію, которое, само собою, оказывается естественнымъ. Мы можемъ представить одинъ только фактъ, который былъ вкороткѣ напечатанъ [1]), и въ подробности изложенъ въ рукописи [2]). Фактъ этотъ, впрочемъ, одинъ говоритъ собою весьма много.

„Во время одной изъ поѣздокъ по обозрѣнію Епархіи, высокопр. Филаретъ, предъ самымъ возвращеніемъ въ Казань, остановился *въ Услонѣ*,—селѣ, находящемся

---

[1]) Напечатанъ былъ въ Самарскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ изъ воспоминаній бывшаго Самарскаго Преосв. Герасима.

[2]) Въ рукописи г. Карачева, изъ которой мы приводили уже часть свѣдѣній и еще будемъ приводить изъ нея же въ своемъ мѣстѣ.

какъ разъ противъ самой Казани на другой (правой по теченію Волги) сторонѣ. Остановка продолжалась весьма значительное время отъ того, что, по случаю сильнаго вѣтра, никакъ нельзя было переѣзжать чрезъ Волгу. Во время этой остановки, когда собралось большое множество народа изъ Православныхъ ради принятія благословенія отъ Владыки, оказались тутъ же и многіе изъ раскольниковъ, явившихся собственно изъ любопытства.—Не замѣтить и не отличить послѣднихъ, само собою, было не возможно...—Владыка пожелалъ воспользоваться этимъ случаемъ для личной бесѣды съ раскольниками. Послѣдніе стояли въ своей толпѣ поодаль, но Владыка, преподавая каждому изъ Православныхъ благословеніе, постепенно приближался и къ раскольникамъ, и, находясь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, громко обратился къ нимъ съ словами: „А что же вы, людіе, стоитѐ зряще и отступивши отъ своихъ же односельчанъ?! Вѣдь всѣ они Русскіе, а не Татары, или Черемисы,—какъ и вы сами,—что̀ видно по всему... Отвѣта не было никакого,—а только говоръ между собою во всей толпѣ... Владыка, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, еще заговорилъ съ ними: „Что̀ жъ вы, и впрямь сказать, какъ бы дичитесь и своихъ-то,.. или, быть можетъ, дичитесь болѣе всего меня... Но напрасно; видите, я самъ подхожу къ вамъ, и не дичусь по вашему...“—„Да что̀ намъ до тебя, былъ отвѣтъ, и мы-то тебѣ почто̀ нужны... Ступай, куда ѣдешь... а мы такъ сами себѣ...“—„Да зачѣмъ же вы такъ не ласковы, что и слова-то перемолвить не хочете,—развѣ вамъ я врагъ какой...?!“—„Нечего толковать-то намъ съ тобою, такъ и заводить рѣчи не́-почто...“—„А я, вотъ, хотѣлъ бы поговорить съ вами и, само собою, не какъ нибудь, а по Божьему...“—„У насъ есть и безъ тебя свои такіе толковники...“—„А что̀ жъ, нѣтъ ли кого изъ этихъ вашихъ толковниковъ; вотъ бы и потолковали съобща... и я бы ихъ послушалъ, коли они и вы всѣ не хочете, чтобы я говорилъ...“—„Есть-то у насъ, есть, да не про твою, видно, честь... послышался въ этихъ словахъ явно грубый голосъ...“—Владыка продолжалъ-было еще загова-

ривать смиреннымъ и привѣтливымъ тономъ, но не тутъ-то было... толпа, хотя Владыка подошелъ и очень близко, не уклонялась, но отвѣтовъ прямо на слова Владыки не было, а лишь слышался говоръ въ средѣ толпы, болѣе и болѣе крупный и явно непріязненный... Наконецъ одинъ изъ впереди стоявшихъ особенно грубымъ и дерзкимъ тономъ проговорилъ прямо Владыкѣ: „Вотъ что... отецъ, отваливай-ка ты на ту сторону, а мы еще посмотримъ, какъ-то по добру по здорову переплавишься... А пробудешь еще подольше здѣсь, такъ мы, пожалуй, и парома не дадимъ;—вишь какая непогодь разыгрывается...“— Священникъ села Услона, находившійся близъ Владыки, сказалъ ему въ полголоса, что лучше удалиться, потому что онъ знаетъ по опыту, до чего можетъ простираться дерзость нѣкоторыхъ, извѣстныхъ ему лично, коноводовъ въ средѣ мѣстныхъ раскольниковъ, изъ коихъ одинъ и произнесъ сказанныя дерзкія слова...—Владыка, какъ бы задумавшись на минуту и, замѣтно, произнеся съ глубокимъ вздохомъ какія-то молитвенныя слова и высказавши свое сожалѣніе о нелюдимости предстоявшихъ,—и помолившись на церковь, стоящую на виду на склонѣ горы, отправился къ перевозу. Вѣтеръ, замѣтно, сталъ утихать, и переѣздъ чрезъ Волгу былъ спокойный.

Но что жъ,—говоритъ Авторъ рукописи,—каковъ былъ результатъ этой, грустной до глубины души, сцены, представившей такую крайнюю очерствѣлость сердецъ въ толпѣ заблуждающихъ, о которой справедливо сказать словами Господа, повторившаго слова Пророка Исаіи: *ослѣпилъ очи ихъ и окаменилъ сердца ихъ*...“ Результатъ,—продолжаетъ Авторъ,—былъ слѣдующій: „Владыка съ перевоза отправился въ свой загородный домъ. Стало вечерять; онъ вышелъ на балконъ и, видя, что вѣтеръ снова сталъ усиленно дуть, а съ западной стороны изъза Волги надвигалась уже черная туча, Владыка сказалъ, стоявшему вмѣстѣ съ нимъ келейному о. Назарію,—(который и передалъ мнѣ—Автору все, теперь излагаемое): „Вотъ видишь, какъ Господь милостивъ къ намъ; вѣтеръ-то, какъ видно, теперь сильно разыграется, да и туча идетъ страшная грозовая, и какъ разъ надвигается

она на Услонъ; мужики-то угадали, когда насъ стращали, что мы и не переплавимся чрезъ Волгу; а вотъ теперь кого захватитъ на паромѣ, то спаси Богъ отъ несчастія; особливо въ такую пору, когда почти совершенно темнѣетъ.—Постоявши не много, Владыка сказалъ: ну, я пойду совсѣмъ въ свою половину на ночлегъ; надобно отдохнуть хорошенько послѣ перетряски.—Я, говорилъ о. Назарій, тоже, приперши двери на балконѣ, пошелъ въ свою комнату, чтобы вынуть все, бывшее въ дорогѣ изъ чемодана. Вѣтеръ, между тѣмъ, тутъ же превратился въ чистую бурю... Послышались тотчасъ же и раскаты грома и молнія такъ и блещетъ ежеминутно... Чтобы не тревожиться отъ ея блеска, я сталъ спускать на окнѣ въ моей комнатѣ занавѣску,—и тутъ-то я увидѣлъ, что Услонъ весь почти въ заревѣ... такъ я и ахнулъ... Вбѣжалъ ко мнѣ въ эту же минуту и послушникъ, ѣздившій съ нами по Епархіи, и чуть не кричитъ... Батюшка, батюшка, смотрите, что̀ съ Услономъ-то стало...—Услыхалъ нашъ говоръ и Владыка, позвонилъ и спрашиваетъ: что̀ такое?! Въ ту же минуту вышелъ онъ къ балкону, и лишь только увидѣлъ страшное зарево, тутъ же палъ на колѣна и взмолился про себя... Я услышалъ только слова: „Господи, да не яростію обличиши насъ, нижѐ гнѣвомъ Твоимъ накажеши насъ... о Господи! не постави имъ во грѣхъ... но пощади и помилуй...“ Привставши же, снова сдѣлалъ земной поклонъ прямо на городъ съ молитвенными словами: „Заступнице Усердная, всѣхъ насъ Заступи! Святителіе Христовы молите Бога о насъ!..“ Затѣмъ безмолвно ушелъ въ свою половину...—Этотъ пожаръ на другой же день сталъ извѣстенъ, хотя самый случай посѣщенія Владыкою Услона не былъ еще извѣстенъ... Но, вскорѣ же, это стало предметомъ общихъ разговоровъ, говоритъ Авторъ, когда оказалось, что погорѣли почти исключительно раскольничьи дома, и самый ударъ былъ прямо на домъ того дерзкаго, который сказалъ Владыкѣ послѣднія угрозныя слова... Когда объ этомъ пожарѣ стало извѣстно Казанскимъ раскольникамъ, именно купцамъ, къ которымъ сами погорѣльцы обратились, какъ къ своимъ радѣльцамъ - благодѣтелямъ съ

просьбою о помощи, и когда послѣднимъ, волей не волей, должны были передать и о томъ, что было у нихъ со Владыкою не задолго предъ пожаромъ, тогда и всѣ уразумѣли, что должно... и съ той поры, сколько было извѣстно, стали относиться не такъ презорливо ко Владыкѣ, а иные не слишкомъ закоренѣлые, или отчасти потаенно только державшіеся раскола, начали, по возможности, сближаться съ нимъ, и нѣкоторые постепенно оставляли расколъ и присоединялись или къ единовѣрію, или даже прямо къ Православной Церкви, хотя это присоединеніе послѣднихъ и не требовало формальностей потому, что и самое ихъ отступленіе было потаенное... Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ самъ высокопр. Филаретъ ограничивался, болѣе всего, личными вразумленіями и назиданіями обращавшихся, давая знать только священникамъ словесно. О подобныхъ случаяхъ узналъ и покойный высокопр. Антоній отъ этихъ самыхъ лицъ, сдѣлавшихся уже совершенно Православными, а чрезъ нихъ узналъ и о нѣкоторыхъ, которые, подобно первымъ, близки были къ оставленію раскольническихъ, хотя и не твердыхъ, убѣжденій, а заключавшихся, болѣе всего, во внѣшнихъ молитвенныхъ дѣйствіяхъ и обрядностяхъ на манеръ раскольническій, что особенно замѣтно, и по обращеніи ихъ въ Православіе, напр. въ перстосложеніи, или въ чествованіи иконъ преимущественно старинной иконописи. Объ указываемыхъ фактахъ, бывшихъ во дни служенія высокопр. Филарета, самому мнѣ—пишущему приводилось слышать отъ подобныхъ лицъ,—именно изъ среды почтенныхъ купеческихъ семействъ, съ благоговѣніемъ вспоминающихъ его имя за спасительное ихъ вразумленіе и обращеніе въ нѣдра Православной Церкви.—„И истинно сказать, приговаривали нѣкоторые, какъ отрадно было для насъ быть подъ его Архипастырскимъ благовниманіемъ и чисто отеческимъ участіемъ; да и въ храмѣ-то Божіемъ при его Богослуженіяхъ и проповѣдяхъ, бывало, молишься не намолишься; а когда послышишь о всѣхъ прочихъ его Святительскихъ дѣйствіяхъ, хотя и со стороны, то не на радуешься всей душой, что Господь даровалъ намъ имѣть такого истиннаго

Владыку, и молитвенника, и благотворца, и даже чудотворца,—какъ есть святаго..." [1]).

Здѣсь мы совершенно заканчиваемъ первый отдѣлъ нашего повѣствованія, и начнемъ предлежащій вторый съ изложенія Архипастырскаго служенія высокопр. Филарета собственно по отношенію ко всей паствѣ. начиная съ примѣрнаго усердія къ службамъ Божіимъ съ учрежденіемъ имъ новыхъ церковныхъ служеній.

[1]) Въ своемъ мѣстѣ, именно въ III томѣ о Кіевѣ, мы увидимъ фактъ, что изъ Казани одна купеческая жена приходила даже пѣшкомъ, чтобы поклониться въ Бозѣ почившему за дарованное ей изцѣленіе.

ОТДѢЛЪ II.

ГЛАВА VIII.

«Какъ среди постоянной и многосторонней неутомимой дѣятельности на поприщѣ просвѣщенія инородцевъ, такъ всюду и всегда видѣнъ и осязателенъ былъ одинъ и неизмѣнный духъ и образъ его истинно-святительскій, выражавшійся въ его благодатно-духовномъ настроеніи и богослужебныхъ и молитвенныхъ дѣйствіяхъ. Прежде и выше всякихъ другихъ служебныхъ обязанностей и дѣйствій и самыхъ успѣховъ въ нихъ онъ ставилъ то, чтобы пребыть вѣрнымъ своему высшему званію и служенію святительскому—быть *яко слуга Христовъ и строитель Таинъ Божіихъ*» [1]).

Главныя характеристическія черты и дѣйствія, съ которыхъ мы начинаемъ настоящій отдѣлъ повѣствованія, уже знакомы для читателей. Объ нихъ мы говорили еще въ самое первое время святительскаго служенія высокопр. Филарета, именно на паствѣ Калужской. Эти характеристическія черты и дѣйствія, естественно, должны проявляться и на все время послѣдующей жизни и служенія въ Бозѣ почившаго; хотя онѣ зависѣли отъ разныхъ условій времени и мѣста. Здѣсь, на паствѣ Казанской, потребность сообразоваться съ этими условіями, болѣе чѣмъ, очевидна. Самый поводъ назначенія и спеціальная задача дѣятельности высокопр. Филарета по обращенію инородцевъ должны были требо-

[1]) Слова изъ послѣдующаго повѣствованія.

вать во многомъ иного характера и образа дѣйствій по управленію паствою. Извѣстно изъ опытовъ и примѣровъ, и частныхъ и историческихъ, что въ подобныхъ случаяхъ трудно бываетъ человѣку не измѣниться, что бываетъ почти независимо отъ самого человѣка, а собственно по силѣ обстоятельствъ и требованій времени и мѣста. Но мы отнюдь не видимъ этого въ состояніи и во всѣхъ служебныхъ дѣйствіяхъ въ Бозѣ почившаго. Объ этомъ читаемъ такое свидѣтельство въ выпискѣ изъ дѣлъ консисторскихъ.—„Какъ среди постоянной неутомимой и многосторонней дѣятельности на поприщѣ просвѣщенія инородцевъ, такъ и всюду и всегда видѣнъ и осязателенъ былъ одинъ неизмѣнный духъ и образъ его истинно-святительскій, выражавшійся въ благодатно-духовномъ настроеніи и въ богослужебныхъ и молитвенныхъ дѣйствіяхъ. Прежде и выше всякихъ другихъ служебныхъ обязанностей и дѣйствій, и самыхъ успѣховъ въ нихъ онъ ставилъ то, чтобы пребыть вѣрнымъ своему высшему званію и служенію святительскому—*быть яко слуга Христовъ и строитель Таинъ Божіихъ.* Дѣйствуя же такъ, онъ, потому, и достигалъ благихъ цѣлей и въ отношеніи къ новопросвѣщаемымъ инородцамъ и вообще къ вѣрующимъ чадамъ своей паствы.

На первомъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ слѣдующія свѣдѣнія, доставленныя изъ Казанской духовной Консисторіи, о служеніи высокопр. Филарета, какъ мѣстнаго Архипастыря,—свѣдѣнія, свидѣтельствующія именно о его примѣрно-ревностномъ усердіи къ Богослуженію.

„Высокопр. Филаретъ *во все пребываніе* въ Казанской Епархіи ежедневно присутствовалъ, въ будничное время, въ Крестовой церкви при Богослуженіи, а во всѣ воскресные и праздничные дни, а также въ среды и пятки великаго поста неопустительно самъ священнодѣйствовалъ. Въ самой Казани, кромѣ Каѳедральнаго собора и Крестовой церкви, часто служилъ въ дѣвичьемъ Казанскомъ первоклассномъ монастырѣ, гдѣ находится Чудотворная Казанская икона Божіей Матери, и въ другихъ церквахъ городскихъ въ храмовые праздники, а также и въ Седміозерной и Раиѳской пусты-

няхъ. Въ послѣднюю онъ не рѣдко уѣзжалъ сколько для отдохновенія отъ трудовъ, столько по любви къ строгому чину богослуженій, соблюдавшемуся здѣсь при Игуменѣ Амвросіи“ [1]). Въ отношеніи къ сей послѣдней Пустынѣ въ самыхъ запискахъ есть собственное свидѣтельство его, „что подъ конецъ его служенія въ Казани, (именно въ 1835—1836 году), опять открылось въ немъ желаніе пустыннаго уединенія, и въ Раиѳской Пустынѣ онъ устроилъ для себя помѣщеніе, предполагая тамъ и упокоиться“ [2]). Онъ стремился къ этой обители, потому что тамъ было *общежительство*. Къ тому же основателемъ Раиѳской пустыни былъ соименный ему іеромонахъ *Филаретъ:* самое это имя уже возбуждало и порождало въ немъ особенныя чувства желаній и стремленій къ успокоенію себя отъ трудовъ внѣшнихъ-служебныхъ и къ подъятію подвиговъ духовно-иноческихъ, именно въ обители своего соименника, дабы, по выраженію Св. Церкви, *по имени своему проводить тако и житіе свое.*

Впрочемъ кромѣ этихъ основаній и побужденій, по коимъ высокопр. Филаретъ особенно усугублялъ свои богослужебные и вообще молитвенные подвиги, были и другія мѣстныя и временныя причины и обстоятельства. Это, во первыхъ, страшная, особенно въ ту пору, по своей новости и губительному дѣйствію, эпидемія—холера, и во вторыхъ—неурожайное время, приведшее мѣстныхъ жителей въ крайне бѣдственное положеніе.

Составитель, доставленныхъ изъ Консисторіи, свѣдѣній, сказавъ, какъ мы уже выше видѣли, о неопустительномъ священнодѣйствованіи въ Возѣ почившаго во всѣ воскресные, праздничные и прочіе дни, пишетъ далѣе: „а въ 1830 г. во все то время, когда городъ Казань былъ оцѣпленъ по случаю холеры, священнодѣйствовалъ Владыка самъ ежедневно“ [3]), и въ запис-

---

[1]) Смотр. Свѣдѣнія изъ Казани, стр. 5.

[2]) Смотр. Записки, листъ 2-й, стр. 3.

[3]) Свѣдѣнія изъ Казан. Консисторіи, стран. 5.

кахъ также читаемъ, что „въ холерный годъ сорокъ дней сряду ежедневно служилъ и составилъ молебное пѣніе, по случаю этого бѣдственнаго посѣщенія“ [1]). Но всего подробнѣе и яснѣе, и назидательнѣе прочитать объ этомъ тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ въ письмахъ въ Бозѣ почившаго къ ближайшему его родственнику и самому довѣренному его другу, а равно къ преосв. Кириллу Вятскому. Свѣдѣнія эти могутъ служить даже исторически-статистическимъ матеріаломъ.

„Господь Богъ въ праведномъ судѣ Своемъ вложилъ насъ въ горнило искушенія.—(писалъ высокопр. Филаретъ въ первомъ письмѣ своемъ со времени появленія холеры). Болѣзнь—холера, свирѣпствующая во многихъ губерніяхъ, постигла и Казанскую паству; изъ Нижняго-Новгорода появилась она въ Казани 12-го числа сего (Сентября) мѣсяца. Обширный городъ сей 13-го числа со всѣхъ сторонъ оцѣпленъ. Мой домъ (загородный) въ 5-ти верстахъ отъ города на самомъ лучшемъ возвышенномъ мѣстѣ. Съ братіею дома моего, съ протодіакономъ, двумя иподіаконами и пѣвчими мы остались за цѣпью. Каждый день совершаемъ Божественную Литургію и приносимъ умилостивительную о грѣхахъ нашихъ Жертву. Впрочемъ всѣ исповѣдію и причащеніемъ Св. Таинъ приготовлены къ искушенію. По сей день и часъ все у насъ благополучно. Я совершенно преданъ въ волю Всемогущаго Врача душъ и тѣлесъ“ [2]).

Въ письмахъ къ преосв. Кириллу (Вятскому) читаемъ: „Грозная туча холеры пришла къ намъ оттуда, откуда не чаяли.—Стерегли границы Оренбургской и Симбирской губерній—а она зашла изъ Нижняго-Новгорода съ ярмарки [3]). Здѣсь о появленіи заразы въ Ниж-

---

[1]) Записки—листъ 2, стран. 4.

[2]) Письмо къ П. С. Алексинскому отъ 18-го Сентября 1830 г.

[3]) Горестное извѣстіе о холерѣ появилось въ Казани въ Августѣ. Лѣто было жаркое, а въ Августѣ были палящіе жары. Съ возвращеніемъ торговцевъ съ Нижегородской ярмарки, появилась холера на Бакалдѣ (старая пристань на Волгѣ близь Казани), куда былъ посланъ чиновникъ для надзора за поряд-

немъ получено оффиціальное извѣстіе 10-го числа.—Видя неминуемую опасность для Казани, приказалъ я распустить по домамъ семинаристовъ, которые пріѣхали съ вакаціи,—а непріѣхавшимъ отсрочить явку до благополучнаго времени. Признаюсь, смѣло поступилъ;—но безпредѣльно благодарю Господа, что Онъ вложилъ мнѣ сію мысль и помогъ привести въ дѣйствіе: въ теперешнемъ состояніи погибъ бы сей цвѣтъ Казанскаго духовенства въ тѣсныхъ Семинарскихъ зданіяхъ и въ дурныхъ квартирахъ, по всему городу разсѣянныхъ. Всѣ присутственныя мѣста у насъ закрыты, а равно и учебныя заведенія. Меня застала сія гроза въ загородномъ домѣ, куда я взялъ протодіакона, двухъ иподіаконовъ и пѣвчихъ,—и съ 11-го числа доселѣ ежедневно совершаемъ Божественную Литургію архіерейскимъ служеніемъ. Весь домъ мой, оставшійся за цѣпью, по сей день и часъ Господь хранитъ отъ заразы.—Не извѣстно еще мнѣ, сколько пало жертвъ подъ симъ бичемъ гнѣва Божія; но, кажется, здѣсь доселѣ холера не такъ сильно свирѣпствуетъ, какъ въ Астрахани и въ Саратовѣ [1]).—

комъ; но посланный тутъ же умеръ отъ сильныхъ судорогъ.—Татары привезли съ собою изъ Нижняго, умершаго тамъ, ахуна (духовное лицо въ родѣ протоіерея) и тѣмъ распространили заразу. 9-го Сентября разнеслась въ городѣ молва о холерѣ: многіе изъ богатыхъ жителей оставили городъ, а другіе запаслись съѣстными припасами на полтора мѣсяца. Сперва холера появилась на Сѣнной площади, а оттуда она бросилась въ Ямскую и Мокрую (улицы) и распространилась по всѣмъ частямъ города и проч. См. Историч. Записка о 1-й Казанской Гимназіи В. Владимірова. Казань. 1868 г. Отд 2, ч. 2, стр. 165—167, 206—207.

[1]) Между тѣмъ, вотъ что̀ писано было въ Русскомъ Вѣстникѣ (Августъ 1875 г., стр 601): „въ Казани не падали духомъ (отъ появленія холеры) до тѣхъ поръ, пока не показалъ примѣръ тогдашній Архіепископъ Филаретъ Амфитеатровъ, запершійся въ своемъ Воскресенскомъ монастырѣ и распустившій воспитанниковъ Семинаріи“.—Преосвященный былъ застигнутъ и оцѣпленъ въ своемъ загородномъ домѣ, или Воскре-

Причиною сего можетъ быть наступающее холодное время. Впрочемъ, неизвѣстно еще, какой будетъ конецъ сему бѣдствію. Изъ духовныхъ, къ прискорбію моему, пораженъ холерою одинъ соборный священникъ очень хорошій, Алексѣй Головцевъ, воспитанникъ Московской дух. Академіи.—Онъ 13-го числа отслужилъ Литургію, вскорѣ заболѣлъ и того жъ числа въ ночи скончался. Прочіе доселѣ живы по благости Божіей. Помолитесь о насъ, Владыко святый, да не до конца прогнѣвается на насъ Богъ, но во гнѣвѣ помянетъ милость свою".

„Изъ горнила великаго искушенія Господь Богъ изъялъ Казань и всю, ввѣренную моему недостоинству, паству молитвами Пресвятыя Богородицы и всѣхъ угодниковъ Его. Косою смертоносной болѣзни пожато не такъ еще много, какъ мы по грѣхамъ нашимъ боялись. Въ Казани считаютъ около тысячи жертвъ. А во всей Епархіи, хотя еще неизвѣстно число ихъ опредѣлительное, но, кажется, не превыситъ трехъ тысячей;—изъ числа ихъ болѣе трети Татаръ некрещенныхъ [1]). Меня Господь сохранилъ со всѣмъ домомъ и свитою. Министра Графа Закревскаго добраго, умнаго и рѣдкаго изъ вельможей, кажется, самъ Господь внушилъ сердцу Цареву послать къ намъ [2]). Онъ прожилъ въ Казани ровно семь

сенскомъ монастырѣ, а это не то, что „заперся". Если закрыты были всѣ присутственныя мѣста и учебныя заведенія, то ничего не оставалось дѣлать и съ воспитанниками Семинаріи, какъ распустить ихъ. Слѣдовательно, — отзывъ Русскаго Вѣстника о томъ, что панику навелъ на Казанцевъ своими мѣрами Преосвященнѣйшій Филаретъ, чистѣйшая несправедливость. — Авт.

[1]) Въ самой Казани первоначально холера распространилась по Сѣнной площади, гдѣ живутъ магометане; и въ Казанскомъ уѣздѣ она появилась особенно въ татарскихъ селеніяхъ. См. Историческая Записка о 1-й Казанской Гимназіи, В. Владимірова. Казань. 1868 г. Отд. 2, ч. 2, стр 165 и 206.

[2]) По Высочайшему повелѣнію Императора Николая I, во время холеры Казань посѣтилъ тогдашній Министръ Внут-

недѣль. Пребываніемъ своимъ и распоряженіями сохранилъ спокойствіе во всей здѣшней странѣ и весьма много содѣйствовалъ къ прекращенію болѣзни. Казань всегда будетъ помнить благодѣтельное его въ ней пребываніе. 29-го Ноября онъ отправился въ Тамбовъ. Въ Казани теперь совершается благодарственное Господу Богу молебствіе и Пресвятой Матери Его. 16-го Ноября срѣтили мы торжественно изъ Седміозерной пустыни Чудотворную Смоленскую икону Божіей Матери, которая съ тѣхъ поръ пріемлется въ каждомъ домѣ и, кажется, прогоститъ у насъ до новаго года. Граждане весьма ободрены Ея присутствіемъ;—а болѣзни и слѣдовъ совсѣмъ нѣтъ съ 22-го Октября.—Намъ теперь остается, дарованный Господомъ, остатокъ жизни посвятить на святое служеніе Ему. Изъ духовныхъ убыло только два священника, а прочіе всѣ остались живы и благополучны".

Всѣ эти свѣдѣнія конечно не требуютъ комментарія, чтобы понять и оцѣнить, на сколько достойно святительскаго званія и служенія явилъ себя высокопр. Филаретъ въ годину общебѣдственнаго испытанія. Наконецъ, когда уже болѣзнь прошла и опасность отъ нея миновалась, онъ и тогда не прекратилъ своихъ молитвенныхъ подвиговъ, но призвалъ и обязалъ всю свою паству совершать благодарное моленіе въ память избавленія отъ сего бѣдствія ежегоднымъ, во всѣ послѣдующія времена, богослужебнымъ празднованіемъ.

Объ этомъ дѣлѣ свято-пастырской ревности по Бозѣ въ свѣдѣніяхъ, составленныхъ изъ документовъ консисторскихъ, читаемъ: „Правленіе высокопр. Филарета Казанскою паствою ознаменовано также, между прочимъ, учрежденіемъ въ 1831-мъ году ежегодныхъ навсегда, въ теченіи Іюля мѣсяца, молебствій во всѣхъ приходскихъ

реннихъ Дѣлъ Графъ Закревскій.—Пріѣздъ его послужилъ къ успокоенію волненія въ городѣ и возстановленію порядка въ санитарномъ отношеніи. См. Историч. Зап. о 1-й Каз. Гимназіи, В. Владимірова. Отд. 2, ч. 2, стр. 166.

церквахъ города Казани Святителямъ Казанскимъ—*Гурію, Варсонофію* и *Герману въ благодарность за избавленіе Казани* отъ холеры. Данное по сему случаю духовной Консисторіи, отъ 26-го Іюня, предложеніе такъ гласитъ.—„Для сохраненія въ сердцахъ благочестивыхъ жителей Богоспасаемаго града Казани и ихъ потомковъ всегдашней памяти избавленія отъ губительной болѣзни—холеры, свирѣпствовавшей въ 1830-мъ году, пастырскимъ долгомъ моимъ поставляю сдѣлать, сообразное сему произшествію, священное учрежденіе.—Вѣрую всѣмъ сердцемъ, что Господь Богъ избавилъ градъ Казань отъ дальнѣйшихъ губительныхъ дѣйствій той болѣзни теплымъ предстательствомъ и заступленіемъ Пресвятыя Пречистыя и Преблагословенныя Богородицы и Приснодѣвы Маріи и молитвами Угодниковъ Своихъ, Святителей Гурія, Варсонофія и Германа, Казанскихъ чудотворцевъ. Посему пастырскимъ словомъ завѣщеваю, во время ежегоднаго хода по церквамъ и домамъ града Казани со святою чудотворною Смоленскою иконою Божіей Матери [1]), носить вмѣстѣ съ оною *св. икону съ мощами трехъ Святителей Казанскихъ*, не оставляя и *святой иконы съ мощами девяти мучениковъ Кизическихъ*. Настоятелямъ монастырей—Седміозерскаго и Кизическаго и Каѳедральному Протоіерею съ братіею отправлять священнослуженіе, какъ по церквамъ, такъ и по домамъ поочередно; свѣчные доходы и пожертвованія, какъ на церковь, такъ и за труды священно-церковно-служителямъ раздѣлять на три равныя части двумъ монастырямъ и Каѳедральному собору. Для сего учредить три кружки: одну для доходовъ свѣчныхъ, другую для прикладныхъ, а третью для слѣдующихъ трудящимся. По накопленіи

---

[1]) Эта св. Икона приносится изъ Седміозерной пустыни на 26-е Іюня и находится въ г. Казани цѣлый мѣсяцъ, такъ что возвращается къ своему мѣсту къ 28 Іюля, въ каковый день совершается повсемѣстное празднованіе въ честь чудотворной Смоленской иконы, какъ значится во всѣхъ Православныхъ Русскихъ святцахъ.

доходовъ высылать ихъ Настоятелямъ и Протоіерею и хранить въ кладовой Каѳедральнаго собора съ вѣрною, за общимъ подписаніемъ, кладовою записью. По окончаніи хода учинивъ счетъ и росписаніе скопленной суммы, представлять епархіальному Архіерею на утвержденіе. Консисторіи завѣщеваю пастырскимъ словомъ предъ Богомъ сохранять сіе учрежденіе непреложнымъ *въ роды родовъ* [1]).

Но по чувству вѣры и особеннаго чествованія къ симъ мѣстнымъ угодникамъ Божіимъ, какъ покровителямъ и заступникамъ града и страны Казанской, высокопр. Филаретъ не ограничился этимъ однимъ учрежденіемъ празднества въ честь ихъ. До его времени святая память этихъ Святителей хотя и чествовалась, но во 1-хъ не повсемѣстно, а во 2-хъ не во всѣ надлежащіе дни; и эти-то опущенія не замедлилъ восполнить высокопр. Филаретъ. Въ тѣхъ же Консисторскихъ свѣдѣніяхъ, въ связи съ вышеописаннымъ учрежденіемъ, говорится: „До поступленія Его Высокопреосвященства на Казанскую Епархію совершались только празднества въ честь св. Германа, и то только въ Свіяжскомъ Богородицкомъ (Успенскомъ) монастырѣ [2]), гдѣ почиваютъ св. мощи сего Святителя; а день преставленія св. Варсонофія не былъ извѣстенъ даже въ Казанскомъ Спасопреображенскомъ монастырѣ [3]), въ которомъ почиваютъ его св. мощи. Высокопреосвященный же Филаретъ учредилъ праздновать дни въ честь сихъ Святителей, — именно во 1-хъ на память перенесенія

---

[1]) Смотр. свѣдѣнія изъ Казанской Консисторіи, стр. 3—4.

[2]) *Успенскій* мужескій 1-го класса, степенью 5-й, монастырь Казанской епархіи въ г. Свіяжскѣ, построенъ Св. Германомъ, архіепископомъ Казанскимъ, преставившимся въ 1567 г. въ Москвѣ Ноября 6-го дня. Святыя его мощи, перенесенныя сюда въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, почиваютъ въ соборной церкви Успенія Божіей Матери въ открытой серебряной ракѣ.

[3]) *Спасопреображенскій* мужескій, 2-го класса, степенью 3-й, монастырь въ г. Казани, построенъ по повелѣнію царя Іоанна Васильевича въ 1556 г., Св. Варсонофіемъ, первымъ сей обители Архимандритомъ.

мощей св. Германа 23-го Іюля, во 2-хъ на память его же преставленія 6-го Ноября, и въ 3-хъ на память преставленія св. Варсонофія 11-го Апрѣля. Два первыя празднества въ честь св. Германа онъ обязалъ всю Казанскую паству совершать съ 1832 г., а послѣднее въ честь св. Варсонофія съ 1836 г., которое и совершилъ самъ впервые наканунѣ отъѣзда своего въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Сунодѣ“ [1]).

Кромѣ болѣзни холеры, возбуждавшей особенный духъ молитвеннаго усердія въ Бозѣ почившемъ къ умилостивленію Господа, ниспославшаго такое (наказательное) бѣдствіе, вскорѣ послѣдовало и другое; это—неурожай хлѣба и, естественно, соединенный съ нимъ голодъ для, болѣе или менѣе, бѣдныхъ жителей всѣхъ мѣстъ его паствы. Бѣдствіе это, распространявшееся на весьма многія губерніи, продолжалось въ 1833—34 годахъ. Сколь велико было это бѣдствіе, достаточно видѣть изъ того, что, какъ значится въ Консисторскихъ свѣдѣніяхъ, „самимъ Св. Сунодомъ повелѣно было, указомъ отъ 19-го Генваря 1834 г., совершать во всѣхъ церквахъ чтеніе особенныхъ молитвъ объ отвращеніи губительнаго голода“ [2]). Но высокопр. Филаретъ „не имѣлъ нужды въ этихъ начальственныхъ распоряженіяхъ при такихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ. Всегда сострадательный ко всѣмъ неимущимъ, видя въ настоящемъ разѣ неминуемыя страшныя бѣдствія отъ голода и всякихъ нуждъ въ средѣ своихъ пасомыхъ, онъ преисполненъ былъ всею силою чувствъ человѣколюбія, чтобы явиться и молитвенникомъ предъ Престоломъ Божіимъ и поспѣшить на помощь всѣми, зависѣвшими отъ него, средствами. Изъ свѣдѣній открывается, что онъ ежедневно неопустительно самъ совершалъ положенныя молебныя пѣнія и чтенія объ отвращеніи губительнаго голода [3]); относительно же его

---

[1]) Смотр. свѣдѣнія изъ Казанской Консисторіи, стран. 4, 5.

[2]) Тамъ же, стран. 6.

[3]) Смотр. свѣдѣнія изъ Казан. Консисторіи, стр. 5—6.

вспомоществованія бѣдствующимъ отъ голода онъ самъ свидѣтельствовалъ, что „въ голодное время много помогалъ“ [1]). Въ Консисторскихъ свѣдѣніяхъ говорится, что высокопр. Филаретъ „ежедневно раздавалъ въ сіи годы нищимъ въ милостыню по пяти коп. на каждое лицо“ [2]). Наконецъ, онъ своимъ пастырскимъ примѣромъ и вліяніемъ располагалъ и побуждалъ многихъ достаточныхъ лицъ Казанскаго общества къ благотвореніямъ въ пользу бѣдствующихъ. Въ письмѣ своемъ, о которомъ мы узнаемъ впослѣдствіи, на имя городскаго Головы, онъ указывалъ, между прочимъ, „на всегдашнюю готовность городскаго общества къ пожертвованіямъ для пособія неимущимъ братіямъ“ [3]).

Къ этимъ свѣдѣніямъ присовокупляемъ еще слѣдующія. „Послѣ холеры, пишетъ воспоминатель, 1830 г. ржаная мука отъ 40 коп. за пудъ возвысилась до 2 руб. 50 коп. асс. Такая дороговизна угрожала бѣднымъ многосемейнымъ *голодною смертію*. Тогда душа Филарета милостиваго—Казанскаго открылась во всемъ величіи. Казань узрѣла въ немъ втораго Василія Великаго. Окончивъ Литургію въ Крестовой и возвратившись въ келліи, онъ высылалъ иподіаконовъ съ двумя мѣшками денегъ для раздачи нуждающимся въ дневномъ пропитаніи. Однажды при мнѣ спросилъ иподіакона Андрея какой-то ему знакомый чиновникъ: по сколько раздаете?—„Каждую недѣлю семьсотъ рублей ассигнаціями“, былъ отвѣтъ. При такомъ отвѣтѣ, естественно, возникаетъ вопросъ: откуда бралъ Владыка такую сумму?—Вотъ источники: раздавъ запасъ денегъ, какой у него былъ, высокопр. Филаретъ обратился къ жалованью и доходамъ съ оброчныхъ статей. Когда этого не доставало, весь сервизъ, скопленный предмѣстниками преосв. Веніаминомъ и Павломъ, онъ заложилъ мѣновщику Ложкину, который самъ

---

[1]) Записки—листъ 2-й, стран. 4.

[2]) Свѣдѣнія изъ Казан. Консисторіи, стр. 6.

[3]) Смотр. копію съ письма высокопр. Филарета на имя Головы Казанскаго Общества М. С. Вѣрина, отъ 7-го Апрѣля 1836 г.

мнѣ о томъ сказывалъ, занялъ денегъ за проценты и роздалъ“ [1]).

Еще читаемъ въ свѣдѣніяхъ [2]): „Въ бытность свою Архіепископомъ Казанскимъ и Симбирскимъ, онъ вполнѣ подражалъ своею жизнію и дѣлами тому *милостивому* Филарету, коего носилъ имя. Такъ, раздавая самъ во время голода, въ 1832 году, бѣднымъ, что имѣлъ, онъ и другихъ побуждалъ словомъ и примѣромъ помогать страждущимъ отъ голода“.

„Съ цѣлію расположить къ благотворительности, посѣтилъ онъ однажды въ Казани одного богатаго купца во время голода и, при этомъ, обратилъ вниманіе на сына его — *сидня*, лишеннаго способности ходить; его поднесли къ Святителю. Преосвященный посадилъ его къ себѣ на колѣни и, гладя по головкѣ, бесѣдовалъ о благотвореніи. По окончаніи бесѣды, Святитель спустилъ отрока съ колѣнъ и, перекрестивъ его, сказалъ: „ну, гряди, во имя Отца и Сына и Св. Духа“. Отрокъ тотчасъ же почти побѣжалъ къ своей матери, и съ той поры сталъ ходить. Обрадованные родители со слезами благодарили Святителя и пожертвовали значительную сумму въ пользу страждущихъ отъ голода“.

„Объѣзжая, во время продолжительной засухи, Симбирскую губернію, преосв. Филаретъ подъѣхалъ къ селу Лаишевкѣ, что вблизи Симбирска. Народъ, узнавши, что Преосвященный будетъ проѣзжать этимъ селомъ, собрался во множествѣ изъ окрестныхъ деревень и, окруживъ его, на колѣнахъ и со слезами умолялъ помолиться, что-

---

[1]) Смотр. въ рукописи г. Карачева.

[2]) Смотр. Самарск. Епарх. Вѣдомости, № 18 за 1871 годъ, часть неоффиціальная, стр. 378—382. Авторъ этихъ свѣдѣній—бывшій преосв. Герасимъ, Еписк. Самарскій, между прочимъ, писалъ: „Жизнь и благоплодная дѣятельность высокопр. Филарета, Митрополита Кіевскаго, очень памятны для тѣхъ паствъ, кои удостоились его имѣть своимъ Архипастыремъ. Служивши въ Калугѣ, Симбирскѣ и Самарѣ, мы слышали о нѣкоторыхъ, достойныхъ особеннаго вниманія, случаяхъ въ его жизни, коими спѣшимъ подѣлиться съ читателями“.

бы Господь далъ имъ, умирающимъ отъ голода, дождь. Тронутый ихъ слезами, Владыка, хотя и не располагалъ прежде тутъ останавливаться, — остановился и пошелъ въ храмъ помолиться съ народомъ за всенощной. На другой день самъ служилъ раннюю обѣдню, за коей всѣ молились о дождѣ. Утро было свѣтлое, небо ясное и, по видимому, не обѣщало дождя. Но въ половинѣ Литургіи поднялся вѣтерокъ, показались одно за другимъ облака, кои сгустились въ тучу и, наконецъ, разрѣшились обильнымъ дождемъ, такъ что Владыка, отслуживъ Литургію, поѣхалъ подъ ливнемъ, сопровождаемый благословеніями собравшагося народа".

Присовокупляемъ къ этимъ свѣдѣніямъ еще слѣдующія, сообщенныя письменно высокопр. Антонію отъ семейства фамиліи Геркенъ (изъ помѣщиковъ Казанской губерніи).

„Благословенная страна, въ которой по благости Божіей Іерархъ, какъ Ангелъ и человѣкъ небесный святыми молитваии своими низводитъ благодать и милосердіе Божіе. И счастливая Казань была подъ покровительствомъ благодатныхъ молитвъ такого Святителя во время пребыванія въ ней Высокопреосвященнаго Филарета. Мы, недостойные, имѣли счастіе пользоваться милостивымъ расположеніемъ Преосвященнаго и не разъ были облагодѣтельствованы силою святыхъ его молитвъ. Вотъ случай, который съ чувствомъ сердечнаго умиленія осмѣливаюсь описать: —„Въ Маѣ мѣсяцѣ 1833 г. до Преосвященнаго дошло извѣстіе, что за Камой въ деревнѣ моей матушки градомъ побило весь хлѣбъ. Преосвященный, какъ милостивый и сердобольный Архипастырь, сочувствуя несчастію всѣхъ огорченныхъ, по безмѣрной добротѣ своей, рѣшился ѣхать за Волгу, гдѣ была другая деревня матушки—постоянное ея пребываніе. По пріѣздѣ Преосвященнаго, когда матушка объявила ему всю свою радость его посѣщенія и удивленіе, что такъ случилось неожиданно,—то милостивый Филаретъ отвѣчалъ: „я привезъ тебѣ огорчительное извѣстіе и потому пріѣхалъ самъ, чтобъ тебя утѣшить. У тебя за Камой градомъ выбило хлѣбъ, но ты не будь малодушна, при-

ми это посѣщеніе Божіе, какъ истинная христіанка съ благодушіемъ и покорностію волѣ Божіей; Онъ послалъ скорбь, Онъ же Всесильный, пошлетъ и помощь, уповай на Его милосердіе. На другой день Высокопреосвященный служилъ Литургію и, послѣ, молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Владыка служилъ съ такимъ глубокимъ сердечнымъ чувствомъ, съ такимъ умиленіемъ, что мы всѣ предстоящіе молились со слезами. При отъѣздѣ Преосвященный, прощаясь съ матушкой, повторилъ ей свое Архипастырское наставленіе „предай себя волѣ Божіей и твердо вѣруй и уповай на Его помощь и милосердіе“. Матушка, утѣшенная неожиданнымъ пріѣздомъ и сочувствіемъ милостиваго Филарета, укрѣпленная его назидательною бесѣдою, вполнѣ предала себя волѣ Божіей. При началѣ жатвы послала узнать, въ какомъ положеніи поля. Посланный возвратился 7 Іюля и на вопросъ матушки: что поля? онъ представилъ снопъ необыкновенной вышины соломы и величины колосьевъ, присовокупляя, что поле на удивленіе всѣмъ; Господь чудо совершилъ; перебитая солома сраслась и послѣ града такой пошелъ сильный побѣгъ, такой силы и высоты хлѣба, какого никогда не бывало. Вотъ сила молитвы Святаго человѣка Ангелу подобнаго. Съ глубокимъ чувствомъ сердечнаго умиленія и благоговѣнія мы и доднесь чтимъ незабвенную память Высокопреосвященнаго Филарета, почитая его всегда, какъ истиннаго Архипастыря и какъ Угодника Божія еще при жизни его временной, о чемъ имѣли утѣшеніе узнавать и отъ другихъ лицъ. — Екатерина Геркенъ“.

Представимъ еще изъ записокъ преосв. Герасима слѣдующій фактъ.

„Въ Казани жена одного купца жестоко и долго страдала въ мукахъ рожденія, не находя ни отъ кого для себя облегченія; наконецъ она проситъ своего мужа сходить къ преосв. Филарету и попросить для нея поясъ его, въ полной увѣренности, что Господь можетъ чрезъ него подать ей въ ужасныхъ ея страданіяхъ ослабу, подобно тому, какъ нѣкогда отъ платковъ и полотенцевъ Ап. Павла получали вѣрующіе уврачеваніе.—И

что же? когда возложили на больную принесенный поясъ, она тотчасъ же разрѣшилась благополучно. Плодомъ же этого событія было именно то, что освобожденная отъ недуга, а можетъ быть и спасенная и отъ смерти, родильница, а равно и мужъ ея, по наставленію того же Архипастыря - чудотворца, посѣтившаго ихъ, по ихъ усерднѣйшему желанію и приглашенію, чтобы онъ лично благословилъ и новорожденнаго, готовы были дать всякое приношеніе отъ своихъ нескудныхъ средствъ на дѣла Богоугодныя" [1]).

О подобныхъ посѣщеніяхъ добрыхъ семействъ упоминаемый прежде доставитель свѣдѣній [2]) говоритъ: „Владыка Филаретъ не отказывался отъ приглашеній желавшихъ принять его въ домъ свой, но не желалъ только, чтобы въ это же время были сторонніе лица въ качествѣ, обыкновенно называемыхъ, гостей, равно какъ и не позволялъ предлагать ему какія либо, нарочито приготовляемыя, угощенія...—Болѣе всего онъ желалъ при этомъ видѣть всю семью отъ малаго до стараго и всю обстановку, какъ она бываетъ обыкновенно обыденно... Замѣчательнымъ для всѣхъ семейныхъ, въ подобныхъ случаяхъ, представлялось то, что дѣти, иногда и нелюдимыя, ко Владыкѣ на оборотъ всѣ, какъ говорится, такъ и льнули... хотя по виду и по пріемамъ Владыка казался обыкновенно будто угрюмымъ и мало привѣтливымъ.

На эти посѣщенія высокопр. Филаретъ, по словамъ помнящихъ, обыкновенно употреблялъ послѣ-обѣденное время. И вотъ тутъ-то и предметомъ взаимнаго собесѣдованія и плодомъ послѣдняго была именно та *милостыня* со стороны посѣщаемыхъ, извѣстная Тому, Кто воздастъ и за чашу холодной воды... Эта милостыня (о чемъ мы видѣли уже и прежде) была особенно дорога во *дни скудости*—во время голодныхъ годовъ. Въ частности же плоды этихъ посѣщеній являлись въ возбужденіи христіанскихъ чувствъ примѣрнаго усердія и ревности къ

---

[1]) Смотр. Самарскія Епарх. Вѣдомости.

[2]) Г. Карачевъ.

созиданію многихъ новыхъ и благоукрашенію, прежде существовавшихъ, храмовъ Божіихъ въ г. Казани, такъ какъ, до времени служенія высокопр. Филарета, и храмовъ было не много, а многіе изъ нихъ были не благоустроены вслѣдствіе бывшихъ пожаровъ, начиная еще съ Пугачевскаго разгрома и отъ послѣдующихъ, изъ которыхъ послѣдній былъ въ 1815 г., когда и самый соборъ Каѳедральный и Спасскій монастырь сдѣлались жертвою пламени. О всѣхъ этихъ сооруженіяхъ храмовъ и пр. читаемъ слѣдующее сказаніе въ рукописи, упоминавшагося не разъ, г. Карачева. Во время Архипастырствованія Владыки Филарета были сооружены: I) церковь Екатерининская—точнѣе Боголюбская въ Адмиралтейской слободѣ, составляющей нераздѣльную отъ города часть, купцомъ Сергіемъ Павловымъ [1]); II) церковь Николо-Вешняковская въ самомъ городѣ на Вознесенской улицѣ; III) при церкви Воскресенской великолѣпная колокольня съ церковію, въ нижнемъ этажѣ ея, во имя св. преподобнаго Сергія Радонежскаго, сооруженная купцомъ Крупениковымъ; IV) Владимірская колокольня, отличающаяся отъ прочихъ своею высотою—купцомъ Корюкинымъ; V) Престолъ во имя втораго Святителя Казанскаго Германа въ колокольнѣ Каѳедральнаго Благовѣщенскаго собора — купцомъ Чижевымъ, украсившимъ мѣстныя иконы въ самомъ Соборѣ серебряными ризами. Богачи стремились одинъ другаго превзойти возведеніемъ Богоугодныхъ памятниковъ—свидѣтелей ихъ набожности, воспламененной благоговѣйно чтимымъ Іерархомъ-постникомъ и великимъ молитвенникомъ, какъ обыкновенно величали всѣ приснопамятнаго Владыку. Онъ же, какъ Приставникъ Винограда, насажденнаго пѣтами Св. Гурія, Варсонофія и Германа, благоговѣя къ ихъ Апостольскимъ трудамъ, соорудилъ величественное ложе подъ великолѣпною сѣнію и серебряную раку Святителю Варсонофію и поставилъ среди соборнаго храма Спасопреображен-

[1]) Разсказъ о сооруженіи этой церкви будетъ скоро въ своемъ мѣстѣ.

ской обители, имъ устроенной, да возляжетъ и возрадуется на ложѣ своемъ Преподобный Киновіархъ, неусыпно назидая братію, въ его обитель пришедшую, какъ въ тихое пристанище отъ треволненій міра, и богомольцевъ, въ его веригахъ ищущихъ исцѣленія отъ трясавицы. Торжество при этомъ было величественное и знаменательное. Въ день храмоваго праздника 6-го Августа предъ Литургіею крестный ходъ, вмѣстѣ съ принесенною Чудотворною Казанскою иконою Божіей Матери, двинулся около Собора монастырскаго; за нимъ священнослужители и священноиноки несли на раменахъ Святителя Варсонофія, во гробѣ возлежащаго, провождаемаго идущимъ по его стопамъ Іерархомъ Филаретомъ. Войдя въ церковь, Почившій тѣломъ, но духомъ предстоящій Престолу Господа на небесахъ, притекъ къ алтарю и, обратясь къ предстоящимъ, возлегъ на ложѣ своемъ, и всѣ узрѣли Свѣтильникъ на свѣщницѣ".—Я потому позволилъ себѣ, говоритъ Авторъ, распространиться объ этомъ явленіи, что самъ былъ очевидцемъ того восхищающаго духовнаго впечатлѣнія, которое оно произвело на всѣхъ предстоящихъ, такъ какъ и всякое слово и всякое дѣйствіе совершавшаго это торжество было всегда живо и дѣйственно, умягчало, согрѣвало и оплодотворяло не только сердца всѣхъ, болѣе или менѣе, расположенныхъ, но и сердца неподатливыхъ и даже очерствѣлыхъ оплодотворяло, смотря по роду истинъ и предметовъ, о которыхъ обращалъ свое слово святочтимый Архипастырь, и по тому чувству и направленію, которое онъ, такъ сказать, влагалъ въ душу послушающихъ его" [1]).

Эти заключительныя слова цитуемаго Автора рукописи вызываютъ и въ нашей памяти слѣдующія два несомнѣнныя сказанія, которыя, какъ разъ, подходятъ подъ вышесказанную послѣднюю категорію благодѣйственнаго вліянія на сердца людей, и неподатливыхъ, и очерствѣлыхъ въ чувствахъ. Самый же образъ дѣйство-

[1]) Изъ рукописи г. Карачева.

вания высокопр. Филарета и значеніе самыхъ фактовъ на столько характеристичны, что мы считаемъ вполнѣ достойнымъ изложить ихъ съ подробностію и возможно подлинными словами разсказчиковъ.

Первое сказаніе о сооруженіи церкви Боголюбской купцомъ Серг. Егор. Павловымъ было выслушано мною въ присутствіи, бывшаго Казанскаго Викарія, преосв. Павла (нынѣшняго Епископа Саратовскаго) [1]). „Купецъ Сергій Егор. Павловъ началъ въ извѣстное время (въ самомъ началѣ этого столѣтія) производство и торговлю по части кожевенной, велъ ее самымъ успѣшнымъ, выгоднымъ образомъ, и, потому, въ описываемую пору (1828—36) имѣлъ уже огромный капиталъ и стоялъ въ ряду почетныхъ купцовъ, но былъ, между прочимъ, скуповатъ, или чрезчуръ бережливъ и расчетливъ... Посѣтивши его однажды, по его приглашенію, высокопр. Филаретъ обратилъ вниманіе на устройство его дома и завода, и на то пространство на цѣлыхъ два квартала мѣстности, изъ которыхъ одинъ кварталъ противъ дома, по направленію къ Казани, оставался еще не застроеннымъ, не замедлилъ высказаться, что это мѣсто было бы весьма хорошо для устройства церкви, потому что, находившаяся тутъ, церковь была небольшая деревянная и совершенно обветшавшая, построенная еще въ бытность Императрицы Екатерины въ Казани въ честь Ея тезоименницы—Св. Великомученицы Екатерины. Это было бы, говорилъ Владыка, весьма полезно для жителей Адмиралтейской слободы, въ которой хотя и была еще другая церковь—Макарьевская, но на другомъ концѣ; къ тому же населенность слободы весьма значительно стала увеличиваться. Купецъ Павловъ вскорѣ явился къ Владыкѣ и открылъ свое желаніе послѣдовать сдѣланному указанію Владыки, признавшись предъ

[1]) Случаемъ къ этому разсказу было погребеніе Священника этой—Боголюбской церкви, прослужившаго 50-ть лѣтъ, и, потому, при воспоминаніи о жизни его, во время заупокойной трапезы, зять покойнаго строителя церкви Павлова,—Павелъ Александровичъ Прибытковъ сообщилъ подробный разсказъ, теперь нами излагаемый.

нимъ искренно, что слова его глубоко запали въ душу жены его Евдокіи. „Да, сказалъ ему Владыка, я и самъ признаюсь тебѣ, что у меня родилась мысль, въ бытность у тебя, внезапно, по какому-то наитію, и несомнѣнно не безъ воли Господней... Радуюсь я и за твою жену. Къ тому же сказать,—богатство у тебя большое, дѣтей же всего одна малая дочь, а больше-то и не будетъ... и такъ,—*яже уготовалъ еси... кому сія будутъ?!* Не скрою отъ тебя и той грустной мысли о тебѣ, что ты, какъ слышно, скуповатъ, и, потому, едва ли ты въ состояніи былъ творить дѣла милосердія по Евангельскому, т. е. чтобы не вѣдала и шуйца, что̀ творитъ десница,—а развѣ какъ нибудь иначе... то есть, когда люди *не въ Бога, а въ себя богатѣютъ*... а потому и творятъ ради славы своея...—Если же теперь самъ Господь посѣтилъ тебя и жену твою такою милостію, что вложилъ въ души ваши, подъ вліяніемъ моего грѣшнаго, но Святительскаго слова, святую мысль о сооруженіи св. храма,—то возблагодарите Господа и, помолившись усерднѣе, чтобы эта мысль перешла въ дѣло, приступайте немедленно; подавайте мнѣ прошеніе, закажите планъ и приготовляйте теперь же мѣсто и матеріалы.—Помолюсь и я о благопоспѣшеніи вамъ въ семъ святомъ дѣлѣ.“

„При богатыхъ средствахъ моего покойнаго тестя, все дѣло, какъ говорится, сразу закипѣло... Бывши тогда еще приказчикомъ у него по найму, я самъ, говорилъ разказчикъ Прибытковъ, весьма удивился такой, вдругъ происшедшей, перемѣнѣ въ состояніи моего хозяина. При наймѣ рабочихъ и при покупкѣ матеріаловъ, что̀ главнымъ образомъ было поручено мнѣ, я только и слышалъ отъ хозяина,—нанимать рабочихъ хорошихъ, честныхъ, трезвыхъ, матеріалы закупать возможно лучшіе,—въ цѣнѣ и платѣ денегъ отнюдь не стѣсняться,—и даже для рабочихъ, сверхъ условной платы за работы, давать приличную пищу безплатно... однимъ словомъ—скупости не осталось и тѣни... Составленіе плана тоже не замедлилось. Планъ этотъ былъ на церковь однопрестольную. Сергій Егоровичъ явился съ планомъ

къ Владыкѣ Филарету; онъ одобрилъ и тутъ же спросилъ: а во имя кого будетъ храмъ? Спрошенный какъ бы замялся... и вдругъ сталъ говорить, совершенно не имѣвши и мысли этой предварительно, а родилась она у него, какъ онъ самъ признался, только тутъ.—„Не знаю, Владыка святый... мы желали-было съ женой посвятить храмъ Святителю Николаю.., а не то Св. Преподобному Сергію, или Св. Великомученицѣ Екатеринѣ, чтобы за ея предстательствомъ благополучно возросла наша единственная дочь.“—Говоря это, снова примолвилъ покойный, я рѣшительно говорилъ то, чего и не думалъ никогда...—Владыка отвѣчалъ: „гаданья здѣсь совершенно не умѣстны... Иди съ миромъ и помолитесь съ женой, посовѣтуйтесь и рѣшитесь окончательно“. Когда все это передалъ Сергій Егоровичъ своей женѣ Евдокіи Никоновнѣ, то она сказала: „знаешь ли, что я тебѣ повѣдаю, Сергѣй Егоровичъ..,—когда ты отправлялся къ Владыкѣ, я затеплила, вонъ тамъ, предъ Боголюбскою Божіею Матерью три свѣчки и стала молиться именно о томъ, чтобы Господь благословилъ чрезъ Владыку начать намъ поскорѣе самую постройку церкви. Но вдругъ, во время же молитвы, запала мнѣ въ душу мысль: „не лучше ли намъ благословиться устроить церковь большую трехпрестольную... во имя Святителя Николая, да во имя Св. Преподобнаго Сергія и во имя Ангела нашей Катеньки—Св. Великомученицы Екатерины... и коли бы ты не успѣлъ мнѣ передать то, что высказалъ ты предъ Владыкою, совершенно не думавши объ этомъ, какъ и мнѣ извѣстно,—то я рѣшилась бы непремѣнно просить тебя, чтобы церковь начать строить трехпрестольную.“ Въ тотъ же часъ рѣшено было послать за архитекторомъ, которому и заказано, безъ всякаго замедленія, составить новый планъ. Явившись съ этимъ новымъ планомъ къ Владыкѣ, покойный тесть просилъ позволенія перемѣнить прежнее прошеніе и возвратить прежній планъ, а въ замѣнъ его принять новый на церковь трехпрестольную, разсказавши ему, при этомъ, во всей подлинности,—отъ чего и какъ произошла эта перемѣна желанія его и жены. Владыка,

глубоко умилившись разсказомъ, перекрестился обратясь къ иконамъ и безмолвно осѣнилъ святительски обѣими руками предстоявшаго, и, взявши планъ новый, съ возвращеніемъ прежняго и бывшаго у него прошенія, сказалъ: „перемѣни это, какъ должно, и обозначь въ немъ опредѣленно,—во имя кого должны быть всѣ три престола".—Тесть обратился къ Владыкѣ: не угодно ли Вамъ рѣшить этотъ вопросъ,—и мы безпрекословно исполнимъ... „Нѣтъ, рабъ Божій Сергій, здѣсь нѣтъ мѣста для моей угодности... она можетъ быть больно не угодна для Господа, и я не дерзну никакъ, какъ сказано въ Словѣ Божіемъ, *одолжать Господа* своими грѣшными *совѣтами*... да и вашу волю связывать въ этомъ дѣлѣ я не въ правѣ.—Иди съ миромъ, и съ женою твоею помолитесь усердно, и я помолюсь".

„Написать новое прошеніе, само собою, было дѣломъ одного часа, но супруги-старцы чѣмъ болѣе разсуждали, чтобы окончательно рѣшить вопросъ о наименованіи престоловъ, тѣмъ болѣе приходили въ какое-то неодолимое затрудненіе. „Жена моя сначала попенялабыло мнѣ, что я не умѣлъ будто добиться у Владыки его собственнаго рѣшенія—во имя чье посвятить главный алтарь... я отвѣчалъ, конечно, что подѣлаешь, когда онъ на отрѣзъ сказалъ, что нѣтъ и нѣтъ... а что нужно только молиться Богу, и самъ обѣщалъ... Прошелъ этотъ день, прошелъ и другой,—мы все-таки ни на чемъ не порѣшили... Въ слѣдующую же ночь случилось такъ: легли мы спать, помолившись, конечно, Богу; только нѣтъ мнѣ сну ни на волосъ до самаго перваго часу; услышалъ я черезъ перегородку, что будто и жена не спитъ... я окликнулъ ее,—она откликнулась. Я говорю: „что это за напасть, глазъ не могу сомкнуть доселѣ"... и она тоже мнѣ въ отвѣтъ, и прибавила: „вѣрно мы Богу плохо помолились"... затѣмъ, вставши, пошла она поправить лампадки у божницы и также у иконы Божіей Матери Боголюбской, что находилась отдѣльно въ залѣ.—Затѣмъ я, и какъ оказалось, и жена моя вскорѣ же заснули.—Но вдругъ, какъ только я проснулся не чрезъ долго, жена моя окликнула меня: „что,

ты проснулся давно?" Нѣтъ, а въ сію только минуту,—да и я то только что... и, сказать тебѣ, не дарма... я видѣла, сказала она, сонъ и какъ лишь онъ кончился, я вдругъ встрепенулась и услышала, что ты не спишь... Ну, сказалъ я, встанемъ же совсѣмъ... да и пора кажется... Когда мы убрались совсѣмъ и помолились, я и спрашиваю жену: „какой же сонъ-то ты видѣла?" Только она начала разсказывать... я перебилъ ее,—и говорю: „погоди"!.. и началъ самъ продолжать, точь въ точь, то самое, что она хотѣла передать мнѣ подробно изъ видѣннаго сна... Тутъ я и самъ просто изумился... и вотъ мы давай продолжать такъ: то скажетъ она нѣсколько словъ,—а я перейму ея рѣчь и продолжу—и наоборотъ, доколѣ довели мы общій разсказъ о видѣнномъ во снѣ весь до конца. Тутъ-то мы, наконецъ, и ахнули и всплакнули отъ умиленія"...

„Сонъ состоялъ вотъ въ чемъ,—продолжалъ разсказчикъ Пав. Алекс. Прибытковъ.—„Видѣлось имъ обоимъ, что откуда ни взялось огромное стеченіе народа около ихъ дома, часть проходила прямо и въ домъ; затѣмъ появилось шествіе, какъ есть крестный ходъ съ хоругвями, иконами и подсвѣчниками фонарными. Собравшіеся же въ залу стали ставить множество свѣчъ предъ нашею Боголюбскою Иконою... Вдругъ явился и Архіерей и благословилъ снять Икону и нести изъ дома вмѣстѣ съ крестнымъ ходомъ... Они—тесть и теща—успѣли только взглянуть въ окошко, куда понесли Святую Икону... и увидѣли, что прямохонько къ мѣсту, назначенному для церкви. Имъ стало такъ и грустно, и радостно, что, какъ говорится, всю душу захватило... отъ чего они оба тутъ же и проснулись...

„Въ тотъ же самый день, тесть мой С. Е. поспѣшилъ къ Владыкѣ, предварительно заѣхавши въ Соборъ отслужить молебенъ Боголюбской Божіей Матери. Когда же онъ доложилъ Владыкѣ, что онъ и жена рѣшили непремѣнно освятить главный храмъ во имя Боголюбской Божіей Матери, то онъ, умиленно перекрестившись, сказалъ: „ну вотъ, рабъ Божій, видно, Господь молитвы и насъ грѣшныхъ услышалъ... Однако ты скажи мнѣ, отъ

чего у тебя съ женой родилось такое усердіе къ Боголюбской Божіей Матери?..“ Тесть разсказалъ ему все во всей точности... Выслушавши все безмолвно и только по временамъ возводя взоръ свой горѣ, и, наконецъ, глубоко вздохнувъ, Владыка тутъ же осѣнилъ тестя обѣими руками и сказалъ: „отправляйся же теперь съ миромъ и радостію и приготовь къ завтрашнему же дню, дополнительное къ прежнему прошенію, заявленіе мнѣ о всѣхъ трехъ алтаряхъ, во имя кого они имѣютъ быть посвящены, т. е. начиная съ Боголюбской Божіей Матери. Завтра же я самъ непремѣнно посѣщу домъ твой и осмотрю окончательно въ подробности все мѣсто, назначенное для храма“.

„На другой день, дѣйствительно, Владыка прибылъ, а за нимъ вскорѣ пріѣхали іеромонахъ, діаконъ и два послушника съ ризницею. Первымъ же дѣломъ Владыка распорядился начать служить молебенъ Божіей Матери Боголюбской и, совмѣстно, молебенъ водосвятный. Послѣ этого, самъ окропивши св. водою и Икону, и всѣ наши комнаты, не исключая и спальныхъ, и благоговѣйно трижды поклонившись предъ Св. Иконою и приложившись къ ней и намъ приказавши то же сдѣлать,— немедленно пошелъ пѣшкомъ на мѣсто, приготовляемое для церкви, которое и осмотрѣлъ во всемъ пространствѣ. Воротившись въ домъ напиться у насъ чаю, Владыка первымъ дѣломъ спросилъ: „а скажите-ка вы мнѣ, откуда и давно ли у васъ эта Св. Икона?..“—Въ отвѣтъ на это тесть и теща, по словамъ ихъ, наперерывъ другъ предъ другомъ, поспѣшили разсказать, такъ какъ это дѣло было недавно—за какіе нибудь года полтора. — Дѣло же состояло въ слѣдующемъ. — „Въ одинъ день явилась къ намъ женщина, почти уже старуха, и объявила о себѣ, что она находится въ крайнемъ положеніи по безпріютности своей, и потому предлагала имъ—тестю и тещѣ—пріобрѣсть у нея для себя икону, которая и была эта самая—Боголюбская.—Они сжалились надъ этою женщиною, (не то свѣтскою, не то духовною), и пожелали тутъ же помочь ей деньгами, но лишать ее самой иконы имъ не хотѣлось... Между тѣмъ она почти настаивала,

говоря, что въ иной домъ она бы и сама не рѣшилась отдать свою икону, какъ наслѣдственную, но въ ихъ домъ на оборотъ...—Тесть и теща согласились, но съ тѣмъ условіемъ, что икону эту пусть она считаетъ все-таки своею...,—и, въ случаѣ нужды въ деньгахъ, пусть приходитъ снова и получитъ.—Женщина эта, дѣйствительно, являлась еще два раза, и для нея было дѣлано, что̀ сказано. Между прочимъ, она высказала, что, сколько помнитъ, эта икона была благословленною отъ какого-то старца изъ какого-то монастыря.—Наконецъ, женщина эта болѣе не являлась,—и икона такимъ образомъ осталась у нихъ, должно быть, навсегда, и имъ почему-то особенно полюбилась...—А вотъ теперь, видно, Самой Царицѣ Небесной угодно, чтобы Ея честная Икона изъ нашего дома перенесена была и въ будущій храмъ Божій, главный алтарь въ которомъ и да будетъ во имя Ея, на что̀ и Вы, Владыка Святый, вчера же соизволили, а мы приготовили и заявленіе по Вашему же приказанію".

„Воистинну все это такъ, что̀ теперь сказали вы мнѣ, проговорилъ Владыка. И такъ какъ икона именуется Боголюбскою, то вы всемѣрно и потщитесь быть Боголюбивы, и какъ вы сподобились пріобрѣсть эту икону не цѣною и уплатою денегъ, а дѣломъ милосердія къ бѣдствовавшей женщинѣ, то усугубляйте и впредь эти дѣла милосердія... И, вотъ, какъ я давича осматривалъ все мѣсто, то мнѣ сдалось въ сердцѣ, что со временемъ воистинну угодное совершили бы вы Господу дѣло, если бы вознамѣрились устроить близъ будущей ограды хотя небольшую богадѣльню для старыхъ безпріютныхъ женщинъ безъ различія званія; а, наконецъ, такъ какъ эта икона, хотя и гадательно, была благословенною изъ какой бы ни было обители, то въ ознаменованіе этого вы потщитесь, со временемъ, внести отъ себя посильныя жертвованія въ пользу обителей здѣшнихъ въ поминовеніе вѣчное себя и вашего всего рода. Это, само собою, будетъ, когда Богъ благословитъ; а устроять храмъ начинайте неотложно и всемѣрно не замедляйте".

„Такъ, дѣйствительно, все и совершилось по Святительскому предназначенію святаго Владыки Филарета [1]).“

Вслѣдъ за этимъ фактомъ представляемъ еще другой, вполнѣ характеристичный и подходящій, какъ нельзя ближе, по значенію своему, къ первому.

„Генералъ Чемеринъ [2]), прибывъ изъ Тамбова въ Казань, какъ помѣщикъ Казанскій по имѣнію его жены, пожелалъ быть у мѣстнаго Архіепископа, блаженныя памяти Владыки Филарета.—Принимая Генерала, при разговорѣ, Владыка, между прочимъ, сказалъ: „Генералъ, я слышу, что въ вашемъ имѣніи церковь деревянная и очень ветхая; стройте-ка новую,—каменную“. Генералъ отъ стыда отвѣчалъ, что онъ объ этомъ, будто бы, уже и заботится. „Такъ изготовьте же поскорѣе планъ церкви; Богъ благословитъ, не замедляйте строить“. Но Генералъ былъ въ затрудненіи. Во первыхъ, средства его были для постройки каменной церкви недостаточны; во вторыхъ—онъ не зналъ, какъ и показаться съ этимъ къ женѣ своей, которая была слишкомъ скупа. Но дѣлать нечего; планъ былъ составленъ и Владыкою утвержденъ.

---

[1]) По духовному завѣщанію храмоздателя Серг. Егор. Павлова во 1-хъ назначено было во всѣ монастыри Казанской Епархіи не менѣе, какъ по двѣ тысячи руб. сер. на вѣчное поминовеніе Сергія и Евдокіи и сродниковъ, а въ иные по три и по пяти тысячъ; во 2-хъ назначенъ былъ капиталъ на устройство Богадѣльни для 24 лицъ женскаго пола изъ всѣхъ, безъ различія, сословій,—каковая Богадѣльня и устроена близъ самой церкви и открыта была въ 1874 г. 7-го Октября въ день св. мученика Сергія—тезоименника покойнаго Сергія Егор. Павлова. Наслѣдницею осталась дочь Екатерина Сергѣевна, выданная въ замужество за бывшаго главнаго приказчика Пав. Ал. Прибыткова, который уже скончался въ недавнихъ годахъ,—а сама Екатерина Серг. еще здравствуетъ.

[2]) За вѣрность этой фамиліи не вполнѣ ручаемся потому, что въ самой рукописи она написана крайне не разборчиво, — а здѣсь только написана по приблизительному сходству въ буквахъ.—Свѣдѣніе это мы беремъ изъ дневника о. Намѣстника Кіево-Печерской Лавры, и взято оно, очевидно, изъ разсказовъ высокопр. Митр. Кіев. Арсенія, который самъ передавалъ мнѣ (въ 1867 г.) разсказъ этотъ, бывшій ему извѣстнымъ еще въ Тамбовѣ изъ устъ самого помѣщика N, такъ какъ онъ фамиліи его не произносилъ.

Генералъ пріѣзжаетъ домой, жена встрѣчаетъ его весело, не зная, что̀ будетъ потомъ. Онъ и самъ говоритъ въ томъ же тонѣ, чтобы сколько нибудь приготовить жену къ неожиданности, какъ онъ думалъ, для нея непріятной. Потомъ сказываетъ ей о своей встрѣчѣ съ Владыкой Казанскимъ и показываетъ ей утвержденный планъ церкви, предположенной къ постройкѣ. Вмѣсто противорѣчій, жена принимаетъ это радушно и, при этомъ, объясняетъ мужу: „представь, точно такой храмъ я видѣла нынѣ во снѣ именно въ нашемъ Казанскомъ имѣніи". Генералъ успокоился и началъ постройку храма. Богъ благословилъ доброе дѣло, храмъ устроенъ и освященъ. Вслѣдъ же затѣмъ Божіе благословеніе видимо проявилось надъ домомъ храмоздателя. Вскорѣ и неожиданно стеклось столько благопріятныхъ обстоятельствъ, что Генералъ изъ помѣщиковъ средней руки сдѣлался очень богатымъ."

Дѣйствуя такъ лично и своимъ Архипастырскимъ вліяніемъ достигая благихъ успѣховъ и плодовъ, высокопр. Филаретъ внушалъ, и располагалъ, и настаивалъ, въ частности, чтобы Настоятели монастырей имѣли всевозможное радѣніе о благоустроеніи обителей и храмовъ въ нихъ, которые онъ любилъ посѣщать почасту и въ которыхъ находилъ недостатокъ радѣнія, не смотря на имѣвшіяся достаточныя средства.—Объ этомъ и будетъ наша рѣчь въ сей часъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IX.

«Блага та рѣчь твоя, еже старцамъ—чернцемъ дѣти обучати не токмо читати и писати, но и читаемое разумѣвати право и да могутъ и иныя научати и бусурманы обращати. О Боже! коль бы счаслива Русская земля была, коли бы Владыки тацы были,, яковы преосвященный Макарій и Діонисій и ты и толико о семъ пеклися, а не о себѣ токмо и не о богатствѣ, покоѣ, веселіи и лакомствѣ, не говорю и иное. [1]).

Всѣхъ монастырей собственно въ Казанской губерніи, не включая Симбирской, состоявшей въ епархіальномъ управленіи Казанскихъ Архіепископовъ, въ описываемое время было тринадцать, изъ коихъ десять мужскихъ штатныхъ монастырей перваго, втораго и третьяго классовъ, и три Пустыни общежительныя; монастырей женскихъ—три, изъ коихъ знаменитый монастырь перваго класса Казанско-Богородицкій, устроенный на самомъ мѣстѣ явленія въ 1559 г. Чудотворной Иконы Божіей Матери, именуемой Казанской, каковая Икона, *самая подлинная*, [2]) и находится въ этомъ Монас-

---

[1]) Слова изъ собственноручнаго письма Царя Іоанна Васильевича Грознаго къ Святителю Гурію, первому Архіепископу Казанскому.

[2]) Дѣлаемъ это указаніе *на самую подлинность* Св. Чудотворной Иконы потому, что были недоумѣнія и даже споры литературные, да и доселѣ еще остаются нѣкоторыя мнѣнія, что будто бы эта Св. Икона есть копія, а подлинная взята была въ Москву во время междуцарствія и тамъ будто оставлена... Смотр. Историческое описаніе 1879 г. стран. 42—53 и въ Православномъ Собесѣдникѣ.

тырѣ. Какъ истинный монастырелюбецъ, высокопр. Филаретъ, естественно, не могъ не прилежать всѣмъ своимъ вниманіемъ и расположеніемъ ко всѣмъ, по возможности, монастырямъ, а тѣмъ паче къ находящимся въ самомъ городѣ Казани и въ ближайшихъ окрестностяхъ, и, въ числѣ послѣднихъ, въ особенности къ Пустынямъ, въ коихъ во всѣхъ находились, къ тому же, Чудотворныя Иконы: въ Седміозерной—Икона *Смоленской* Божіей Матери, въ Раиѳской—*Грузинской*, въ Мѵроносицкой—*Владимірской* со вставленною въ этой же Иконѣ (вдѣланною въ ея доскѣ) маленькою *Иконою Св. Жен Мѵроносицъ*. Эту послѣднюю Пустынь, какъ извѣстно уже читателямъ, высокопр. Филаретъ посѣщалъ, по преимуществу, въ видахъ миссіонерства, гдѣ и назначалъ свои личныя свиданія съ преосв. Кирилломъ Епископомъ Вятскимъ, по смежности Епархіи Казанской съ Вятскою. На Седміозерную же Пустынь онъ обратилъ особеннѣйшее вниманіе съ той поры, когда, какъ было уже сказано, учреждено было имъ ежегодное приношеніе Св. Иконы Смоленской въ Казань по минованіи холеры. Въ эту Пустынь онъ любилъ удаляться по временамъ, подобно какъ изъ Калуги въ Оптину Пустынь и въ частности въ тамошній Іоанно-Предтеческій Скитъ: это онъ дѣлалъ, между прочимъ, потому, что въ этой Пустынѣ было самое удобное и свободное помѣщеніе, устроенное собственно по-архіерейски—съ маленькою домовою церковью. [1]) Во время этихъ пребываній высокопр. Филаретъ принималъ личное участіе въ благоустройствѣ Пустыни, во 1-хъ по части зданій, которыя требовалось увеличить сколько по причинѣ умножающейся братіи, въ число которой онъ самъ вызывалъ нѣкоторыхъ избранныхъ изъ Калужской и Орловской епархій, [2]) столько же и для посѣщающихъ Пустынь богомольцевъ, чис-

---

[1]) Это помѣщеніе устроено было бывшимъ (во время Пугачевщины) Митрополитомъ Казанскимъ Веніаминомъ, проживавшимъ здѣсь на покоѣ и здѣсь же скончавшимся.

[2]) По примѣру высокопр. Филарета, Архіепископъ Казан-

ло которыхъ, со времени учрежденнаго крестнаго хода съ Св. Иконою въ городъ Казань и подъ живымъ вліяніемъ избавленія отъ страшной эпидеміи—холеры, увеличилось съ первыхъ же поръ въ огромномъ количествѣ. Во 2-хъ приложилъ онъ все свое стараніе о благолѣпномъ украшеніи Св. Чудотворной Иконы, на которую тогда же и была сдѣлана богатая риза изъ жемчуговъ и разныхъ дорогихъ каменьевъ, пожертвованныхъ разными лицами по расположенію ихъ къ этому высокопр. Филаретомъ. Самую же работу ризы на Икону высокопр. Филаретъ лично поручилъ Игуменіи Казанскаго женскаго Монастыря Евпраксіи, какъ искуснѣйшей мастерицѣ по этой работѣ,—о чемъ увидимъ ниже. Впрочемъ, высокопр. Филаретъ вскорѣ перемѣнилъ свои посѣщенія Седміозерной Пустыни на другое мѣсто—именно въ Раиѳскую Пустынь, въ которую онъ хотѣлъ перемѣститься навсегда на покой, о чемъ будетъ рѣчь особая въ своемъ мѣстѣ. Что же касается городскихъ Казанскихъ монастырей, то особенное расположеніе, въ чувствахъ благоговѣнія къ Св. Чудотворной Иконѣ Казанской, [1]) высокопр. Филаретъ питалъ къ женскому Казанскому Монастырю,—и утѣшался особенно тѣмъ, что въ его время была тамъ, достойнѣйшая во всѣхъ отношеніяхъ, вышепомянутая Игуменія *Евпраксія*, которую высокопр. Филаретъ обыкновенно и именовалъ вмѣсто Греческаго имени *Евпраксія* по переводу Русскимъ словомъ—„*Благодѣлательница.*“ Его особенно утѣшало то, что она пріяла *яремъ Господень отъ юности*

ский Григорій (1848—56 г.) изъ одной Пустыни Орловской губерніи вызвалъ особенно много монашествующихъ, по преимуществу знатоковъ пѣнія и лучшихъ уставщиковъ.

[1]) Въ самомъ завѣщаніи высокопр. Филарета читаемъ, что онъ назначилъ себѣ мѣсто для погребенія своего въ Крестовоздвиженской церкви, что́ на ближнихъ Пещерахъ, а именно *у стѣны противъ Чудотворной Казанской Иконы Божіей Матери.*

своея.. именно поступила въ монастырь дѣвочкою 14-ти лѣтъ отъ роду, подобно тому, какъ и онъ самъ стремился къ монастырскому житію въ этомъ же возрастѣ. Объ этой досточтимой Матери—Игуменіи читаемъ въ Историческомъ описаніи Казанскаго „*Дѣвича*“ Монастыря слѣдующія, хотя самыя краткія, свѣдѣнія.

„Игуменія *Евпраксія*, которая поступила 14-ти лѣтъ отъ роду въ Арзамасскій, Нижегородской Епархіи, Алексѣевскій монастырь, затѣмъ впослѣдствіи, бывши въ разныхъ монастыряхъ на разныхъ должностяхъ, переведена была изъ Игуменій Симбирской Епархіи въ Игуменіи въ Казанскій Богородицкій „Дѣвичъ“ Монастырь въ 1827 году. Монастырь этотъ тогда, послѣ пожара, только еще оправился, и ей предстояли громадные труды. Существующаго теперь, громаднаго корпуса при теплой церкви былъ тогда еще одинъ только фундаментъ. Она весь этотъ корпусъ построила, а равно и другой корпусъ заложила и докончила весь и обновила весь Монастырь. Въ ея трудахъ при обновленіи и украшеніи Монастыря много оказывалъ ей содѣйствія своими совѣтами Графъ Апраксинъ, питавшій особенную вѣру въ Чудотворную силу Казанской Иконы Божіей Матери. Кромѣ того, будучи обучена съ раннихъ лѣтъ золотошвейному, жемчужному и др. рукодѣльямъ въ Арзамасской обители, она и въ Казанскомъ Монастырѣ научила сестеръ этимъ художествамъ. Въ монашеской жизни была самыхъ строгихъ правилъ. Игуменствовала она 20-ть лѣтъ съ 1827 г. по 1847 г.“

Высокопр. Филаретъ глубоко уважалъ и почиталъ Игуменію Евпраксію, называя ее иногда вмѣсто *мать* Игуменія—*сестра* Игуменья за ея истинно монашескую жизнь и за великіе ея труды по управленію Монастыремъ и, въ частности, за труды по устройству корпуса и за самое заведеніе рукодѣльной для вышиванья золотомъ, жемчугомъ съ камнями и шелками. Онъ не находилъ словъ восхвалять эти занятія для юныхъ дѣвицъ и вообще для иночествующихъ лицъ женскаго пола. Посѣщая иногда самъ рукодѣльную и находя осматриваемыя работы прекрасными, а между тѣмъ производимыя

ученицами-молоденькими дѣвицами, онъ однажды говорилъ: „а знаете ли, дѣтушки, кто это васъ такъ научаетъ и умудряетъ въ этой истинно прекрасной и мало сказать—благородной, а прямо назвать—священной работѣ?!“ И отвѣчалъ самъ же: „эту науку и художество даруетъ вамъ Сама Пречистая Богородица; Она, Богоизбранная Отроковица, еще съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, пребывая при Храмѣ Іерусалимскомъ, тоже занималась такимъ же священнымъ рукодѣльемъ; да и послѣ Вознесенія Сына Ея, Бога и Господа нашего Іисуса Христа на небо, пребывая на жительствѣ у усыновленнаго Ей Господомъ Спасителемъ возлюбленнаго ученика Его Іоанна Богослова, пребывшаго на всегда непорочнымъ Дѣвственникомъ и въ лицѣ своемъ показавшаго намъ первый образъ и примѣръ святомонашескаго житія,—Она, говорю, Преблагословенная Богородица, занималась этимъ же священнымъ рукодѣльемъ. Прочитайте-ка въ Четьминеяхъ въ Священномъ сказаніи объ Ея всечестномъ Успеніи, и увидите тамъ, что Пречистая Богородица, посѣтившая, четвородневно—умершаго, а затѣмъ воскрешеннаго Господомъ Спасителемъ, Лазаря, бывшаго въ это время Епископомъ на островѣ Кипрѣ, *дары ему принесе*—и какіе же дары?—*омофоръ и нарукавницы* (т. е. поручи), *яже Сама содѣла нарочно его ради.* А вотъ и вы рукодѣльничаете тоже—и омофоры, и поручи, и поясы, и митры, и воздухи, ризы на иконы и пр., и такимъ образомъ выходите, какъ ученицы и подражательницы Самой Пречистой Богородицы. Такъ вы и представляйте себя какъ бы въ Ея присутствіи и подъ Ея руководствомъ. Для этого же вотъ что̀ вы дѣлайте. Когда всѣ дружно рукодѣльничаете, то, въ это же самое время, вы по временамъ воспѣвайте священныя пѣсни въ честь Пресвятой Богородицы съ-обща всѣ, кто какъ можетъ и умѣетъ; напр., Достойно есть величати Тя, Богородице,—Архангельскій Гласъ вопіемъ Ти, Чистая..,—Взбранной Воеводѣ побѣдительная,—Достойно есть, яко во истину,—Заступнице усердная, и др., какія знаете священныя пѣсни наизустъ. Вотъ ужъ тогда—то вы, воистину, будете ученицы—рукодѣльницы какъ бы подъ Ея на-

ученіемъ, подобно какъ теперь занимаетесь подъ личнымъ наученіемъ вашей доброй матушки—Игуменіи. Вѣдь и она, тоже съ дѣтскихъ лѣтъ, научалась этимъ священнымъ рукодѣліямъ; вы ей и подражайте.. И изъ васъ, Богъ дастъ, которая нибудь сподобится этого же званія". Весь этотъ разсказъ я слышалъ изъ устъ бывшей (скончавшейся въ 1880 г. 18-го Ноября) Игуменіи Анѳіи, о которой въ Историческомъ же описаніи Казанско-Богородицкаго „Дѣвича" Монастыря говорится такъ: „настоящая Игуменія Анѳіи [1]) пользовалась особеннымъ расположеніемъ Игуменіи Евпраксіи. Она была въ числѣ первыхъ ея ученицъ и оказалась самою лучшею мастерицею въ вышиваньяхъ золотомъ, жемчугомъ съ каменьями, шелкомъ и, въ частности, въ украшеніи иконъ, и во всю жизнь подражала строгимъ правиламъ жизни своей покровительницы Игуменіи Евпраксіи, которая сама была ея духовною матерію при постриженіи въ монашество; а на конецъ, спустя 20-ть лѣтъ послѣ выхода Игуменіи Евпраксіи на покой (въ 1847 г.) въ Симбирскій Спасскій Монастырь, въ которомъ она была, въ свое время, Настоятельницей,—монахиня Анѳія, бывшая около 20-ти лѣтъ Казначеей, поставлена была Игуменіею Казанскаго Монастыря—(въ 1867 г.) новоприбывшимъ тогда высокопр. Антоніемъ, по кончинѣ котораго (въ 1879 г.) и она—Игуменія Анѳія, скончалась ровно черезъ годъ въ званіи Настоятельницы.

---

[1]) Игуменія Анѳія поступила въ Казанскій Монастырь *девяти лѣтъ* отъ роду, бывши сиротою по смерти отца ея—солдата; имя ея было Параскева. По собственнымъ ея словамъ ее такъ и звали „Пашунька-солдатенокъ," и этимъ прозвищемъ ее даже дразнили. Матушка Игуменія Анѳія твердо помнила Владыку Филарета и имѣла отъ него нѣкоторе предсказаніе о ея будущемъ Игуменствѣ. Она же разсказывала, что Владыка Филаретъ часто присылалъ имъ—рукодѣльницамъ чай и сахаръ, а лѣтомъ—ягоды, яблоки и арбузы; заказывая же себѣ нѣкоторыя вещи, онъ всегда, кромѣ платы въ Монастырь, присылалъ имъ матеріи на полуряски и на шапочки,—такъ называемыя *„связки"*.

Наконецъ, что особенно располагало высокопр. Филарета къ Монастырю и къ почитанію Игумени Евпраксіи,—это,—изъ года въ годъ непрерывно умножавшееся, число монахинь и послушницъ въ Монастырѣ. „Да, говаривалъ онъ, при добрыхъ маткахъ пчелиные ульи всегда рои плодущіе даютъ;—а матки только тѣ и есть истинно добрыя, которыя любятъ и блюдутъ свой улей, а не сидятъ въ немъ трутнями". Въ самомъ дѣлѣ, до крайности рѣзкою и почти невѣроятною представляется та разность въ численности, обитавшихъ въ Казанскомъ Монастырѣ, монашествующихъ и послушницъ за предшествовавшіе 20-ть лѣтъ и за всѣ 20-ть лѣтъ настоятельства Игумени Евпраксіи. Въ имѣющейся въ Историческомъ описаніи Монастыря таблицѣ, съ показаніемъ—въ какихъ годахъ по скольку состояло сестеръ Монастыря, видимъ, что начиная съ 1801-го года по 1827 г., число ихъ было съ 1801 г. по 1807 г. отъ 13-ти до 19-ти (?); затѣмъ чрезъ 12-ть даже лѣтъ въ 1819 г.—54, въ 1822 г.—52, и только уже въ 1826 г. видимъ число—132, а въ 1827 г., когда поступила въ Игумени мать Евпраксія, она застала 120 сестеръ.— Но что же видимъ далѣе—во все двадцатилѣтіе настоятельства Игумени Евпраксіи (съ 1827 г. по 1847 г.)? Черезъ годъ было лицъ въ Монастырѣ 147,—далѣе— 158; въ 1832 г.—165; въ 1833 г.—211, и затѣмъ послѣ всѣхъ послѣдующихъ годовъ, при нѣкоторыхъ то увеличеніяхъ, то уменьшеніяхъ, въ самый послѣдній годъ 1847 г. видимъ число сестеръ—222 [1]).—Высокопр. Филаретъ, какъ монахолюбецъ, отъ всей души утѣшался такими, по его выраженію, роерожденіями пчелокъ Божіихъ, какъ онъ, по разсказамъ матери Игумени Анѳіи, любилъ называть монахинь и всѣхъ послушницъ—именно пчелками въ ульѣ Божіемъ, восхваляя трудолюбіе и даже самую чистоту и опрятность и въ кельяхъ, и въ одѣяніи, и тоже самое въ храмахъ Божіихъ; наоборотъ же, не скрываючи правды, указывалъ на монашествую-

[1]) Смотр. таблицу въ Историческомъ описаніи на стран. 93.

щихъ и послушниковъ въ мужскихъ Монастыряхъ, у которыхъ, какъ говорилъ онъ, „не кельи, а не знать— что, а всякая лѣность ко всему, по пословицѣ, прежде ихъ родилась, да въ нихъ воплотилась и совсѣмъ ихъ поглотила...“ Что же касается до вышеприведенной численности обитающихъ въ Монастыряхъ мужескихъ и женскихъ, то онъ тоже высказывалъ, что дивится, не надивится, какъ въ здѣшней Епархіи въ мужескихъ Монастыряхъ *оскудѣли преподобные*.. Съ удивленіемъ говорилъ, впрочемъ, и о томъ, что и въ нашемъ Монастырѣ, первоклассномъ и богатомъ средствами и, тѣмъ паче, имѣющемъ такую драгоцѣнную Святыню—Чудотворную Икону Заступницы Усердной, въ прежніе годы почти до самаго прибытія его, было столь малое число монахинь и послушницъ—т. е. втрое и вчетверо меньше; а еще ранѣе даже вдесятеро меньше противу настоящаго. При этомъ-то онъ и повторялъ свою рѣчь „о маткахъ и трутняхъ въ ульяхъ“—разумѣя Настоятельницъ.. И какъ онъ зналъ, кто, въ тѣ прежніе годы, были Настоятельницами, то безцеремонно и называлъ ихъ трутнями и даже какъ-то иначе.... и приговаривалъ: „да не чего, впрочемъ, и дивиться, когда собственное состояніе подобныхъ Настоятельницъ похоже, какъ разъ, на то, если „пирожникъ возмется шить сапоги, а сапожникъ — печь пироги“. Не сомнѣнно, и Сама Пречистая Богородица, какъ Свышняя небесная Настоятельница сей Святой Своей Обители, не благоволила и располагать сердца призванницъ къ водворенію въ обитель“.

Что-бы уразумѣть точное значеніе этихъ сужденій высокопр. Филарета, а равно и самыхъ свѣдѣній о крайней малочисленности монахинь и послушницъ въ Казанскомъ Монастырѣ за указываемый періодъ времени (1801—1822 г.), мы приведемъ здѣсь подлинныя свѣдѣнія изъ Историческаго описанія. [1]) „Съ 1801-го года по 1807-й г., когда въ Монастырѣ состояло монахинь и послушницъ—отъ 13-ти до 19-ти;—Игуменіей Казан-

[1]) Смотр. въ Историческомъ описаніи стран. 90.

ского Богородицкаго „Дѣвича“ Монастыря была *Софія (Борисовна)*, урожденная *Княгиня Болховская*, Кавалерственная Дама ордена Св. Екатерины 2-го класса, скончавшаяся въ 1807-мъ году. При ней Казанскій Богородицкій Монастырь былъ обновленъ и благолѣпно украшенъ. „Знаменитость мѣста, великое стеченіе усердствующихъ къ обители сей, говоритъ о. Архимандритъ Амвросій [1]), побуждали Игуменію *Софію* распространить штатъ Монастыря сего включеніемъ онаго въ число *первоклассныхъ*, о чемъ она въ 1806 г. убѣждала просьбами и Высшее Начальство. Но штатъ сей состоялся, уже по смерти ея, при Игуменіи *Назаретъ*.“ — „Игуменія *Назарета Шванчевичева* настоятельствовала съ 1807-го по 1822-й годъ. Она была тоже Кавалерственная Дама ордена Св. Екатерины 2-го класса“. Но и при этой Игуменіи, не смотря на возведеніе Монастыря на степень *первокласснаго* и на 15-тилѣтнее ея настоятельствованіе, число живущихъ въ Монастырѣ не восходило выше 54-хъ лицъ. За-то при преемницѣ ея—Игуменіи *Евфрасіи*, поступившей изъ Московскаго Алексѣевскаго Монастыря, и настоятельствовавшей только лишь пять лѣтъ, монахинь и послушницъ видимъ въ таблицѣ въ 1826-мъ году—132 и въ 1827 г.—120; а это послѣднее число, какъ уже видѣли читающіе, при Игуменіи *Евпраксіи* дошло въ 1827 году до 222 [2]). И такъ, при этихъ свѣдѣніяхъ, совершенно естественны и вполнѣ справедливы были вышеприведенныя сужденія высокопр. Филарета о бывшихъ *Кавалерственныхъ Игуменіяхъ*. Покойная матушка Игуменія Анѳія сказывала мнѣ, что когда высокопр. Филаретъ увидѣлъ портреты этихъ, бывшихъ изъ знатнаго рода, Игуменій, находившіеся въ гостинной при матушкѣ Евпраксіи, на которыхъ та и другая написаны съ кавалеріями на груди, то, приказавши снять

[1]) Исторія Россійской Іерархіи, часть III стран. 390. Москва 1811 г

[2]) Съ этого года (1822-го) въ теченіи двадцатилѣтія—до 1867 года, при преемственномъ Настоятельст-

ихъ для разсмотрѣнія поближе, тутъ же и сказалъ: „ну, мать Евпраксія, Господь съ ними; а ты уберп-ка портреты эти изъ гостинной куда нибудь подальше; пусть

вованіи четырехъ Игуменій (*Маргариты, Аркадіи, Досиѳеи* и *Каллисты*), число монахинь и послушницъ превышило, только въ одинъ годъ (1850), прежнее число 222 на 60 лицъ, и остановилось въ послѣдній годъ—1867-й на цифрѣ 241. Но съ этого года, когда поступила Настоятельницей, бывшая любимая ученица, лучшая рукодѣльница и духовная по монашеству дочь Игуменіи *Евпраксіи*—Игуменія *Анѳія*, то въ періодъ ея *тринадцатилѣтняго* настоятельствованія (1867—1880 годъ) число монахинь и послушницъ, непрерывно изъ года въ годъ увеличивавшееся, возросло до 370-ти. Такимъ образомъ, при сопоставленіи этихъ двухъ періодовъ настоятельствованія Игуменіи *Евпраксіи* и Игуменіи *Анѳіи*,—матери и дочери духовныхъ,—нельзя не признать здѣсь особеннаго знаменательнаго явленія въ смыслѣ изреченія высокопр. Филарета, что „при добрыхъ маткахъ пчелиные ульи всегда рои плодущіе даютъ“: а равно нельзя не признать въ этомъ явленіи особеннаго знаменательнаго значенія и въ приложеніи къ тѣмъ, кто бываетъ *надзирателемъ* (Епископомъ) за ульями съ пчелами и руководителями самыхъ *матокъ* пчелиныхъ. И, въ самомъ дѣлѣ, кто въ состояніи пройдти безъ вниманія это явленіе, и не остановиться съ отрадными мыслями и чувствованіями на двухъ Казанскихъ Архипастыряхъ—истинныхъ монахолюбцахъ—дядѣ и племянникѣ, изъ коихъ первый—высокопр. Филаретъ—руководилъ Игуменію *Евпраксію*, духовную матерь Игуменіи *Анѳіи*,—а вторый—высокопр. Антоній—послѣднюю, и притомъ такъ, что какъ первая была Игуменіей при Владыкѣ Филаретѣ безсмѣнно, такъ и послѣдняя—при Владыкѣ Антоніи, съ которымъ въ одинъ годъ вступленія его на Паству Казанскую вступила и она въ управленіе Монастыремъ, и почти въ одинъ годъ съ нимъ же перешла въ вѣчность.

они сохраняются въ цѣлости на память потомкамъ [1]), но отнюдь не на виду:—да и сама-то ты никогда не видай ихъ, а то, пожалуй, и сама захочешь какихъ нибудь знаковъ отличій, если не орденовъ, то Крестовъ наградныхъ [2]). Да и кареты-то, которыя завела, какъ я слышалъ, первая—Сіятельнѣйшая Игуменія, и въ которыхъ продолжала разъѣзжать и преемница ея—тоже Кавалерственная Игуменія, да и самыя сбруи цуговыя и ливреи лакейскія и швейцарскія [3]) всенепремѣнно сбудь куда нибудь, чтобы не было ни слѣда, ни помину..." Когда же матушка Игуменія сказала, что карету одну не лишне бы оставить, такъ какъ при матушкѣ Игуменіи Евфрасіи ее употребляли для Св. Иконы Божіей Матери, когда беруть ее для молебствій въ домы на далекія разстоянія, и когда случается ненастная погода, или когда принимающіе Св. Икону не имѣютъ лицъ, чтобы нести ее на рукахъ... Матушка Евфрасія дѣлала это именно и потому, что и въ Москвѣ возятъ Иверскую Чудотворную Икону тоже всегда въ каретѣ.—„Все это говоришь ты, мать, не резонно, сказалъ Владыка. Что въ Москвѣ дѣлается такъ, это правда; и причина тамъ въ томъ, что во первыхъ Иверская Чудотворная Икона и размѣровъ, и самой тяжести весьма значительна, и во вторыхъ и разстоянія, на которыя нужно отправлять ее, бываютъ иногда на нѣсколько

[1]) Эти портреты я самъ однажды разсматривалъ.

[2]) Въ это время не было еще введено награжденія Игуменій Крестами наперсными;—кажется, только одна Игуменія Бородинскаго Монастыря—Марія, Графиня Тучкова, имѣла Кабинетный наперсный Крестъ.

[3]) Объ этихъ выѣздахъ каретныхъ и о всѣхъ княжескихъ ливрейныхъ обстановкахъ и пр. мнѣ самому приводилось слышать разсказы отъ нѣкоторыхъ лицъ, а всего болѣе подробно отъ покойнаго Каѳедр. Протоіерея Виктора Петровича Вишневскаго, умѣвшаго представлять все это особенно рельефно, а съ тѣмъ вмѣстѣ не жалѣвшаго и саркастизма на этотъ счетъ по адресу...

верстъ, да и берутъ-то усердствующіе ежедневно съ утра до ночи, не смотря ни на какую погоду; а здѣсь все совершенно иное: берутъ-то Икону раза два въ мѣсяцъ, а, можетъ, и менѣе того, и притомъ, само собою, и въ погоду болѣе хорошую, да и Икона-то здѣшняя совершенно легка, чтобы нести ее двоимъ хотя бы и на версту и болѣе.—Такъ, я рѣшительно не благословляю употреблять карету, а слѣдовательно и имѣть ее вовсе не для чего... А то, пожалуй, когда придется тебѣ ѣхать по дѣламъ ко мнѣ въ загородный [1]) въ нехорошую погоду, ты и сама залезешь въ карету".

Наконецъ, если сказано въ Историческомъ описаніи Монастыря, что „Игуменіи Евпраксіи много оказывалъ содѣйствія своими совѣтами въ трудахъ ея при обновленіи и украшеніи Монастыря Графъ Апраксинъ (бывшій Губернаторъ), питавшій особую вѣру въ Чудотворную силу Иконы Казанской Божіей Матери," то еще бо́льшее должно приписать участіе въ этомъ дѣлѣ высокопр. Филарету, и не совѣтами только, а самымъ дѣломъ и матеріальными пособіями. Нужно знать, что какъ „Игуменія Евпраксія, какъ говорится въ Историческомъ описаніи, при поступленіи въ Настоятельницы Казанскаго Монастыря, застала, нынѣ существующій, громадный двухъ-этажный, называемый „настоятельскій", корпусъ, построенный подъ одинъ карнизъ въ линію съ теплымъ Николаевскимъ соборомъ, только еще при одномъ фундаментѣ и приступила немедленно въ 1827—28 г. къ продолженію работъ, и окончила постройку его въ 1832 году на счетъ монастырскихъ церковныхъ доходовъ стоимостію въ 17142 руб. 85 коп. асс." [2]), такъ и высокопр. Филаретъ, прибывшій въ Казанскую паству въ 1828 г., засталъ нынѣшній архіерейскій домъ, что̀

---

[1]) Высокопр. Филаретъ жилъ въ первые годы въ загородномъ домѣ потому, что нынѣшній городской близъ Собора домъ архіерейскій онъ засталъ не достроеннымъ болѣе, чѣмъ на половину.

[2]) Смотр. Историческое описаніе стран. 95.

близъ Каѳедральнаго Благовѣщенскаго собора, въ такомъ видѣ, что кладка стѣнъ только еще начиналась. Не измѣняя внѣшняго вида по утвержденному плану, онъ во внутреннихъ помѣщеніяхъ успѣлъ сдѣлать даже измѣненія по своему соображенію; затѣмъ для надзора за работами онъ возможно часто пріѣзжалъ самъ, и, въ это же время, почти всегда заѣзжалъ и въ женскій Монастырь, чтобы посмотрѣть, что и какъ тамъ работается, узнавая при этомъ отъ Игумени Евпраксіи о качествѣ и цѣнности матеріаловъ и мастерствѣ рабочихъ и пр., и предлагалъ ей тоже пріѣзжать и на работы въ его домъ, находя ее опытною въ строительномъ дѣлѣ, каковымъ признавалъ и самъ себя. Но такъ какъ домъ архіерейскій строился на сумму, всю сполна ассигнованную изъ казны и вполнѣ достаточную, а домъ въ Монастырѣ строился на монастырскія церковно-доходныя суммы, которыхъ, какъ онъ самъ дознавалъ, не всегда хватало, то высокопр. Филаретъ, видя озабоченность и затруднительность Игумени Евпраксіи, доставлялъ ей лично, въ особенно крайнихъ случаяхъ, не рѣдко значительныя суммы, и отъ себя свои собственныя, и получаемыя имъ отъ благотворителей, лично имъ къ этому располагаемыхъ, въ средѣ помѣщиковъ и купцовъ. Покойный о. Протоіерей В. П. Вишневскій разсказывалъ мнѣ, что „пожертвованія эти шли довольно-таки тугонько,—и причина была въ томъ, что этотъ корпусъ началъ постройкою подъ названіемъ „*настоятельскаго*“ [1]); это-то многимъ и кидалось въ глаза, особливо когда всякій видѣлъ, въ какихъ громадныхъ размѣрахъ строится этотъ корпусъ. А еще—такъ какъ почти всѣ подобныя лица знали, что проэктъ и планъ на этотъ корпусъ были составлены одною изъ бывшихъ *Кавалерственныхъ* Игуменій—*Назаретою Шванчевичевою*, [2]) и что это-де было у нея въ видахъ еще болѣе выставить

[1]) Онъ также названъ въ Историческомъ описаніи стран. 95.

[2]) Проэктъ и планъ были Высочайше утверждены въ 1810 г. стран. 95.

свою *придворную* знатность, чтобы жить, какъ есть, въ чертогахъ, то и поговаривали, что и эта новая Игуменія, которую, очевидно, не могли еще хорошенько узнать по самой краткости времени, хотя и изъ не знатныхъ, но не прочь тоже повыставить себя..." Высокопр. Филаретъ, оказывалось, зналъ объ этихъ толкахъ; это видѣли мы уже изъ его разсужденій и распоряженій касательно каретнаго выѣзда и пр. Такъ точно и въ постройкѣ корпуса онъ обратилъ особенное вниманіе на устройство помѣщеній собственно для Настоятельницъ, которыя были по плану, дѣйствительно, слишкомъ пространны и по количеству, и расположенію комнатъ больно затѣйливы, да и по смѣтѣ требовали дорогой барской отдѣлки. Все это высокопр. Филаретъ измѣнилъ и въ размѣрахъ, и въ расположеніи комнатъ. „Я помню, говорила покойная Игуменія Аѳонія, какъ Владыка разсуждалъ съ нашей матушкой Игуменіей относительно того, что-бы все было возможно уютнѣе и проще, и чтобы отдѣлка комнатъ и мебель вся была отнюдь не по барскому: „стараться тебѣ, мать, нужно паче всего о томъ, чтобы устроить возможно болѣе помѣщеній для сестеръ не настоящихъ только, но и для будущихъ, которыхъ и дай Господи, чтобы умножалось болѣе и болѣе, такъ чтобы, со временемъ, и этого корпуса не доставало для ихъ жительства,—о чемъ и молись выну Пресвятой Богородицѣ.—Да прилежи всячески о храмахъ Божіихъ и ихъ благолѣпіи".—Въ послѣднемъ дѣлѣ, какъ видимъ въ Историческомъ описаніи, дѣйствительно, „Игуменія Евпраксія прилагала свое великое усердіе, въ чемъ тоже содѣйствовалъ ей самъ высокопр. Филаретъ. Такъ, Казанская помѣщица Наталія Гавриловна Аристова устроила своимъ иждивеніемъ въ тепломъ соборѣ придѣлъ во имя Святителей Гурія, Варсонофія и Германа; и въ это же время на хорахъ, по правую сторону, устроенъ придѣлъ во имя Св. преподобной Маріи и мученицы Маргариты усердіемъ Казанской купчихи Марьи Семеновны Чижевой. Объ эти жертвовательницы съ ихъ семействами пользовались, дѣйствительно, особеннымъ расположеніемъ высокопр.

Филарета, который новоустроенные придѣлы и освящалъ самъ въ 1831-мъ г.“ [1]).

„Далѣе,—читаемъ въ Историческомъ описаніи,—въ этомъ же 1831-мъ г. сооруженъ новый двухъ-ярусный иконостасъ въ главномъ алтарѣ теплаго Собора на церковную сумму, а съ этимъ вмѣстѣ устроены около двухъ колонныхъ столбовъ лучшей работы кіоти—по лѣвую сторону для Чудотворной Казанской Иконы Божіей Матери, а по правую для Иконы Святителя Чудотворца Николая, именуемаго *Тульскаго*, на сумму, пожертвованную разными благотворителями“ [2]). Судя по самому времени устройства и освященія этого Собора въ 1816 г., казалось бы, не настояло еще нуждъ устроять новый иконостасъ; но это произошло собственно по мысли и настоянію высокопр. Филарета. Авторъ Историческаго описанія сдѣлалъ по этому предмету такое личное свое замѣчаніе: „надобно замѣтить, что прежній иконостасъ въ этомъ тепломъ соборѣ, по преданію, пожертвованный бывшимъ Оберъ-Прокуроромъ Св. Сунода (?) Княземъ А. Н. Голицынымъ, былъ устроенъ весь изъ одного сіянія, или изъ золотыхъ лучей, исходящихъ отъ Иконы Воскресенія Христова, помѣщавшейся въ верхней части иконостаса (и, очевидно, бывшей одною единственною во всемъ иконостасѣ). Очень жаль, говоритъ Авторъ, что этотъ иконостасъ, производившій сильное впечатлѣніе на молящихся (?), измѣненъ въ своемъ рисункѣ“ [3]). Но такое сожалѣніе представляется неумѣстнымъ и несправедливымъ... Выше сказано, что сооруженіе новаго иконостаса вмѣсто прежняго, описаннаго Авторомъ въ оригинальномъ его видѣ, послѣдовало по личному желанію и настоянію высокопр. Филарета. Естественно и совершенно основательно полагать, что высокопр. Филаретъ, какъ ревностнѣйшій блюститель

---

[1]) Смотр. Историческое описаніе стран. 20.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же стран. 24 въ подстрочномъ замѣчаніи N. В. Бывшій этотъ оригинальный иконостасъ не измѣненъ только въ рисункѣ, а вовсе снятъ съ мѣста

и почитатель истинной церковности во всѣхъ отношеніяхъ—въ значеніи строгой уставности и въ духѣ Святоотеческомъ, не сомнѣнно, болѣе и сильнѣе Автора пожалѣлъ и возскорбѣлъ, когда только увидѣлъ такой оригинальный, сколько и крайне новомодный, иконостасъ—и гдѣ же?—въ Святой Обители, въ которой находится Святочтимая Чудотворная Икона, къ которой притекаютъ ежегодно многіе десятки тысячъ богомольцевъ разнаго рода и званія, и состоянія, и даже старообрядствующіе и новокрещенные инородцы.—Покойный о. Протоіерей В. П. Вишневскій сказывалъ, что когда Владыка Филаретъ въ первый разъ увидѣлъ этотъ иконостасъ, то назвалъ его *фантастическимъ*, „а пожалуй, прибавилъ онъ, справедливѣе признать здѣсь и *мистическое* проявленіе.“ Когда же ему объяснили, что этотъ иконостасъ устроенъ если не на пожертвованіе, о которомъ говоритъ Авторъ *„по преданію,“* а, по крайней мѣрѣ, по мысли и плану Князя А. Н. Голицына, тогда Владыка Филаретъ сказалъ: „ну, значитъ, я, какъ есть, правду сказалъ, что назвалъ этотъ иконостасъ произведеніемъ—*мистическимъ*... Князь-то Голицынъ, извѣстно, былъ однимъ изъ главныхъ членовъ масонско-мистическаго общества; да и *Кавалерственная*-то Игуменія, всего вѣроятнѣе, тяготѣла туда же, какъ и всѣ тогдашнія *придворныя* лица, а потому и сама порадѣла объ этомъ мистическо-образномъ иконостасѣ“ [1]). Владыка

---

[1]) В. П. Вишневскій вполнѣ раздѣлялъ эту мысль высокопр. Филарета, такъ какъ придворная Игуменія Назарета не разъ ѣздила въ Петербургъ и оттуда-то привезла и самый рисунокъ бывшаго иконостаса и, можетъ статься, для вящшей важности выдавала, что и сумма на устройство этого иконостаса была пожертвована якобы Княземъ Голицынымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для того, что-бы никто, даже и самъ Архіерей, не могъ *„смѣть своего сужденія имѣть“* противъ такого оригинальнаго устройства иконостаса. Онъ же, о. Вишневскій, прочитавши Историческое описаніе Монастыря (изд. 1879 г.) и встрѣтивъ въ немъ выраженіе Автора *„по преданію“*, высказался, что, дѣйствительно, только и могло быть это въ пре-

Филаретъ, присовокупилъ Викторъ Петровичъ, хотѣлъ было немедленно же приступить къ устройству новаго иконостаса въ общепринятомъ въ Православныхъ храмахъ видѣ, но, по случаю строившагося корпуса, никакихъ суммъ церковно-монастырскихъ нельзя было имѣть на этотъ предметъ. Впрочемъ, онъ тогда же началъ постепенно собирать потребную на новый иконостасъ сумму отъ лицъ усердствующихъ и, сколько не сомнѣнно было извѣстно, пожертвовалъ самъ отъ себя значительную сумму.—Сама мать Игуменія Евпраксія, съ своей стороны, тоже всячески желала, чтобы устроить новый иконостасъ вмѣсто новомоднаго, такъ какъ и ей самой приводилось выслушивать отъ нѣкоторыхъ благочестивыхъ ревнителей отзывы, слишкомъ не въ пользу новомоднаго иконостаса, т. е. чисто вопреки тому свидѣтельству о. Малова (Автора Историческаго описанія), что бывшій „иконостасъ будто бы производилъ сильное впечатлѣніе на молящихся.“—Точно такъ же и покойный Владыка Антоній, успѣвшій не задолго до кончины своей прочитать только что изданное Историческое описаніе [1]), обратилъ особенное вниманіе на это указаніе Автора, и высказывалъ почти все то же, что и Викторъ Петровичъ, который, впрочемъ, и лично ему высказывалъ свои, вышеприведенныя, свѣдѣнія и сужденія.—Владыка Антоній присовокупилъ, между прочимъ, слѣдующее: „куда же дѣвали бывшій иконостасъ,—неужели и слѣда его не оставили?! А это, по моему, напрасно... Этому иконостасу можно бы дать самое хорошее и умѣстное употребленіе, а именно: поставить бы его въ алтарь холоднаго собора на горнемъ мѣстѣ, на ко-

---

данiи, т. е. по словамъ только Игуменiи; иначе быть не могло, что бы пожертвованіе Княземъ Голицынымъ было безъ всякихъ письменныхъ документовъ, и чтобы не сохранились послѣдніе.

[1]) Издано было ко дню трехсотлѣтія со времени явленія Чудотворной Казанской Иконы Божіей Матери 8-го Іюля 1579—1879 г. Владыка Антоній скончался черезъ четыре мѣсяца послѣ этого торжества—8-го Ноября 1879 г.

торомъ теперь хотя и находится иконостасъ, но онъ и слишкомъ малъ и, къ тому же, поставленъ слишкомъ низко, такъ что остается болѣе, чѣмъ на двѣ трети стѣны, совершенная пустота; а бывшій-то иконостасъ съ золотымъ сіяніемъ изъ лучей, очевидно, бывшихъ въ весьма огромныхъ размѣрахъ,—такъ какъ они закрывали въ тепломъ соборѣ все пространство теперешняго иконостаса,—закрылъ бы всѣ пустоты и въ вышину и въ ширину на нагорней алтарной стѣнѣ въ холодномъ соборѣ; а отъ этого и самый видъ внутренности алтаря сквозь отверстыя Царскія двери, дѣствительно, производилъ бы благоговѣйное впечатлѣніе на молящихся своимъ лучезарнымъ сіяніемъ; да и алтарь весь былъ-бы свѣтлѣе и, наконецъ, самая Икона Воскресенія Христова на горнемъ мѣстѣ была бы вполнѣ прилична и, по своему положенію на высотѣ, на которой она находилась въ прежнемъ иконостасѣ въ верхнемъ его ярусѣ, какъ бы, такъ сказать, парила на воздухѣ надъ всѣмъ алтаремъ и Св. Престоломъ. Весьма жалко, говорилъ Владыка Антоній, что я не зналъ прежде объ этомъ бывшемъ иконостасѣ; а весьма бы хорошо было воспользоваться его рисункомъ именно для устройства, по подобію его, иконостаса на горнемъ мѣстѣ во всю стѣну алтаря въ холодномъ соборѣ".

„Когда, наконецъ, рѣшено было, говорится въ Историческомъ описаніи, приступить къ устройству новаго иконостаса въ тепломъ соборѣ, того самаго, который существуетъ доднесь, то Игуменія Евпраксія, заботясь о возможно-лучшемъ и прочномъ устройствѣ его во всѣхъ частяхъ, просила высокопр. Филарета командировать одного изъ монастырскихъ священниковъ въ городъ Арзамасъ Нижегородской губерніи, (гдѣ она полагала началю своего монашества), отыскать тамъ извѣстныхъ лучшихъ мастеровъ, чтобы имъ поручить устройство всего иконостаса. Это желаніе ея высокопр. Филаретомъ съ готовностію было удовлетворено [1]). Вызван-

[1]) Смотр. Историческое описаніе стран. 20—21.

ными мастерами и былъ устроенъ новый иконостасъ, а равно и преждепомянутыя двѣ кіоти для иконъ—Божіей Матери и Святителя Николая“ [1]).

Относясь съ такимъ усерднымъ участіемъ къ описаннымъ нами Монастырямъ, въ которыхъ находятся Чудотворныя Иконы и въ которыхъ (Раиѳской и Седміозерской Пустыняхъ и въ Казанскомъ женскомъ Монастырѣ) всегда имѣлись болѣе, или менѣе богатыя матеріальныя средства и находилось сравнительно значительное число монашествующей и послушнической братіи, высокопр. Филаретъ не оставлялъ своимъ участіемъ и тѣ обители, въ которыхъ и число братіи и средства были очень ограничены.—Въ числѣ послѣднихъ онъ особенно обратилъ вниманіе на находящійся на окраинѣ г. Казани Зилантовъ Успенскій Монастырь (управляемый въ послѣднія восемь лѣтъ (1880—1888 г.) мною—пишущимъ). Въ этомъ Монастырѣ не могло быть произведено ничего, особенно капитальнаго; за то оба главные храмы были обновлены и освящены самимъ высокопр. Филаретомъ; въ одномъ изъ храмовъ доселѣ сохраняется одинъ св. Антиминсъ, освященный и надписанный его рукою. Къ дарованію же средствъ на сказанныя обновленія высокопр. Филаретъ расположилъ, близко и искренно ему знакомаго, весьма богатаго помѣщика въ четырехъ губерніяхъ [2]) Евграфа Алексѣевича Лебедева, который и самъ на столько расположился къ этому Монастырю, что пожелалъ и получилъ на это благословеніе отъ высокопр. Филарета—избрать

---

[1]) Эти обѣ кіоти, какъ отъ времени уже довольно обветшавшія, высокопр Антоній, въ первый же годъ своего Архіепископства въ Казани (въ 1867 г.), въ подражаніе и память своего дяди, предложилъ обновить въ лучшемъ видѣ и перезолотить съ нѣкоторыми измѣненіями противъ прежняго рисунка.

[2]) На надгробномъ камнѣ сдѣлана такая надпись: «Подъ симъ камнемъ упокоевается прахъ Казанскаго, Нижегородскаго, Вятскаго и Пензенскаго Помѣщика берг-гауптмана 6-го класса и Кавалера Евграфа Алексѣевича Лебедева, скончавшагося 1837-го года Декабря мѣсяца 2-го числа. Житія его было 86 лѣтъ, 11 мѣсяцевъ и 22 дня».

себѣ мѣсто для погребенія въ этомъ Монастырѣ—именно въ склепѣ подъ главнымъ храмомъ Успенія Божіей Матери. За это мѣсто онъ впередъ, еще при жизни своей, внесъ вкладъ на вѣчное время въ суммѣ 25-ти тысячъ рублей ассигнаціями.

Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, когда высокопр. Филаретъ узналъ самолично, что скудость монастыря Зилантова происходила отъ того, что этотъ монастырь имѣлъ на своемъ попеченіи Памятникъ, что̀ надъ убіенными при взятіи Казани въ 1552 г. воинами, въ которомъ устроена и церковь, и это стоило для Монастыря значительныхъ расходовъ, но не приносило никакихъ доходовъ,—тогда онъ обратилъ на это вниманіе и употребилъ всѣ мѣры, чтобы Памятникъ съ церковью былъ взятъ на попеченіе и содержаніе Казанскаго купеческаго сословія.— Для этого дѣла высокопр. Филаретъ воспользовался, между прочимъ, пребываніемъ въ г. Казани, во время холеры, Министра Внутреннихъ Дѣлъ Генералъ-Адъютанта Графа Арсенія Андреевича Закревскаго.—„Графъ Закревскій,—читаемъ въ Историческомъ описаніи Памятника и отъ части самаго Зилантова Монастыря [1]),— 2-го Ноября, посѣтивъ Памятникъ и отслушавъ панихиду, усмотрѣлъ, что сквозь пазы опочнаго бѣлаго Вятскаго камня, коимъ сіе зданіе одѣто, залитые известью, а не цементомъ, легко проникаетъ течь отъ дождя и снѣга, и изъявилъ свое сожалѣніе о бѣдномъ содержаніи Памятника“. Графъ Закревскій высказалъ это и при личномъ свиданіи съ высокопр. Филаретомъ. Этимъ-то случаемъ и воспользовался высокопр. Филаретъ. Онъ хотя зналъ и прежде все о состояніи Памятника и о скудныхъ средствахъ монастыря, къ которому былъ причисленъ Памятникъ съ церковью, но тутъ, чтобы начать дѣло формальнымъ порядкомъ, потребовалъ отъ Настоятеля репорта, который и сообщилъ конфиденці-

---

[1]) Составлено бывшимъ Настоятелемъ Зилантова монастыря Архимандритомъ Гавріиломъ. Изд. 1833 г. Казань. Въ Университ. Типографіи.

ально Министру Графу Закревскому. Въ репортѣ же Настоятеля было сказано: „Суммы особенной на содержаніе Памятника съ церковью и при ней священно-церковно-служителей, съ самаго построенія сего Памятника (въ 1823 г.), не опредѣлено. Ризница, вино, просфоры, свѣчи, ладонъ, уголья, дрова и другія нужныя вещи отпускались изъ Зилантова монастыря; даже караулъ содержался тѣмъ же монастыремъ. Въ заключеніе же репорта о. Архимандритъ Зилантовскій Гавріилъ отозвался, что хотя Памятникъ съ церковью и принадлежитъ Монастырю съ самаго еще начала его построенія [1]), но Монастырь, по особенной своей бѣдности, происшедшихъ въ Памятникѣ, ветхостей исправить никакъ не можетъ".

Министръ Графъ Закревскій высказалъ свое желаніе предъ Казанскимъ купеческимъ сословіемъ, чтобы Памятникъ былъ обновленъ. Высокопр. Филаретъ, съ своей стороны, не преминулъ провести свое вліяніе на извѣстныхъ ему въ купечествѣ благоусердныхъ лицъ, а затѣмъ сдѣлалъ Архипастырское обращеніе и ко всему Городскому купеческому сословію, когда было совершено благодарственное Господу Богу молебствіе при снятіи оцѣпленія съ города по минованіи холеры. Купече-

[1]) При строеніи Памятника отъ Зилантова Монастыря заимствованы были различныя пособія. Бутовый камень, кирпичъ, песокъ и прочіе матеріалы навожены монастырскими людьми и на монастырскихъ лошадяхъ. Распилка бѣлаго опочнаго камня произведена монастырскими служителями. Для караульщиковъ была отпускаема провизія монастырская. Сборъ доброхотныхъ пожертвованій производимъ былъ Настоятелемъ, Архимандритомъ Амвросіемъ съ братіею Зилантовской обители. Кирпичъ для Памятника изготовленъ на монастырскомъ заводѣ. Да и главнымъ распорядителемъ при построеніи Памятника былъ постоянно и почти исключительно Настоятель Зилантова монастыря Архимандритъ Амвросій, который и отчетъ во всѣхъ суммахъ представлялъ отъ себя.—Смотр. въ Историч. описаніи стран. 9.

ское сословіе тогда же отозвалось на желаніе Графа Закревскаго и своего Архипастыря полною готовностію принять обновленіе Памятника и содержаніе его съ церковью на свой счетъ впредь навсегда. Министръ Графъ Закревскій почелъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Государя Императора, и, затѣмъ вскорѣ же, извѣстилъ высокопр. Филарета, что обитель Зилантова, съ начала будущаго 1831 г., можетъ считать себя совершенно свободною отъ расходовъ, необходимо потребныхъ на содержаніе Памятника въ надлежащей исправности и отъ расходовъ по содержанію церкви;— а Казанскому купеческому сословію сообщилъ, что Государь Императоръ изволилъ Высочайше изъявить Монаршее Его Величества Благоволеніе [1]).

Высокопр. Филаретъ не замедлилъ, съ своей стороны, провести, опять чрезъ посредство тѣхъ же, извѣстныхъ ему, лицъ мысль о томъ, чтобы изъ среды купеческаго сословія были избраны Попечители, которые бы были назначены какъ распорядителями при обновленіи Памятника, такъ и впредь завѣдывали бы имъ и церковью, для чего и переданы были бы имъ по описи и тотъ и другая. Такими Попечителями были избраны, по постановленію Градскаго Общества, изъ числа, извѣстныхъ благотворительностію, Казанскихъ купцовъ, два лица, которыхъ и имѣлъ уже въ виду самъ высокопр. Филаретъ,—именно купцы первой гильдіи—*Леонтій Филипповичъ Крупениковъ* и *Петръ Ивановичъ Котеловъ*,—о которыхъ и само Градское Общество засвидѣтельствовало такъ: „Градское Общество совершенную полагаетъ съ своей стороны надежду, что они по усердію своему будутъ снискивать и на будущее время благотворительныхъ на сей предметъ особъ“ [2]).—Впрочемъ, благотворительныя пожертвованія были, главнымъ и почти исключительнымъ образомъ, отъ лица самихъ же избранныхъ Попечителей, особливо на благоустройство церкви и на

---

[1]) Стран. 17.

[2]) Стран. 19.

разныя церковно-служебныя вещи и потребности, такъ что хотя и были собраны по подпискамъ деньги—4003 руб. асс., но и эта сумма представлена была ими во всей цѣлости и внесена на вѣчное обращеніе въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія для употребленія процентовъ на будущія нужды.—Къ такому образу дѣйствованія расположилъ Попечителей самъ же высокопр. Филаретъ, который, между прочимъ, и отъ себя, въ примѣръ и поощреніе ихъ, принесъ свои пожертвованія, состоявшія въ нѣкоторыхъ церковныхъ вещахъ,—особенно нужныхъ къ приготовлявшемуся освященію церкви и всего обновленнаго Памятника, — которое и совершено было имъ самымъ торжественнымъ образомъ по предварительно разсмотрѣнному и утвержденному имъ церемоніалу.—Это торжество освященія описано Авторомъ Историческаго описанія Памятника въ слѣдующемъ изложеніи:

„2-е число Октября 1832 года, приснопамятное въ нашихъ лѣтописяхъ покореніемъ Казанскаго Царства подъ Державу Россійскую, ознаменовано въ Казани торжествомъ, для всякаго сына отечества радостнымъ и восхитительнымъ. Въ день Воскресный, при сіяніи солнца на безоблачномъ небѣ, по утвержденному Его Высокопреосвященствомъ Филаретомъ, Архіепископомъ Казанскимъ, церемоніалу, въ 7-мь часовъ утра звукъ огромнаго Соборнаго колокола возвѣстилъ жителямъ о началѣ открывающагося торжества, и они въ праздничныхъ одеждахъ, съ духовенствомъ въ свѣтлыхъ облаченіяхъ, съ хоругвями изъ всѣхъ приходскихъ церквей, подвиглись сонмами къ Соборной церкви, а оттуда торжественно потекли къ Памятнику съ крестнымъ ходомъ, въ которомъ первенствовалъ Кизическаго Монастыря Архимандритъ Гурій.—Каѳедральнаго Благовѣщенскаго Собора Протоіерей Флегонтъ Талантовъ и Владимірскаго Собора Протоіерей Филиппъ Раевъ на серебряномъ блюдѣ попеременно несли сосуды, принесенные въ даръ Памятнику отъ Государя Императора Николая Павловича, по сторонамъ пріосѣняемые рипидами. Городъ опустѣлъ, и любопытный народъ особенно тѣснился около священныхъ сосудовъ, желая видѣть даръ Монарха, церкви

посвящаемый. При столь многолюдномъ собраніи соблюденъ былъ порядокъ и тишина подъ надзоромъ Градской Полиціи и, сопровождавшаго церемонію, Г. Военнаго Губернатора Стефана Стефановича Стрѣкалова съ его военнымъ Штабомъ. Прибывшая къ Памятнику, церемонія встрѣчена Его Высокопреосвященствомъ Филаретомъ Архіепископомъ Казанскимъ, съ отличнымъ духовенствомъ и съ приличными почестями отъ войска, состоявшаго изъ Казанскихъ Баталіоновъ внутренней стражи, Гарнизонной Артиллерійской роты, Баталіона военныхъ кантонистовъ, Уральскихъ казаковъ и Жандармской команды. Немедленно, при глубокомъ молчаніи многочисленнаго народа, началось освященіе храма, послѣ коего провозглашено многолѣтіе Государю Императору и всей Императорской Фамиліи, Святѣйшему Правительствующему Суноду и обновителямъ храма; а потомъ Его Высокопреосвященство въ новоосвященномъ храмѣ съ отличнымъ духовенствомъ совершалъ Божественную Литургію. При окончаніи оной Зилантова Монастыря Архимандритъ Гавріилъ говорилъ, приличное торжеству сему, слово. Въ слѣдъ за Литургіею, по грамматѣ Патріарха Іова, Соборная панихида о православныхъ воинахъ, убіенныхъ при взятіи Казани, была отправлена всѣмъ Казанскимъ градскимъ духовенствомъ. Едва хоръ пѣвчихъ провозгласилъ почившимъ Христоименитымъ витязямъ вѣчную память, вдругъ раздались пушечные и ружейные выстрѣлы и земля поколебалась. Духовенство въ прежнемъ порядкѣ съ хоругвями и иконами отправилось обратно въ Соборъ. Почетнѣйшіе чиновники и граждане въ числѣ 120 человѣкъ угощаемы были отъ Попечителей Памятника обѣденнымъ столомъ, за которымъ провозглашены тосты за здравіе Государя Императора, Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Михаила Павловича, Всеавгустѣйшаго Дома, Архіепископа Филарета, Г-на Военнаго Губернатора, почтенныхъ хозяевъ и, къ удовольствію всѣхъ,—въ память взятія Казани. При возглашеніи тостовъ, по предначинанію Г-на Военнаго Губернатора Стрѣкалова, десятки тысячъ народа громогласнымъ и радостнымъ: „ура!“ наполняли воздухъ.

Воины въ восторгѣ другъ другу говорили: „таковую почесть заслужили наши братья!“ Волнующійся народъ, оглушаемый пушечными и ружейными выстрѣлами, удивленный красотою и стройнымъ движеніемъ войска, растроганный и исправнымъ маршемъ малолѣтнихъ кантонистовъ, умиленный великолѣпіемъ духовной церемоніи, повторялъ безпрестанно: „такъ славна Россія, подъ державою мудрыхъ Государей!“ [1]) Темнота ночи прекратила

[1]) Такъ какъ описанное торжество совершено было 2-го Октября—въ самый день взятія Казани, то нѣкоторые отъ полноты особенныхъ чувствъ христіанскихъ выражались: „вотъ нынѣ-де Казань отпраздновала торжественно настоящій день, какъ есть свои *имянины*“.—Съ этой-то поры, дѣйствительно, и вошло въ обычай поздравлять другъ друга въ этотъ день „съ Имянинницею—Казанью“. Такое поздравленіе вошло въ обычай тѣмъ болѣе, что установлено было тогда же, съ разрѣшенія Правительства, день—2-го Октября считать праздничнымъ, въ который не было и занятій въ Присутственныхъ мѣстахъ и въ учебныхъ заведеніяхъ и, вообще, весь народъ почиталъ этотъ день праздничнымъ и радостнымъ, какъ день имянинъ всей Казани, и это тѣмъ болѣе, что и крестный ходъ и парадъ военный совершались ежегодно торжественнымъ образомъ при огромномъ стеченіи народа.—Но Архіепископъ Григорій, по прибытіи своемъ на Казанскую паству (въ 1848 г.), совершивши одинъ-два раза обычное торжество на Памятникѣ и найдя, какъ объяснялъ намъ покойный о. Каѳедральный Протоіерей Викторъ П. Вишневскій, тягостнымъ для себя совершеніе этого празднества, въ такую, большею частью, ненастную осенью пору,—отъ чего онъ сильно и простудился,—въ бытность свою въ Св. Сунодѣ по званію Члена, сдѣлалъ формальное заявленіе, чтобы настоящее празднество — 2-го Октября отмѣнить, а соединить его съ 4-мъ числомъ Октября, въ которое празднуется св. память Св. Гурія и Варсонофія—первыхъ Святителей Казанскихъ, такъ какъ и разстояніе по времени сходится весьма близко. И, дѣйствительно, съ той поры день 2-го Октября сталъ быть и присутственнымъ и учебнымъ и потерялъ значеніе празднества имяннинаго. , хотя и доднесь совершается Богослуженіе въ Памятниковской церкви не рѣдко самими Святителями, или вообще Настоятелями Зилантова Монастыря и бываетъ при этомъ военный парадъ, если хорошая погода.

любопытство посѣтителей Памятника и торжественные клики веселаго народа. Казанское купеческое сословіе, въ ознаменованіе сего торжества, пожертвовало нижнимъ воинскимъ чинамъ, бывшимъ въ парадѣ, 2000 рублей и на ризницу церковную 500 рублей; Г-нъ Градскій Глава Никифоръ Іосифовичъ Чижевъ принесъ въ даръ монашествующимъ Зилантова Монастыря 300 руб., нижнимъ воинскимъ чинамъ и пожарной командѣ 700 руб.

Послѣ освобожденія Зилантова Монастыря отъ расходовъ по содержанію Памятника и самой церкви, высокопр. Филаретъ сдѣлалъ формальное распоряженіе, чтобы братія Монастыря обязательно совершала въ церкви Богослуженіе, именно во всѣ субботы и воскресные дни литургіи заупокойныя и панихиды въ самомъ склепѣ при общей гробницѣ со сложенными въ ней во множествѣ черепами и костями убіенныхъ воиновъ; Городскому же Обществу сдѣлалъ сообщеніе, чтобы за сказаное отправленіе Богослуженій назначено было опредѣленное вознагражденіе служащимъ братіямъ. Городское Общество съ готовностію отозвалось на это и опредѣлило отпускать ежегодно по триста руб. асс.

Такое попечительное вниманіе какъ по отношенію къ Памятнику, такъ и къ Монастырю Зилантову высокопр. Филаретъ оказывалъ, естественно, по самому значенію Историческаго Событія,—взятія Казани и обращеніе ея *изъ темнаго града во свѣтлый*, просвѣщенный Св. Христовою Вѣрою, а равно и по значенію самаго Монастыря, основаннаго Самимъ Державнымъ Покорителемъ Казани—Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Приведемъ здѣсь, хотя вкороткѣ историческое объ этомъ сказаніе въ тѣхъ, между прочимъ, видахъ, что самые жители г. Казани въ большинствѣ имѣютъ темныя и разнотолковательныя свѣдѣнія, почерпаемыя изъ какихъ-то легендарныхъ измышленныхъ преданій.—Историческое сказаніе слѣдующее [1]).

„Гора, или точнѣе пригорокъ, гдѣ находится теперь Памятникъ съ церковію для поминовенія, убіен-

[1]) Смотр. Историч. Описаніе Памятника, составленное Архим. Гавріиломъ. 1833 г. Казань.

ныхъ при взятіи Казани, воиновъ находится въ двухъ верстахъ къ Сѣверо-Западу отъ градской крѣпости, на лѣвомъ берегу рѣки Казанки. На сей горѣ была *послѣдняя ставка и церковь* Блаженной памяти Царя Іоанна Васильевича Грознаго при взятіи Казани, откуда Государь съ крестнымъ ходомъ торжественно вступилъ въ побѣжденный имъ городъ. Сіе случилось въ 2-й день Октября мѣсяца 1552 года, на память Святыхъ Мучениковъ Кипріана и Іустины. Убіенные при взятіи Казани, воины, на сколько можно было ихъ собрать, погребены на сей же горѣ, и Государь для ихъ поминовенія основалъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы и всѣхъ Святыхъ Монастырь, который въ грамматахъ называется *первоначальнымъ Русскимъ кладбищемъ*.— 1559-го года, по неудобности мѣста, весеннею водою потопляемаго, въ слѣдствіе Царскаго повелѣнія перенесена обитель сія на гору Зилантову, около версты ниже по теченію рѣки Казанки, гдѣ была *прежняя ставка и церковь* Государева. Въ послѣдствіи времени мѣсто, гдѣ погребены Русскіе воины, называлось *убогимъ домомъ* и *вязкомъ*, или потому, что тамъ росли вязы, или отъ вязкаго мѣста, окружающаго гору. Надъ могилою воиновъ постоянно находилась часовня, въ коей пѣли панихиды Настоятели Зилантова Монастыря съ братіею, что̀ и продолжалось до самаго времени сооруженія Памятника съ церковью.

О сказанной неудобности мѣста для устройства Монастыря, потопляемаго весеннею водою, писалъ къ самому Царю Іоанну Васильевичу первый Святитель Казанскій Архіепископъ Гурій, и указалъ на другое— именно на Зилантову гору, гдѣ была первая ставка и церковь Государева.—Содержаніе этого письма, какъ видно не сохранилось въ подлинникѣ и даже въ копіи; за то въ Историческомъ Описаніи, нами цитуемомъ, помѣщена копія *съ своеручнаго письма самого Государя Царя Іоанна Васильевича къ Святителю Гурію, Архіепископу Казанскому* [1]).

[1]) Смотр. въ Историч. Описаніи стран. 46—50.

Приводимъ здѣсь эту копію письма, отъ слова до слова, такъ какъ въ этомъ письмѣ содержится, кромѣ относящагося къ исторіи устройства Зилантова Монастыря, весьма много такихъ разсужденій Царя Іоанна Грознаго о значеніи самыхъ монастырей и живущихъ въ нихъ, которыя весьма поучительны для всѣхъ временъ и для нашихъ, можетъ быть, въ особенности.

„Преблагаго, Единосущнаго, въ Троицѣ славимаго Бога, Первому освященному и Благолюбивому Владыкѣ, Архіепископу Царства Казанскаго, Гурію, челобитье отъ насъ и отъ всѣхъ нашихъ низкій поклонъ. Господь Богъ да сохранитъ пути твоя и продолжитъ ти лѣта, и спасетъ тя отъ всякаго зла душевнаго же и тѣлеснаго.

„Писалъ еси ты ко мнѣ: въ данной тебѣ отъ Бога и отъ насъ паствѣ, во градѣ Казани устрояеши Монастырь (Зилантовъ), еже азъ начахъ, и другій хощеши строити; се дѣло добро содѣваеши: помози тебѣ Богъ за тое. А чтобъ старцы не нужны были руками работотати и землю орати, сѣмена снѣдаемыя сѣяти, и во житницы гніющія собирати, да орютъ сердца, сѣютъ словеса Божія, словеса чиста, и собираютъ души въ жилище вѣчное ученіемъ, да наслѣдятъ Царство Небесное и благая вѣчная: и на тое просите, да быхомъ дали есмы отчины въ Арской и Нагайской четвертяхъ, елико пригоже.

„Блага та рѣчь твоя, еже старцамъ дѣти обучати и поганые въ вѣру обращати [1])—то есть долгъ всѣхъ васъ. Туне есть черницевъ Ангеломъ подобными именовати: нѣсть бо имъ сравненія, ни подобія никоегождо, а подобитеся Апостоломъ, ихъ же Господь нашъ Іисусъ Христосъ посла учити и крестити люди невѣрующіе, и се есть долгъ ваю. Учити же младенцы не токмо читати и писати, но читаемое разумѣвати право, и да могутъ и иныя научити и бусурманы обращати. О Боже! коль бы счаслива Русская земля была, коли бы Владыки тацы

---

[1]) Очевидно, Святитель Божій Гурій самъ имѣлъ рѣчь объ этомъ въ письмѣ своемъ къ Царю Іоанну Васильевичу.

были, яковы Преосвященный Макарій, и ты, Діонисій, и толико о семъ пеклися, а не о себѣ только и не о богатствѣ, покоѣ, веселіи и лакомствѣ, не говорю и иное: не вѣдаютъ бо, ни вѣдати хощутъ, како объ нихъ Христосъ и Апостоли рекли; како Святіи отцы учили и сами творили, и како Соборы уставили. Мнози бо болѣе церковь, ея же пасти и беречи взялися, разоряютъ, великія казны, церкви и Монастыри на свои роды и на свои роскоши истребляютъ, а нищихъ не питаютъ, странныхъ не призираютъ. Не вопроситъ Господь на судищи своемъ, како чиновнѣ въ храмѣ воспѣваете, аще и вся сія добра; а спроситъ, колико бѣднымъ милость явисте и колико научисте, яко святый Матѳей пишетъ.

Послалъ есма грамоту къ Намѣстнику Князю Димитрію Палецкому, который недавно къ вамъ въ Казань поѣхалъ, и велѣлъ есма дати ему отчины, поговоря съ тобою, изъ Арскихъ, Нагайскихъ и нагорныхъ, волостей пустыхъ, да гожихъ; сколько пригоже, оныя возмите, а коли увидите, что мало, ино пишите ко мнѣ, а я на дѣло доброе не пожалѣю и не откажу [1]); а казны велѣлъ есма дати триста рублевъ; только помни ты то, что еси го-

---

[1]) О дарованныхъ отчинахъ имѣется слѣдующая граммата Царя Іоанна Васильевича

„Се Азъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всей Руссіи, пожаловалъ есма Русскаго Кладбища Илантовы горы Монастыря Успенія Пресвятыя Богородицы и Всѣхъ Святыхъ Игумена Іоакима съ братіею, или кто по немъ иный Игуменъ будетъ, что Намъ били челомъ: стоялъ ихъ Монастырь на Русскомъ кладбищѣ, а землю, де, имъ дали къ Монастырю на Русское кладбище Бояринъ нашъ и Воевода Князь Петръ Ивановичъ Шуйскій и всѣ Воеводы у *Илантовой* горы къ Туру [1]) Казани и по Ички [2]) Казани на пашню въ полѣ на двадцать четвертей, а въ двухъ по томуже, да имъ же дали три связки

---

[1]) Туръ, рѣчка, впадавшая въ Казанку. Она вся пересохла.

[2]) Ичка—тожъ рѣчка, впадающая въ Казанку. Тоже пересохла.

часту рекль, когда ты былъ Игуменомъ, еже не добрѣ Монастыри богатити чрезъ потребу и велики отчины да-

---

рыбныя ловли въ Волгѣ, въ Тетюшскихъ водахъ, и послѣ, де, того Бояре Наши и Воеводы Князь Семенъ Ивановичъ Микулинскій, да Василій Михайловичъ Юрьевъ и всѣ Воеводы велѣли имъ тотъ Монастырь съ Русскаго кладбища перенести и поставити на *Илантовѣ* горѣ, потому, что Русское кладбище вешняя вода поимаетъ, а пашню имъ къ Монастырю дали у тойже *Илантовой* горы, къ Туру Казани, по Ички Казани по двадцати четвертей въ полѣ; да имъ же придали на пашню за рѣкою Казанью селища Ягодной поляны одно поле, и тое у нихъ пашню Ягодной поляны Дьякъ нашъ Кузьма Ѳедоровъ по Нашей грамотѣ и по наказному списку взялъ къ Нашему Дворцовому селу, къ Ягодной полянѣ и учинилъ на той на ихъ на Монастырской пашнѣ къ нашему селу къ Ягодной полянѣ, третье поле; и намъ бы ихъ пожаловати на ихъ Монастырской обиходъ къ ихъ пашнѣ къ *Иланговѣ* горѣ къ Русскому Старому кладбищу къ ихъ ругѣ къ денежной и хлѣбной придати въ Волгѣ рыбныя ловли, да лугъ межъ Волги и Туру Казани, а ставитца, де, на немъ сѣна пять сотъ копенъ. И азъ Царь и Великій Князь Иланговскаго Монастыря Русскаго кладбища Игумена Іоакима съ братіею, или кто иный по немъ Игуменъ будетъ, пожаловалъ, велѣлъ имъ къ Монастырю пахати тоежъ пашню у *Иланговой* горы къ Туру Казани и по Ички Казани, около Русскаго кладбища, какъ имъ тое пашню дали Нашъ Бояринъ и Воевода Князь Петръ Ивановичъ Шуйскій и всѣ Воеводы, да рыбной ловли двѣ связки въ Тетюшскихъ водахъ, да лугъ межъ Волги и Туру Казани на пять сотъ копенъ; а въ книгахъ, которыя книги прислалъ Дьякъ Кузьма Ѳедоровъ противень *(списокъ)* съ доходныхъ книгъ, по Воеводской дачѣ Бояръ Нашихъ и Воеводъ Князя Семена Ивановича Микулинскаго, да Василья Михайловича Юрьева тѣ луга написаны къ ихъ же Монастырю къ Русскому кладбищу отъ Казанскаго устья внизъ по Волгѣ по обѣ стороны Тереузина до Протопоповыхъ покосовъ съ братьею, и *лѣсъ* около Русскаго кладбища; и впредь Игумену Іоакиму съ братіею велѣти пашню къ Монастырю пахати у *Иланговой* горы и около Русскаго кладбища, и лугъ межъ Волги къ Туру Казани косити по та мѣста, какъ за ними Наши Бояре и Воеводы въ своихъ даточныхъ книгахъ написали, и на Русскомъ

вати, они бо симъ болѣе пустуютъ, пьянствуютъ и лѣнятся, а праздность на всяко зло влечетъ, а коли убоги, то болѣе трудятся, како бы достати хлѣбъ и одежду, а другое въ голову ему не пойдетъ.

Сего ради добрѣ устрояй и крѣпцѣ наблюдай, да мзду пріимешь отъ Бога на судищи, о семъ писа къ тебѣ и Макарій Митрополитъ, и люди къ вамъ шлетъ, которыхъ ты еси просилъ; а Царица Анастасія отъ себя уговорила икономазовъ, и денегъ своихъ имъ сто рублевъ отдала; а болѣе что надобѣ, и ты пиши ко мнѣ, и я пошлю. Лѣта 7067, Апрѣля 5 дня.

Подписано: Царь Іоаннъ благословенія прошу“ [1]).

имъ кладбищѣ по родителяхъ панихиды пѣти, а рыбныя ловли имъ имѣти и рыбу на Монастырь ловити въ Волгѣ въ Тетюшскихъ водахъ всего пятью связки. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7068 (1560) Іюнія 19 дня“.

Но всѣ эти дарованныя отчины остались для Зилантова Монастыря только, какъ преданіе старины глубокой... На всей обозначенной мѣстности, съ давнѣйшихъ ужъ поръ, существуютъ слободы—Адмиралтейская, Ягодная, Пороховская и Игумнова слободка; въ слободахъ этихъ, кромѣ Игумновой, имѣются четыре церкви. Монастырю же не осталось совершенно ничего, кромѣ нѣсколькихъ десятинъ луговой земли, и то заросшихъ тальникомъ и занесенныхъ пескомъ. Въ этомъ отношеніи Зилантовъ Монастырь, при всемъ своемъ историческомъ значеніи и по степени второклассный, есть одинъ изъ всѣхъ Монастырей Казанской Епархіи самый скудный, и по самой мѣстности своей, въ сторонѣ за городскою чертою, посѣщается, менѣе всего, приходящими богомольцами.—За-то въ Монастырѣ самая отрадная тишина, не нарушаемая движеніемъ и шумомъ людскимъ; равно и вся мѣстность отличается прекрасными, открытыми на всѣ стороны, видами и свѣжимъ, чистымъ воздухомъ.

[1]) Письмо сіе писано киноварью. Оно напечатано при Судебникѣ Царя Іоанна Васильевича, изъясненномъ Г. Татищевымъ, въ продолженіи Древней Россійской Вивліоѳики въ части V. 1789 г. и въ Прибавленіяхъ къ Казанскому Вѣстнику за 1829-й годъ.

Судя по содержанію этого письма, столь поучительному въ отношеніи къ назначенію Монастырей и обитающихъ въ нихъ по указанію Царя, — „*еже учити и крестити люди невѣрующіе*, а также *учити младенцы не токмо читати и писати, но и читаемое разумѣвати право, и да могутъ и иныя учити и бусурманы обращати*“, — что̀ сказать о дѣйствіяхъ высокопр. Филарета, когда онъ оказывалъ столь попечительное вниманіе и участіе хотя бы и къ одному, напр., Зилантову Монастырю?.. Освободивъ Монастырь отъ хозяйственныхъ, хотя и благословныхъ заботъ, трудовъ и расходовъ по устройству Памятника съ церковью, не онъ ли, въ то же время, избралъ и назначилъ Настоятеля этого Монастыря Архимандрита Амвросія въ число самыхъ первыхъ дѣятелей по миссіонерству—„*еже учити ему и крестити людіе невѣрующіе*“,—равно какъ и другихъ Настоятелей нѣкоторыхъ Монастырей?.. Остается думать и можно почти положительно признать, что, вѣрно, высокопр. Филаретъ читалъ это письмо [1]) и глубоко сложилъ и внѣдрилъ въ сердцѣ своемъ словеса Царевы къ Первопрестольнику Казанскому—Св. Гурію: „*О Боже! коль бы счислива Русская земля была, коли бы Владыки тацы были, яковы Преосвященный Макарій и Діонисій и ты (Гурій) и толико бы о семъ пеклися, а не о себѣ токмо и не о богатствѣ, покоѣ, веселіи и лакомствѣ, не говорю и иное!!..*“ Да, и вообще,—что̀ сказать о всѣхъ, изложенныхъ нами (въ предъидущей и настоящей главѣ), дѣйствіяхъ высокопр. Филарета и, въ частности, объ его ревностной попечительности объ обителяхъ и объ устроеніи и украшеніи храмовъ Божіихъ. Не достойно ли и праведно приложить, въ своей мѣрѣ, и къ высокопр. Филарету слова Царя Іоанна IV, выраженныя имъ въ письмѣ къ Перво-

---

[1]) Основаніе для этого признанія полагаемъ въ томъ, что Историческое описаніе Памятника издано было въ 1833 г. и, несомнѣнно, оно не могло быть печатано прежде, чѣмъ разсмотрѣлъ его самъ высокопр. Филаретъ, независимо отъ цензуры.

святителю Казанскому Гурію: „*о Боже! коли бы Владыки тацы были... и толико бы о семъ пеклися, а не о себѣ, и не о богатствѣ, покоѣ и пр.?* Во всѣхъ дѣйствіяхъ высокопр. Филарета кто не видитъ той главной существенной стороны и значенія, что самая ревность его вызывалась прямою неотложною потребностію мѣста и времени и по причинѣ малочисленности и скудости храмовъ,— и, что̀ главное, ревновавшій о внѣшнемъ храмоздательствѣ дѣйствовалъ, паче всего, въ томъ духѣ Архипастырскомъ, дабы *зиждущіе* и сами, по слову Апостола, *зиждились въ храмы духовные.*—Въ особенности же замѣчателенъ здѣсь самый образъ и характеръ дѣйствованія и вліянія высокопр. Филарета тѣмъ, что, при всѣхъ случаяхъ, какъ очевидно изъ приведенныхъ фактовъ, онъ являлся и среди домашнихъ бесѣдъ, и, вообще, при всякомъ удобномъ случаѣ, какъ бы все равно на церковной каѳедрѣ. А мы уже, отчасти, видѣли свидѣтельство,—что „всякое слово его въ храмахъ было простое, безъискусственное, сердечное и, потому, всегда живо, дѣйственно, способно было потрясать и сердца жестокія“ и пр., и что „подобными его Святительскими словесами сопровождалось всякое его священнослуженіе. Говорилъ же онъ всегда импровизаціей“ [1]).

Объ этомъ-то образѣ и характерѣ проповѣдничества высокопр. Филарета, собственно въ Казани, мы присовокупимъ надлежащія свѣдѣнія къ настоящей же главѣ.

Въ запискахъ самого высокопр. Филарета значится: „съ этой поры сталъ всегда говорить проповѣди безъ приготовленія“ [2]). Пора здѣсь разумѣется та, когда онъ ѣздилъ по Епархіи и въ частности обозрѣвалъ ново-

---

[1]) Смотр. у г. Карачева.

[2]) Записк. лист. 2, стран. 4.

крещенскіе приходы; тутъ онъ, очевидно, по причинѣ самыхъ разнородныхъ случаевъ и предметовъ собесѣдованія, соотвѣтственно разнообразному состоянію посѣщаемыхъ, по необходимости сталъ говорить безъ всякаго приготовленія. А съ другой стороны, тутъ же, естественнѣе всего, образовались въ немъ и особенная простота, и сердечность, такъ какъ и самые слушавшіе его были таковы по самой природѣ, какъ онъ и самъ характеризовалъ и именовалъ ихъ, какъ мы видѣли, „простыми, безхитростными овечками“. Этотъ же самый образъ и характеръ проповѣданія, естественно, перенесенъ имъ и на церковную каѳедру вообще.

Въ Консисторскихъ свѣдѣніяхъ читаемъ о проповѣдничествѣ высокопр. Филарета: „высокопр. Филаретъ, при всякомъ служеніи, если чередовой проповѣдникъ не могъ по чему либо явиться, проповѣдывалъ самъ слово Божіе“ [1]). Изъ этого свѣдѣнія тоже очевидно, что проповѣданіе было безъ приготовленія. Этимъ же объясняется и то, отъ чего не сохранилось въ письменности и печати проповѣдническихъ произведеній высокопр. Филарета, не смотря на то, что онъ имѣлъ такой истинный даръ и всегдашнюю готовность и усердіе къ назиданію слушателей. Это, само собою, можетъ быть отчасти почтено ущербомъ какъ для пасомыхъ, которые не могли же всѣ слышать его проповѣдей, а прочесть ихъ гдѣ либо не имѣли возможности, такъ и для потомства и, въ частности, для исторіи нашей духовной литературы; но подобный ущербъ—дѣло условное.—Благо, конечно, если бы проповѣди высокопр. Филарета расходились еще въ свое время въ печатныхъ экземплярахъ въ назиданіе его паствы; но увы! достигается ли эта вожделѣнная цѣль, хотя бы, напр., и нынѣ, когда, дѣйствительно, видимъ печатаемыя проповѣди и въ газетахъ, и въ журналахъ, и во многихъ сотняхъ брошюръ и цѣлыхъ томовъ?!. Не въ большинствѣ ли подобныя проповѣди дѣлаются извѣстными иногда только

---

[1]) Свѣдѣн. Казанск. Консист. стр. 5.

по объявленіямъ и каталогамъ книгопродавческимъ, хотя, быть можетъ, проповѣдникъ и старался обработать свои проповѣди собственно для печати и употребленія, какъ литературное произведеніе?!

Впрочемъ, проповѣди высокопр. Филарета, понятно, были и по предмету и по содержанію своему не таковы, чтобы выставлять ихъ на показъ печатно. Довольно представить, что время его служенія совпадало съ такою порою и состояніемъ жителей Казани и всей его паствы, гдѣ Архипастырю только и можно было отвѣчать своей паствѣ, по преимуществу, сочувствованіями сердечными: равно какъ это же требовалось и въ самое соотвѣтствіе съ тѣми его богослуженіями и молебственными учрежденіями, при коихъ, несомнѣнно, по преимуществу и отверзались его уста для проповѣданія За то здѣсь самыя моленія были проповѣдями, и проповѣди были почти тоже молитвенными. На это мы видимъ прямое свидѣтельство, гдѣ самъ въ Бозѣ почившій говоритъ, что *въ холерный годъ сорокъ дней ежедневно служилъ и составилъ*,—что же? не собраніе какихъ либо поученій, а *молебное пѣніе*!!. Очевидно, такъ сложилось и такъ настроилось состояніе его души, что, среди священнодѣйственныхъ молитвенныхъ подвиговъ во благо и спасеніе своихъ пасомыхъ, его пастырское слово назиданія, утѣшенія и не могло иначе выразиться, какъ въ образѣ, единокупнаго съ ними, молитвеннаго возношенія. Такимъ-то образомъ, какъ мы уже замѣчали прежде, въ лицѣ въ Бозѣ почившаго осуществилось именно то высшее истиннѣйшее свойство и значеніе церковной проповѣди, по которымъ она, по самоличному состоянію и опыту Св. великихъ учителей—проповѣдниковъ, была именуема ими не иначе, какъ *священнодѣйствіемъ*, или вообще богослуженіемъ.—Что такое названіе проповѣданія слова Божія—не метафорическое, объ этомъ свидѣтельствуетъ уже то, что, дѣйствительно, въ великихъ Учителяхъ Церкви, вмѣстѣ съ свято-помазаннического даромъ собственно-проповѣдническаго слова, нераздѣльно развивался даръ и молитвословія. Такъ, въ твореніяхъ С. Великихъ Святителей—Учи-

телей Вселенскихъ—Василія Великаго, Іоанна Златоустаго сколько мы имѣемъ въ ряду церковныхъ службъ молитвословій, составленныхъ сими Архипастырями?! А въ этихъ молитвахъ не всюду ли проникаетъ и духъ проповѣди?! Читая ихъ, вы и молитесь, и поучаетесь. Каждую изъ этихъ молитвъ совершенно удобно перевести и въ проповѣдь, и при томъ съ самымъ глубокимъ и возвышеннѣйшимъ содержаніемъ и характеромъ вѣроученія и назиданія.—Это же мы видимъ и въ лицѣ нашихъ отечественныхъ Св. Святителей и знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ даже позднѣйшаго времени, напр., Св. Димитрія Ростовскаго. Изъ его святопомазанническихъ устъ сколько истекло и златословесныхъ проповѣдей, и умилительнѣйшихъ молитвословій, которыя, хотя и не вошли въ общее употребленіе церковно-богослужебное, тѣмъ не менѣе составляютъ истинное сокровище для духовно-молитвенныхъ подвиговъ, въ коихъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, въ Бозѣ почившій по преимуществу и руководился твореніями, напр., Св. Святителя Димитрія, поставивъ ихъ себѣ въ неизмѣнное молитвенно-келейное правило.

Не продолжая здѣсь рѣчи о церковно-гомилетическихъ свойствахъ проповѣдничества высокоп. Филарета, мы имѣемъ въ виду указать и пояснить ихъ въ своемъ мѣстѣ, во время служенія его въ Кіевѣ. и, между прочимъ, въ лицѣ его племянника, достойно признаннаго всѣми—*образцово-знаменитѣйшимъ* церковнымъ гомилетомъ. Мы разумѣемъ *Якова Кузмича Амфитеатрова*. Этого своего племянника высокопр. Филаретъ желалъ было даже перемѣстить въ Казанскую духовную Семинарію ради блага послѣдней. А что̀ касается до развитія въ воспитанникахъ Семинаріи проповѣдничества,—объ этомъ мы встрѣчаемъ въ Консисторскихъ выпискахъ такое свѣдѣніе: „ученики высшаго отдѣленія Семинаріи проповѣди своего сочиненія всегда говорили съ благословенія Его Высокопреосвященства.—Посему всякій представлялъ свою проповѣдь предварительно на рецензію Его Высокопреосвящен-

ства“ [1]). Понятно, что̀ означало одно это непосредственное личное вниманіе Архипастыря къ проповѣдямъ даже воспитанническимъ. Это явленіе составляетъ едва ли, особливо въ нынѣшнее время, не рѣдкость, т. е., чтобы мѣстные Архипастыри входили въ такое ближайшее отношеніе къ воспитанникамъ и брали на себя

---

[1]) Смотр. Консист. свѣдѣнія, стран. 5. N. В. Воспитанники посылались для произношенія своихъ проповѣдей въ разныя городскія церкви,—а самыя лучшія проповѣди произносимы были учениками и при священнослуженіи самого высокопр. Филарета. Составленіе и произношеніе проповѣдей при Архіерейскомъ служеніи было назначаемо, по особому росписанію, обязательно и для всѣхъ Начальствующихъ и учащихъ въ Семинаріи и училищѣ (не менѣе двухъ проповѣдей въ каждый годъ), хотя учащіе и не были въ Священномъ санѣ, но, по тогдашнему законоположенію, состояли собственно въ духовномъ вѣдомствѣ и, потому, не получали даже никакихъ гражданскихъ чиновъ. „Владыка Филаретъ, по разсказамъ покойнаго о. Каѳедр. Протоіер. В. П. Вишневскаго, обращалъ особенное вниманіе на учительскія проповѣди по ихъ содержанію и направленію и, въ случаѣ чего либо, безъ всякихъ церемоній забраковывалъ ихъ, съ прибавкою, иногда, очень порядочнаго внушенія и, даже прямо—нагоняя... Равно, если кто изъ нихъ не представлялъ своей чередовой по росписанію проповѣди, онъ, по истеченіи года, дѣлалъ распоряженіе чрезъ Ректора Семинаріи, чтобы такого-то и такого, не представившихъ своихъ очередныхъ проповѣдей, *оценить* по *пяти* руб. за каждый пропускъ проповѣди въ пользу бѣдныхъ учениковъ; а, наконецъ, въ случаѣ частыхъ пропусковъ кѣмъ либо, онъ принималъ это во вниманіе при своихъ ежегодныхъ аттестаціяхъ въ формулярныхъ спискахъ, уменьшая за эту собственно неисправность учителя достоинство его по службѣ вообще.—Въ архивѣ Семинаріи бывшей Оренбургской, нынѣшней Уфимской, мнѣ—пишущему попадались дѣла въ этомъ же именно родѣ подъ заглавіемъ: „Дѣло *объ оцѣненіи* Профессоровъ и учителей за не представленіе проповѣдей въ назначенные по Епархіальному росписанію дни.“ Такія дѣла встрѣчались ежегодно, особенно при бывшемъ (1836—50 г.) преосв. Іоанникіи (Образцовѣ), перемѣщенномъ изъ Уфы въ Кавказскую—Ставропольскую Епархію.

труды такъ внимательно и руководственно слѣдить за ихъ упражненіями.—А оно—то и показываетъ, что высокопр. Филаретъ водился здѣсь не иными побужденіями и цѣлями, какъ—дать характеръ и направленіе проповѣданію слова Божія въ лицѣ будущихъ пастырей, свойственные особеннымъ потребностямъ своей паствы, и, въ частности, новокрещенныхъ инородцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ наши дни проповѣдываніе слова Божія сельскими священниками, получающими образованіе, между прочимъ, по разнымъ хвалёнымъ руководствамъ и учебникамъ гомилетическимъ, много и слишкомъ много оправдываетъ собою всѣ тѣ невыгодные отзывы въ современной литературѣ и обществѣ, по коимъ проповѣди оказываются одною лишь формальностію, школьностію, безжизненностію, педантизмомъ, отвлеченностію, словомъ неприложимостію къ состоянію поучаемыхъ,—то въ описываемую нами пору все это, естественно, могло быть не съ меньшими, если не съ бо́льшими недостатками. Потому-то высокопр. Филаретъ, какъ самъ обладающій истиннымъ духомъ и даромъ проповѣдничества, постигая вполнѣ духовныя потребности паствы и видя, между тѣмъ, отсутствіе достаточнаго образованія по части проповѣднической въ Семинаріи, естественно, не могъ не приложить особой попечительности и трудовъ, чтобъ своимъ личнымъ разсматриваніемъ воспитанническихъ проповѣдей возможно направить это дѣло къ надлежащей цѣли. И можно полагать, что если бы сбылось желаніе и предположеніе высокопр. Филарета опредѣлить на службу въ Казанскую Семинарію племянника своего Я. К. Амфитеатрова (о чемъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ), то, понявъ сразу его способности и призваніе къ наукѣ—Церковной Гомилетикѣ, онъ не замедлилъ бы, конечно, поручить ему преподаваніе этого предмета, вмѣсто предназначавшагося философскаго. И тогда,—кто знаетъ,—Казанская Семинарія, быть можетъ, предвосхитила бы у Академіи Кіевской ту знаменитость литературнаго произведенія по Церковной Гомилетикѣ, которую пріобрѣла она въ лицѣ Автора ея—Профессора Я. К. Амфитеатрова.

Послѣ этого частнаго указанія на благопопечительность высокопр. Филарета объ улучшеніи образованія въ Казанской Семинаріи, мы изложимъ въ сейчасъ слѣдующей главѣ подробныя свѣдѣнія объ его архипастырской и самой живой дѣятельности по благоустройству какъ Семинаріи, такъ и всѣхъ прочихъ Духовныхъ Училищъ.— Свѣдѣнія, по этому предмету, мы имѣемъ въ послѣднее время уже печатныя, именно въ Исторіи Казанской Духовной Семинаріи [1]). Но какъ въ послѣднихъ встрѣчаются нѣкоторые пробѣлы и неточности, по отношенію къ дѣйствіямъ восокопр. Филарета, то они будутъ восполнены нами по имѣющимся у насъ матеріаламъ.

[1]) Исторія Казанской Духовной Семинаріи съ восемью низшими училищами за XVIII—XIX столѣтія. Сочин. А. Благовѣщенскаго. Казань. Типографія Казанскаго Университета. 1881 г.

ОТДѢЛЪ III.

ГЛАВА X.

«Высокопреосвященный Филаретъ оставилъ въ Казанской Епархіи навсегда память о себѣ, какъ Архіереѣ ревностномъ, милостивомъ, попечительномъ и особенно внимательномъ къ бѣднымъ въ духовенствѣ. Въ частности же, особенно памятно его Архіерейство по близкому, внимательному и истинно отеческому отношенію его къ духовно-учебнымъ заведеніямъ. Въ послѣднихъ, подъ его начальствомъ, произошло весьма много самыхъ отрадныхъ перемѣнъ» [1]).

Въ Исторіи Казанской духовной Семинаріи съ Училищами читаемъ слѣдующія подробныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ собственно высокопр. Филарета по отношенію къ этимъ заведеніямъ.

„Пастырское служеніе высокопреосвященнаго Филарета въ Казанской Епархіи продолжалось восемь лѣтъ. За это время онъ оставилъ память о себѣ, какъ Архіереѣ милостивомъ, попечительномъ, ревностномъ и особенно внимательномъ къ бѣднымъ въ духовенствѣ. Въ частности же, особенно памятно его Архіерейство въ Казани по близкому, внимательному и истинно-отеческому отношенію его къ духовно-учебнымъ заведеніямъ Казанской Епархіи. Въ нихъ, подъ его начальствомъ, произошло весьма много самыхъ отрадныхъ перемѣнъ,— вызывавшихся многообразными потребностями.

---

[1]) Слова въ исторіи Казанской духовной Семинаріи. Соч. А. Благовѣщенскаго.

„Потребности Семинаріи и Училищъ, особенно до 1830 г., состояли: 1) въ устройствѣ училищныхъ удобныхъ помѣщеній, 2) въ пособіи бѣднымъ ученикамъ. Собственно училищныя средства были весьма скудны и вполнѣ недостаточны для обезпеченія Училищъ. Училищъ въ Казанской Епархіи съ 1818—1829 г. было четыре, именно въ Казани, Чебоксарахъ, Симбирскѣ и Алатырѣ; но это число далеко несоразмѣрно было съ обширностью Епархіи и численностью духовенства. Училища были переполнены учениками. Въ Семинаріи, напримѣръ, въ 1830—1831 г. однихъ бурсаковъ было 338, всѣхъ же учениковъ 830. Положеніе штатныхъ окладовъ для бѣдныхъ учениковъ въ Семинаріи и Училищахъ было вовсе несоразмѣрно съ числомъ учениковъ. По штату Семинаріи, утвержденному Высочайше 22-го Мая 1820 г., на содержаніе 100 семинаристовъ въ Казанской Семинаріи отпускалось 12000 р. асс., полагая на бурсака по 120 руб. Штатъ этотъ такъ и оставался до 1829 г. Въ Казанской Епархіи (состоявшей тогда изъ двухъ губерній—Казанской и Симбирской) въ 1820 г. считалось приходскихъ церквей 406, а церковныхъ причтовъ 607, да въ Симбирской церквей—603, а причтовъ 788. Учениковъ въ Казанской Семинаріи было, наприм., въ 1827 г.—378, въ 1828 г.—441, въ 1830 г.—585; изъ нихъ полно-казенныхъ—144 и полуказенныхъ—142,—итого—266, или 215 полноказенныхъ вмѣсто, назначенныхъ по штату, 100 бурсаковъ,—слѣдовательно вдвое съ лишкомъ больше противу штата. Въ этихъ-то нуждахъ милостивый Филаретъ и помогъ Семинаріи и Училищамъ своей Епархіи.

„1) Онъ основалъ 18-го Марта 1829 г. при Казанскомъ Семинарскомъ Правленіи „Комитетъ для вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ Казанской Семинаріи и низшихъ, подвѣдомыхъ оной, Училищъ“ и, будучи самъ Первенствующимъ его Членомъ, успѣлъ немедленно же возбудить сочувствіе къ матеріальнымъ нуждамъ учениковъ не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ лицахъ. Открывая дѣйствія Комитета, высокопр. Филаретъ предписалъ наблюдать: „чтобы дѣло сіе, какъ дѣ-

ло милосердія къ бѣднымъ, производилось со всевозможнымъ тщаніемъ и безъ всякой медленности, какъ предъ очами Господа". Кромѣ своего ежегоднаго взноса по 500 р., высокопр. Филаретъ отъ себя пожертвовалъ въ 1831 г. 2000 р., въ 1833 г. 1000 р. [1]). Особенно располагаемы бы-

---

[1]) Значитъ, высокопр. Филаретъ не номинально только и не ради лишь того, чтобы придать Комитету болѣе авторитетное значеніе, принялъ званіе Первенствующаго въ немъ Члена, но сколько этими своими, весьма значительными, пожертвованіями доказывалъ свое личное дѣятельное участіе, столько и тѣмъ, что, опредѣливши,—чтобы Комитетъ имѣлъ въ каждую недѣлю свои собранія, самъ неопустительно присутствовалъ на нихъ, какъ Первенствующій Членъ.—Таково всегда истинное призваніе истинныхъ избранниковъ къ творенію дѣлъ милосердія во Имя Господне, а не ради славы своей; такъ какъ и прочимъ всѣмъ своимъ сочленамъ высокопр. Филаретъ не *предписалъ*, какъ выражено у Автора Исторіи, а точнѣе сказать—*заповѣдалъ*, чтобы дѣло сіе, какъ дѣло милосердія къ бѣднымъ, производилось со всевозможнымъ тщаніемъ и безъ всякой медлительности,—не по требованію только правилъ и формѣ дѣлопроизводства, но *„какъ предъ очами Самого Господа"*. Вообще же этотъ фактъ едва ли былъ не единственнымъ во всѣхъ духовныхъ а, можетъ статься, и свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ тогдашняго времени. Да и въ отношеніи къ нынѣшнимъ духовно-учебнымъ заведеніямъ, въ которыхъ въ послѣдніе только годы (спустя 50 лѣтъ) начали учреждаться Попечительства для вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ, разсматриваемое дѣло учрежденія Комитета, совершавшееся столь благоуспѣшно и благотворно, какъ увидятъ читающіе,—едва ли не должно служить образцовымъ и по духу, и характеру, и образу дѣйствій, по преимуществу же въ лицѣ учредителя и Первенствующаго Члена вспомоществовательнаго Комитета. Никто, полагаемъ, не станетъ отрицать той правды и самой дѣйствительности по отношенію къ нынѣшнимъ Попечительствамъ при учебныхъ заведеніяхъ,—„по чему и какъ они учреждаются и какъ дѣйствуютъ, и какія бываютъ иногда (чтобы не сказать—болѣе) въ продолженіе ихъ существованія неотрадныя явленія и послѣдствія,—какъ по части комплектованія членовъ—жертвователей, такъ и самыхъ членскихъ пожертвованій... Для удостовѣренія въ этомъ

ли имъ къ такимъ приношеніямъ Монастыри съ ихъ Настоятелями и братіей, и всегда не безъ пользы. Настоятель Сызранскаго (Симбирской губерніи) Вознесенскаго Монастыря Іеромонахъ Иннокентій, въ 1831 г., содѣйствуя намѣренію высокопр. Филарета открыть въ Сызрани Духовное Училище, пріобрѣлъ покупкою на монастырскія деньги и частію свои за 4500 руб. асс. подъ эти Училища у мѣщанки Вандышевой помѣстительный двухъ-этажный домъ съ землей въ 587½ квадрат. саженъ. Настоятель Свіяжскаго первокласснаго Богородицкаго Монастыря Архимандритъ Израиль (Звячинцевъ) навсегда пожертвовалъ подъ Свіяжское Духовное Училище монастырскій каменный двухъ-этажный корпусъ. Жертвовали еще въ пользу бѣдныхъ учениковъ: въ 1829-мъ г. архіерейскій домъ изъ неокладной рыбной суммы 250 р., Настоятель Сызранскаго Вознесенскаго Монастыря, вышепомянутый Іеромонахъ Инокентій, въ въ 1831 г.—3000 р. золотомъ и серебромъ по курсу и 50 пуд. пшена. Настоятель Спасскаго Монастыря—Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Ѳеофанъ на свой счетъ, въ 1829-мъ г., отдѣлалъ для своекоштныхъ учениковъ флигель въ своемъ Монастырѣ. Архимандритъ Кизическаго Монастыря Гурій съ братіей въ 1829—1836 г. ежегодно жертвовалъ на Училища по 100 руб. Братія Свіяжскаго Богородицкаго Монастыря съ 1829 г. давала жилище въ своемъ Монастырѣ и довольствовала братскимъ пропитаніемъ шесть бѣдныхъ учениковъ Свіяжскаго Училища изъ остатковъ отъ неполнаго, про-

---

достаточно только посмотрѣть печатаемые отчеты, спустя особенно лѣтъ шестъ—восемь отъ начала учрежденія того, или другаго изъ Попечительствъ (хотя, конечно, не всѣхъ безъ исключенія). Въ этихъ отчетахъ только и можно увѣриться въ продолженіи существованія иного Попечительства, а въ живомъ, искреннемъ сочувствіи и дѣятельномъ участіи не только повременныхъ сочленовъ, но и членовъ—учредителей остается убѣждаться въ смыслѣ развѣ только, такъ называемыхъ—„pia desideria.“

тивъ штатнаго положенія, комплекта братіи. Съ своей стороны Настоятель Израиль помогалъ этимъ шести ученикамъ платьемъ и обувью. Настоятель Симбирскаго Покровскаго Монастыря ежегодно въ 1829—1836 г. жертвовалъ на Училища по 150 руб. Архимандритъ Чебоксарскаго Троицкаго Монастыря Самуилъ содержалъ въ своемъ Монастырѣ трехъ учениковъ Чебоксарскаго Училища, которые, между прочимъ, исправляли послушническую должность. Высокопр. Филаретъ, посѣщая въ 1833 г. городъ Чебоксары, по представленію Архимандрита Самуила, посвятилъ ихъ въ стихарь.

„Не рѣдко Семинарія и Духовныя Училища получали постоянныя и временныя пособія отъ разныхъ свѣтскихъ лицъ, по ревности ихъ къ просвѣщенію, или по состраданію, какое возбуждалъ въ нихъ высокопр. Филаретъ къ нуждамъ бѣдныхъ учениковъ. Симбирскій гражданинъ—Поручикъ Дмитрій Егоровичъ Бенардаки въ 1835—39 г.г. жертвовалъ ежегодно по 500 руб. на содержаніе бѣдныхъ учениковъ. Дворянинъ Сергій Ѳеодоровичъ Желтухинъ пожертвовалъ на устройство Семинарской церкви 3050 руб. асс. и Владиміръ Ѳеодоровичъ на тотъ же предметъ 315 руб.

„Помѣщики села Караваева Чистопольскаго уѣзда съ 1832-го года содержали на свой счетъ ученика приходскаго Чистопольскаго училища Егора Воскресенскаго въ благодарность высокопр. Филарету за производство дьячка въ ихъ селѣ Караваевѣ на діаконскую вакансію. Не рѣдко жертвовали и натурою, и деньгами Казанскіе купцы—Василій Сурскій, Никифоръ Чижовъ, Петръ Алексѣевичъ Свѣшниковъ. Крупныя и мелкія пожертвованія равно принимались высокопр. Филаретомъ съ большою признательностью. Жертвователямъ, особенно изъ свѣтскихъ лицъ, онъ всегда письменно объявлялъ благодарность отъ себя и отъ лица учащихся, и всей Епархіи. Мы приведемъ одно изъ такихъ благодарственныхъ писемъ на имя купца Н. О. Чижова, пожертвовавшаго на бѣдныхъ учениковъ 20-ть концевъ крапивнаго цвѣта китайки:—„Милостивый Государь, Никифоръ Осиповичъ! Принимая съ признательностію, по-

жертвованные Вами, чрезъ Смотрителя Казанскихъ Училищъ Протоіерея Семенова, 20-ть концевъ китайки, изъявляю Вамъ отъ лица моего, равно и отъ лица всѣхъ учениковъ архипастырскую мою благодарность. Господь Богъ да благословитъ Васъ во всѣхъ Вашихъ благихъ предпріятіяхъ и дѣлахъ. Съ истиннымъ моимъ къ Вамъ почтеніемъ честь имѣю быть Вамъ всегда усердный слуга и богомолецъ Архіепископъ Филаретъ".

„Всѣхъ пожертвованій въ Комитетѣ вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ Семинаріи и Казанскаго училища собрано, напр., въ 1829 году 4344 руб., въ 1831 г. 6530 руб.

„Не смотря на значительное пособіе отъ Комитета вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ, число такихъ бѣдняковъ въ Семинаріи и Училищахъ всегда превышало способы, какіе только ни старался имѣть въ своемъ распоряженіи высокопр. Филаретъ для успокоенія бѣдныхъ учениковъ и доставленія имъ возможности продолжать ученіе. Въ 1831-мъ году, напримѣръ, всѣхъ ученическихъ прошеній о пособіи поступило: отъ учениковъ Семинаріи 101, отъ учениковъ Училищъ 224 прошенія. Комитетъ, по строжайшемъ изслѣдованіи причинъ и степени ихъ бѣдности, нашелъ нужнымъ оказать пособіе въ Семинаріи 80-ти ученикамъ на сумму 4817 руб. 57 коп., а въ училищахъ всего на 11387 руб. 57 коп. Высокопр. Филаретъ, по этому случаю, написалъ: „разсмотрѣвъ, представленные мнѣ отъ Семинарскаго Правленія, списки учениковъ, нуждающихся въ содержаніи, нахожу крайне необходимымъ сдѣлать имъ назначаемое пособіе въ непродолжительномъ времени, дабы они, по неимѣнію способовъ къ пропитанію, не оставили ученія, между тѣмъ какъ, ввѣренная мнѣ, Епархія имѣетъ недостатокъ въ ученыхъ священнослужителяхъ. Но дабы, съ другой стороны, Семинарія и и особенно Училища не остались безъ капиталовъ, нужныхъ на будущее время на непредвидѣнные случаи, то на сей богоугодный предметъ жертвую моихъ собственныхъ 2000 руб. Три тысячи предложилъ я Консисторіи отослать въ Семинарское Правленіе на сей предметъ

изъ суммы, принадлежащей Сызранскому Вознесенскому Монастырю. Остальную же сумму на пособіе бѣднымъ ученикамъ употребить изъ остатковъ суммы Семинарской и училищной".

„На ряду съ бѣдными учениками пособіемъ Комитета пользовались иногда и окончившіе Семинарскій курсъ.—10-го Сентября 1830-го года ученики Семинаріи и Казанскихъ Училищъ были отпущены по домамъ по случаю холеры. Высокопр. Филаретъ на клочкѣ простой бумаги написалъ, 11-го Сентября, Ректору Семинаріи Ѳеофану: „Отецъ Ректоръ! При отправленіи въ домы отцевъ, или родственниковъ бѣдныхъ учениковъ, которые не имѣютъ денегъ на дорогу, разрѣшить употребить изъ Семинарской суммы, сколько на необходимыя по сему нужды потребуется; можно давать нуждающимся по нѣсколько рублей или взаимообразно, или безъ возврата". „Окончившему курсъ ученія Флегонту Дмитріеву въ 1832-мъ году сшиты„ по бѣдности его, суконный сюртукъ, брюки, жилетъ, сапоги и пара бѣлья на 70 руб. 25 коп.; бывали такія же пособія и другимъ, хотя и немногимъ и не въ такомъ размѣрѣ [1]).

II) Высокопр. Филаретъ исходатайствовалъ у Коммиссіи Духовныхъ Училищъ на содержаніе бурсаковъ прибавку съ 1829-го г. въ 1800 руб., въ 1831-мъ г. еще двадцать добавочныхъ бурсачныхъ окладовъ на 3500 руб.; въ 1832 г. еще 50 окладовъ на 8750 руб. Онъ же открывалъ и поддерживалъ частные способы содержанія учениковъ: а) предоставленіе за учениками священническихъ, діаконскихъ и причетническихъ мѣстъ для полученія отъ нихъ доходовъ [2]), б) закрѣпленіе за сиротами

---

[1]) Намъ извѣстно изъ разсказовъ, что высокопр. Филаретъ, чтобы не истощать средствъ Комитета, выдавалъ, кончившимъ курсъ, бѣднякамъ свои собственныя деньги; а какъ они должны были вскорѣ поступать во священники, то онъ приказывалъ имъ, вмѣсто сюртуковъ и прочихъ вещей мірскихъ, шить себѣ подрясники. «Не бѣда, говорилъ онъ, если явишься сватать невѣсту въ подрясникѣ; разумная дѣвица не поканфузится изъ за тебя».

[2]) Одинъ изъ здѣшнихъ Казанскихъ священниковъ (В. А.

учениками мѣсть умершихъ родителей за долго до окончанія Семинарскаго курса, в) единовременныя пособія, г.) занмообразную выдачу денегъ и др.—По распоряженію же высокопр. Филарета: 1) вновь поступающій на священническое мѣсто, если онъ совершенно бездѣтный, часто обязывался отдавать извѣстную долю доходовъ на содержаніе одного изъ учениковъ, 2) за то и ученикъ—доходникъ обязывался третью часть дохода отчислять въ пользу осиротѣвшаго семейства тѣхъ священно-церковнослужителей, мѣсто которыхъ предоставлялось за нимъ, 3) съ праздныхъ священно-церковнослужительскихъ мѣстъ, если они не были зачислены за бѣдными семинаристами, половинная и болѣе часть дохода также иногда присылалась на содержаніе бѣдныхъ учениковъ. Съ этою же цѣлью штрафы, взыскиваемые съ священно-церковнослужителей за разные проступки, обращались въ Семинарскую казну.

О—инъ) сначала сообщилъ мнѣ словесно, а за тѣмъ и письменно слѣдующее свѣдѣніе о своемъ родителѣ, обучавшемся въ Казанской Семинаріи во время Архіепископства высокопр. Филарета.—«Покойный отецъ мой—священникъ села Урданчи Чистопольскаго уѣзда—Аѳиногенъ Александровичъ Охотинъ передалъ мнѣ о Высокопреосвященнѣйшемъ Митрополитѣ Кіевскомъ Филаретѣ (Амфитеатровѣ), бывшемъ прежде Архіепископѣ Казанскомъ, слѣдующее: Когда перевели меня, говорилъ мой батюшка,—въ философскій классъ, умеръ отецъ мой—причетникъ. Мать моя желала, чтобы меня опредѣлили причетникомъ въ село на мѣсто моего отца,—дабы я могъ поддерживать не малое осиротѣвшее свое семейство. Вотъ написалъ я прошеніе и отправился съ своею матерью ко Владыкѣ Филарету, который принялъ насъ ласково, пожалѣлъ насъ сиротъ и, прочитавши прошеніе, сказалъ моей матери: «правду говорятъ, что у женщины волосъ дологъ, да умъ—коротокъ.—Ну, какой онъ будетъ тебѣ кормилецъ въ должности дьячка?! Ты, мать, два-то года ужъ какъ нибудь перебейся, а черезъ два года сынъ твой окончитъ курсъ ученья, будетъ священникомъ и тода дѣйствительно можетъ поддержать своихъ родственниковъ». Такъ и было сдѣлано. Но между тѣмъ, черезъ нѣсколько времени и безъ всякой просьбы, Владыка предоставилъ за отцомъ моимъ причетническое мѣсто въ какомъ-то селѣ, и отецъ мой, до окончанія курса ученія въ Семинаріи, получалъ отъ зачисленнаго за нимъ мѣста причетническій доходъ для поддержанія своего семейства».

„III) Заботы высокопр. Филарета о помѣщеніяхъ для духовно-учебныхъ заведеній остаются незабвенными въ Казанской Епархіи. Казанская Семинарія, съ каждымъ годомъ, по числу учениковъ возрастала, а съ умноженіемъ числа учениковъ и Семинарскія зданія оказались тѣсными и не удобными. Въ 1828 г., напр., всѣхъ учениковъ въ Семинаріи было 378, и въ уѣздномъ и приходскомъ Училищахъ Казанскихъ 852; всѣхъ же, обучающихся въ Семинарскомъ домѣ, 1230 человѣкъ. По нуждѣ одинъ классъ приходскаго Училища помѣщался даже въ Семинарской столовой, гдѣ ежедневно обѣдали и ужинали ученики, а два класса уѣзднаго Училища помѣщались въ тѣсныхъ и темныхъ комнатахъ нижняго служительскаго этажа. Въ осеннее и зимнее время въ этихъ классахъ была положительная тьма. Весьма недостаточны были комнаты и для больницы. Ученики, особенно малолѣтніе, спали по два на одной кровати, или, сплачивая многія доски, дѣлали родъ наръ. При такихъ обстоятельствахъ высокопр. Филаретъ въ 1832 г. вывелъ изъ Семинарскаго дома Казанскія уѣздное и приходское Училища и на покупку для нихъ каменнаго двухъ-этажнаго дома, принадлежавшаго помѣщицѣ Геркенъ, исходатайствовалъ у Коммиссіи Духовныхъ Училищъ 60434 р. 86¼ коп. асс. Для болѣе же удобнаго помѣщенія этихъ Училищъ высокопр. Филаретъ *на свой собственный капиталъ* въ 1833-мъ году, рядомъ съ купленнымъ у Г-жи Геркенъ домомъ на Покровской Улицѣ, по своему плану построилъ новый удобный и помѣстительный двухъ-этажный домъ, сохранившійся и доселѣ [1]).

---

[1]) Что этотъ домъ, построенный высокопр. Филаретомъ на собственный его капиталъ, сохранился и доселѣ, равно какъ и всѣ вообще училищныя зданія, пріобрѣтенныя покупкою у Г-жи Геркенъ для Казанскаго Духовнаго Училища и доселѣ остаются при своемъ назначеніи и собственностью Училища,—это правда. Но у Автора Исторіи оказывается значительный пробѣлъ по

„IV) Высокопр. Филаретъ открылъ уѣздныя и приходскія Училища въ городахъ:—Чистополѣ и Свіяжскѣ въ 1829 г., въ 1833 г. въ Сызрани и, въ этомъ же году, одно приходское Училище въ Самарѣ. Онъ же исходатайствовалъ и штатные на эти Училища оклады содержанія и обезпечилъ ихъ помѣщеніями. Чрезъ это открытіе Училищъ Духовныхъ въ Свіяжскѣ, Чистополѣ,

---

части слѣдующихъ свѣдѣній, а именно:—Казанское Училище, въ теченіе цѣлыхъ 26-ти лѣтъ (1842—1868 г.), не владѣло этими зданіями, хотя и остававшимися въ его собственности.—Въ это зданіе послѣ пожара (въ Августѣ 1842 г.) когда, Семинарскій корпусъ, на Воскресенской улицѣ, сгорѣлъ весь, переведена была Семинарія.—Этотъ-то пробѣлъ мы и почитаемъ должнымъ и умѣстнымъ дѣломъ восполнить тѣми свѣдѣніями, которыя изложены были нами въ біографіи высокопр. Антонія. Свѣдѣнія эти слѣдующія:—„Особенно, и въ самый первый же годъ, вниманіе преосв. Антонія обратило на себя помѣщеніе Казанской Семинаріи. Семинарскій корпусъ, бывшій однимъ изъ прекрасныхъ домовъ на самой главной улицѣ Казани—Воскресенской, сгорѣлъ еще въ 1842 году и оставался въ руинахъ болѣе 20-ти лѣтъ. Затѣмъ, хотя онъ былъ возведенъ постройкою снова (вмѣсто трехъ бывшихъ этажей только въ два), но *по какому-то странному (?) стеченію обстоятельствъ*, этотъ обширный обновленный корпусъ, оставаясь по названію и вѣдомству семинарскимъ, вмѣсто храма духовнаго просвѣщенія, обращенъ былъ весь въ торговыя и разныя мастерскія заведенія,—а Семинарія была обречена на привитаніе въ чужомъ домѣ, принадлежавшемъ Духовному Училищу, перемѣщенному, по этому, въ наемный домъ въ мѣстности неудобной и неблагопріятной, по низменности и сырости, для здоровья учениковъ. Впрочемъ, и училищный домъ, занимаемый Семинаріей, былъ и тѣсный и обветшалый, и вообще—крайне неудобный. Владыка Антоній, съ перваго же разу, не могъ долѣе терпѣть такого запустѣнія. Онъ немедлен-

Сызрани и Самарѣ, естественно, весьма значительно уменьшилось число учениковъ въ трехъ, доселѣ существовавшихъ, Казанскихъ, Симбирскихъ и Алатырскихъ Училищахъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, открылась возможность перемѣстить многихъ воспитанниковъ съ наемныхъ квартиръ въ Семинарскій корпусъ. Коммиссія Духовныхъ Училищъ тогда вообще бережно и осторожно распоряжалась своими, особенно строительными, капиталами, а,

---

но приступилъ къ дѣлу, и, дѣйствительно, чрезъ годъ же, Семинарія перемѣщена была въ свой обновленный, хотя для другаго вышесказаннаго назначенія, семинарскій корпусъ, а Училище было возвращено изъ наемнаго въ собственный, занимаемый Семинаріей. Покойный же высокопр. Антоній возревновалъ и всѣми силами и способами постарался, чтобы всенепремѣнно возвратить Казанскому Духовному Училищу его собственный домъ, въ особенности, потому, что,—какъ онъ самъ говорилъ—„я, вѣдь, знаю самъ еще изъ разсказовъ покойнаго Владыки (Филарета, Митр. Кіевскаго), что этотъ домъ пріобрѣтенъ для Училища положительно стараніемъ его, такъ что и уступленъ былъ онъ въ продажу для Училища владѣльцами этого дома собственно по чувствамъ глубочайшаго почитанія и преданности ихъ ко Владыкѣ именно;—а Владыка всего болѣе желалъ пріобрѣсть это мѣсто для юнаго разсадника духовнаго, чтобы послѣдній былъ, съ одной стороны, по непосредственной близости къ женскому Монастырю, подъ видимымъ непрестаннымъ покровомъ Царицы Небесной, а съ другой—находился въ ближайшемъ разстояніи отъ Семинаріи для удобнѣйшаго общенія съ послѣднею. Да и мѣстность здѣсь свободна отъ толкотни и шума городскаго... а теперь загнали юныхъ питомцевъ, какъ стадо, куда-то на заболотную и разнохарактерную часть города.“

„Послѣ возвращенія Казанскаго Духовнаго Училища въ его собственныя зданія, высокопр. Антоній предложилъ, только-что введеннымъ тогда же по новому положенію Епархіальнымъ съѣздамъ Духовенства

между тѣмъ, представленія высокопр. Филарета по улучшенію внѣшняго быта Семинаріи и Училищъ утверждала почти по всѣмъ статьямъ, цѣня и уважая его доклады и какъ своего Члена, и какъ благотворителя Семинаріи и Училищъ. Ревизоръ Казанской Семинаріи—Архимандритъ Платонъ, бывшій въ 1833-мъ году, представилъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, что высокопр. Филаретъ, ревнуя о благѣ духовнаго юношества, содер-

---

употребить, всѣ возможныя на первыхъ порахъ, средства и мѣры къ производству разныхъ капитальныхъ въ училищныхъ зданіяхъ исправленій и приспособленій. А наконецъ, при всей ограниченности средствъ, онъ возжелалъ украсить Училище созданіемъ внутри его храма Божія... *Господь благоспѣшилъ ему найдти* благотворителя, Казанскаго 1-й гильдіи купца Павла Васильевича Щетинкина, который на свой счетъ устроилъ въ обновленныхъ училищныхъ зданіяхъ домовую училищную церковь, весьма помѣстительную и красивую. Теперь воспитанники и наставники не нарадуются, имѣя свою церковь въ своемъ Училищѣ. Церковь эту и Училищное Начальство, и самъ г. храмоздатель возжелали и просили преосв. Антонія освятить во имя его св. тезоименинника препод. Антонія Кіевопечерскаго. Соизволяя на это отъ всей души, преосв. Антоній, съ тѣмъ вмѣстѣ, осуществилъ въ этомъ дѣлѣ и другую свою благую мысль; онъ освятилъ церковь не во имя только св. препод. *Антонія*, но и *Θеодосія* Кіевопечерскаго же, такъ какъ имена этихъ угодниковъ Божіихъ равночествуются въ самой Кіево-печерской Лаврѣ. Такая благая мысль обосновывалась у Владыки Антонія,—что̀ извѣстно было пишущему изъ его собственныхъ устъ,—на тѣхъ соображеніяхъ и обстоятельствахъ, что если бы посвятить церковь во имя одного только св. преп. Антонія, то храмовой праздникъ приходился бы во время уже вакаціи—10 Іюля, слѣдовательно, ученики лишены были бы участія въ празднествѣ. Съ другой стороны, преосв. Антоній не желалъ вписывать себѣ только честь воз-

жалъ на собственномъ капиталѣ 20 учениковъ Семинаріи, сверхъ того построилъ для Казанскихъ Училищъ каменный домъ. Коммиссія Духовныхъ Училищъ въ

становленія Училища въ правахъ его на самыя зданія, но, даже главнѣе всего, относилъ эту честь къ дядѣ своему—высокопр. Филарету, какъ первооснователю Училища въ этихъ зданіяхъ, и, при томъ, на собственный капиталъ устроившему этотъ самый именно двухъ-этажный корпусъ, въ которомъ устроена была и самая церковь.—Чтобы совмѣстить оба имени—и свое и дяди—въ посвященіи храма такимъ святымъ Тезоименникамъ, память которыхъ чествовалась бы нераздѣльно по уставу самой Церкви, преосв. Антоній принялъ въ законное основаніе то, что высокопр. Филаретъ, впослѣдствіи (за 17 лѣтъ до своей кончины), воспринялъ „*великую схиму*“ съ именемъ св. *Ѳеодосія*—Кіевопечерскаго. Такимъ образомъ, онъ и освятилъ училищный храмъ во имя обоихъ св. угодниковъ—*Антонія* и *Ѳеодосія*—Кіевопечерскихъ.—Наконецъ, чтобы и самое совершеніе храмоваго праздника приходилось въ такую пору, когда всѣ ученики находятся на лицо въ Училищѣ, преосв. Антоній назначилъ навсегда 3-е число Мая, день св. памяти св. преподоб. *Ѳеодосія*—Кіевопечерскаго съ отправленіемъ службы обще-нераздѣльной обоимъ угодникамъ Божіимъ—Антонію и Ѳеодосію,—каковая служба и даже акаѳистъ (имъ общій) имѣются въ чино-послѣдованіяхъ Кіево-печерскихъ. Самую икону храмовую преосв. Антоній принесъ отъ себя въ даръ, изображающую обоихъ св. Угодниковъ; предъ нею и совершаются доднесь въ храмовый праздникъ и поліелейное величаніе, и акаѳистъ на всенощной, и молебенъ послѣ Литургіи въ честь обоихъ св. Угодниковъ“. „Въ одинъ недавній праздникъ я, пишущій, самъ имѣлъ утѣшеніе участвовать въ служеніи Литургіи, совершенной высокопр. Палладіемъ, Архіепископомъ Казанскимъ. При этомъ случаѣ и высказаны были мною Начальству и г. храмоздателю, изложенныя здѣсь, свѣдѣнія, и къ этому присовокуплено

томъ же 1833 г. изъявила, по этому случаю, высокопр. Филарету за особенныя дѣйствія его попечительности и благотворительности совершенную благодарность.

На сколько крайне были неудовлетворительны помѣщенія для учащихся, на столько же и казенное содержаніе ихъ и одеждою и пищею. Возьмемъ нѣсколько данныхъ по этимъ предметамъ изъ Исторіи Казанской Семинаріи.

„По росписанію, приложенному къ Семинарскому Уставу, слѣдовало шить на два года каждому казенному ученику Семинаріи шлафрокъ изъ тику, для зимы панталоны и жилетъ съ рукавами суконные, для лѣта панталоны и жилетъ китайчатые. Отъ казны давали еще:— 1) кафтанъ суконный темнозеленый съ пуговицами на немъ подъ цвѣтъ сукна, 2) камзолъ зеленый безъ рукавовъ, 3) шинель фризовую темнозеленую только для студентовъ, 4) овчинный нагольный тулупъ для словесниковъ, 5) казакинъ, подпоясанный кушакомъ, 6) сюртукъ синяго, сѣраго, или зеленаго сукна, 7) панталоны къ нему, 8) халатъ полосатаго тику, или ярославскаго затрапезу, 9) плисовый, суконный, или кожаный картузъ, 10) шейный левантиновый, или миткалевый платокъ, 11) простаго товару сапоги съ подбитыми гвоздями, зимой валенки и проч. Форменной одежды не было ни у бурсаковъ, ни у квартирныхъ учениковъ“.

„Квартирные ученики обыкновенно носили бѣлье холщевое, клѣтчатыя холстинковыя рубашки, на шеѣ клѣтчатый бумажный платокъ, ситцевый, или шерстяной нагрудникъ, нанковый сюртукъ на кашемирской подкладкѣ, шерстяныя чулки, или чаще подвертки, личневые, подбитые гвоздями, сапоги, суконную, или кожаную фуражку, пестрядинный, или полосатый, сотканный матерью, или сестрою, халатъ и только для посѣщенія

было, въ смыслѣ благоподобающаго совѣта, чтобы и на заупокойныхъ возношеніяхъ поминались нераздѣльно имена и *Антонія*—Архіепископа, и Митрополита *Филарета* въ схимонасѣхъ *Θеодосія* “

храма Божія и присутствія на экзаменахъ нанковый длинный сюртукъ, или темнозеленый суконный кафтанъ съ пуговицами подъ цвѣтъ сукна, фризовую желтозеленую шинель, или тулупъ и проч. Вообще, о снабженіи казеннокоштныхъ учениковъ достаточнымъ количествомъ бѣлья, обуви и одежды въ прежнее время не очень заботилось Семинарское Начальство, не говоря уже объ училищномъ. Одежда шилась и въ маломъ количествѣ, и на слишкомъ продолжительные сроки.—Отъ всего этого въ Семинаріи, особенно въ Училищахъ, встрѣчались ученики въ разорванной, засаленной, изношенной и переношенной одеждѣ, чуть не въ рубищахъ, и въ сапогахъ, изъ которыхъ выглядывали пальцы ногъ; въ Училищахъ же въ теплое время молодежь ходила и босикомъ. Бѣлье на ученикахъ было совершенно грязное и, большею частію, съ жильцами въ складкахъ его; другаго же рода жильцы расходились въ достаточномъ количествѣ въ кроватяхъ. Кромѣ того, особенно лѣтомъ и въ началѣ осени, разводилось въ комнатѣ и помѣщалось на полу, въ постеляхъ, бѣльѣ и одеждѣ многое множество прыгающихъ паразитовъ. У учениковъ придуманы были даже разныя названія для этихъ насѣкомыхъ; первыя назывались *пѣхотою*, вторыя *артиллеріей*, а третія *кавалеріей*. Начальство знало объ этихъ *воинствахъ*, но не любило заниматься придумываніемъ мѣръ къ истребленію ихъ. Одинъ Ректоръ, на лекціяхъ въ богословскомъ классѣ, даже доказывалъ, что тѣ паразиты созданы съ благою цѣлью, что они лѣнивымъ не даютъ долго залеживаться въ постеляхъ, а не лѣнивыхъ пріучаютъ къ терпѣнію".

„Въ пищѣ бурсаковъ была та же скудость.—Обѣденный столъ былъ въ 12-ть часовъ дня, а ужинъ въ 8-мь часовъ вечера. И обѣдъ, и ужинъ состояли въ простые дни изъ двухъ, а въ праздничные изъ трехъ простыхъ блюдъ и ржанаго хлѣба. Первое блюдо чаще всего составляли щи сѣрыя съ говядиной, щи съ грибами, щи съ подбивкою, щи съ постнымъ масломъ, и горохъ въ разныхъ видахъ—холодный, горячій, кисель гороховый холодный, кисель горячій; второе блюдо—каша пшенная,

каша полбенная бѣлая, каша гречневая красная, каша гречневая бѣлая: отчего и сложилось у бурсаковъ такое четырехстишіе:

Охъ, охъ, охъ!..
Semper щи, да горохъ,
Quotidie каша ..
Miseria наша.. [1])

„Были ученики, которые вовсе не употребляли мясной пищи. Обѣдали безъ скатертей. Въ позднѣйшее даже время скатерти были и считались роскошью, или, при употребленіи ихъ, бывали такъ черны, что, кажется, лучше было бы ставить посуду и класть хлѣбъ прямо на столы, которые все таки вытирались мокрою мочалкою. Тарелокъ почти не знали, ложки были или деревянныя, или хоть оловяныя, но не чистыя. Кромѣ того ученики, до послѣдняго времени, имѣли свои деревянныя ложки, держали ихъ подъ подушкой, сами, кромѣ старшихъ, приносили ихъ въ столовую и уносили изъ нея. Кушанья ѣли изъ огромныхъ деревянныхъ, или глиняныхъ чашъ. Такъ какъ мясо, разрѣзанное на кусочки, опускалось въ чашу, то семинаристы старались запастись ложками пообъемистѣе, чтобы вылавливать побольше кусковъ. Обыкновенно ученики условливались сначала ѣсть щи пустыя безъ всего, не опуская ложки на дно, а потомъ, по командѣ „*со всѣмъ*“, опускали ложки всѣ на дно. Подавали къ столу, на ряду со служителями, и провинившіеся ученики. Въ храмовой и свѣтлые праздники разрѣшалось выдавать посуду оловянную, скатерти и тарелки. Въ дождь и снѣгъ въ столовую ходили чрезъ дворъ въ халатахъ. Чаю бурсаки не пили до послѣдняго времени. Внутри Семинарія не отличалась чистотою. Въ Семинарскія зданія входъ былъ совершенно свободенъ; съ крыльца въ корридоръ, или въ сѣни двери не затворялись, или плохо притворялись; поэтому и люди, и вѣтеръ входили свободно и разгули-

[1]) Латинскія слова по Русски значатъ: Semper—всегда, Quotidie—каждодневно, Miseria—жалкое состояніе.

вали по корридорамъ, сѣнямъ и лѣстницамъ, заходили и въ комнаты. Полы въ Семинаріи мылись лишь четыре раза въ году: предъ ученьемъ въ Августѣ, предъ Семинарскимъ праздникомъ 25-го Сентября, на Рождество и предъ Пасхой; въ остальное время грязь лежала на полу толстымъ слоемъ. Въ спальняхъ на сосновыхъ и дубовыхъ кроватяхъ лежали мочальные тюфяки, употребляемые до тѣхъ поръ, пока не приходили въ состояніе полной негодности. Постельное бѣлье мѣняли чрезъ мѣсяцъ. Комодовъ для воспитанниковъ не хватало, а потому, снявъ съ себя грязное бѣлье, семинаристы клали его подъ тюфякъ, подъ подушку. Впрочемъ, на всѣ эти неудобства воспитанники не обращали особеннаго вниманія. Учившійся въ 1830—36 г. въ Семинаріи, нынѣ священникъ Симбирской Епархіи Преображенскій писалъ мнѣ: „житье-бытье въ бурсѣ противъ нынѣшняго времени было грязненько, но, по тогдашнему времени, очень хорошо. Слава Богу! Я самъ жилъ въ бурсѣ". Другой, который моложе Преображенскаго на 4 года, теперь тоже священникъ А. Бр—скій въ письмѣ своемъ ко мнѣ между прочимъ говоритъ: „какъ ни плохо было наше житье-бытье, но я вспоминаю его съ удовольствіемъ. Въ молодости все переносится легче; мы же не избалованы были и домашней жизнью. За то не было тогда завиральныхъ идей, какія нынѣ засѣли въ учебныхъ заведеніяхъ, особенно высшихъ. Нынѣ каждый отецъ трепещетъ за своего сына, если онъ въ учебномъ заведеніи. Даже въ Духовныхъ Семинаріяхъ не спасешься отъ этихъ идей, а выходцы изъ семинаристовъ почти что всѣ заражены ими".

„Такое же печальное положеніе тяжело чувствовалось и на квартирахъ семинаристовъ. Тяжело даже и представлять, что это были за квартиры!!. Это были, по большей части, пыльные и тѣсные чердаки, душныя и темныя каморки, или сырыя подвальныя комнаты, лачуги, или углы въ хозяйскихъ кухняхъ. Квартиры эти лишены были всякихъ гигіеническихъ условій; въ эти помѣщенія свѣтъ проникалъ чрезъ единственное окно, выходившее, притомъ, на грязный дворъ. Темнота,

сырость, нечистота, а въ зимнее время холодъ, угаръ не рѣдко производили болѣзни и, во всякомъ случаѣ, тяжелое впечатлѣніе на душу. Ученики учили уроки, часто всѣ, при свѣтѣ одной свѣчки сальной. Квартирные ученики страдали отъ сырости и отъ холода и, въ этомъ отношеніи, могли завидовать бурсакамъ. Ученики иногда воровали дрова, но это не всегда удавалось; и товарищество, ложась подъ холодныя одѣяла, должно было покрываться своими тулупами и шинелями. У каждаго бурсака была кровать съ тюфякомъ, съ подушкой и съ одѣяломъ; это уже огромная роскошь; большинство же квартирныхъ учениковъ спали на лавкахъ, палатяхъ, нарахъ, на печкахъ, подкладывая подъ голову подушку, или просто кафтанъ, а подъ себя подстильникъ изъ валеной шерсти, и покрываясь въ холодное время какимъ нибудь дырявымъ одѣяломъ. Бѣдное духовенство, особенно причетничество и пономарство, въ большинствѣ, сами изъ домовъ привозили для своихъ дѣтей припасы, привозили въ запасъ огромные хлѣбы, масло, толокно, гусей, свинину, грибы въ сметанѣ, огурцы, капусту, рѣдьку и т. п., которыя хранились, въ большинствѣ, въ утлыхъ ученическихъ же помѣщеніяхъ.

„Въ нравственномъ отношеніи ученики не были гарантированы отъ многихъ соблазновъ, такъ какъ, помѣщаясь обокъ съ лицами, принадлежащими другой средѣ и часто не имѣющими надлежащаго умственнаго и нравственнаго развитія, они, волей-неволей, видѣли и слышали то, чего видѣть и слышать имъ особенно не слѣдовало... Какъ часто мирныя вечернія занятія квартирныхъ учениковъ прерывались буйной бранью, или пьяною пѣснью какихъ либо разгулявшихся мастеровыхъ, или извозчиковъ, жившихъ по сосѣдству съ квартирою учениковъ, или въ томъ же самомъ помѣщеніи за какой нибудь бумажной перегородкой. За квартирными семинаристами до 1830 г. смотрѣлъ одинъ только Инспекторъ Семинаріи, да квартирные старшіе изъ самихъ учениковъ. Въ 1831 г., по распоряженію высокопр. Филарета, для точнѣйшаго надзора за поведеніемъ учени-

ковъ, назначены были два Помощника Инспектора изъ учителей Семинаріи.

„Вообще, надзоръ за поведеніемъ учениковъ Семинаріи, особенно до 1832 г., при нераздѣльномъ помѣщеніи и учениковъ Казанскаго Училища въ Семинарскомъ корпусѣ, былъ крайне недостаточенъ. Такъ, Инспекторъ Семинаріи Іеромонахъ Иннокентій, 21 Іюня 1831 г., донесъ Семинарскому Правленію слѣдующее: „дошло до моего свѣдѣнія, что ученики Семинаріи—низшаго отдѣленія перваго комплекта Николай Рождественскій. 2-го—Иванъ Рубинскій, средняго—Михаилъ Троицкій. сосланные за неуспѣшность изъ казеннаго дома, жили до сихъ поръ на неизвѣстной ни мнѣ, ни старшему квартирѣ для удобнѣйшаго укрывательства отъ Начальства. Они, вмѣстѣ съ учениками философіи Алимпіемъ Соколовымъ и Михаиломъ Пономаревымъ, а также съ приказно-служащими Иваномъ Михайловымъ Люминарскимъ и Ефимомъ Дмитріевымъ Линѣевымъ, дѣлаютъ и въ квартирѣ, и открыто на улицѣ въ пьяномъ видѣ различнаго рода буйства и непристойности; постоянно, со времени проживанія на квартирахъ, не ходя въ классъ, занимаются срамными пѣснями и плясками, имѣютъ зазорное сообщеніе съ непотребными и распутными женщинами, учатся на квартирномъ дворѣ военному маршу, закладываютъ въ кабакахъ казенную одежду и умышляютъ своимъ начальникамъ и наставникамъ сдѣлать различныя обиды и огорченія“.—Семинарское Правленіе опредѣлило:—Рождественскаго исключить изъ Семинаріи для передачи чрезъ Консисторію въ военную службу съ худымъ свидѣтельствомъ и съ подробнымъ прописаніемъ вины его. Прочихъ же, исключивъ изъ Семинаріи, опредѣлить въ служители Семинаріи, перваго на восемь лѣтъ, а слѣдующихъ двоихъ на 4 года съ тѣмъ, что, если они назначенный срокъ прослужатъ съ усердіемъ, при честномъ поведеніи, уволены будутъ для опредѣленія къ мѣстамъ въ духовномъ состояніи. Высокопр. Филаретъ утвердилъ это опредѣленіе“.

„Въ виду такой вопіющей неприглядности въ квартирной ученической жизни и въ житейскомъ, и гигіе-

ническомъ, и нравственномъ отношеніи, при чемъ всѣ старанія Начальства оставались, въ большинствѣ, безсильны, чтобы поправить такое положеніе, высокопр. Филаретъ возъимѣлъ мысль устроить общежитіе при самой Семинаріи послѣ того, какъ ученики Училища были выведены во вновь устроенное для нихъ отдѣльное зданіе; но дѣло это, къ прискорбію, кончилось одною перепискою".

„Но какъ въ Семинарскомъ корпусѣ, бывшемъ въ ту пору трехъ-этажнымъ [1]), по выдѣленіи изъ него Казанскаго Училища, открывался достаточный просторъ, то высокопр. Филаретъ возъимѣлъ святую мысль устроить домовую въ немъ церковь и, съ тѣмъ вмѣстѣ, дать соотвѣтственное помѣщеніе для библіотеки. Устроить церковь на какія либо Семинарскія экономическія средства, само собою, было и не мыслимо, просить же объ этомъ высшее Начальство тоже было бы совершенно напрасно. Оставался одинъ путь къ достиженію цѣли: это личное Архипастырское участіе путемъ расположенія лицъ, усердствующихъ на пользу воспитанія духовнаго юношества, какъ будущихъ пастырей. Это и не замедлило оправдаться. 30 Іюля 1832 г. читаемъ предложеніе, данное высокопр. Филаретомъ, такого содержанія: „Его Превосходительство, Генералъ-Лейтенантъ и Кавалеръ Сергѣй Ѳеодоровичъ Желтухинъ, желая споспѣшествовать воспитанію духовнаго юношества ввѣренной мнѣ паствы въ духѣ истиннаго благочестія, пожертвовалъ, по предложенію моему, двѣ тысячи руб. на возобновленіе храма Господня въ Казанской Духовной Семинаріи. Препровождая при семъ сію сумму, поручаю Правленію Семинаріи возобновить храмъ Господень въ приличномъ устройствѣ во имя свя-

[1]) Третій этажъ нынѣ не существуетъ, такъ какъ Семинарскій корпусъ, сгорѣвшій дотла въ 1842 г. (въ Августѣ), простоялъ въ этихъ руинахъ нетронутымъ въ теченіе цѣлыхъ 24 лѣтъ, и послѣ этого оказалось, что стѣны верхняго этажа окончательно распались.

таго преподобнаго Сергія Радонежскаго Чудотворца, какъ для назиданія воспитанниковъ въ истинномъ благочестіи, такъ и для сохраненія на всѣ будущія времена памяти благочестиваго пожертвователя. Великій угодникъ Божій, Ангелъ его, да благопоспѣшествуетъ молитвами своими предъ Господомъ Богомъ къ преуспѣянію во всякомъ благочестіи и святынѣ духовныхъ юношей, воспитываемыхъ въ служители слова Божія".

„Когда церковь съ куполомъ была отстроена, высокопр. Филаретъ открылъ подписку доброхотныхъ пожертвованій на позолоту иконостаса и стѣнъ ея, и самъ первый вписалъ въ заведенную для этого книгу 500 руб. За нимъ пожертвовали: Владиміръ Ѳеодоровичъ Желтухинъ 315 руб., Сергѣй Ѳеодоровичъ Желтухинъ 1050 руб., наставники и ученики до 400 руб. Церковь освящена была самимъ высокопр. Филаретомъ 25-го Сентября 1832 г. во имя Св. Сергія Радонежскаго Чудотворца".

„При открытіи довольно значительнаго простора въ Семинарскихъ зданіяхъ, высокопр. Филаретъ обратилъ свое особенное вниманіе на устройство помѣщеній для больницы и библіотеки и самъ напланировалъ потребныя помѣщенія. При устройствѣ библіотеки онъ приказалъ строго провѣрить каталоги и разсмотрѣть тщательно самыя книги по ихъ содержанію, дабы не было излишняго балласта, и, тѣмъ паче, чтобы не находилось книгъ не рекомендательнаго содержанія."

Бывшій въ эту пору библіотекаремъ, Викторъ Петровичъ Вишневскій [1]) разсказывалъ, что „Влыдыка Филаретъ, какъ бы не довѣряя разбиравшимъ книги, пріѣзжалъ внезапно не разъ и самъ для провѣрки. И, вотъ, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ, онъ по чему-то прямо обратился къ намъ, разбиравшимъ книги, съ такими словами: „а ну-те, покажите мнѣ отдѣлъ сочиненій Фило-

---

[1]) Въ послѣдствіи Каѳедральный Протоіерей, скончавшійся 30 Декабря 1885 г. на 83 году жизни. Викторъ Петровичъ сообщилъ, приводимый здѣсь, разсказъ лично мнѣ—пишущему.

софскихъ.—при чемъ взялъ въ руки и самый каталогъ этого отдѣла. Произнося въ слухъ нѣкоторыхъ авторовъ—Философовъ и приказывая тутъ же вынимать изъ шкафовъ самыя книги, онъ приговаривалъ: „это отложить въ сторону, это тоже, а это вышвырнуть, это выкинуть". Затѣмъ вдругъ какъ-бы вздрогнулъ, лишь только увидѣлъ въ каталогѣ „*Вольтера*", и въ ту-же секунду сказалъ: „развести сей часъ же въ печкѣ огонь, и сію же минуту выбрасывайте туда къ печкѣ эти сатанинскія произведенія"... Когда печь была немедленно затоплена, то Владыка собственными руками сталъ бросать туда томъ за томомъ; а когда всѣ книги разгорѣлись, то онъ металлическимъ наконечникомъ своей трости нѣсколько разъ поразширивалъ ихъ, чтобы скорѣе сгорѣли дотла... и приговаривалъ: „вотъ такъ-то будетъ и съ авторами этихъ душепагубныхъ произведеній въ будущемъ вѣкѣ... А, вонъ, тѣхъ-то философовъ книги не стоютъ и полокъ въ шкафахъ. Сложить ихъ въ особый коробъ и, запечатавъ, засунуть куда-нибудь за шкафы подальше въ уголъ, чтобы онѣ тамъ истлѣли сами, чѣмъ растлѣваться отъ нихъ молодымъ умамъ".—Нужно замѣтить, что высокопр. Филаретъ очень—очень не жаловалъ Философовъ и позднѣйшихъ, напр., Спинозу, Гегеля и др. Объ этомъ увидимъ мы подробно въ повѣствованіи о Кіевскомъ его служеніи по отношенію къ тамошней Духовной Академіи.

„Наконецъ, пользуясь тѣмъ же просторомъ, высокопр. Филаретъ возъимѣлъ намѣреніе раздѣлить философскій классъ на два параллельныхъ отдѣленія. Намѣреніе это было самое основательное, именно потому, что въ 1830 г. въ низшемъ словесномъ классѣ, состоявшемъ изъ двухъ отдѣленій, находилось 250 учениковъ, изъ коихъ предназначалось къ переводу въ философскій классъ не менѣе 200; да къ тому же, въ этомъ классѣ имѣлось въ виду оставить на второй курсъ не менѣе двухъ десятковъ. Понятно, что должно было ожидать и учащихся, и учащихъ при такомъ громадномъ количествѣ. Намѣреніе свое онъ не замедлилъ тогда же привести въ исполненіе. Еще предъ окончаніемъ учебнаго курса, имѣвшемъ

быть въ половинѣ Іюля, онъ въ Маѣ мѣсяцѣ вошелъ съ представленіемъ по этому предмету въ Коммиссію Духовныхъ Училищъ. Представленіе тогда же было уважено, и, въ Сентябрѣ того же 1830-го года, философскій классъ былъ раздѣленъ на два отдѣленія и къ штату были прибавлены новые полные оклады для наставниковъ въ новооткрытомъ отдѣленіи.

Для преподаванія собственно философскихъ наукъ высокопр. Филаретъ имѣлъ было въ виду вызвать своего роднаго племянника, кончившаго курсъ въ Кіевской Академіи въ числѣ самыхъ первыхъ магистровъ, знаменитѣйшаго впослѣдствіи въ церковно-духовной литературѣ, Автора Гомилетики и проповѣдника Якова Кузьмича Амфитеатрова; но это не состоялось. Вотъ, что̀ писалъ къ сему послѣднему самъ высокопр. Филаретъ.— „Отъ всей души, писалъ Архипастырь, возблагодарилъ я Господа Бога, давшаго тебѣ помощь такъ счастливо окончить курсъ академическаго ученія. Не скорби о томъ, что ты не въ Казани, а въ Кіевѣ. Мнѣ, дѣйствительно, хотѣлось видѣть тебя въ здѣшней Семинаріи, но я всегда соблюдаю правило: слѣдовать Промыслу о насъ Божію, а не предварять оный нашими распоряженіями: ибо то̀ для насъ самое лучшее, что̀ Господь Богъ устроиваетъ. Теперь ясно вижу, что служеніе тебѣ назначено въ Академіи, а не въ Семинаріи, и доволенъ собою, что нигдѣ не настоялъ о назначеніи тебя въ Казань, а ожидалъ, какъ Господь Богъ устроитъ судьбу твою. Продолжай, порученное тебѣ, служеніе предъ очами Господа въ полномъ спокойствіи духа. Мнѣ очень пріятно, что ты займешься Церковнымъ Краснорѣчіемъ. Для вѣрнаго въ семъ успѣха, совѣтую читать тебѣ, болѣе всего, творенія св. Отцевъ Церкви, а наипаче св. Златоуста. Изъ сихъ только святыхъ источниковъ можно почерпать изобильно воду чистую для напоенія душъ, искупленныхъ кровію Христовою“. Одно это намѣреніе призвать на службу въ Казанскую Семинарію такое даровитое лицо, каковъ былъ Я. К. Амфитеатровъ, ясно свидѣтельствуетъ, что высокопр. Филаретъ особенно радѣлъ о возможно лучшемъ составѣ учащей корпораціи.—

Это же видимъ и въ другомъ фактѣ. Когда открылась, въ томъ же 1830-мъ году, вакансія Инспектора и совмѣстно должность, учителя Семинаріи, и когда Коммиссія Духовныхъ Училищъ предназначила къ перемѣщенію въ Казанскую Семинарію Инспектора Семинаріи Калужской Іеромонаха N, то высокопр. Филаретъ, по этому случаю, писалъ къ довѣреннѣйшему лицу,—Калужанину: „прошу Васъ искренно сказать о назначенномъ въ нашу Семинарію, бывшемъ въ Вашей, Инспекторѣ, ежели вы хорошо знаете его свойства и поведеніе. Нынѣ молодые монахи рѣдко удаются, а паче не достаетъ у нихъ смиренія и терпѣнія,—существа монашеской жизни“ [1]). Въ этомъ послѣднемъ замѣчаніи высокопр. Филарета нельзя не видѣть особенно мудрой практичности въ дѣлѣ воспитанія.—Желая видѣть въ новоназначенномъ Инспекторѣ—монахѣ смиреніе и терпѣніе, онъ, конечно, разумѣлъ эти свойства не какъ только монашескія, но необходимыя и въ его служебной дѣятельности для проведенія ихъ въ духъ и характеръ воспитанниковъ. Воспитанникамъ Семинаріи, хотя и не предлежитъ на будущемъ поприщѣ ихъ служенія, такъ называемый, аскетизмъ, но чтобы быть смиренными служителями алтаря Господня и не *воздыхающе* исполнять всѣ многотрудныя свои обязанности и переносить всѣ, могущія встрѣтиться весьма не рѣдко, неудобства въ жизни, лишенія и скорби съ христіанскимъ благодушіемъ, потребны не менѣе, чѣмъ и для монашествующаго, сказанныя свойства смиренія и терпѣнія. Напрасно и положительно не разумно опасаются нынѣшніе педагоги и проэкто-составители уставовъ для духовныхъ заведеній, что будто бы элементъ монашескій своимъ проникновеніемъ въ духъ и характеръ воспитанниковъ задерживаетъ свободное развитіе ихъ личныхъ свойствъ и направленій въ отношеніи практично-житейскомъ и

---

[1]) Письмо къ П. Ст. Алексинскому изъ Казани 21-го Сентября 1830 года.

служебно-пастырскомъ. Напротивъ, оно только и можетъ, какъ должно, обосновать это развитіе, воздержавъ отъ всякихъ ложныхъ стремленій и неумѣренныхъ порывовъ и, такимъ образомъ, упорядочить и упрочить въ послѣдствіи всю жизнь и практичность, какъ подобаетъ смиренному пастырю. Не даромъ, нѣкоторые ревнующіе о спасеніи, христіане изъ мірянъ, не удовлетворяясь пастырскими наставленіями и руководствомъ, спѣшатъ, не рѣдко, подъ кровы смиренныхъ обителей, чтобы тамъ изъ образа жизни и наставленій опытныхъ иноковъ—подвижниковъ смиренія и терпѣнія, воспріять въ души свои и вынести съ собою для неизмѣннаго руководства въ жизни, не иныя, какъ эти собственно свойства смиренія и терпѣнія, которыя, и въ мірской средѣ, и во всякой житейской практикѣ, отнюдь не задерживаютъ и не подавляютъ, но развиваютъ самый правильный строй жизни во всѣхъ общественныхъ, служебныхъ и частныхъ положеніяхъ, семейныхъ и личныхъ отношеніяхъ.

Впрочемъ, и помимо всѣхъ этихъ и подобныхъ разсужденій, кажется, совершенно достаточно представить только то, что̀ видѣлъ всякій изъ читающихъ въ собственномъ лицѣ и во всѣхъ дѣйствіяхъ самого жизнеописуемаго за всѣ времена и въ разныхъ мѣстахъ его служенія въ должностныхъ званіяхъ и учителя, и Префекта, или что̀ тоже—Инспектора и Ректора въ трехъ Семинаріяхъ, и Инспектора и Ректора въ двухъ Академіяхъ. Въ частности же, и въ самомъ точномъ соотвѣтствіи къ разсматриваемому теперь вопросу и самому дѣлу, достаточно представить тотъ фактъ,—бывшій въ Московской Духовной Академіи, когда высокопр. Филаретъ однажды допустилъ извѣстныя дѣйствія, которыя были совершенно вопреки его истинному и монашескому, и личному духу и характеру, и которыя онъ же самъ первый призналъ *прямо дурными* предъ самими же, потерпѣвшими отъ нихъ, студентами, сказавъ имъ буквально такъ: *„когда будете сами начальниками, не берите съ меня примѣра, и отселѣ забудьте мой нехорошій посту-*

покъ навсегда“ [1]). Приводя этотъ фактъ, относящійся къ личнымъ дѣйствіямъ высокопр. Филарета, мы хотимъ указать и въ настоящемъ мѣстѣ, какъ разъ, на такой же фактъ, бывшій въ Казанской Духовной Семинаріи, а точнѣе сказать, одинъ изъ многихъ подобныхъ фактовъ, совершавшихся однимъ изъ бывшихъ Инспекторовъ Казанской Семинаріи, хотя остававшихся неизвѣстными высокопр. Филарету до самой поры обнаруженія теперь нами указываемаго.—Достовѣрность этого факта не подлежитъ сомнѣнію, хотя сохранился онъ въ преданіи не въ одинаковомъ содержаніи.—Общая же характеристика виновника этого факта была и сохранилась таковая: „*Инспекторъ этотъ былъ ужасный драчунъ*“, и, въ частности, остались памятны самыя орудія его бичеванья.—Это—или, въ случаѣ экстренности, его монашескія четки—крупныя костяныя,—или спеціально употреблявшійся, имъ же самимъ сдѣланный, жгутъ [2]). Изложеніе этого факта доставлено намъ и письменное; но какъ въ немъ есть значительная часть рѣзкости и невѣроятности, то мы приводимъ его въ томъ видѣ и содержаніи, въ какомъ передавали намъ другія достовѣрныя лица, въ числѣ коихъ, главнѣе всѣхъ, бывшій о. Каѳедральный Протоіерей В. П. Вишневскій, состоявшій въ это время на службѣ въ Семинаріи. „На одномъ изъ Іюльскихъ экзаменовъ присутствовалъ, какъ бывало это большею частію, самъ Владыка Филаретъ, который, обыкновенно, самъ же и вызывалъ учениковъ къ столу экзаменаціонному. Одинъ вызванный ученикъ вышелъ съ большими синяками и даже не совсѣмъ еще зажившими ранками на лицѣ и даже на ушахъ... Вла-

[1]) Смотр. томъ I стран. 214.

[2]) По самымъ подлиннымъ, чуть не клятвеннымъ разсказамъ, этотъ жгутъ сдѣланъ былъ по наружному виду изъ большаго платка, круто на-круто свитаго, но внутри его завита была крѣпкая значительной толщины веревка. Этимъ жгутомъ Инспекторъ билъ, большею частію, по вытянутымъ ладонямъ, когда онъ, по его выраженію, хотѣлъ *пытать* кого нибудь, а вообще билъ по чему попало...

дыка, хотя не могъ не видѣть этого съ перваго же раза,—но велѣлъ учителю давать вопросы ученику. Ученикъ отвѣчалъ очень дѣльно... Послѣ всѣхъ отвѣтовъ ученика Владыка проговорилъ:—„bene, чадо, bene,—да вотъ это-то больно male и даже pessime, что у тебя вся рожа никуда не гожа“... И, замѣтно тревожнымъ тономъ, Владыка спросилъ: „что̀ это значитъ?... На какомъ это ты былъ побоищѣ?! Или, всего вѣрнѣе, ты былъ просто на-просто негодяйски пьянъ и, падая, должно быть, туда и сюда, такъ расквасилъ себѣ всю рожу и даже самые уши?!“ При этомъ Владыка, взглянувъ стро̀го на Инспектора и на Ректора, этимъ самымъ взглядомъ уже спрашивалъ ихъ.. Но тотъ и другой безмолствовали... Владыка опять къ ученику.., но этотъ уже залился слезами и отъ сильнѣйшаго всхлипыванья не могъ произнести и одного слова... Владыка опять къ Инспектору и Ректору:—„что̀ же наконецъ это значитъ?!“ Инспекторъ, едва собравшись съ духомъ отъ страха, что ученикъ не началъ бы говорить,—въ чемъ дѣло, отвѣтилъ Владыкѣ,—что ученикъ этотъ только-что вчера вышелъ изъ больницы... Владыка съ явнымъ недовольствомъ: „да этотъ отвѣтъ—не на вопросъ; сказать мнѣ, что̀ же это за болѣзнь?.. Всѣ синяки и коросты, очевидно, произошли отъ ушибовъ, или нанесенныхъ кѣмъ либо ударовъ... Ученикъ не удержался и заплакалъ навзрыдъ... Владыка сжалился и сказалъ ему спокойно и ласково: „ну, ты иди на мѣсто“. Ректору же и Инспектору сказалъ строго: „сегодня же доложите мнѣ обо всемъ подробно письменно. И если ученикъ, хоть онъ теперь глубоко искренне плачетъ, что̀ нибудь набезпутничалъ и получилъ такія послѣдствія,—то и терпѣть его въ Семинаріи не слѣдуетъ...“—На самомъ же дѣлѣ все было такъ.—На этого ученика, за недѣлю не болѣе, набросился изъ за какого-то пустяшнаго проступка Инспекторъ и, встрѣтивъ въ немъ при этомъ маленькое самооправданіе, разгорячился до крайнѣйшей степени и, за неимѣніемъ жгута на этотъ разъ, сталъ хлестать его крупными костяными четками и по головѣ, и ушамъ, и по лицу... Когда же увидѣлъ, что слишкомъ сильно изуро-

довалъ его, то приказалъ немедленно же помѣстить его въ больницу, съ тѣмъ чтобы онъ не смѣлъ и выходить до самаго отпуска учениковъ на вакацію, слѣдовательно—не смѣлъ являться и на экзаменъ... Но ученикъ боялся, чтобы неявка на экзамены не послужила къ тому, что его оставятъ въ томъ же классѣ... Къ тому же пріѣхалъ его отецъ, которому онъ все и разсказалъ при товарищахъ. Отецъ хотѣлъ было идти прямо къ Владыкѣ, но рѣшено было, по общему совѣщанію товарищей, поступить лучше такъ, именно,—чтобы ученикъ непремѣнно явился, безъ вѣдома и Инспектора, на экзаменъ, приготовившись хорошенько, въ тотъ именно день, когда завѣрное будетъ извѣстно, что пріѣдетъ на экзаменъ самъ Владыка.—Когда же, наконецъ, сбылось все тѣ, что было на экзаменѣ, то отецъ рѣшился сходить къ Инспектору и къ Ректору и просить ихъ, чтобы они не сваливали вины какой либо на его сына, чтобы оправдать только, во чтобы-то ни стало, самихъ себя; но, получивши въ отвѣтъ иное, именно угрозы противъ сына за то, что онъ явился на экзаменъ и встревожилъ такъ сильно Владыку,—отецъ тотчасъ же рѣшился обратиться прямо къ Влыдыкѣ, взявши съ собою и сына... Такимъ образомъ Владыкѣ стало извѣстно все до іоты... Послѣ этого Владыка, не дожидаясь и не желая видѣть даже письменнаго доклада, немедленно потребовалъ къ себѣ Ректора и Инспектора.—Что и какъ именно происходило на этой аудіенціи, во всей точности неизвѣстно; но въ доставленномъ намъ, вышепомянутомъ, письменномъ изложеніи описываемаго факта, весь финалъ выраженъ весьма характерично такими словами: „*ужъ и взмылилъ* же Владыка Инспектора-то, да и Ректору-то досталось на орѣхи“. Дѣло это, по словамъ В. П. Вишневскаго, кончилось, однако, не однимъ лишь взмыленьемъ; Владыка немедленно же представилъ въ Коммиссію Духовныхъ Училищъ о перемѣщеніи бывшаго Инспектора, отнюдь не поставляя сказаннаго факта въ ремарку, но съ аттестаціею объ немъ съ вполнѣ достойной стороны, какъ весьма ученомъ и ревностномъ къ службѣ лицѣ.—Пере-

мѣщеніе же его призналъ необходимымъ Владыка собственно потому, что сказанный фактъ могъ, такъ или иначе, подрывать его авторитетъ и вліяніе на настоящемъ мѣстѣ.—Во всякомъ же случаѣ Владыка сталъ съ этой поры особенно озабочиваться выборомъ лицъ начальствующихъ и учащихъ въ Семинаріи и Училищахъ".—Это и доказывается вышеприведеннымъ письмомъ его къ Калужскому родственнику—съ просьбою искренняго отзыва о новоназначенномъ въ здѣшнюю Семинарію бывшемъ Инспекторѣ Калужскомъ.

„Но озабочиваясь выборомъ, говоритъ Авторъ Исторіи, лицъ достойнѣйшихъ для службы въ Казанской Семинаріи, высокопр. Филаретъ прилагалъ особенныя заботы и употреблялъ возможныя мѣры, чтобы вознаграждать и поощрять труды и усердіе ихъ и въ матеріальномъ отношеніи, и по части вообще служебной въ значеніи особенно-рекомендательныхъ аттестацій и наградъ... Служащіе въ Семинаріи и Училищахъ получали выгодныя священническія мѣста, архипастырскую признательность и благословеніе, и даже, рѣдкія въ тогдашнія времена, денежныя награды. Такъ, напр., въ семействѣ послѣ умершаго въ 1828 г. учителя Гурія Ласточкина остались жена и дѣти—Андрей 20, Вадимъ 19, Владиміръ 8, Василій 7, Всеволодъ 4, Александръ 3, Любовь 17, Надежда 15 и Вѣра 5 лѣтъ. По резолюціи Филарета, вообще милостиваго къ сиротамъ, тѣмъ болѣе къ дѣтямъ покойныхъ учителей, мѣсто умершаго Протоіерея Гурія Ласточкина, для полученія доходовъ, предоставлено было за старшимъ его сыномъ Андреемъ, ученикомъ богословія; всѣ дѣти, находившіяся въ Семинаріи и Училищахъ, приняты были на полное казенное содержаніе, вдова же, со дня кончины, получала ежегодно по 300 р. изъ попечительства о бѣдныхъ. Учитель Казанскаго училища Федоръ Сокольскій, кромѣ жалованья за учительство 350 р., имѣлъ, предоставленное за нимъ, священническое мѣсто и, кромѣ того, отъ лекторства получалъ 150 р. Семинарскіе ревизоры, вообще страшные по тому времени для Семинарій чиновники, были, между тѣмъ, необыкновенно снисходительны, по милости Филарета, который самъ бы-

валъ на всѣхъ экзаменахъ вмѣстѣ съ ревизоромъ, и старался ободрять учениковъ и самихъ учителей.

„Въ формулярныхъ спискахъ учителей Семинаріи— и монашествующихъ, и священствующихъ, и свѣтскихъ высокопр. Филаретъ сравнительно былъ добръ на аттестаціи. Профессоръ Горскій, напр., у Преосв. Амвросія, имѣвшій „хорошее поведеніе“ въ 1829-мъ г. отмѣченъ у Филарета: „поведенія очень добраго, въ должности весьма способенъ“; учитель священникъ Флегонтъ Талантовъ вмѣсто „хорошаго поведенія“ въ томъ же 1829-мъ году отмѣченъ: „поведенія отлично-добраго, въ должности очень исправенъ“, а въ 1834-мъ году „поведенія отлично-честнаго, въ должности очень исправенъ и благонадеженъ“. Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Стефанъ, Инспекторы—Іеромонахи Иннокентій, Григорій, Протоіерей Вишневскій обыкновенно у высокопр. Филарета отмѣчались: поведенія отлично-честнаго, въ должности весьма рачительными, исправными и благонадежными; противъ остальныхъ учителей почти всегда высокопр. Филаретъ писалъ одно: „поведенія честнаго, въ должности очень исправенъ и благонадеженъ.“ Только въ 1830—1831 г. экономъ Іеромонахъ Гедеонъ аттестованъ сравнительно ниже: „поведенія хорошаго, въ должности исправенъ“, но съ этой отмѣткой послѣдній въ 1831 г. опредѣленъ былъ строителемъ Казанскаго Ѳедоровскаго Монастыря, съ оставленіемъ при прежней же экономической должности. Въ управленіе высокопр. Филарета всегда благодушнаго, довольнаго вообще успѣхами ученическими, въ учительскіе формуляры внесено было много наградъ почетныхъ и денежныхъ“.

Наконецъ встрѣчаемъ въ Исторіи Казанской Духовной Семинаріи, изложенныя въ родѣ эпизода, слѣдующія свѣдѣнія.

„На сколько всѣ духовные Казанской Епархіи глубоко чувствовали и цѣнили всѣ милости и щедроты высокопр. Филарета къ ихъ дѣтямъ и вообще къ бѣднымъ и сиротамъ, на столько же въ средѣ духовенства до сихъ поръ (?) съ негодованіемъ (?) вспоминаются крутыя и строгія его мѣры въ безпощадной (?) и до край-

ности щедрой отдачѣ дѣтей ихъ и лицъ разнаго званія, состоящихъ въ духовномъ Епархіальномъ вѣдомствѣ,— въ солдатство при наборахъ въ 1831 и 1833 годахъ. Современники (1830—1833 г.г.) помнятъ, съ какимъ справедливымъ негодованіемъ отнесся тогда весь Русскій народъ къ неблагодарности Поляковъ при первомъ извѣстіи объ ихъ возмущеніи, вспыхнувшемъ, въ Ноябрѣ 1830 г., въ Варшавѣ, охватившемъ, потомъ, все царство Польское и угрожавшемъ цѣлости и спокойствію Россіи. Тогда всѣ классы Русскаго населенія высказали готовность для усмиренія крамольниковъ и поддержанія чести Россіи жертвовать жизнью. Раздѣляя вполнѣ это патріотическое чувство, высокопр. Филаретъ представилъ Государю до 3500 лицъ изъ своего духовенства на военную службу; онъ самъ неутомимо пересматривалъ священно-церковнослужительскіе формулярные списки, вѣдомости объ успѣхахъ учащихся, о поведеніи послушниковъ; учениковъ, предназначенныхъ уже на діаконскія мѣста и вступившихъ для этого въ бракъ, медлилъ посвящать въ санъ, опредѣленныхъ на причетническія мѣста не посвящалъ въ стихарь, учениковъ Семинаріи и Училищъ, не надежныхъ въ поведеніи, лѣнивыхъ и третьеразрядныхъ обращалъ въ Губернское Правленіе для отдачи въ военную службу, подначальныхъ и аттестованныхъ съ невыгодной стороны Благочинными, священно-церковнослужителей низводилъ на причетническія должности въ видахъ обращенія ихъ тоже въ солдатство. Особенно тогда жутко приходилось Семинарскимъ служителямъ и сторожамъ при Консисторіи и духовныхъ Правленіяхъ.

„Кромѣ дѣтей духовенства солдатству подлежали— церковно-служители, состоявшіе въ то время подъ слѣдствіемъ и судомъ, и люди всякаго званія, которые, не имѣя священнослужительскаго сана, проживали въ Монастыряхъ не въ надеждѣ постриженія и не на штатныхъ вакансіяхъ, безъ надежды на лучшее поведеніе; также церковнослужители, отрѣшенные отъ мѣстъ и всѣ духовнаго званія люди, занимавшіе по церковному и училищному вѣдомствамъ мѣста сторожей и другихъ ниж-

нихъ служителей; равно—всѣ, отставленные отъ должностей по неспособности, или за худое поведеніе, но еще не обращенные въ гражданское вѣдомство. И священники были подъ большимъ страхомъ,—такъ какъ еще въ 1829-мъ году изъ св. Сунода получены были два строгіе указа о томъ, чтобы священники не трезваго поведенія, по пересмотрѣ послужныхъ списковъ ихъ, не были терпимы въ духовномъ званіи.—Да, тяжекъ и злополученъ былъ 1831 г. для духовенства Казанскаго. Лишь только высокопр. Филаретъ въ 1831-мъ году успѣлъ окончить разборъ лицъ духовнаго званія, подлежащихъ къ отдачѣ въ военную службу, какъ въ Іюлѣ 1833 г., по опредѣленію Оберъ-Прокурора Св. Сунода Нечаева, послѣдовалъ новый указъ о строжайшемъ пересмотрѣ Епархіальными начальствами послужныхъ списковъ діаконскихъ для новаго военнаго набора.

„Такія крутыя распоряженія высокопр. Филарета, по всѣмъ этимъ категоріямъ разбора, вызывали со стороны духовенства массу слезныхъ, раздирающихъ сердце, жалобъ на непомѣрную строгость Преосвященнаго. На это указываютъ и солдатскія пѣсни, сложенныя въ 1829—1833 г. (?) Казанскими семинаристами, отданными высокопр. Филаретомъ въ солдаты *„за буянскую волю“*. Вотъ одна изъ этихъ грустныхъ пѣсенъ:

„Ахъ! жестокая фортуна,
Сколь меня ты обманула!.
Я разстался со драгими,
Со товарищьми моими....
Но нельзя ужъ пособить.

„Охъ, каковъ мнѣ сей ударъ!
Довела меня не доля,
Но *своя буянска воля*...
Но нельзя ужъ пособить.

„Съ тѣмъ я только и учился,
И тѣмъ больше веселился,
Что я въ счастьѣ буду жить....

Но все нынѣ миновало,
Время горькое настало....
Но нельзя ужъ пособить.

„Пушки, бомбы, барабаны
Заведутъ меня во дальны страны;
Здѣсь мнѣ вѣкъ ужѣ не быть....
Но нельзя ужъ пособить.

„Ну, прощай же, мудрая Минерва!
И прощай, *прекрасная Венера!*
Долженъ Марсу я служить....
И нельзя ужъ измѣнить“.

Весь этотъ эпизодъ, взятый нами изъ печатной Исторіи Казанской Семинаріи, на чей угодно взглядъ и чувство, не можетъ не отзываться, такъ называемою, іереміадою... И мы, хотя выписали его цѣликомъ, но не въ иныхъ мысляхъ, какъ для того, чтобы сказать только, что здѣсь сбывается изреченіе: „преданіе свѣжо, но вѣрится съ трудомъ“, а, съ другой стороны, потому-то оно и вѣрится съ трудомъ, что вышло изъ-подъ пера Автора *ужъ слишкомъ свѣжимъ* по самому времени, равно какъ и представлено въ такихъ чертахъ и краскахъ, которыя слишкомъ дисгармонируютъ съ его же собственнымъ изображеніемъ личности и дѣйствій высокопр. Филарета во всемъ цѣлостномъ его *„историческомъ“* изложеніи. Историческая сторона здѣсь, положимъ, въ общемъ вѣрна, такъ какъ *солдатскій наборъ* изъ лицъ духовнаго вѣдомства, дѣйствительно, былъ въ описываемую пору и простирался на всѣ Епархіи и, конечно, отозвался для всѣхъ и всюду тяжкимъ, и составилъ, такимъ образомъ, какъ бы эпоху въ своемъ родѣ, оставшуюся памятною во всемъ Русскомъ духовенствѣ даже и до сихъ поръ въ разныхъ мѣстныхъ преданіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если кому, то именно исполнителямъ этого набора,—мѣстнымъ тогдашнимъ Преосвященнымъ—приходилось чувствовать и испытывать почти одинаковую долю недовольства со стороны подначальнаго духо-

венства въ каждой Епархіи.—Но то, что представлено Авторомъ о характерѣ и образѣ дѣйствованія высокопр. Филарета въ разсматриваемомъ дѣлѣ, и какія выражены имъ чувствованія негодованія и все состояніе Казанскаго духовенста подъ вліяніемъ,—или, точнѣе, по выраженію Автора,—подъ гнетомъ „*крутыхъ и строгихъ мѣръ въ безпощадной отдачѣ*“ дѣтей духовенства въ солдаты,—вслѣдствіе которыхъ будто бы со стороны духовенства вызывались слезныя, раздирающія сердце, жалобы на столь непомѣрную строгость и безпощадность высокопр. Филарета, такъ что отсюда будто и сложилась и солдатская пѣсня, обличающая такія жестокія дѣйствія Архипастыря...—все это, говоримъ, подъ перомъ Автора, вышло далеко не соразмѣрно съ правдою и самою дѣйствительностью и отзывается, по этому, чѣмъ-то въ родѣ такъ называемаго, *напускнаго печалованья*, что совершенно неумѣстно и невѣрно даже и въ отношеніи къ самой солдатской пѣснѣ, которая одна, по видимому, только и могла бы служить опорою для Автора въ обрисовкѣ картины.—Начнемъ рѣчь нашу съ этой самой пѣсни.

Во первыхъ самое именованіе пѣсни, признанное, очевидно, и Авторомъ „*буянская воля*“..., о которой въ самомъ текстѣ пѣсни выражено: охъ, каковъ мнѣ сей ударъ!. Довела-жъ меня не доля (т. е. собственно начальственно-распорядительная), *но своя буянска воля*...,—слишкомъ рѣзко подрываетъ вышесказанное *печалованіе*... за подобныхъ лицъ—*буяновъ*, для которыхъ, говоря строго, много еще чести, чтобы служить имъ подъ знаменами Христолюбиваго воинства, а быть бы имъ только въ средѣ полчищъ Марса... Сюда же должно отнести, всеконечно, и то выраженіе въ пѣснѣ: „*прощай, прекрасная Венера*“. Изъ за такихъ *буяновъ, Марсовцевъ и Венерцевъ*, попадавшихъ, по тогдашнему выраженію, „*подъ красную шапку*“, едва ли могли выражать слезныя, раздирающія сердце жалобы и самые отцы, и родственники!!.

Во вторыхъ Авторъ напрасно относитъ и происхожденіе этой пѣсни собственно къ настоящей порѣ, и, исключительно, къ Казанскимъ семинаристамъ... Проис-

хожденіе ея по времени далеко раньше и, по мѣсту, не принадлежитъ собственно только Казани, такъ какъ и распѣвалась эта пѣснь, и осталась въ памяти и до днесь въ разныхъ Епархіяхъ; да и редакція ея не одинакова въ частностяхъ. Все это утверждаемъ на основаніи и прежде бывшихъ, отчасти извѣстныхъ намъ, и нарочито провѣренныхъ данныхъ.—Такъ въ одномъ мѣстѣ передано намъ устно и даже на распѣвъ (употреблявшійся для этой пѣсни), слѣдующее въ концѣ ея четверостишіе:

„Все поляки тѣ безмозглы
Намъ солдатчину наслали...
Ну пора жъ ихъ проучить
И въ башки ихъ мозгу вбить"...

Отъ другихъ же лицъ, знавшихъ еще въ болѣе давнюю пору эту пѣсню, мы слышали за вѣрное, что она пѣлась не на счетъ поляковъ, а французовъ за двѣнадцатый годъ. Потому-то и вмѣсто сказаннаго четверостишія относительно поляковъ, было приведено слѣдующее о французахъ четверостишіе:

„Звѣронравны всѣ французы
И ихъ чёртъ Наполеонъ
Намъ солдатчину наслали...
Ну пора жъ разбить имъ пузы"...

Въ числѣ лицъ, знавшихъ и пѣвавшихъ пѣсни, именно въ послѣднемъ видѣ, мы можемъ указать на извѣстнѣйшаго во всей Казани—маститѣйшаго старца, бывшаго въ Ивановскомъ (мною тогда лично управляемомъ) Монастырѣ іеромонаха, замѣчательнѣйшаго по самому своему оригинальному имени—„*Разумникъ*" [1]). Онъ, дѣйствительно, обучавшись уже въ философскомъ классѣ, бывшей тогда, Казанской Академіи, былъ записанъ въ 1811 г. въ военную службу и находился, затѣмъ, въ походахъ заграничныхъ, состоя въ званіи унтеръ-

[1]) Скончался въ 1883 г., съ принятіемъ схимы съ именемъ „*Порфирій*", имѣвши отъ роду 95 лѣтъ.

офицера-фельдфебеля.—Этотъ-то старецъ прямо утверждалъ, что сказанная солдатская пѣсня была въ ходу во время войны съ французами, и самъ онъ пѣвалъ ее усердно, по понятной тогда ненависти всѣхъ къ французамъ, какъ врагамъ лютымъ *„звѣроравнымъ"*,—каковое выраженіе, замѣчательно, употреблено и въ церковной молитвѣ, читаемой до-днесь въ день Рождества Христова на молебнѣ благодарственномъ *„въ воспоминаніе избавленія Церкви и Державы Россійскія отъ нашествія Галловъ (Французовъ) и съ ними двадесяти языкъ"*. Что же касается въ частности до воспоминаній помянутаго старца о высокопр. Филаретѣ по дѣлу о бывшемъ при немъ наборѣ солдатскомъ,—то, при одномъ указаніи ему на такія-то и такія-то будто бы жестокія его дѣйствія,—онъ просто ахнулъ и всплеснулъ руками. „Да помилуйте, говорилъ онъ,—кто это могъ и подумать, развѣ только сами же негодяи, попадавшіе по дѣломъ подъ *красную-то шапку*. Вотъ я и самъ, когда поступилъ къ намъ Владыка Филаретъ, былъ еще только причетникомъ послѣ военной службы, но онъ, при первой же моей къ нему явкѣ съ просьбою о лучшемъ мѣстѣ и, если можно, о діаконскомъ посвященіи,—просто обласкалъ меня, какъ родной какой, и хвалилъ, что я вѣрой и правдой послужилъ Царю и Отечеству на поляхъ бранныхъ, и спросилъ только, между прочимъ, проливалъ ли я кровь врага самымъ дѣломъ, чтобы, значитъ, не послужило это препятствіемъ къ посвященію во діаконы... Тутъ же разспросилъ онъ меня о моемъ происхожденіи и о томъ, ладно ли я учился въ бывшей, въ свое время, Академіи и хорошо-ли велъ себя; при этомъ же, какъ бы улыбнувшись, примолвилъ: „но удивительно, что тебя, такого съ виду замухрыстаго, записали въ военную службу, хотя, правда, тогда было не до этого, чтобы выбирать подъ мѣрку и съ виду молодцоватыхъ".—„Да, закончилъ старецъ, все это я говорю теперь, какъ сущую правду-матку про Владыку-то бывшаго Филарета, о которомъ и до днесь непрестанно молюсь за всю его благостность, за которую и всѣ, сказать правду, не знали, какъ и благословлять его,—особ-

ливо, какъ теперь помню, когда страшная была голодовщина во всей почти Епархіи, и когда духовнымъ отъ своихъ прихожанъ трудно было, да и грѣшно требовать чего либо по части доходовъ и сборовъ.—И онъ-то, Батюшка-Архипастырь, глядючи на всѣхъ и паче на своихъ духовныхъ, у которыхъ особливо были дѣти учившіяся, которыхъ приводилось хоть вовсе исключать за невозможностію содержать,—просто разрывался сердцемъ.—Объ этомъ всѣ тогда въ одинъ голосъ говорили, да и теперь скажутъ, кто все это видѣлъ и испыталъ".

Такъ, чѣмъ болѣе изслѣдовали мы, изложенное Авторомъ Исторіи, сказаніе о дѣйствіяхъ высокопр. Филарета по поводу бывшей солдатчины, тѣмъ болѣе убѣждались въ его неправдоподобности. Мы готовы были бы вовсе миновать это сказаніе, но помѣстили его, даже цѣликомъ во всей мрачности красокъ, въ тѣхъ успокоительныхъ мысляхъ, что и сами читающіе сразу уразумѣютъ и почувствуютъ значеніе этого сказанія и признаютъ его лишь въ томъ смыслѣ, что, при налагаемыхъ на картинѣ тѣняхъ, чистыя свѣтлыя черты главныхъ предметовъ изображенія становятся еще яснѣе и рельефнѣе и привлекательнѣе для взора и эстетическаго чувства...

Впрочемъ, что̀ касается самого Автора, то ему, какъ имѣвшему свои опредѣленныя рамки для изслѣдуемаго имъ спеціальнаго предмета—состоянія собственно семинарскаго быта, не мудрено было уклониться на сторону, приведеннаго имъ, сказанія. Состояніе духовенства и отношеніе его къ своему Архипастырю могли быть ему слишкомъ мало извѣстны, а равно и всѣ дѣйствія Архипастыря въ отношеніи къ духовнымъ лицамъ и ихъ дѣтямъ—даже и учившимся. Въ нашемъ повѣствованіи восполнятся въ своемъ мѣстѣ эти, недостающія у Автора, свѣдѣнія. По отношенію же къ учащимся въ Семинаріи мы приведемъ здѣсь слѣдующій фактъ, могущій, кажется, вполнѣ уяснить, что высокопр. Филаретъ не могъ быть *безпощаднымъ* въ рѣшеніи судьбы учившихся отдачею ихъ въ солдатчину.

Вотъ этотъ фактъ, записанный однимъ воспомина-

телемъ и подтвержденный намъ лично, прежде не разъ упоминавшимся, Каѳедральнымъ Протоіереемъ Викт. Петр. Вишневскимъ, бывшимъ на службѣ въ Семинаріи во все время архіепископства высокопр. Филарета. „Бывши Казанскимъ Архіепископомъ, Владыка Филаретъ для учащихся и учащихъ являлся истинно отцомъ благостнымъ. Экзамены, на которыхъ въ Бозѣ почившій любилъ присутствовать, были праздникомъ для питомцевъ и ихъ наставниковъ. Въ раздачѣ мѣстъ окончившимъ курсъ Владыка былъ строго разборчивъ, и лучшихъ воспитанниковъ всегда предпочиталъ слабоуспѣшнымъ, но, при переводѣ изъ одного класса въ другой, былъ возможно снисходителенъ и къ послѣднимъ. Однажды Ректоръ Семинаріи, по окончаніи экзаменовъ, представилъ Владыкѣ переводные списки учениковъ. Въ числѣ предназначенныхъ къ исключенію было много учениковъ средняго—философскаго отдѣленія, вмѣсто перевода ихъ въ высшее—богословское отдѣленіе. Принявъ списки и тутъ же наскоро пересмотрѣвъ ихъ, Владыка ничего не сказалъ Ректору.—Вскорѣ же, по обстоятельномъ разсмотрѣніи списковъ, прибылъ самъ въ Семинарію, подъ видомъ обыкновеннаго посѣщенія, и тутъ съ кротостію замѣтилъ начальствующимъ, что онъ не могъ согласиться съ ихъ строгимъ распоряженіемъ. „Надобно пожалѣть не учениковъ только, но и отцовъ, говорилъ Владыка: нужно взять во вниманіе, чего стоило отцамъ, при ихъ бѣдности, довести дѣтей собственными средствами до философскаго класса, и при этомъ подумать, какой ударъ родителямъ, когда они услышатъ, что дѣти ихъ, послѣ столькихъ тяжелыхъ и скорбныхъ заботъ объ нихъ, исключены изъ Семинаріи“.—Вслѣдствіе этого списокъ, само собою, былъ измѣненъ.

Что свидѣтельствуетъ одинъ этотъ фактъ [1]), воп-

[1]) Къ этому же факту должно, всеконечно, приложить и тотъ, о которомъ знаютъ уже читающіе, именно—относящійся ко времени холеры, о чемъ писалъ самъ высокопр. Филаретъ къ Преосв. Кириллу—Вятскому. „Видя неминуемую

реки приведенному выше сказанію, объ истинно-архипастырскихъ отеческихъ попеченіяхъ высокопр. Филарета о духовныхъ лицахъ—родителяхъ и дѣтяхъ безраздѣльно,—излишне и договаривать. Но, вотъ, предъ читателями сей часъ же, въ непосредственно слѣдующей главѣ, откроется въ возможной полнотѣ и ясности, что высокопр. Филаретъ обладалъ, можно сказать, особенною способностію сочувствовать всему духовному сословію, какъ, по его собственному выраженію, *своему родному* и проявлялъ это во всѣхъ своихъ архипастырскихъ отношеніяхъ и дѣйствіяхъ и личныхъ, и административныхъ,—о чемъ, впрочемъ, читающіе уже знаютъ изъ повѣствованія о служеніи его въ Калугѣ и Рязани.

опасность отъ страшной эпидеміи—холеры для Казани, приказалъ я распустить немедленно же по домамъ учениковъ Семинаріи и Училищъ, которые пріѣхали уже съ вакаціи, а не пріѣхавшимъ отсрочить явку до благополучнаго времени. Признаюсь: – смѣло поступилъ, но безпредѣльно благодарю Господа, что Онъ вложилъ мнѣ сію мысль, и помогъ привесть въ дѣйствіе: иначе въ теперешнемъ состояніи *погибъ бы сей цвѣтъ Казанскаго Духовенства*“. Если такъ отечески озабочивался высокопр. Филаретъ о сохраненіи учениковъ, что рѣшился даже подвергать себя отвѣтствованію предъ Высшимъ Начальствомъ,-то могъ ли онъ быть столь *суровымъ и безпощадным*, какимъ представленъ въ сказаніи о рекрутскомъ наборѣ у Автора Исторіи.

ОТДѢЛЪ IV.

ГЛАВА XI.

«Бѣдныхъ очень много, особенно *изъ нашего роднаго духовнаго сословія*... Скорбитъ и болитъ мое сердце за нихъ» [1]).

«Намъ—монахамъ нѣтъ приличія, ни удобности няньчиться съ родными... Другое дѣло—доставлять имъ содержаніе.—это есть наша обязанность» [2]).

«Вся паства Казанская могла ли не чтить и не любить нищелюбца, сиротопитателя, миротворца—незабвеннаго своего Архипастыря Филарета?!» [3])

Въ свѣдѣніяхъ Консисторскихъ говорится, что—„нищіе и бѣдные всегда вообще имѣли къ Архипастырю своему свободный доступъ; во время же голодныхъ годовъ онъ ежедневно раздавалъ приходящимъ особыя милостыни—по 5 коп. на каждое лице. Но бѣдныя семейства въ средѣ духовенства всегда были преимущественнымъ предметомъ его попеченій. Милосердое сердце его успокоивалось только тогда, когда Господь помогалъ ему обезпечивать чѣмъ либо такія семейства“ [4]). Эти же самыя чувства и отношенія къ бѣдствовавшимъ, особенно духовнымъ, въ Бозѣ почившій выражалъ и въ своихъ письмахъ при самомъ лишь наступленіи неурожайной поры. „Жатва хлѣба у насъ здѣсь будетъ очень

---

1. 2) Слова изъ писемъ высокопр Филарета къ родственнику.

3) Слова изъ рукописи г Карачева.

4) Консисторскія свѣдѣнія—стр. 6.

скудная и народъ долженъ будетъ потерпѣть великій недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ... Бѣдныхъ же очень много, особенно *изъ нашего роднаго духовнаго сословія*. Скорбитъ и болитъ мое сердце особенно за тѣхъ изъ нихъ, у кого и дома дѣтишекъ, какъ говорится, цѣлый залавокъ,—да есть и учащіеся въ Семинаріи и Училищахъ; боюсь, чтобы инымъ не пришлось просить объ исключеніи за крайнѣйшимъ оскудѣніемъ своихъ средствъ [1]). Припомнимъ къ этому и то что писалъ высокопр. Филаретъ къ преосв. Кириллу, бывшему Епископу Вятскому,—еще и во время холеры опасаясь, чтобы не было жертвъ эпидеміи въ средѣ учащихся и чтобы не погибъ цвѣтъ Казанскаго духовенства...

Впрочемъ, начавъ рѣчь объ указываемыхъ чувствахъ и отношеніяхъ высокопр. Филарета, столь любвеобильныхъ и *чистородственныхъ* къ лицамъ духовнымъ всякаго состоянія и положенія, мы предварительно обратимся еще къ одной сторонѣ, совершенно тожественныхъ, чувствъ и отношеній и дѣйствій въ Бозѣ почившаго, выразившихся во всей полнотѣ *родственнолюбія*, въ точнѣйшемъ смыслѣ этого слова, именно къ его роднымъ вообще и въ особенности Калужскимъ, о которыхъ уже знаютъ читатетели.—При этомъ оборотѣ нашего повѣствованія, само собою, не только небудетъ отступленія отъ предмета начатой рѣчи, а напротивъ все то, что высокопр. Филаретъ чувствовалъ, испыталъ и выражалъ по отношенію собственно къ роднымъ по плоти, то же самое онъ, естественно, переносилъ и прилагалъ въ своемъ благостно-сострадательномъ сердцѣ и и къ мѣстному своему духовенству, которое, быть можетъ, собственно по этому, и именовалъ онъ *своимъ роднымъ*.—Такая же соотвѣтственность чувствъ и отношеній могла и должна быть тѣмъ естественнѣе, что положеніе Калужскихъ его родныхъ оказывалось въ тяжкой и почти безвыходной долѣ именно въ эту же пору,—во вре-

[1]) Письмо къ П. С. Алексинскому, отъ 13 Іюля 1833 г.

мя холеры, отъ которой скончался глава, близкородственнаго ему и особенно любимаго имъ, семейства.—Наконецъ, тутъ же мы увидимъ ту особенную примѣрную черту въ духѣ и характерѣ указываемаго родственнолюбнаго участія, которая относится собственно къ тому,—чего именно желалъ и чего требовалъ высокопр. Филаретъ отъ благодѣтельствованныхъ имъ лицъ, начиная съ родныхъ,—а именно: онъ желалъ и требовалъ всевозможнаго попеченія и радѣнія со стороны главныхъ членовъ семейства о воспитаніи дѣтей въ истинномъ духѣ и чувствѣ христіанскаго благочестія, начиная съ самаго перваго домашняго обученія грамотѣ, и о дальнѣйшемъ школьно-учебномъ образованіи, соотвѣтствующемъ собственно духовному сословію.

О чувствахъ и отношеніяхъ, какія питалъ и выражалъ высокопр. Филаретъ къ своимъ роднымъ, мы знаемъ уже достаточно изъ прежде изложенныхъ свѣдѣній, именно когда пріѣзжали къ нему въ Калугу родитель его—отецъ Георгій и сестра Анна Егоровна и когда тамъ—въ Калугѣ при немъ постоянно находился родной братъ его о. Гавріилъ съ семействомъ.—Но какъ все это было, въ указываемую пору, при личныхъ свиданіяхъ и отношеніяхъ, то и самыя чувства родственнолюбія могли, какъ и бываетъ не рѣдко, выражаться, какъ говорится, только предъ глазами... или подъ вліяніемъ какихъ либо пріятныхъ впечатлѣній и т. п.—Зато, всего болѣе, истинность и искренность подобныхъ чувствъ и отношеній являются и доказываются тогда, когда кто либо изъ тѣхъ же близкихъ родныхъ находится въ какой либо невзгодѣ, и при этомъ вдали, и для облегченія своего положенія имѣетъ прямую нужду въ участіи и помощи... Вотъ, здѣсь-то и есть пробный камень для искренности, или не искренности родственныхъ связей, какъ и вообще расположенія и дружбы и между чужими знакомыми и даже друзьями. Не даромъ сложилось отъ глубокой древности изреченіе: „amicus certus in rebus asperis cernitur“. Въ послѣднемъ случаѣ, очевидно, потребно не изліяніе только чувствъ и любви, но, истинно сказать, подвигъ для любящей ду-

ши, готовой на всѣ жертвы до самоотверженія. Этотъ-то подвигъ и предстоялъ высокопр. Филарету по отношенію къ своимъ роднымъ Калужскимъ въ описываемую нами пору.

Съ перемѣщеніемъ высокопр. Филарета изъ Калуги сначала въ Рязань, а потомъ въ Казань, родной братъ его Протоіерей Гавріилъ оставался въ Калугѣ. Но не даромъ, какъ припомнятъ читающіе, при послѣдней разлукѣ двухъ любящихъ братьевъ, когда о. Гавріилъ хотѣлъ-было почтить брата своего—Святителя прощальною рѣчью, вмѣсто рѣчи залился только самыми горькими слезами, смѣшавшимися съ слезами и брата и приведшими всѣхъ въ плачъ и рыданіе... Это было истинное предчувствіе прощанія и разлуки ихъ на всегда...

Братъ высокопр. Филарета Гавріилъ скончался въ Калугѣ 10-го Мая 1830-го года отъ холеры,—скончался въ довольно раннихъ годахъ, оставивши послѣ себя семейство, состоявшее, кромѣ жены его, изъ пятерыхъ дѣтей малолѣтнихъ,—трехъ сыновей и двухъ дочерей. Вѣсть о кончинѣ брата для высокопр. Филарета, положимъ, не была тѣмъ ударомъ, какимъ обыкновенно поражаетъ сердца любящихъ болѣе по плоти, чѣмъ по духу. Онъ принялъ ее, какъ мужъ вѣры и упованія о Господѣ. Несомнѣнное свидѣтельство сего мы увидимъ не разъ въ послѣдствіи. Но положеніе оставшихся сиротъ не могло не озаботить его всевозможнымъ участіемъ къ нимъ по чувству и долгу благодарной любви и памяти къ покойному брату, и къ самимъ сиротствующимъ, тѣмъ болѣе, что, въ бытность свою въ Калугѣ, онъ зналъ дѣтей, почти всѣхъ, лично и видѣлъ во всѣхъ ихъ прекрасныя дарованія и направленіе, данное имъ еще съ младенческаго воспитанія подъ его же, между прочимъ, личнымъ вліяніемъ и руководствомъ. Во всякомъ случаѣ мы увидимъ, что съ первымъ же извѣстіемъ о смерти брата и принятіемъ участія въ состояніи оставшихся сиротъ онъ назвалъ ихъ, въ собственномъ смыслѣ слова, *„моими сиротами“*.—Высокопр. Филаретъ долженъ былъ устроить положеніе осиротѣвшаго семейства брата не иначе, какъ на мѣстѣ же ихъ жи-

тельства въ Калугѣ, такъ какъ у нихъ былъ собственный домъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ одинъ изъ такихъ близкихъ родственниковъ, который могъ быть для нихъ всегдашнимъ и благонадежнѣйшимъ опекуномъ и покровителемъ. Къ этому-то лицу, не разъ уже нами поминаемому, Петру Степановичу Алексинскому [1]), какъ лично уважаемому и искреннему другу, постоянно и обращался высокопр. Филаретъ во всемъ, что̀ касалось положенія сиротъ, оставшихся послѣ брата.

И. вотъ здѣсь-то, какъ мы сказали, выразились вся нѣжная любовь и отеческая попечительность высокопр. Филарета въ отношеніи къ его родственникамъ,—выразились не въ пристрастной привязанности, но въ самомъ мудромъ и благотворномъ руководствѣ и направленіи всѣхъ сиротствующихъ, отъ мала до велика, къ благой христіанской цѣли въ жизни по состоянію каждаго, а равно и въ возможно-безбѣдномъ устройствѣ ихъ житейскаго положенія,—въ чемъ настояла съ перваго же раза явная нужда.—Оказалось, что покойный о. Протоіерей Гавріилъ, не смотря на то, что состоялъ на службѣ въ свое время при братѣ—Архіереѣ и былъ, между прочимъ, Членомъ Консисторіи, когда, по обыкновеннымъ людскимъ взглядамъ и заключеніямъ, трудно почти допустить, чтобы онъ, пользуясь столь близкими отношеніями къ брату, не имѣлъ особеннаго вліятельнаго значенія въ глазахъ Епархіальнаго духовенства и, съ тѣмъ вмѣстѣ, не употреблялъ этого вліянія въ свою личную пользу извѣстнаго рода,—оказалось, говоримъ, что онъ кромѣ дома, значительной, положимъ, по тогдашнему времени, стоимости не оставилъ запасныхъ средствъ къ обезпеченію своего многочисленнаго семей-

---

[1]) О. Алексинскій, изъ магистровъ 1-го курса Московской Академіи, слѣдовательно, воспитанникъ самого же высокопр. Филарета, въ бытность послѣдняго Ректоромъ Московской Академіи (1814—1819 г.), былъ женатъ на старшей дочери о. Гавріила и, въ описываемую пору, былъ уже протоіереемъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, наставникомъ Семинаріи въ Калугѣ.

ства.—Видно, что черта нестяжательности брата—Архіерея, съ коимъ не даромъ онъ раздѣлялъ отъ юности своей всѣ невзгоды жизни, была чертою и его души. Несомнѣнно вѣдалъ и видѣлъ это въ покойномъ своемъ братѣ и высокопр. Филаретъ, и, потому-то, съ такимъ живѣйшимъ, вполнѣ отеческимъ, участіемъ и отнесся къ положенію сиротъ въ ихъ житейскихъ нуждахъ. Вотъ что писалъ онъ въ самомъ первомъ письмѣ своемъ послѣ кончины брата къ вышеупомянутому Петру Степановичу: „Добрый другъ мой! Да воздастъ тебѣ Господь Богъ милосердіемъ Своимъ и щедротами Своими за ту милость и благосердіе, съ каковыми призрѣлъ ты *сиротъ моихъ*. Для нихъ всего нужнѣе покровъ и жительство, именно совокупное съ тобою. На пристройки и нужды ихъ посылаю при семъ тысячу руб. Домъ же продайте за двѣ тысячи руб., даже можно сдѣлать и уступку, только бы не завязываться“ [1]). А что, вообще, нужды осиротѣвшаго семейства были не малы и настоятельны, особенно въ началѣ, видно изъ того, что не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ и менѣе того, высокопр. Филаретъ снова послалъ при письмѣ тому же Петру Степановичу собственно для сиротъ такую же сумму—тысячу руб. [2]). Затѣмъ встрѣчаемъ въ письмахъ многократныя посылки денегъ, тоже въ значительныхъ количествахъ, иногда 500, иногда 300 р. съ назначеніемъ на содержаніе сиротъ, а также и въ родѣ гостинцевъ къ праздникамъ. Вообще же очевидно, что всѣ подобныя пособія шли отнюдь не по вынужденію, вслѣдствіе просьбъ родственниковъ, а предупредительно по собственному желанію посылавшаго, чтобы не только удовлетворить вопіющія нужды, но и утѣшить сиротствовавшихъ. Для этого-то высокопр. Филаретъ всячески желалъ и старался, вырученный отъ продажи дома, капиталъ, какъ родовой, сохранить неприкосновеннымъ до полновозрас-

---

[1]) Письмо изъ Казани къ П. С. Алексинскому отъ 28-го Августа 1830 г.

[2]) Письмо къ нему же отъ 21-го Сентября 1830 г.

тія сиротствовавшихъ, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, по возможности увеличивалъ послѣдній изъ своихъ средствъ.

Но во всѣхъ этихъ щедрыхъ пособіяхъ высокопр. Филарета на обезпеченіе житейскаго быта покровительствуемыхъ сиротъ мы отнюдь не видимъ какого либо пристрастія къ роднымъ, или суетной мірской заботливости, въ родѣ, напр., того, чтобы дѣти, хотя и сироты, но какъ родственники Архіерея, являлись не ниже другихъ въ обстановкѣ и пр... Нѣтъ, высокопр. Филаретъ въ какой мѣрѣ и степени выражалъ свою попечительность о сиротахъ и оказывалъ имъ всѣ нужныя и нескудныя пособія, на столько же, и главнѣе всего, желалъ, чтобы благодѣянія его были полезны для благосостоянія ихъ внутренняго духовнаго. Такъ, въ письмахъ его постоянно встрѣчаемъ совѣты, наставленія и прямыя распоряженія опекуну и вдовѣ-матери о томъ, какъ воспитывать дѣтей, и, въ частности, какъ и чему обучать и къ чему направлять ихъ въ будущемъ. И все это отнюдь не отзывается тѣмъ, чего всего болѣе опасаются нынѣшніе педагоги и уставо-составители при одной мысли о завѣдываніи лицъ монашествующихъ дѣломъ воспитанія; здѣсь нѣтъ ни отсталости, ни рутинности, ни ригоризма, ни аскетизма, напротивъ такое живое, истинное человѣчественное чувство и разсужденіе относительно всего, касающагося дѣтскаго состоянія и развитія, какихъ съ трудомъ доискаться во всѣхъ нынѣшнихъ гуманизированныхъ педагогическихъ руководствахъ и правилахъ... Нѣкоторые же изъ совѣтовъ и наставленій относились не къ дѣтямъ только, а и къ взрослымъ лицамъ изъ родственниковъ;—и здѣсь тоже видна такая мудрая практичность житейская, которой нужно поучиться и тѣмъ, кто постоянно вращается въ быту семейномъ. А что главное,—во всѣхъ разсматриваемыхъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ выражался духъ истинно-христіанскаго благочестія и любви сколько нѣжной по чувствамъ человѣческимъ, столько ревнующей *о единомъ на потребу*.

Такъ напр., относительно дѣтей писалъ онъ.—„Младенца Сережу не отпускайте въ Москву. Ежели ему

приспѣло время учиться грамотѣ,—пусть начинаетъ Славянскою азбукою,—потомъ продолжаетъ Часословъ и Псалтырь Славянскую. Въ нихъ сѣмена благочестія и страха Божія. А въ превозносимыхъ нынѣшнихъ заведеніяхъ начинаютъ баснями. Пусть онѣ (басни) въ своемъ родѣ будутъ превосходны; а намъ изъ младенцевъ должно образовать служителей Церкви Божіей инаковымъ образомъ“ [1]). „Для Яши купите книгъ, сколько и какія нужны. Хорошо бы занять его больше изученіемъ Латинскаго и Греческаго языка, такъ чтобы онъ могъ читать книги. Да сдѣлайте милость,—питайте его чтеніемъ святыхъ книгъ. Хорошо бы ему купить Библію Латинскую Кастелліона, и читать Сираха и Новый Завѣтъ и Псалтирь, и прочее, по назначенію вашему“ [2]). И затѣмъ объ этомъ же племянникѣ, особенно любимомъ имъ, писалъ: „очень радуютъ меня успѣхи добраго Якова. Ободряйте его, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно внушайте ему, чтобы онъ готовился въ служители Церкви Божіей, чтобы быть подпорою матери своей и сиротъ своихъ однокровныхъ“ [3]). Но направляя этого племянника такъ рѣшительно къ духовному званію и стараясь такъ питать его святыми книгами, онъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, отнюдь не насиловалъ его способностей и не стѣснялъ ихъ свободнаго развитія.—Такъ, когда въ этомъ племянникѣ открылся, между прочимъ, даръ, или юношескій порывъ къ поэзіи, высокопр. Филаретъ отнюдь не преслѣдовалъ и не подавлялъ въ немъ этого настроенія, а съ особеннымъ удовольствіемъ любилъ получать отъ него стихотворенія его въ родѣ напр. поздравительныхъ съ праздниками, съ днемъ Ангела, такъ, что однажды самъ напоминалъ, что онъ ожидалъ отъ Якова стиховъ, но не получилъ“. Такъ же точно онъ

---

[1]) Письмо къ нему же отъ 17-го Октября 1832 г.

[2]) Письмо къ нему же отъ 28 Апрѣля 1830 года.

[3]) Къ нему же отъ 27-го Февраля 1833 г. Подъ *Яковомъ* здѣсь разумѣется—*Антоній*, впослѣдствіи Архіепископъ Казанскій, скончавшійся 8-го Ноября 1879 г.

не препятствовалъ, между прочимъ, одному изъ тѣхъ же покровительствуемыхъ сиротъ старшему племяннику Павлу поступить для образованія въ Московскій Университетъ; но когда пришла пора окончить ему курсъ, онъ и тутъ принялъ живое участіе въ выборѣ его жизни.—„Время теперь подумать намъ объ участи Павла (Гавриловича), который, кажется, кончилъ полный курсъ университетскій. Весьма мнѣ не нравится житьишко *колотырное* (собственный терминъ въ Бозѣ почившаго) *Семена* [1]) и ремесло его-то журнальное, то піитическое,—а все фантастическое, но существеннаго ничего нѣтъ. Боже сохрани, ежели и Павелъ пойдетъ тою же дорогой“ [2]). Смотря такъ, отчасти, неблагосклонно на свѣтскую жизнь и службу, высокопр. Филаретъ, ясно имѣлъ на это свои основанія; вообще же что онъ былъ чуждъ мыслей о замкнутости и безвыходности лицъ духовнаго происхожденія въ другія сословія и роды

---

[1]) Письмо къ П. С. Алексинскому отъ 2-го Іюня 1832 г. Павелъ во время студенчества жилъ у дяди Семена Егоровича, который былъ одинъ изъ младшихъ родныхъ братьевъ высокопр. Филарета, носившій фамилію *Рапчъ*. Онъ служилъ въ Московскомъ Университетѣ и извѣстенъ былъ въ литературѣ по трудамъ своимъ ученымъ, особенно обладалъ знаніемъ древне-классическимъ, и занимался переводами. Такъ между прочимъ извѣстенъ его трудъ—переводъ Георгики Тасса; участвовалъ онъ также въ тогдашнихъ журналахъ.—Братъ этотъ былъ женатъ *на нѣмкѣ*, по тому-то высокопр. Филаретъ и величалъ все его семейство *нѣмцами*, когда писалъ, чтобы малютку Сережу не пускать въ Москву *къ нѣмцамъ*, подобно какъ отпущенъ былъ туда Павелъ. О послѣднемъ же писалъ еще.

[2]) „А мнѣ чуется, что и Павлу-то нашему не сдобровать на избранномъ имъ пути. Послѣ университетскаго-то образованія тоже, пожалуй, будетъ *колотырничать*“... Покойный преосв. Антоній, твердо помня эти письма и въ частности самый этотъ оригинальный тер-

службъ,—это свидѣтельствуется многими другими фактами. Такъ, принимая участіе и въ другихъ родственникахъ, напр. дѣтяхъ самаго Петра Степановича, онъ писалъ ему: „Гавріила твоего благословляю на службу Царю и отечеству по его склонности и желанію. Такъ же, точно, когда тотъ самый родственникъ его, Уфимскій, который обучался въ Московской Академіи, и у котораго высокопр. Филаретъ бралъ въ займы 200 руб. денегъ, при отправленіи своемъ изъ Академіи на Калужскую паству—пожелалъ поступить на службу гражданскую, то этого самаго родственника высокопр. Фи-

---

минъ—*колотырничать* [1]) сказывалъ, что предчувствіе и слова владыки Филарета о братѣ Павлѣ сбылись впослѣдствіи даже и въ томъ, что онъ подобно дядѣ (Раичу) тоже *онъмечился*. По окончаніи курса въ Московскомъ Университетѣ, со степенью кандидата и съ медалью, братъ мой Павелъ поступилъ сначала къ Губернатору (г. Безобразову) въ домашніе учители, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, вскорѣ и въ Чиновники порученій при Губернаторѣ же.—Тутъ-то онъ и женился на гувернанткѣ, бывшей у того же губернатора, на англичанкѣ. Когда покойный владыка Филаретъ, въ проѣздъ свой чрезъ Москву въ Петербургъ, видѣлся съ братомъ Павломъ и, между прочимъ, сказалъ ему: „Ну что тебѣ, чадо, вздумалось жениться непремѣнно на *неправославной*-то?!.. братъ ему отвѣтилъ: „что Вы, Владыка?! жена моя, *право, славная*, такая, что я вполнѣ доволенъ и радъ"... Владыка же сказалъ: „ну такъ твоя-то острота ужъ больно *не славная*, и я больно *не радъ* и недоволенъ, что я услышалъ отъ тебя ее въ глаза мнѣ... я не знаю, какъ тебѣ

---

[1]) Здѣсь въ Казани вспомнивши это слово, онъ поручилъ мнѣ справиться въ академич. словарѣ,—есть ли оно тамъ?— Оказалось, что дѣйствительно есть; потому преосв. Антоній сталъ употреблять его иногда и самъ.

ларетъ не удерживалъ и самъ даже рекомендовалъ его, кому слѣдовало, и на первыхъ порахъ службы помогалъ ему деньгами. Писалъ высокопр. Филаретъ изъ Казани же и племяннику своему извѣстному Я. К. Амфитеатрову, обучавшемуся тогда въ Академіи Кіевской.— Письма эти, само собою, были во первыхъ *со вложеніемъ*... а что главное имѣлось на душѣ любвеобильнаго дяди,—это руководительное направленіе въ прохожденіи ученья и собственно по отношенію къ богословскому вѣдѣнію и преуспѣянію въ доброй христіанской нравственности.—Наконецъ, что особенно замѣчательно, когда этотъ племянникъ, впослѣдствіи знаменитѣйшій по своей спеціальной наукѣ—по Церковной Гомилетикѣ, Профессоръ Кіевской Академіи, выражалъ было, по временамъ, порывы призванія къ поступленію въ монашество, при бытности уже высокопр. Филарета Митрополитомъ Кіевскимъ, то послѣдній, при всемъ своемъ монахолюбіи, не благословилъ его на это; а видя и лично убѣждаясь въ его хорошей нравственной христіанской жизни, онъ ему благожелалъ только сохранять себя такъ навсегда. „Такъ Я. К. и скончался холостякомъ на 46-мъ году жизни, съ полнымъ напутствованіемъ Св. Таинствами—Покаянія, Причащенія и Елеосвященія.— За недолгое время до кончины высокопр. Филаретъ посѣтилъ и осѣнилъ послѣднимъ благословеніемъ того, кого съ юношескихъ его лѣтъ самъ руководилъ въ дѣлѣ

и благословеніе-то преподавать [1]). Братъ Павелъ вскорѣ скончался, а чрезъ нѣсколько времени и жена его; дѣтей у нихъ вовсе не было. Въ этомъ, видимо, исполнилось *не-благословеніе* Владыки... заключилъ съ грустью свой разсказъ преосв. Антоній“.

---

[1]) Свѣдѣнія эти сообщены, между прочимъ, и въ письмѣ отъ 23 Января 1880 г., присланномъ отъ о. прот. Александра Ив. Ростиславова—родственника высокопр. Антонія.

Православнаго Христіанскаго просвѣщенія и во всѣхъ путяхъ его жизни“ [1]).

Но особенное любвеобильное участіе высокопр. Филарета къ положенію родственниковъ выражалось тамъ, гдѣ обыкновенныя человѣческія мірскія чувства и отношенія, если и не совсѣмъ умаляются, то оказываются мало отзывчивыми, или отзывчивыми какъ бы глухо; мы разумѣемъ здѣсь положеніе лицъ среди постигающихъ скорбей, лишеній и т. п. А эти скорби и лишенія, посѣщавшія родственниковъ высокопр. Филарета, были весьма часты, а именно: въ описываемую пору послѣдовали, одна за другою, кончины нѣсколькихъ родныхъ разныхъ возрастовъ и состояній. Такъ въ самомъ, по преимуществу покровительствуемомъ высокопр. Филаретомъ, семействѣ покойнаго брата Гавріила, вдругъ въ одинъ годъ, умерло трое. И, вотъ, что писалъ по этому случаю высокопр. Филаретъ: „Утѣшайте, утѣшайте почтеннѣйшую Татіану Григорьевну эту воистину крестоносицу! Да укрѣпитъ Господь вѣру и надежду матери, въ столь короткое время разлучившейся съ тремя чадами своими! Но блаженна жена, воспитавшая такихъ дѣтей и отдавшая ихъ въ руцѣ Божіи наслѣдниками Царствія Божія“! Но такъ какъ кромѣ матери здѣсь постигла скорбная участь и другое лицо, овдовѣвшаго ея зятя,—въ самые первые годы его супружества.—то онъ писалъ и объ немъ: „Жаль очень добраго Василія Макаровича; утѣшайте его одиночество, невознаградимое ничѣмъ; пусть находитъ отраду въ молитвахъ о другѣ своемъ и въ общеніи духа, никогда не умирающаго. Можетъ быть, и онъ призывается къ молитвенному ангелоподобному житію. Судьбы Божіи неисповѣдимы„ [2])! Такъ же точно, когда зять другихъ родственниковъ, тоже священникъ Алексѣй Петинъ

---

[1]) Смотр. Біографическій очеркъ—„Амфитеатровъ Яковъ Космичъ“ соч. Аскоченскаго. Кіевъ 1857 г. стран. 140

[2]) Письмо къ П. С. Алексинскому. Татьяна Григорьевна вдова—жена покойнаго брата о. Гавріила.—Этотъ зять, овдо-

овдовѣлъ въ ранней же порѣ супружества.—высокопр. Филаретъ писалъ ему: „Судьбы Божіи бездна многа! Мой совѣтъ тебѣ, оплакавши кончину друга жизни твоей, посвятить остатокъ ея на служеніе Церкви Христовой въ монашескомъ званіи. Оставаться тебѣ приходскимъ священникомъ вдовому и бездѣтному не совѣтую. Кончину друга твоего прими за гласъ Божій, зовущій тебя къ безмолвному служенію Ему во святынѣ монашеской жизни. Послѣ кончины супруги, самое ближайшее къ тебѣ осталось душа твоя. Паче всего о ней и попекися—о спасеніи ея и сохраненіи въ цѣломудріи и святыни, *ихъ же кромѣ никто же узритъ Господа*" [1]).

Смотря на эти выраженія чувствъ, съ однимъ, какъ говорится, холоднымъ вниманіемъ разсудка, конечно, можно сказать: „чтожъ! здѣсь ничего особеннаго не заключается!.. Но не то свидѣтельствуютъ эти факты, если примемъ во вниманіе благотворное вліяніе со стороны высокопр. Филарета на всѣхъ сказанныхъ родственниковъ. Можно справедливо сказать, что едва ли не единственный въ наши времена примѣръ, когда изъ одного семейнаго рода видимъ мы почти одновременно *трехъ лицъ* въ святительскомъ санѣ, достигшихъ сего высшеіерархическаго званія отнюдь не по силѣ протекціи, или непотизма, а единственно путемъ призванія и личныхъ достоинствъ, такъ во время усмотрѣнныхъ и направленныхъ именно духовнымъ вліяніемъ и руководствомъ маститѣйшаго въ родѣ ихъ—Первосвятителя.—

вѣвшій, вскорѣ поступилъ въ монашество и былъ впослѣдствіи Епископомъ въ Томскѣ, гдѣ и скончался въ 1867 г. Имя его было—Виталій.

[1]) Этотъ овдовѣвшій родственникъ, священникъ А. Петинъ, дѣйствительно вскорѣ принялъ монашество съ именемъ Іоанна,—и былъ впослѣдствіи, при высокопр. Филаретѣ, Намѣстникомъ Кіево-Печерской Лавры. При нареченіи его въ Епископа Полтавскаго въ 1863 г., говоривши рѣчь свою, онъ привелъ въ ней во всей буквальной подлинности и всѣ слова изъ письма къ нему высокопр. Филарета.

Эти три лица суть—бывшій Архіепископъ Казанскій Антоній,—Епископъ Томскій—Виталій и Полтавскій Архіепископъ Іоаннъ... Что достиженіе ими сихъ степеней не зависѣло отъ сказанныхъ протекцій и непотизма, доказательство въ томъ, что это сбылось уже по кончинѣ высокопр. Филарета; а о силѣ и значеніи его духовнаго вліянія одинъ изъ нихъ—Епископъ Іоаннъ не обинулся засвидѣтельствовать предъ цѣлымъ священнымъ Соборомъ, при нареченіи его въ санъ святительства, съ благоговѣніемъ повторивши отъ слова до слова всѣ тѣ самыя строки изъ письма къ нему высокопр. Филарета, которыя приведены нами выше.

Мы должны привести еще очень довольно фактовъ, хотя и разномѣстныхъ и разновременныхъ; но въ этомъ сгруппированіи ихъ откроется та именно высокая черта родственнолюбія высокопр. Филарета, что онъ, при всѣхъ измѣнявшихся обстоятельствахъ его жизни, оставался неизмѣнно вѣрнымъ своимъ искреннимъ родственнолюбивымъ чувствамъ и убѣжденіямъ до самаго гроба. Это видимъ въ его духовномъ завѣщаніи, гдѣ онъ написалъ: „За симъ родственникамъ моимъ по плоти никакого наслѣдства, по кончинѣ моей, не оставляю“ [1]). Этими словами онъ далъ разумѣть, что во 1-хъ родственникамъ своимъ онъ при жизни своей сдѣлалъ все, что могъ и долженъ былъ сдѣлать ко благу родственниковъ, по всегдашнему искреннѣйшему его чувству и долгу любви, и во 2-хъ, что благо ихъ онъ поставлялъ не во внѣшнемъ достояніи, и что, потому, они напрасно бы стали простирать свои виды на какое либо вещественное наслѣдство. Какъ разъ объ этомъ предметѣ встрѣчаемъ слѣдующую замѣтку въ дневникѣ о. Намѣстника—подъ 7-мъ Декабря 1857 г.,—слѣдовательно ровно за двѣ недѣли до кончины въ Бозѣ почившаго.—„Въ 12 часу дня, когда я пришелъ принять благословеніе и стоялъ у постели Владыки, онъ, между прочимъ,

---

[1]) Смотр. Духовное завѣщаніе, пунктъ 12-й, во второмъ отдѣлѣ.

сказалъ: „я все думаю, что бы мнѣ еще сдѣлать доброе: хочу тысячу руб. передать Лаврѣ, съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы были раздаваемы вѣчно на бѣдныхъ нищихъ въ день кончины моей. Это хорошо будетъ и Богу угодно. Кто получитъ и эту хотя малую частицу, все-таки перекрестится и помолится. Когда же, при этомъ, зашла рѣчь объ одномъ изъ родственниковъ, Владыка сказалъ: „ну ему отъ меня столько-то, а болѣе нѣтъ и пусть не погнѣвается. Довольно было съ него, что получилъ прежде... коли умѣлъ всегда употреблять на истинную пользу.—О другой же родственницѣ сказалъ: ну, пусть живетъ теперь, какъ знаетъ; да при томъ и грѣхъ безъ разбора давать имъ, хотя и роднымъ. При этомъ же вспомнилъ Владыка о Митрополитѣ Серафимѣ и разсказалъ: „къ нему явился одинъ племянникъ, и высказалъ такую просьбу, чтобы дядя—Митрополитъ усыновилъ его;—вѣдь у Васъ-де болѣе никого нѣтъ изъ близкихъ родныхъ, а я самый ближайшій къ Вамъ“.—„Нѣтъ, отвѣчалъ Святитель, самая ближайшая ко мнѣ—душа моя, а потомъ нищіе“.—„Такъ и я чувствовалъ всегда и теперь тоже чувствую, и, потому, такъ и говорю,—такъ и поступаю“.

Родственниковъ вообще у высокопр. Филарета было очень много, и, какъ говоритъ пословица, „въ семьѣ не безъ урода“,—въ числѣ ихъ были подходившіе и подъ эту послѣднюю категорію. Вышесказанное о двухъ лицахъ—родственникѣ и родственницѣ ясно это подтверждаетъ...—Такъ же точно и, прежде приведенный нами, отзывъ высокопр. Филарета о братѣ своемъ Семенѣ, житьишко котораго онъ называлъ *колотырнымъ*, а о занятіяхъ его писалъ,—что это ремесло его то журнальное, то піитическое, а все фантастическое, но существеннаго ничего нѣтъ,—этотъ отзывъ, говоримъ, тоже даетъ разумѣть нѣчто, что могла чувствовать его, глубоко и чисто любящая брата, душа, любящая не по плоти только, но паче по духу. Не безъ причины онъ запрещалъ и малютку Сережу отправлять на воспитаніе въ семейство этого брата.—Но былъ у него и еще братъ Никита, въ которомъ онъ, при всемъ любвеобильномъ

участіи къ нему, съиздавна не предвидѣлъ прока и который нанесъ ему такую глубокую скорбь, что одно напоминаніе о постигшей его судьбѣ приводило духъ его въ смущеніе, умиряемое только молитвенными чувствами вѣры и упованія [1]). Еще объ одной изъ овдовѣвшихъ родственицъ своихъ—Маріи высокопр. Филаретъ, между прочимъ, писалъ такъ: „Марія и меня очень озабочиваетъ. Мнѣ кажется нѣтъ лучшаго для нея въ ея положеніи, какъ посвятить себя уединенной молитвенной жизни въ дѣвичьей обители, слѣдуя водительству Промысла Божія. Сохраненіе цѣломудреннаго вдовства вмѣнится ей за дѣвство; а въ мірѣ оставаться въ ея лѣтахъ не безопасно, да и безполезно для души ея. Впрочемъ къ совѣту моему нужно добровольное ея согласіе“ [2]). Но этого согласія не воспослѣдовало... что̀ и отозвалось для сердца Владыки не хорошо...—Случилось, что и та самая—Татьяна Григорьевна, которую онъ особенно старался утѣшить среди постигшихъ ее ударовъ, и ублажалъ, какъ истинную крестоносицу,—въ послѣдокъ дней ея жизни обезпокоивала его своимъ положеніемъ, опредѣляя себя на жительство не такъ, какъ требовало благоразуміе ради спокойствія и пользы какъ ея самой, такъ и другихъ. „Мнѣ, писалъ высокопр. Филаретъ, къ своему другу родственнику, не очень пріятно, или лучше сказать,—очень непріятно, что Татьяна Григорьевна оставила единственныхъ своихъ внучекъ. Впрочемъ, я постараюсь спровадить ее къ вамъ. Ей не слѣдуетъ оставлять Калуги, гдѣ столько положено залоговъ родныхъ ея! А для отца Антонія, (бывшаго тогда Ректоромъ Кіевской Семинаріи)

---

[1]) Въ чемъ заключалась эта, столь грустная исторія брата Никиты, намъ осталось неизвѣстнымъ, кромѣ нѣкоторыхъ только намековъ со стороны покойнаго высокопр. Антонія, который или будто и самъ не зналъ хорошо дѣла, или, подобно Владыкѣ Филарету, не могъ безъ смущенія вспоминать ..

[2]) Смотри письмо къ П. С. Алексинскому отъ 16-го Октября 1850 г.

былъ бы крестъ довольно тяжкій имѣть ее при себѣ. Намъ, монахамъ, нѣтъ приличія, ни удобности няньчиться съ родными, особенно женскаго пола. Дѣло другое доставлять содержаніе. Это есть наша обязанность" [1]).

Но такъ какъ всѣ эти отношенія касались близкихъ родственниковъ, съ коими высокопр. Филаретъ былъ связанъ и особенными обстоятельствами въ жизни,—и слѣдовательно могутъ показаться для кого нибудь все-таки не отрѣшенными отъ нѣкоторой доли пристрастія,—то, сей—часъ предлежащій намъ, фактъ долженъ уничтожить всякую подобную мысль. Этотъ фактъ слѣдующій.

Въ числѣ очень дальнихъ родственниковъ одинъ, еще въ молодыхъ лѣтахъ, именно во время обученія его въ Орловской Семинаріи, подпалъ, по Высочайше произведенному въ тридцатыхъ годахъ, такъ называемому, разбору лицъ духовнаго званія и отдачѣ въ военную службу. Двадцать лѣтъ слишкомъ онъ находился въ этой службѣ, проходя ее честно и исправно вѣрою и правдою. И какъ онъ имѣлъ всетаки порядочное образованіе, полученное имъ въ училищѣ и нѣкоторыхъ классахъ Семинаріи,—то занимался, отчасти, письмоводствомъ въ полковой канцеляріи, а болѣе всего состоялъ въ качествѣ причетника при военной церкви. Высокопр. Филаретъ по какимъ-то обстоятельствамъ вспомнилъ объ этомъ своемъ родственникѣ, и, собравши подробныя и вѣрныя свѣдѣнія объ его службѣ и жизни, подвигнулся своимъ любвеобильнымъ сердцемъ на помощъ къ его, во всякомъ случаѣ, бездольной участи, и тѣмъ болѣе, что въ немъ могли бы найдти себѣ подпору въ жизни его престарѣлые родители и близкіе родственники. На этомъ основаніи онъ не замедлилъ обратиться съ просьбою прямо къ Великому Князю Михаилу Павловичу о дарованіи родственнику—солдату чистой отставки отъ военной службы, не смотря на то, что онъ и не дослужилъ еще нѣсколькихъ годовъ до положеннаго тогда

---

[1]) Письмо къ нему же отъ 22-го Августа 1850 г.

двадцатипятилѣтняго срока. Его Высочество съ готовностію удовлетворилъ такое ходатайство великаго маститаго іерарха, *нестыдившагося нарицать простаго солдата своимъ родственникомъ*. Солдатъ — *Хорошиловъ* (фамилія описываемаго родственника) былъ уволенъ, по распоряженію Великаго Князя, не только въ совершенную отставку отъ службы, но и вовсе изъ военнаго вѣдомства для избранія рода жизни по собственному его желанію. — Когда Хорошиловъ прибылъ въ Кіевъ, высокопр. Филаретъ, лично испытавши и увѣрившись, что онъ дѣйствительно таковъ, какъ онъ узналъ объ немъ по справкамъ, и что, въ особенности, онъ во все время своей службы не только не забылъ, но по возможности развилъ свои научныя свѣдѣнія, и, въ частности, исполняя обязанности причетника при военной церкви, оказался знающимъ твердо уставъ церковный и хорошо поющимъ и читающимъ,—разсудилъ за благо признать его достойнымъ къ поступленію въ свое первобытное духовное званіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ, вмѣнивъ ему, двадцатилѣтнюю слишкомъ, службу Царю и Отечеству въ служеніе Церкви Божіей, принялъ его въ свою Епархію и рукоположилъ сначала въ діаконы, а затѣмъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, и во священники къ одной Церкви въ самомъ городѣ Кіевѣ.—Взысканный и ущедренный такими милостями Святителя, о. іерей Хорошиловъ вполнѣ оправдалъ ихъ своимъ смиреннымъ служеніемъ Алтарю Господню, подобно какъ совершилъ поприще своего многолѣтняго служенія вѣрою и правдою Царю и Отечеству. Онъ скончался, пережившій своего родственника,—милостивца благостнѣйшаго Архипастыря высокопр. Филарета, восемью годами, оставаясь до гроба священникомъ при сказанной церкви. Такимъ образомъ то, что получилъ онъ отъ Архипастыря, какъ родственника, оправдалъ и при его двухъ преемникахъ, высокопр. Митрополитахъ Кіевскихъ—Исидорѣ и Арсеніи [1]).

---

[1]) Фактъ этотъ равно какъ и относительно младшаго бра-

Отъ родственниковъ, мы переходимъ теперь къ продолженію начатаго нами повѣствованія о томъ,—какъ высокопр. Филаретъ, въ бытность свою въ Казани, радѣлъ вообще о лицахъ духовнаго званія, которое онъ именовалъ *своимъ роднымъ сословіемъ*. „Милосердое сердце его, по свидѣтельству оффиціальныхъ свѣдѣній, успокоивалось только тогда, когда Господь помогалъ ему обезпечивать бѣдствовавшія, такъ или иначе, семейства въ духовномъ сословіи, которое онъ и именовалъ не иначе какъ *роднымъ своимъ сословіемъ*“. И въ только, что приведенномъ фактѣ вполнѣ открывается, что это наименованіе духовнаго сословія „своимъ роднымъ“ было не однимъ лишь терминомъ. Родственникъ Хорошиловъ, какъ дальній родственникъ, и особенно отдалившійся и отчуждившійся отъ него и своего духовнаго званія и рода обстоятельствами жизни и самою долговременностію,—былъ уже едвали не болѣе чужимъ, чѣмъ роднымъ для него лицомъ; но мы видимъ, какъ онъ отнесся къ нему. Понятно, что будь онъ для него и совершенно чужой, онъ поступилъ бы точно также—чему примѣръ мы уже видѣли въ лицѣ, упоминавшагося прежде, старца іеромонаха Разумника, который самъ свидѣтельствовалъ объ этомъ.—Нельзя не замѣтить при подобныхъ фактахъ,—въ отношеніи ли къ родственникамъ, или вообще къ лицамъ духовнаго сословія, признаваемаго имъ родственнымъ для себя,—что высокопр. Филаретъ, по самому званію своему какъ Архипастырь, а въ разсматриваемыхъ отношеніяхъ какъ *отецъ отцовъ* духовныхъ въ средѣ ихъ пасомыхъ и самыхъ семействъ ихъ, желалъ видѣть, главнѣйшимъ образомъ, чувства и отношенія мира, снисхожденія и согласія въ духѣ христіанской любви другъ къ другу, какъ братьевъ о Господѣ и какъ членовъ единой семьи, составляющихъ цѣлое сословіе, каково попреимуществу сословіе духовное,

---

та высокопр. Филарета *Никиты*, взятъ нами изъ устныхъ разсказовъ высокопр. Антонія, но есть указаніе на это и у одного воспоминателя.

какъ избранное *достояніе Божіе*,—и гдѣ, попреимуществу, должны осуществляться слова Пророка Псалмопѣвца: *се что добро, или что красно, еже жити братіи вкупѣ!!* (Пс. 132,1) и, еще болѣе, слова Самого Пастыреначальника Господа Іисуса, изреченныя Имъ св. Апостоламъ, составлявшимъ для Него истинную, такъ сказать, родственную семью, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ вѣрующимъ, но паче преемникамъ Апостольскаго служенія—служителямъ Церкви: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою... Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ: не якоже міръ даетъ, Азъ даю вамъ.* (Іоан. XIII, 35; XIV, 27). Въ чемъ же и какъ желалъ достигнуть и дѣйствительно достигъ высокопр. Филаретъ такого, какъ бы родственнаго, союза между подчиненными духовными лицами своей Казанской паствы?!

Въ свѣдѣніяхъ Консисторскихъ читаемъ слѣдующее: „Падшихъ (изъ лицъ духовнаго званія) въ прегрѣшенія Владыка старался исправить, прежде и паче всего, духомъ кротости, и мѣры строгости уже употреблялъ послѣ того, какъ мѣры кротости оказывались не дѣйствительными. Особенно же не терпѣлъ онъ, чтобы духовные доносили другъ на друга, враждовали, ссорились и заводили тяжбы. Почему въ Духовной Консисторіи, во все время его святительства, весьма мало было судныхъ по взаимнымъ духовныхъ лицъ претензіямъ, да и, бывавшія въ производствѣ, дѣла получали всегда скорое, правое и милостивое рѣшеніе;—за что Секретарю Консисторіи и дѣлопроизводителямъ изъявлялась отъ бывшаго тогда Оберъ-Прокурора Св. Сунода неоднократно благодарность“ [1]).

Кратки эти свѣдѣнія, чтобы служить полнымъ отвѣтомъ на предложенный вопросъ; но дѣло не въ многорѣчивыхъ фразахъ, а въ чувствѣ, духѣ и силѣ вліянія съ вѣрнымъ достиженіемъ существенныхъ цѣлей.—Въ этомъ же отношеніи не довольно ли одного этого сви-

---

[1]) Смотр. свѣдѣнія изъ Казанск. Консисторіи стр. 7.

дѣтельства, что дѣлъ судныхъ и собственно тяжебныхъ, по личнымъ взаимнымъ претензіямъ духовныхъ лицъ,— было весьма мало. А при этомъ достаточно только представить, изъ за чего, въ самомъ большинствѣ, возникаютъ обыкновенно взаимныя претензіи въ средѣ духовенства... Если бы взять точныя статистическія свѣдѣнія изъ всѣхъ дѣлъ Консисторій по всей Имперіи,—то оказалось бы, что коренное истинное зло всякихъ личныхъ столкновеній и интригъ между духовными заключается именно въ самой не рекомендательной сторонѣ духа, характера и стремленія къ преобладанію въ чемъ бы-то ни было и, въ особенности, по части прибытковъ; не даромъ св. Апостолъ указалъ на эту именно сторону и употребилъ именно этотъ терминъ *прибытки*, и при томъ *неправедные*.. (1 Петр. V. 2). А такое направленіе, со всѣми своими послѣдствіями, начиная съ такъ называемыхъ *„происпей и волокитъ“* во время дѣлопроизводства, и оканчивая, часто случающимися, штрафами, запрещеніями и перемѣщеніями, сколькихъ лишаетъ *прибытковъ праведныхъ*, добытыхъ трудами и пріобрѣтенныхъ мирнымъ и честнымъ трудомъ?! Лишая же такимъ образомъ внѣшнихъ матеріальныхъ прибытковъ и препятствуя общему посильному обезпеченію духовенства,— это зло чѣмъ отзывается, всего естественнѣе, и въ отношеніи вліянія духовенства на своихъ пасомыхъ?! Одно то напр., что священникъ былъ подъ запрещеніемъ, и, тѣмъ болѣе, если находился въ монастырѣ,—въ какое ставитъ его положеніе въ отношеніи къ пасомымъ, а послѣднихъ къ нему? Въ прежнія времена было, да, можетъ быть, и въ нынѣшнія въ глухихъ мѣстахъ употребляется о бывшихъ въ Монастырѣ подъ эпитиміею священникахъ такое выраженіе въ средѣ прихожанъ: „нашъ-де батюшка тамъ въ Монастырѣ-то былъ заставленъ *сажу толочь*“. А отсюда понятно, каковы должны быть и отношенія прихожанъ къ такому священнику... А если таковый священникъ и будетъ перемѣщенъ, то слухомъ земля, какъ говорится, полнится... А съ другой стороны— и самъ, перемѣщенный по суду лишь формально-слѣдственному, но не испытавшій истинныхъ вразумленій

отъ эпитиміи и не уяснившій себѣ силы и значенія вины своей,—своего нравственнаго паденія,—будетъ ли въ состояніи измѣниться въ своемъ направленіи,—или же, наоборотъ, въ чувствѣ какъ-бы разочарованія и отчасти ожесточенія, можетъ впадать еще въ горшія паденія.?!

При этихъ грустныхъ явленіяхъ въ поясненіе ихъ дѣйствительности и во свидѣтельство того, какъ поступалъ высокопр. Филаретъ въ подобныхъ случаяхъ, мы приведемъ для примѣра слѣдующія данныя, значащіяся въ воспоминаніяхъ лицъ хорошо знавшихъ.

„Былъ у Владыки двуштатный священникъ съ жалобою на своего сослужителя. Владыка сказалъ ему, чтобы онъ явился вмѣстѣ съ обвиняемымъ. Поставивъ ихъ, какъ говорится, на одну доску, Владыка началъ увѣщаніе тѣмъ,—какъ ссоры противны тому ученію, которое они должны проповѣдывать своимъ прихожанамъ, подавая примѣръ собою. Назиданіе сопровождалось обыкновенно словами: ну, жалобщикъ,—не правдали? А? Что же ты скажешь на это?! Жалобщикъ, натурально, долженъ былъ растеряться отъ однихъ этихъ вопросовъ. Владыкѣ того и было нужно. „Кланяйтеся же другъ другу и примиритесь отъ души! да впредь такъ не дѣлайте, а то я вамъ!.. Поцѣлуйтесь о Господѣ и ступайте: Богъ мира да будетъ съ вами!“ Бывали случаи, что иной жалобщикъ не сдавался на увѣщаніе Миротворца. Тогда кроткій медіаторъ принималъ тонъ грознаго судіи. Возвысивъ голосъ, раскрывалъ онъ результаты тяжбы—волокитства и происти канцелярскія, лишеніе мѣста, запрещеніе, необезпеченность семейства. Терпѣніе Владыки при этомъ было невѣроятное. Сутяга, волею и неволею, уходилъ съ своими затѣями и одумывался.

Далѣе читаемъ, что, не взирая иногда на важность вины того, или другаго изъ духовныхъ, милостивый Святитель старался или ослабить, опредѣленное имъ, наказаніе, или и совсѣмъ отмѣнить. Случалось и такъ, что онъ заканчивалъ дѣло келейно, помимо начавшагося уже въ Консисторіи дѣлопроизводства для облегченія участи провинившагося. Разъ поступило къ нему дѣло священникѣ П. Е., которое могло кончиться даже рас-

триженіемъ послѣдняго; высокопр. Филаретъ, давъ ему эпитимію, помиловалъ его, сказавъ однакожъ при прощаніи строго—серьезно: „смотри о. Петръ! Буде не исправишься, Самъ Господь не пощадитъ“. И священникъ этотъ, продолжая жить плохо, говорятъ, утонулъ.

Приведемъ еще одинъ фактъ, сущность котораго въ своемъ родѣ отзывается курьезностью, но требовала серьезнаго вразумленія. „Въ одномъ приходѣ сельскомъ были два священника, изъ которыхъ одинъ весьма пожилой, а другой изъ молодыхъ. Оказалось, что они никогда не могли согласиться служить вмѣстѣ напр., въ великіе праздники Рождества Христова, Св. Пасхи, Св. Троицы и др., и, чрезъ это, одинъ кто нибудь, естественно, лишалъ себя священнодѣйствія и пріобщенія Св. Таинъ въ столь знаменательные дни. Причина же заключалась въ томъ, что ни тотъ, ни другой священникъ не хотѣлъ никакъ уступить первенства при священнослуженіи: одинъ на томъ основаніи, что онъ старшій по возрасту и службѣ, а другой потому, что онъ кончившій курсъ въ Семинаріи, тогда какъ первый не болѣе, какъ учившійся только въ училищѣ. Дѣло это шло у нихъ очень долго и они, естественно, питали другъ къ другу чувства непріязни; да къ тому же служеніе, или не служеніе того, или другаго въ праздники отзывалось нѣкоторымъ ущербомъ по части церковныхъ доходовъ на его долю. Заявляли они свою претензію, всякій въ свою пользу, Благочинному; этотъ сколько ни урезонивалъ ихъ,—не имѣлъ успѣха. Потому, при обозрѣніи Епархіи высокопр. Филаретомъ, доложилъ ему словесно о сказанныхъ отношеніяхъ священниковъ. Владыка спросилъ: а что? они, быть можетъ, подавали тебѣ и письменныя отъ себя заявленія?—Да, есть у меня дѣйствительно; но я не хотѣлъ давать имъ ходу“..—Владыка сказалъ: „напиши же отъ себя теперь же мнѣ репортъ, съ приложеніемъ ихъ заявленій, и проси моего разрѣшенія по этому вопросу“.—И, вотъ, на поданномъ репортѣ Владыка написалъ резолюцію: „Благочинный дастъ, особый каждому изъ священниковъ, ордеръ отъ себя со взятіемъ отъ нихъ подписки въ по-

лученіи и въ томъ, чтобы они оба, полученные ими, ордеры обязательно привѣсили на стѣнѣ около своихъ ставленническихъ іерейскихъ граммотъ; въ ордерахъ сихъ должна быть написана особенными крупными буквами настоящая моя Архипастырская резолюція": „Тотъ изъ двухъ священниковъ (имя рекъ) да занимаетъ, домогательствуемое себѣ, первенство при совмѣстномъ богослуженіи, кто сознаетъ себя глупѣе другаго„.—„Результатъ такой, можно сказать, *Соломоновской* резолюціи понятенъ".

„Такимъ образомъ,—заключаетъ свои сказанія одинъ изъ воспоминателей,—Казанское духовенство жило мирно, какъ Израильтяне во дни Соломона, какъ-бы подъ смоковницею своею; зной проторей судныхъ не изсушалъ кармановъ... „Потому-то могла ли вся паства Казанская не чтить и не любить нищелюбца, сиротопитателя, миротворца,—незабвеннаго своего Архипастыря Филарета?!" [1]).

„Привыкнувъ къ подобному словесному разбирательству, священно-церковнослужители стали было ходить съ подобными разбирательствами къ преемнику высокопр. Филарата—Архіепископу Владиміру; но послѣдній, вмѣсто того, чтобы разобрать и уяснить дѣло, требовалъ всегда объясненія факта на бумагѣ. Результатомъ и было, вскорѣ же, накопленіе дѣлъ въ Консисторіи—*впятеро*" [2])...

Да, сей-часъ сказанныя, слова о такомъ накопленіи дѣлъ *впятеро* мы могли бы почесть, пожалуй, и невѣроятными, или, по крайней мѣрѣ, признать ихъ не болѣе, какъ голословными, тѣмъ болѣе, что самое показаніе это исходитъ отъ воспоминателя, какъ частнаго лица; но на дѣлѣ оказывается дѣйствительная правда. Въ этомъ удостовѣряютъ подлинныя цифровыя данныя о количествѣ, накопившихся въ Казанской Консисторіи, дѣлъ не впятеро, какъ было при непосредственномъ преемникѣ высокопр. Филарета—Архіепископѣ Владими-

---

[1]) Изъ рукописи г. Карачева.

[2]) Т о ж е.

рѣ,—а, быть можетъ, въ дважды впятеро—за послѣдующее время, именно предъ тѣмъ, когда послѣдовало назначеніе въ Казанскую Епархію (въ 1866) покойнаго Архіепископа Антонія,—роднаго племянника высокопр. Филарета. Дѣлъ оказалось вообще не рѣшенныхъ—924, и въ числѣ ихъ собственно-слѣдственныхъ (изъ коихъ многія по весьма важнымъ уголовнымъ преступленіямъ)—395; изъ числа этихъ дѣлъ, на половину, такія, которыя тянулись въ производствѣ по 5, 6, 7, 10-ти и болѣе лѣтъ... Къ тому же по нескромнымъ, но совершенно вѣрнымъ и благонамѣреннымъ, источникамъ открывается и фактически подтверждается, что въ Консисторіи развился въ сильной степени недугъ взяточничества и не помимо даже *симоніи*... Если сдѣлать раскладку сказаннаго количества дѣлъ по числу церквей, коихъ, за открытіемъ въ 1850-мъ году Самарской Епархіи, состояло въ послѣднее время въ Казанской Епархіи около 400, то оказывается, что на каждый причтъ приходится по два дѣла изъ общаго итога, и въ частности изъ итога судебно-слѣдственныхъ—по одному... Понятно, какова же отсюда картина быта и положенія духовенства, каково значеніе и вліяніе его на пасомыхъ?! И все это въ какіе нибудь *тридцать лѣтъ* и особливо въ позднѣйшіе, какъ видно, годы,—когда такъ не умолчно трубятъ о прогрессѣ, о цивилизаціи, гуманности, свободномъ и дѣятельномъ саморазвитіи и пр. Что же удивительнаго, что цѣлыя массы изъ новокрещенныхъ мѣстныхъ инородцевъ, снова отпали отъ св. Православной Церкви?! Ясно, что каковъ попъ, таковъ и приходъ; а, пожалуй, справедливо и добавить: каковъ Архипастырь, такова и епархія въ разсматриваемомъ отношеніи. Но реставрируйте эту картину до тѣхъ слоевъ, въ какихъ она создана была святительскою рукою Филарета, гдѣ онъ отобразилъ весь свой духъ и перелилъ, такъ сказать, его въ среду духовенства,—вы и теперь заочно вздохнете свободно, утѣшитесь, умилитесь и невольно олицетворите себѣ того Архипастыря Филарета, а въ лицѣ его и все духовенство и всю паству его, которыя, какъ не даромъ выразился вышепомянутый воспоминатель,—

во дни его Архипастырства жили, какъ во дни Соломона...

И вотъ эта-то реставрировка, дѣйствительно, произведена была въ возможной мѣрѣ, когда спустя *тридцать лѣтъ* явился родной племянникъ высокопр. Филарета—Архіепископъ Антоній, и произведена именно силою и дѣйствіемъ того духа, характера и образа Архипастырскаго управленія Епархіею, какимъ ознаменовано оно было въ лицѣ высокопр. Филарета, начиная съ той неутомимой трудовой дѣятельности, которая ускорила и самую кончину ревностнѣйшаго послѣдователя его—племянника [1]). А какъ велики были труды самого высокопр. Филарета,—объ этомъ не даромъ онъ самъ свидѣтельствовалъ предъ своимъ искреннѣйшимъ другомъ—Святителемъ Вятскимъ Кирилломъ.—„Ваше Преосвященство выну въ моемъ сердцѣ, хотя я и часто виноватъ бываю предъ Вами моею безотвѣтностію на Ваши писанія. Первый годъ моего служенія въ новой здѣшней паствѣ Казанской такъ былъ для меня труденъ, что я не чаялъ и прожить оный, ибо паче мѣры отяготихся... но сила Божія въ немощахъ и совершается... Теперь за-то ощущаю въ душѣ моей какую-то особенную пріятную свободу, и тягость паствы ношу съ удовольствіемъ... Любы вся *терпитъ?!*—„Семь мѣсяцевъ,—сказано далѣе,—прожилъ я въ городѣ—въ Спасскомъ Монастырѣ въ настоятельскихъ кельяхъ, чтобы собственно быть ближе ко всѣмъ дѣламъ управленія Епархіею, которыхъ и передѣлалъ безчисленное множество. И вотъ, послѣ св. недѣли спѣшу выбраться на чистый воздухъ въ загородный домъ, чтобы сколько нибудь возобновить, изнуренныя до крайности, мои силы [2]).

Здѣсь полагаемъ и мы конецъ нашему повѣство-

---

[1]) Желающихъ знать это въ точности и подробности мы отсылаемъ къ изданной нами біографіи покойнаго высокопр. Антонія—Архіепископа Казанскаго.

[2]) Письмо отъ 19-го Апрѣля 1829 г.

ванію о всѣхъ истинно неутомимыхъ трудахъ высокопр. Филарета въ теченіе восьмилѣтняго его Архипастырскаго служенія на каѳедрѣ Казанской.—Вмѣстѣ же съ нимъ послѣдуемъ въ его загородный домъ и скажемъ нѣсколько свѣдѣній о его домашней святительской жизни.

ОТДѢЛЪ V.

ГЛАВА XII.

«Довольно было иногда, чтобы только посмотрѣть на него (высокопр. Филарета) и, тѣмъ паче, быть принятымъ у него въ его простой домашней обстановкѣ, чтобы вынести глубоко-поучительный урокъ на всю жизнь каждому по своему состоянью, начиная отъ селянина—не только Русскаго, но и чувашенина, и черемисенина и до знатнаго сановника и именитаго купца» [1]. «Узнавъ самый день отъѣзда святочтимаго своего Архипастыря—Филарета, Казанцы со всѣхъ концовъ города и изъ подгородныхъ слободъ спѣшили въ храмъ, чтобы узрѣть въ послѣдній разъ своего святаго *молитвенника*. Между толпами народа около собора пролѣзали даже и татары (некрещенные), повторяя слова: «ай, ай! муфтѣй-то эта больна былъ добра...» [2].

Замѣчательно, что во всю жизнь высокопр. Филарета во всѣхъ мѣстахъ его служенія выпадала для него, какая-то особенная, доля по части помѣщеній, которыя ему приводилось на первыхъ же порахъ или устраивать, или возобновлять. Такъ, мы видѣли и въ Уфѣ, и въ Тобольскѣ, и въ Московской Академіи, въ Калугѣ и Рязани. Это же самое увидимъ и въ Кіевѣ, равно какъ и теперь въ Казани. Изъ вышеприведенныхъ строкъ его письма о проживаніи въ Спасскомъ Монастырѣ въ настоятельскихъ комнатахъ понятно всякому, что это проживаніе было временное и въ чужихъ помѣщеніяхъ, принадлежащихъ, по прямому назначенію, Настоятелю

[1. 2]) Изъ рукописи г. Карачева.

Спасскаго Монастыря.—Жить, какъ хозяинъ, онъ могъ только въ загородномъ домѣ, отстоящемъ отъ каѳедральнаго собора и Консисторіи верстъ на 5—6. Тамъ жили до него и прежніе Архіереи, хотя для пріѣзда своего и пребыванія имѣли наемную квартиру; но эту квартиру высокопр. Филаретъ занимать не пожелалъ, а избралъ себѣ помѣщеніе въ Монастырѣ Спасскомъ, не взирая на тѣсноту, которая очевидна и при теперешнемъ видѣ настоятельскихъ комнатъ, занимаемыхъ нынѣшними Преосвященными Викаріями, которые состоятъ и Настоятелями этого Монастыря.—Домъ же городской собственно для архіерейскаго жительства былъ лишь начатъ постройкою до его прибытія.—Эту-то постройку самъ онъ и долженъ былъ продолжать.—Что же касается до загороднаго дома, то хотя онъ по зданію былъ, можно сказать, великолѣпный, почти что дворецъ, такъ какъ и построенъ былъ по личному повелѣнію Императрицы Екатерины II-й и, какъ говоритъ преданіе, по начертанному Ею же Самою собственноручно плану;—но все это удобство заключалось собственно въ корпусѣ, въ которомъ были, дѣйствительно, многообразные аппартаменты и орнаменты и даже зала была въ два свѣта и съ хорами для пѣвчихъ, или, пожалуй, музыкантовъ во время парадныхъ обѣдовъ... А что требовалось собственно для житья и загороднаго удобства, то этого-то и не доставало; даже и самый дворъ оставался безъ ограды и, тѣмъ болѣе, безъ сада. Отсутствіе сада было, болѣе всего, ощутительно для высокопр. Филарета; потому онъ въ первый же годъ занялся этимъ дѣломъ. „Прошлою еще осенью, писалъ онъ преосв. Кириллу, я насадилъ нѣсколько сотъ яблонь-прививковъ, теперь стану ихъ воздѣлывать, ежели не позябли только въ прошедшую суровую зиму.—Это—третій уже я насаживаю садъ плодовитый въ теченіе архіерейства моего; отъ двухъ удалось вкусить едва только первые плоды; не знаю, какъ удастся отъ третьяго. Но кто бы ни вкушалъ, только было бы насажено и воздѣлано. Въ слѣдующей чрезъ годъ зимѣ надѣюсь изготовить новый домъ въ городѣ и жить въ немъ“.

Объ образѣ домашней жизни высокопр. Филарета сохранилось много живыхъ разсказовъ, которые высокопр. Антоній любилъ выслушивать и нарочито распрашивалъ лицъ знавшихъ, не исключая простолюдиновъ, наприм., изъ крестьянъ, бывшихъ, по прежнему положенію, штатными служителями при архіерейскомъ домѣ, которыхъ въ самое первое его прибытіе въ Казань оставалось еще довольно въ живыхъ, и нѣкоторые изъ нихъ находились въ непосредственной прислугѣ при дядѣ его,—какъ напр., поваръ—Павелъ Михайловъ—бывшій форейторъ, садовникъ, пасечникъ. Владыка Антоній, по временамъ, передавалъ мнѣ отрывками тѣ, или другіе разсказы; но я, съ своей стороны, имѣя уже подъ руками начатую работу по составленію біографіи высокопр. Филарета, интересовался, еще болѣе самого Владыки Антонія, подобными свѣдѣніями, которыя и имѣлъ удобный случай получать отъ разныхъ сказанныхъ лицъ, проживая во время вакацій въ загородномъ же домѣ. Естественно, что предо мною всѣ эти разсказчики были свободнѣе и откровеннѣе, чѣмъ предъ Владыкою Антоніемъ; къ тому же я и самъ, имѣя, такъ сказать, свою нить для снизки подобныхъ свѣдѣній, задавалъ многіе отъ себя вопросы и, такимъ образомъ, наводилъ разсказчиковъ на воспоминанія... При этомъ бывало и такъ, чего иной самъ мало помнилъ, указывалъ на другаго. „Вотъ ты, батюшка, пошли на бутырки [1]) за такимъ-то и такимъ-то, они, въ тѣ-поры, постоянно тутъ при Владыкѣ-то Филаретѣ находились на разныхъ работахъ и услуженіяхъ. Иные, напр., вотъ и ограду-то каменную строили, и деревья-то разсаживали; а, вотъ, такой и такой строили для него особенную избу большую, вонъ тамъ, гдѣ теперь большая бесѣдка...“—Призываемые изъ указанныхъ старожиловъ, равно какъ и

---

[1]) Небольшая деревня близъ самаго загороднаго дома, составившаяся изъ прежнихъ, назначавшихся на 25-ти лѣтній срокъ, штатныхъ служителей и, затѣмъ, оставшихся тутъ на всегдашнее жительство.

вообще всѣ были обыкновенно, какъ нельзя болѣе, словоохотливы, а иные, при нѣкоторыхъ воспоминаніяхъ своихъ, утирали и слезы... „Вѣдь онъ, Владыка-то Филаретъ, былъ, какъ баяли всѣ, ужъ извѣстно, святой.., а ужъ какой добрый и ласковый былъ, то и сказать нельзя... Самые даже нехристи—татары и тѣ, бывало, дивовались, когда онъ—по ихнему большой мулла,—увидитъ, бывало, ихъ, приходившихъ сюда, особенно вонъ туда—къ воротамъ, гдѣ у нихъ схоронены какіе-то татарскіе знатные и по ихнему будто-бы святые,—то и заговоритъ съ ними и таково-то ласково, что говоритъ не наговорится, и они тоже слушаютъ не наслушаются... А когда была страшная, въ тѣ-поры, голодовщина, то этой татарвы ходило сюда просто гурьбами, и не разберешь бывало, кого больше,—нашихъ русскихъ, или ихнихъ... Онъ же, бывало, и самъ выйдетъ ко всѣмъ и тутъ-то, безъ разлику всякаго, начнетъ говорить съ ними, а тутъ ужъ начнутъ и раздавать деньги каждому тоже безъ разлику... Ну, а мы-то всѣ штатные такъ и ходимъ за хлѣбомъ, какъ въ свои сусѣки. Онъ же коли, бывало, увидитъ кого, то опять таки примолвитъ: „ну-ну, родимые, берите—берите, да смотрите изъ напеченаго-то хлѣба и другимъ въ сумы-то кладите... случись бы и татарину... особливо если увидите у кого тутъ же малыхъ ребятишекъ—ихъ *баранчуковъ*... или больныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ... и вообще стариковъ—*бабаевъ*, какъ сами татыры ихъ называютъ...“ А Владыка-то, бывало, любилъ слова татарскія, какія зналъ, говорить, особливо когда повстрѣчаетъ кого-нибудь изъ татаръ. Да и съ нами-то служителями онъ говаривалъ по нашему же и больно таково умѣлъ... Зналъ онъ насъ и звать, чуть не всѣхъ, по имени,—только любилъ больше по отчеству:—то Михайлычъ, то Парѳенычъ... Выходило же у него все это больно ласково, тихо, да кротко, хоть бы коли что и замѣтилъ... Да и какъ бывало ему и не замѣтить-то... Онъ и въ поварную захаживалъ, и на задній дворъ, и на работахъ разныхъ бывалъ;—любилъ больно онъ бывать, когда косютъ сѣно, или жнутъ хлѣбъ... и обо всемъ толкуетъ, бывало, какъ есть кста-

ти, да къ дѣлу... Ужъ, бывало, и мы всѣ дивимся не надивимся, какъ это онъ до всего умѣлъ доходить. При каждомъ, вѣдь, нашемъ дѣлѣ на разныхъ работахъ то одно онъ примолвитъ, то другое: а иногда, какъ бы по-нашинскому, скажетъ прибаутку, а у него то все выходило по божественскому... Захаживалъ онъ въ ину пору и въ наши избы, и тутъ-то всѣхъ переглядитъ, и ребятишекъ приголубитъ, и раздастъ имъ по пятачку... а ребятишки такъ и льнули къ нему; онъ пойдетъ домой, а они за нимъ гурьбой въ догонку: онъ остановится, опять ихъ поласкаетъ, а то доведетъ домой къ себѣ и тамъ что нибудь раздастъ имъ, а все-то имъ твердитъ: „Богу молитесь, Богу молитесь, дѣтушки...“ Любилъ онъ еще рыбку ловить по просту удочкой,—и самъ же приносилъ её домой *въ челячкѣ* [1]). Любимая была для него еще проходка на пчельникъ, и долго-долго въ ину пору онъ тамъ засиживался гдѣ нибудь въ уголку, одинъ-одинёхонекъ, какъ есть-чтобы никто его не видалъ; а видѣвшіе-то баяли, что онъ тамъ часто молился, или читалъ книги божественныя;—а то слыхивали, что онъ больно-больно вздыхалъ и, кажись, плакалъ... какъ бы всхлипывая?!“

Изъ числа подобныхъ, въ разное время, разсказчиковъ былъ постояннѣе всѣхъ и для меня доступнѣе поваръ Павелъ Михайлычъ, который служилъ при высокопр. Филаретѣ въ Казани и съ нимъ же отправлялся въ С.-Петербургъ. Покойный Владыка Антоній, какъ только узналъ про этого Павла Михайлыча, приказалъ позвать его и, увидя, что онъ еще въ силахъ, велѣлъ экономy взять его въ повара, узнавши отъ него, что онъ умѣетъ готовить хорошо, какъ говорится, и по дворянски... (Послѣ Владыки Филарета Михайлычъ былъ принятъ на жительство въ помѣщичій домъ г.г. Геркенъ и здѣсь-то, дѣйствительно, изучилъ кухмистерскую часть).—Владыка Антоній спросилъ его: помнитъ ли онъ,—что, когда и какъ готовилъ самому Владыкѣ Фила-

[1]) *Челякъ* татарское названіе ведра.

рету, и, если помнитъ, пусть готовитъ и для него такъ-же. Слушавшій сперва полуулыбнулся... потомъ заговорилъ: „помнить, какъ не помнить, что, когда и какъ готовилось для святаго Владыки Филарета... я и самъ теперь на старости варю для себя часто тоже самое, и, по его заповѣди, всегда съ особою молитвою—и не скрою, что это дѣлаю тогда, когда немножко занедужится.— А Владыка, бывало, и самъ говаривалъ: „вотъ, Михайлычъ, у меня опять проявляется *лихоманка* [1]), и это, вижу я, отъ того, что вотъ недавно пообѣдалъ у такихъ-то. Ну-ка, приготовь ты мнѣ вотъ то-то..." „Однако, спросилъ Владыка Антоній, что же ты готовилъ обыкновенно?" —„Да то, отвѣчалъ онъ, что Вашему-ту Высокопреосвященству едва ли придется готовить, развѣ только въ самый великій постъ, да и то на первой и страстной недѣлѣ..." Владыка Антоній все это, болѣе чѣмъ кто, понималъ, знавши самъ лично о дядѣ и по Калугѣ и еще болѣе по Кіеву,—а съ тѣмъ вмѣстѣ чувствовалъ и себя, что онъ, наоборотъ, любилъ по части стола совсѣмъ другое... Вкушалъ-то онъ, дѣйствительно, весьма мало, за-то, по разнообразію и качеству кушаньевъ, можно было почесть его за гастронома—иногда до щепетильной прихотливости, хотя это было независимо отъ него, а отъ катарральнаго состоянія желудка.— Изъ всего же, такъ называемаго, *меню*, переданнаго Михайлычемъ о столованьѣ высокопр. Филарета, оказывалось, что готовилось ему: всего чаще овсяный супъ съ грибами и постоянно гречневая каша, называемая красная; по праздникамъ уха, но непремѣнно изъ мелкихъ окуней, или карасей; ко всему этому подавались всегда ржаные мелкіе сухари, которые онъ употреблялъ и въ супѣ овсяномъ, и въ ухѣ,—или въ квасу съ хрѣномъ, или рѣдькою; квасъ любилъ въ особенности, съ кото-

---

[1]) Лихоманкою—или что тоже лихорадкою высокопр. Филаретъ нерѣдко хворалъ и иногда очень но долгу. Объ этомъ есть свѣдѣнія и въ письмахъ его, о чемъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

рымъ часто ѣлъ и кашу; этотъ квасъ варить онъ научилъ Михайлыча даже самъ, научившись этому еще въ Сибири—въ Уфѣ и Тобольскѣ, о чемъ самъ разсказывалъ.

При случаяхъ входилъ и я въ разговоры съ Михайлычемъ о житьѣ—бытьѣ высокопр. Филарета, и тѣмъ болѣе, что старецъ Михайлычъ, дѣйствительно, помнилъ все хорошо и передавалъ не иначе, какъ въ чувствѣ благоговѣйнѣйшаго почитанія Владыки; а, потому, онъ и самъ меня распрашивалъ, какъ и что было въ дальнѣйшей жизни Владыки Филарета въ Кіевѣ. Какъ-то къ слову, я заговорилъ съ нимъ о прежде сказанной избѣ въ саду.., ставя ему при разговорѣ тѣ и другіе вопросы. Вмѣсто разговорнаго изложенія передамъ здѣсь, подъ-рядъ, его сказаніе. „Избу-то распорядился Владыка построить для себя въ первый же самый годъ. Сначала опасно даже было за него, что онъ тамъ въ ину пору по долгу находился, а иногда и ночевалъ, такъ какъ ограды крѣпкой тогда и не было... Не ровенъ часъ, опасались, какъ бы злой человѣкъ какой не обидѣлъ: а къ тому же еще ужасно было много ужей и змѣй, такъ что когда расчищали мѣсто и строили избу, то рабочіе больно трусили, чтобы змѣи не уязвили... Но Владыка, почему-то, ихъ не боялся; онъ приказалъ только, чтобы въ ближайшемъ оврагѣ навалить больше хворосту, щебню и всякаго мусору и загнать ихъ туда,—гдѣ они, дѣйствительно, и стали жить, почти безвыходно; не велѣлъ еще онъ бить ни одной гадины.—Въ этой избѣ, раздѣленной перегородкой внутри—съ дверкою, и съ сѣнцами, мебели никакой небыло, а только двѣ скамейки простыхъ и два стола простыхъ же плотничныхъ, не крашеныхъ; кровати тоже не было, а только большая широкая скамья. Вмѣсто постели припасали ему то соломы, то сѣна свѣжаго; покрывалъ постилку онъ простынею, или одѣяломъ. Въ избу эту онъ, бывало, никого не принималъ изъ сторонніхъ и просителей; а въ случаѣ чьего прихода тотчасъ выходилъ на крыльчико, или садился на скамейкѣ, устроенной у стѣны, и тутъ бесѣдовалъ. Когда, помнится, пріѣзжалъ къ нему какой-то

Архіерей, кажись—Вятскій, его-то, хотя было и зимой, онъ привозилъ и сюда въ загородный домъ и водилъ въ избу. По случаю этому, т. е. при пріѣздѣ, значитъ, гостя Архіерея, мы было и всполошились; думали, что вотъ-вотъ нужно будетъ готовить многія купанья.., а оказалось, что этотъ Архіерей точь-въ точь такой же постникъ, да и видно, что онъ больной какой-то былъ. Да, кажись, онъ былъ сродни нашему Владыкѣ-то; больно ужъ они были неразлучны и говорятъ, бывало, не наговорятся. Пріѣзжій Архіерей тогда и служилъ не то здѣсь въ Вознесенской домовой церкви,—не то въ городской; запамятовалъ я что-то...—А нашъ-то Владыка ужъ такой былъ усердный служить, что и сказать не знай какъ; да и самыя-то церкви онъ почему-то особенно любилъ и говорилъ объ нихъ что-то особенное. Помню, какъ теперь, разъ собралось насъ, изъ его прислуги, около крыльца довольно, попросту посидѣть вечеркомъ лѣтнимъ; самъ-то онъ былъ тамъ—въ избѣ своей,—или, какъ онъ говаривалъ всегда—*въ дебри*, или *въ скиту*... И вотъ вдругъ онъ идетъ оттуда... мы уже знали, что крѣпко не любилъ онъ, когда, при видѣ его, начнутъ уходить съ мѣста... Мы, значитъ, такъ и оставались, какъ были; онъ сначала постоялъ противъ большаго холоднаго храма, три раза поклонился съ молитвой, взглянулъ затѣмъ и на домовую церковь; напослѣдокъ подошелъ прямо къ намъ; мы всѣ подъ благословеніе; онъ, благословляя же насъ по одиночкѣ, какъ-бы съ разстановкою заговорилъ: „а что вы знаете ли, какъ наши-то церкви Божіи именуются?“ Сказать-то по правдѣ, не всякъ зналъ... особенно холодную... А онъ продолжалъ какъ бы про себя: „да, да... этотъ вотъ холодный храмъ—во имя входа Господня во Іерусалимъ; а этотъ, что на верху въ хоромахъ—во имя Вознесенія Господня на небо“. Проговоривши таки довольно, Владыка примолвилъ: „эхма, эхма!!“ такая была унего поговорка... и со вздохомъ сказалъ: „вѣдь Іерусалимъ-то святой для насъ и не на землѣ только, а и на небѣ.., а что-бы попасть въ него, значитъ нужно вознестись съ Господомъ... а какъ этого намъ достигнуть...?! Вотъ такъ

бы и радъ, пожалуй, въ рай, да грѣхи-то велики, и не пускаютъ...“ Такимъ-то манеромъ онъ часто любилъ заговаривать со всякимъ и все, бывало, сводилъ къ одному, къ наслѣдію, значитъ, Царствія небеснаго... И теперь святая душа его, вѣрно, тамъ ликуетъ. Ужъ больно радѣлъ-то онъ о спасеніи души своей... Онъ, вѣдь, хотѣлъ было даже вовсе выйти изъ архіерейства и думалъ непремѣнно для этого переселиться въ пустынь Раиѳскую; да, видно, не успѣлъ, да и Богу было не угодно. Въ Раиѳѣ уже начата была стройка и особаго дома, и церкви при самомъ домѣ... Но вдругъ пришелъ Царскій указъ, и ему велѣно было отправиться въ Петербургъ, сначала на время, а потомъ и вовсе онъ не возвратился. Ужъ каково-то больно и тяжело было всякому разставаться съ нимъ; и теперь вспомнишь лишь, такъ и сердце, и душа вся и заноетъ... Дай Господи ему свѣтлаго блаженства въ Царствѣ небесномъ!“

Чтобы, какъ говорится, не оставаться въ долгу предъ бывшими разсказчиками и тѣмъ болѣе, что они вспоминали о Владыкѣ Филаретѣ въ самыхъ неподдѣльныхъ чувствахъ истинно-священнаго почитанія имени и памяти его, я, съ своей стороны, не пропускалъ случая передавать имъ то, что подходило къ предметамъ ихъ воспоминаній. Я разсказывалъ имъ, хотя вкратцѣ, какъ было и что въ жизни въ Бозѣ почившаго, начиная еще съ юныхъ годовъ его,—напр., о пчельникѣ, о работахъ полевыхъ, объ уженьѣ рыбы, о спаньѣ на соломѣ у сестры родной, въ бытность уже митрополитомъ,—и о прочемъ, о чемъ несомнѣнно вспомнятъ и читатели и сами признаютъ въ приведенныхъ разсказахъ самое живое и вѣрное изображеніе, прежде бывшаго и извѣстнаго уже, образа жизни въ Бозѣ почившаго и что, наконецъ, увидятъ они еще въ повѣствованіи о жизни его въ Кіевѣ,—особливо въ любимой имъ Голосѣевой тамошней пустынѣ, которая составляла, по отношенію къ лаврѣ Кіево-печерской, тоже, что загородный домъ.

Содержаніе всѣхъ переданныхъ разсказовъ касалось собственно жизни въ загородномъ домѣ;—относительно же дома городскаго, о которомъ писано было

высокопр. Филаретомъ и въ письмѣ къ преосв. Кириллу, остается сказать только то, что, съ отстройкою его, онъ могъ здѣсь расположиться съ бо̀льшими удобствами, чѣмъ въ прежнихъ временныхъ—квартирныхъ помѣщеніяхъ въ Спасскомъ Монастырѣ.—Планъ для этого дома былъ составленъ еще до него, и начата была уже и самая постройка. Но онъ успѣлъ все-таки сдѣлать возможныя примѣненія въ немъ по своему усмотрѣнію; при чемъ особенно озабочивался, чтобы побольше было мѣста и удобства для крестовой братіи монашествующей и, по возможности, для пѣвчихъ, набираемыхъ обыкновенно изъ дѣтей исключительно духовныхъ родителей.—Домовую церковь онъ предполагалъ было устроить во имя св. Филарета,—своего тезоименника,—но не сдѣлалъ этого по скромности.., къ тому же оказалось, что въ самомъ соборѣ каѳедральномъ не было престола во имя перваго святителя Христова Казанскаго Гурія; потому онъ и восполнилъ это, освятивъ престолъ въ своей домовой церкви во имя сего Святителя, чтобы быть подъ непрестаннымъ его свышнимъ осѣненіемъ. По свидѣтельству воспоминателей, нѣкоторыхъ изъ очевидцевъ, дѣйствительно бывало такъ, что высокопр. Филаретъ совершалъ свои молитвенныя правила предъ окномъ, открытымъ прямо въ домовую церковь; а бывало и такъ, что онъ проходилъ, незамѣтно для другихъ, въ церковь и тамъ въ алтарѣ предъ самымъ престоломъ совершалъ свои особенныя усердныя моленія. „Келейникъ, одинъ изъ младшихъ,—читаемъ у одного воспоминателя, впослѣдствіи діаконъ Владимірскаго собора, разсказывалъ мнѣ, какъ очевидецъ, что онъ имѣлъ случай видѣть и нарочито втайнѣ подсматривалъ, какъ тамъ, въ алтарѣ, Владыка Филаретъ въ глухую полночь весь, такъ сказать, распалялся въ молитвенныхъ своихъ возношеніяхъ... Видали его часто приходившимъ и въ ту самую келлію Святителя Христова Гурія, въ которой, по вѣрному свидѣтельству, Угодникъ Божій подвизался въ своихъ денно-нощныхъ моленіяхъ.—Келлія эта, и до-днесь существующая, самая тѣсная, низенькая и безъ оконъ, под-

ходящая подъ нижніе своды Благовѣщенскаго каѳедральнаго собора, имъ самимъ устроеннаго.

Въ честь же и память своего св. тезоименника Угодника Божія Филарета высокопр. Филаретъ, при самомъ производствѣ стѣннаго иконописанія домовой церкви въ два яруса, назначилъ написать въ верхнемъ ярусѣ, какъ разъ около окна изъ своей моленной въ храмъ, съ правой стороны, икону Св. Филарета. Это святое изображеніе оставалось неизмѣннымъ во всѣ времена до самаго епископства покойнаго Архіепископа Антонія.—Но едва ли кто изъ прежнихъ преемниковъ высокопр. Филарета обратилъ вниманіе на это изображеніе, чтобы уразумѣть его знаменательность,—какъ именно Владыка Антоній,—равно какъ никто изъ первыхъ трехъ преемниковъ [1]) не прикоснулся и перстомъ, чтобы, въ теченіе тридцати лѣтъ, обновить въ чемъ либо самую церковь,—а только послѣдній.—Въ составленной нами біографіи его (покойнаго Антонія) говорится объ этомъ подробно; но, чтобы не отсылать читателей къ этимъ свѣдѣніямъ, приведемъ здѣсь существенно относящееся къ изложенному предмету.—„Радъ я радёшенекъ, говорилъ владыка Антоній, —что хотя долго я собирался, но все-таки Господь благословилъ и сподобилъ меня устроить за-ново всю домовую церковь (разумѣется здѣсь внутренность) и это тѣмъ болѣе, что, вѣдь, эту церковь, вмѣстѣ съ постройкою всего дома, устроилъ дядя—Владыка Филаретъ... А ты видишь, (слова были ко мнѣ) какъ знаменательно на стѣнѣ вверху около самаго окна,—что изъ моленной въ церковь,—помѣстилъ онъ изображеніе Св. Филарета милостиваго, держащаго въ рукѣ своей наполненную деньгами суму, отверстую и простертую къ другимъ, а не охваченную обѣими руками и не прижатую къ себѣ къ груди, къ сердцу.?! [2])

---

[1]) Высокопр. Филарету преемствовали по порядку времени Архіепископъ Владиміръ (1836—1848 г.); Архіепископъ Григорій 1848—1856), Архіепископъ Аѳанасій 1856—1866 г.); наконецъ послѣ нихъ Архіепископъ Антоній (1866—1879 г.).

[2]) Томъ II стр. 492.

Дѣйствительно, подобная сумѣ была постоянно въ рукѣ высокопр. Филарета не въ загородномъ только домѣ, а по преимуществу въ этомъ городскомъ, и особливо во время голодныхъ годовъ; здѣсь—то, по словамъ воспоминателей очевидцевъ, былъ непрерывный приливъ нуждавшихся въ насущномъ хлѣбѣ и, при томъ, безъ различія Русскихъ Православныхъ и инородцевъ и самыхъ татаръ не крещеныхъ, о которыхъ (послѣднихъ) и самъ высокопр. Филаретъ свидѣтельствовалъ въ письмѣ къ преосв. Кириллу Вятскому: „и самые татары толпами приходятъ и просятъ, хотя и не крещеные, милостыни *Христа ради* и получаютъ“. [1]) Потому-то и въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ извѣстнымъ воспоминателемъ (А. Карачеевымъ), при описаніи самыхъ проводовъ высокопр. Филарета, (о чемъ увидимъ скоро), сказано: „даже и татары пролѣзали между толпы народа поближе къ отъѣзжавшему Іерарху; когда-же имъ говорили: „что вы-то лезете?!“ Они отвѣчали: „ай, ай какъ же... и наша не такъ ли, какъ ваша... Онъ—муфтей-то больна былъ добра... и нашимъ давалъ акча эдакже, т. е. по столько же давалъ денегъ, какъ и Русскимъ—христіанамъ“.

Въ этомъ же городскомъ домѣ высокопр. Филаретъ насадилъ на дворѣ архіерейскомъ и на площадкѣ, что противъ Каѳедральнаго Собора, непосредственно почти примыкавшаго къ дому, весьма много деревьевъ—преимущественно березъ, чтобы придать и видъ хорошій пустырному мѣсту и тѣнь для самаго дома, открытаго по самой нагорной мѣстности со всѣхъ сторонъ для солнца. Деревья эти при немъ уже успѣли хорошо разрости; оставались онѣ и при преосв. Владимірѣ; но своеобразныя манеры преосв. Григорія не пощадили этихъ насажденій. Вздумавши, по буквальному выраженію очевидцевъ, какъ-то разъ во всю свою жизнь посмотрѣть въ окна въ разныя стороны и, между прочимъ, къ собору, онъ тотчасъ приказалъ эконому срубить

---

[1]) Письмо отъ 7 Мая 1834 г.

всѣ деревья, помѣшавшія ему что-то видѣть, хотя совершенно безцѣльно. Онъ же перемѣнилъ, или, какъ выражался покойный Владыка Антоній, *„перебутырилъ* весьма многое и во внутреннихъ помѣщеніяхъ въ домѣ, не пощадивъ, въ одномъ мѣстѣ, даже капитальной стѣны ради яко-бы простора для своего кабинета, который, какъ видно, мнилъ онъ представить какъ-бы въ родѣ министерскаго... За-то не оставилъ даже и мѣстечка для внутренней келейной образной моленной, которая находилась при дядѣ—Владыкѣ въ самомъ уютномъ мѣстѣ [1]).

Но, очевидно, не говоря уже о городскомъ домѣ, и самый загородный, при всѣмъ затишьѣ послѣдняго, не удотворялъ духовнымъ потребностямъ высокопр. Филарета.—Съ-измлада сложившіяся въ немъ, стремленія къ отшельничеству и пустынно-жительству не давали ему покоя среди большихъ хоромовъ и богато убранныхъ, такъ называемыхъ, *покоевъ*... Послѣднія-то, очевидно болѣе всего, и тяготили его, такъ какъ онъ при всякой возможности и замѣнялъ ихъ устроенною въ загородномъ домѣ простою сельскою избою, именуя и самый уголокъ на мѣстѣ ея устройства не иначе, какъ *дебрію и скитомъ*... Со словъ преждепомянутаго разсказчика Павла Михайлыча мы уже знаемъ и самое описаніе всей обстановки этого уединеннаго помѣщенія въ Бозѣ почившаго; наконецъ и то, о чемъ зналъ этотъ же разсказчикъ стороною и гадательно, было совершенно справедливо. Мы хотимъ сказать о намѣреніи высокопр. Филарета перемѣститься, на всегда на покой, въ Раиѳскую Пустынь, находящуюся въ разстояніи отъ Казани на 35 верстъ, устроенную въ самомъ огромномъ и густомъ, особенно по тогдашнему времени, сосновомъ бору, при озерѣ длиною версты на три и обильномъ рыбою.—Объ этомъ намѣреніи высокопр. Филарета знали въ свое время

---

[1]) Подлинныя слова покойнаго Владыки Антонія, который, по возможности возстановилъ все, какъ было при Владыкѣ—Филаретѣ, замѣнивши капитальную стѣну и бывшіе простѣнки прочными высокими ширмами.

многіе, кому было возможно; въ самой же Пустынѣ это было извѣстно тѣмъ болѣе, что намѣреніе стало уже переходить въ самое дѣло, даже формальное, именно по устройству особаго дома съ церковію.—Такому намѣренію въ Бозѣ почившаго опять таки никто изъ преемниковъ его [1]) не сочувствовалъ столько, сколько покойный Владыка Антоній, который готовъ былъ слѣдовать во всемъ по стезямъ своего дяди,—какъ дѣйствительно носившій въ себѣ тѣ же задатки и проявленія духовно-подвижнической жизни.—Въ біографіи послѣдняго приведены нами подробныя свѣдѣнія объ этомъ въ нераздѣльности съ самыми свѣдѣніями и объ излагаемомъ нами теперь дѣлѣ,—относящемся собственно къ высокопр. Филарету.—Скажемъ здѣсь, что̀ нужно, словами изъ біографіи. „Покойный Владыка Антоній, въ послѣдніе три года своего епископства въ Казани, сильно начавшій чувствовать свое болѣзненное состояніе, возъимѣлъ было намѣреніе проситься на покой и предъизбиралъ себѣ мѣстомъ для жительства Раиѳскую пустынь. Въ этомъ-то состояніи онъ особенно живо и глубоко воспроизводилъ для себя въ воспоминаніяхъ и прилагалъ къ своему положенію всѣ, что извѣстно было не только ему, но и многимъ изъ здѣшнихъ старожиловъ касательно подобнаго же предположенія высокопр. Филарета въ бытность его Казанскимъ Архіепископомъ. Послѣдній свое предположеніе осуществилъ было на половину самымъ дѣломъ. Онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ Раиѳской Пустынѣ былъ начатъ постройкой особый корпусъ съ домовою при немъ церковью. Для этого самъ онъ начертилъ и планъ и удѣлилъ часть своихъ денежныхъ

[1]) Двое изъ преемниковъ вышли тоже на покой, но въ монастыри другіе: —Архіепископъ Владиміръ—въ первокласcный Свіяжскій, при томъ съ правами полнаго епархіальнаго управленія этимъ монастырёмъ, совершенно независимо отъ мѣстнаго преосвященнаго,—а Архіепископъ Аѳанасій избралъ себѣ монастырь Кизическій, какъ самый ближайшій къ г. Казани, чтобы имѣть общеніе съ знакомыми.

средствъ, и самъ же содѣйствовалъ собиранію, жертвуемыхъ другими, приношеній. Вызванный по званію Члена св. Сунода, весною 1836-го года въ Петербургъ, высокопр. Филаретъ далъ особыя полномочія Раиѳскому Настоятелю [1]) продолжать начатыя постройки безостановочно, обѣщая, по прежнему—свое содѣйствіе въ матеріальномъ отношеніи. Изъ Петербурга онъ въ Казань уже не возвращался, бывши перемѣщенъ въ этомъ же 1836 г. на Ярославскую Архіепископію, а въ Апрѣлѣ 1837 г. получилъ Высочайшее назначеніе на Митрополію Кіевскую. Постройки, между тѣмъ, не останавливались въ Раиѳской Пустынѣ. Настоятель былъ увѣренъ, что высокопр. Филаретъ, рано или поздно, переселится сюда же на покой, гдѣ бы онъ ни находился на мѣстѣ служенія. Самъ Владыка Филаретъ продолжалъ, по прежнему, не оставлять дѣла постройки до конца своими пособіями изъ Кіева. Спустя извѣстное время, о. Настоятель Раиѳскій сообщилъ ему въ письмѣ, своего рода, отчетъ во всемъ, по окончательномъ устройствѣ всего корпуса и церкви,—присовокупивъ, что дѣло остается лишь за однимъ,—чтобы перемѣщался самъ хозяинъ на жительство...—Но высокопр. Филаретъ отвѣчалъ ему: Нѣтъ и нѣтъ, отче и брате мой возлюбленне о Господѣ; изъ св. Кіево-печерской Лавры—этой *Гефсиманіи и Богородичнаго Дома*, (слова изъ стихиры на Успеніе Божіей Матери), я уже никуда не хочу переселяться ни въ какой иной край, кромѣ какъ въ небесный Рай... ибо въ Лаврѣ-то я теперь живу чисто, какъ въ Раю, кабы только не грѣхи мои были при мнѣ... Что же касается до увольненія на покой, то и это желаніе и намѣреніе я, по волѣ Божіей, отмѣнилъ, думая про себя такъ: „монаху тогда только дается право выхода въ отставку *на покой*, когда запоютъ надъ нимъ: *„со Святыми упокой“*... Сего и тебѣ, отче честный, отъ души молитвенно желаю; за окончательную отстройку дома вмѣстѣ съ церковью радуюсь и благодарю усерд-

[1]) Архимандритъ Амвросій, бывшій, съ тѣмъ вмѣстѣ, Миссіонеръ.

наго строителя:—мѣсто свято, по реченію, не останется пусто... въ немъ же ты теперь самъ и пребывай, и спасайся о Господѣ, не забывая въ молитвахъ и моей худости" [1]).

Въ историческо-статистическомъ описаніи Раиѳской Пустыни вышесказанный фактъ увѣковѣченъ навсегда въ слѣдующихъ строкахъ: „Послѣ Митрополитовъ Казанскихъ давнихъ—Лаврентія, Адріана, Маркела и Тихона, долго не было для Раиѳской Пустыни такихъ Архипастырей—благодѣтелей, какими были они. Только уже въ новѣйшее время очень усердно заботился объ украшеніи и благоустройствѣ Раиѳской Пустыни Филаретъ, Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій. По его настоянію Игуменъ, впослѣдствіи Архимандритъ Раиѳской Пустыни, Амвросій началъ постройку новой каменной теплой соборной церкви во имя Грузинской Божіей Матери. При этой же самой церкви Высокопр. Филаретъ устраивалъ было для себя келліи, гдѣ хотѣлъ уже успокоиться отъ трудовъ своихъ; но былъ переведенъ Митрополитомъ въ Кіевъ, и келліи настоятельскія съ церковью достраивались уже послѣ него тѣмъ же Игуменомъ Амвросіемъ (Боголюбовымъ) [2]).

Скоро-ли, поздно-ли сбылось бы, или нѣтъ указанное намѣреніе высокопр. Филарета, если-бы онъ оставался въ Казанской епархіи, само собою неизвѣстно.. За-то скоро сбылось то, чего, какъ увидимъ, онъ неожидалъ и не желалъ:—Это—послѣдовавшій по Высочайшему повелѣнію вызовъ высокопр. Филарета въ С.-Петербургъ для присутствованія въ св. Сунодѣ.—„Вѣсть объ этомъ вызовѣ, какъ читаемъ въ письменныхъ свѣдѣніяхъ двухъ воспоминателей, глубоко поразила всѣхъ и тѣмъ болѣе, что тутъ же проявилось почему-то общее предчувствіе, что отбытіе Владыки будетъ не временное,

---

[1]) Смотр. біографію высокопр. Антонія Архіепископа Казанскаго Томъ II стр. 473 и 474.

[2]) Смотр. описаніе Раиѳской Богородицкой Пустыни стр. 117 изд. 1880 г. Казань.

а безвозвратное,—хотя онъ самъ, менѣе другихъ, предполагалъ это, судя потому, что положеніе епархіи Казанской требовало непремѣннаго управленія ею именно въ лицѣ его.—И замѣчательно, говоритъ одинъ изъ воспоминателей, что если не сознавали отчетливо, то чувствовали почти всѣ эту, какъ-бы сказать, не замѣнимость св. Іерарха не въ дѣлахъ только управленія, но во всѣхъ его дѣйствіяхъ и отношеніяхъ, столь животворно вліявшихъ *„на всьхъ и на вся“* во всѣхъ сословіяхъ и слояхъ населенія—отъ села и деревушки до городовъ и самой нашей полустолицы—Казани.—А отчего и почему все это такъ? спрашиваетъ самъ воспоминатель—и отвѣчаетъ: „вмѣсто моихъ собственныхъ сужденій и словъ да позволено будетъ привести слѣдующее сказаніе изъ *Патерика*: „Къ св. Преподобному Антонію Великому имѣли обыкновеніе приходить почасту три пустыножителя; двое постоянно вопрошали Великаго,—такъ обыкновенно именовали его современники,—о разныхъ многихъ спасительныхъ предметахъ, а третій всегда молчалъ.—Прошло такъ много лѣтъ; наконецъ самъ Великій спросилъ приходившаго и молчавшаго:—„ты ходишь ко мнѣ, вонъ какъ и они, которые и вопрошаютъ меня,—отчего же ты ни разу не спрашивалъ меня ни о чемъ?!“—„Для меня довольно и смотрѣть только на тебя“, былъ отвѣтъ вопрошеннаго..“—Воистину это же самое и мы можемъ сказать о бывшемъ нашемъ, въ теченіе восьми лѣтъ, святочтимомъ Іерархѣ Филаретѣ... Довольно было иногда только посмотрѣть на него, или тѣмъ болѣе быть принятымъ у него въ его простой домашней обстановкѣ, чтобы вынести глубоко поучительный урокъ на всю жизнь каждому по своему состоянію, начиная отъ селянина не только Русскаго, но и чувашенина и черемисенина и до знатнаго сановника и именитаго купца... Изъ послѣдняго же сословія, кажется, всѣ и всего болѣе чувствовали и воспринимали глубоко поучительные уроки для себя, потому-то и въ самыхъ проводахъ купеческое сословіе и все городское общество принимали самое искреннее участіе, приготовляя и общественный обѣдъ и частный

въ домѣ одного представительнаго купца, о чемъ будетъ рѣчь“ [1]).

Съ своей стороны и мы пока отлагаемъ рѣчь о сказанномъ обѣдѣ, а обратимся къ другимъ даннымъ, о которыхъ было предуказано и прежде [2]), именно, о посѣщеніяхъ высокопр. Филарета разными лицами, пріѣзжавшими изъ Уфы въ Казань. Въ числѣ этихъ лицъ были, кромѣ прежде упомянутаго Вятскаго Преосвященнаго, еще трое Преосвященныхъ, изъ которыхъ одинъ—преосв. *Амвросій* (Моревъ) [3]) былъ проѣздомъ черезъ Казань (въ 1829 г.), когда былъ перемѣщенъ изъ Оренбургско-Уфимской Епархіи въ Волынскую, а двое проѣзжали черезъ Казань въ Уфу, по назначеніи ихъ на тамошнюю каѳедру. Это—были преосв. *Аркадій* (Ѳедоровъ) [4]), въ 1829 г. и преосв. *Михаилъ* (Добровъ) [5]) въ 1831 г.—Первые двое были не извѣстны, въ смыслѣ знакомства, высокопр. Филарету, а послѣдній—былъ студентомъ Московской дух. Академіи (1-го курса) въ ректорство высокопр. Филарета.—Но, во всякомъ случаѣ, одно то, что всѣ они были въ Уфѣ, для высокопр. Филарета было достаточно, чтобы имѣть къ нимъ искреннее расположеніе по самой его личной памяти объ Уфимской жизни. По разсказамъ, прежде-упоминавшагося, Павла Михайлыча это такъ и было. Въ особенности же, когда я самъ спросилъ Михайлыча о преосв. *Михаилѣ*, котораго я ему изобразилъ и по виду лица, и по структурѣ, и по манерамъ, то онъ живо вспомнилъ про него, и говорилъ, что, дѣйствительно, этотъ Архіерей обратилъ на себя вниманіе и всѣхъ

[1]) Изъ рукописи г. Карачева

[2]) Смотр. том. 1 стран. 105 въ сноскѣ, и стран. 365 тоже въ сноскѣ.

[3]) Управлялъ Оренбургскою Епархіею — съ 1823 по 1829 г.

[4]) Управлялъ Оренб. Епарх.—съ 1829 по 1831 г. и перемѣщенъ былъ въ Пермь.

[5]) Управлялъ—съ 1831 г. по 1835 г.; уволившись на покой, проживалъ въ Уфѣ въ Успенскомъ Монастырѣ, гдѣ и скончался въ 1858 г.

при Владыкиномъ домѣ. „Онъ какъ бы вовсе и не Архіереемъ высматривалъ, разсказывалъ Михайлычъ, особливо предъ лицомъ нашего-то Владыки... Кабы Владыка-то не сказалъ намъ напередъ, что вотъ-де пріѣдетъ скоро къ нему Архіерей Уфимскій, и, затѣмъ, при разговорахъ не называлъ бы Преосвященнымъ, то, право же, никто бы изъ насъ и не почелъ его за Архіерея.— да и за Архимандрита-то нельзя было почесть его... Ужъ больно-то онъ былъ смирный и не развязный предъ нашимъ-то, значитъ, Владыкой.., какъ будто послушникъ какой, или подначальный... За-то Влдыка-то былъ къ нему, на оборотъ, ужъ больно привѣтливъ и ласковъ, какъ есть чисто къ родному брату любимому, а, пожалуй и къ сыну... Онъ и называлъ-то его попросту-*ты*... Да и самъ о. Назарій обращался къ этому Архіерею почти попросту же; и самъ-то Архіерей съ Назаріемъ былъ какъ бы съ товарищемъ какимъ и ночевалъ вмѣстѣ съ нимъ [1]). Самъ же Владыка постоянно разсказывалъ этому Архіерею объ Уфѣ много-много чего-то, да и наказывалъ ему много, что̀ и какъ дѣлать... Помнится особенно, что онъ толковалъ ему много о тамошнихъ Уфимскихъ черничкахъ, изъ которыхъ двѣ, какъ видно, главныя были и сами у Владыки нашего за не долго предъ этимъ; онѣ были, собственно-то, съ болящимъ братомъ, который здѣсь же и получилъ изцѣленіе; но Владыка-то нашъ больно привѣтливо ихъ принималъ и много наставлялъ на счетъ, значитъ, ихней общинки, которую онѣ сами же первыя и заводить начали тамъ въ Уфѣ-то.

Всѣ разсказы Михайлыча *о черничкахъ* и о наказахъ высокопр. Филарета преосв. Михаилу относительно этихъ черничекъ для меня—пишущаго не составляли новости, а служили только живымъ свидѣтельствомъ

---

[1]) Читающіе припомнятъ, что о. Назарій,—въ мірѣ Никифоръ, былъ келейникомъ у высокопр. Филарета въ ректорство его Московской Академіи, когда учился тамъ и преосв. Михаилъ, въ мірѣ—Матвѣй Добровъ, о которомъ было особенно помянуто нами и по случаю извѣстнаго факта,– именно пирушки студенческой и пр.

о дѣйствительности фактовъ и, можно сказать, всей исторіи о происхожденіи самой общинки и наконецъ объ учрежденіи въ г. Уфѣ перваго женскаго Монастыря, открытаго въ 1838 г., въ которомъ и были опредѣлены при самомъ открытіи этого Монастыря, одна изъ бывшихъ черничекъ—старшая сестра—Стефанида Степанова—Игуменіей съ именемъ *Филареты*, а младшая—Евдокія Степанова, Казначеей—съ именемъ *Іоанникіи* [1]). Исторія этого Монастыря, равно какъ и біографическія свѣдѣнія объ указываемыхъ сестрахъ—Игуменіи и Казначеѣ едва ли кому столько извѣстны, какъ мнѣ сколько по живымъ личнымъ разсказамъ самихъ устроительницъ Монастыря, столько и по документальнымъ даннымъ, разборомъ которымъ я занимался въ свое время. имѣвши въ виду составить, хоть краткое, описаніе этого Монастыря. Но, въ настоящемъ мѣстѣ, равно какъ въ дальнѣйшемъ, я приведу только тѣ свѣдѣнія, которыя относятся собственно къ высокопр. Филарету, который принималъ самое живое участіе и оказывалъ всяческое содѣйствіе къ развитію сначала общины, въ описываемую пору, а потомъ къ учрежденію самаго Монастыря, въ бытность его въ 1836—1838 г., лично присутствующимъ въ Св. Сунодѣ,—куда являлись лично и обѣ сестры—Степановы [2]). Въ частности же относительно того, что именно наказывалъ, въ описываемую пору, высокопр. Филаретъ преосв. Михаилу касательно ихъ и что послѣдній, дѣйствительно, сдѣлалъ въ свое, хотя кратковременное, управленіе, мнѣ приводилось слышать подробно изъ личныхъ разсказовъ самого преосв. Михаила, бывшаго уже на покоѣ, но являвшаго постоян-

---

[1]) Эти сестры, по происхожденію изъ крестьянокъ; родина ихъ—въ селѣ Бетькахъ Мензелинскаго уѣзда Уфимской губерніи.—Обѣ онѣ вышли изъ дому родительскаго молодыми дѣвицами по 18—16-ти лѣтъ и помѣстились въ Уфѣ въ домѣ при Сергіевской церкви—въ 1826 г.

[2]) Рѣчь объ этомъ будетъ въ дальнѣйшемъ—скоромъ мѣстѣ.

ное участіе къ Монастырю по силѣ, какъ онъ самъ выражался, именно *заповѣди*, данной ему высокопр. Филаретомъ при описываемомъ теперь свиданіи ихъ въ Казани.

Кромѣ этихъ Преосвященныхъ, посѣтившихъ высокопр. Филарета, какъ бы неизбѣжно по причинѣ лежавшаго имъ пути чрезъ Казань, пріѣзжали къ нему нарочито нѣкоторыя лица изъ Уфы, хорошо знавшія его, въ бытность Ректоромъ въ Уфимской Семинаріи, и питавшія самыя искреннія чувства уваженія и любви къ нему. Объ этихъ посѣщеніяхъ и самъ онъ вспоминалъ съ особеннымъ удовольствіемъ даже и въ Кіевѣ, куда тоже пріѣзжали къ нему нѣкоторые изъ Уфимцевъ. Воспоминанія эти сохранились у него живо даже до самыхъ послѣднихъ дней его жизни. Непосредственнымъ слушателемъ подобныхъ воспоминаній имѣлъ утѣшеніе быть и самъ я—пишущій,—именно лѣтомъ 1857 года.—Да, вотъ, какъ разъ предъ глазами моими и запись въ дневникѣ о. Намѣстника, подъ 24-мъ числомъ Іюля 1857 года... [1]). „Самыя пріятныя добрыя воспоминанія о Владыкѣ однимъ семействомъ изъ Уфы, гдѣ онъ былъ Ректоромъ Семинаріи, и гдѣ всѣ любили и уважали Владыку; а когда онъ былъ въ Казани Архіепископомъ, то многіе тогда изъ Уфы нарочито пріѣзжали въ Казань для принятія его благословенія“.

Объ нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ—Уфимцевъ, посѣщавшихъ высокопр. Филарета въ Казани, мнѣ извѣстно поименно; они были и изъ помѣщиковъ, и изъ купцовъ; первые ѣздили въ Казань, большею частію, потому, что имѣли дѣтей въ Университетѣ, а иные родственниковъ; вторые же—по дѣламъ торговли, которая, въ ту пору, была въ Казани особенная большая и производилась на всю Сибирь,—такъ какъ и самая Казань величалась тогда „Столицею восточною“. Но были лица и другія, которыя пріѣзжали въ Казань собственно ради посѣщенія высокопр. Филарета. Эти лица были изъ ду-

---

[1]) Дневникъ. стран. 17 на оборотѣ и 18.

ховныхъ—и учились во время ректорства его въ Уфимской Семинаріи (1804—1810 г.), а иныя были въ родствѣ съ высокопр. Филаретомъ по брату его—Гавріилу, женившемуся въ Уфѣ на дочери Священника Несмѣлова,—о чемъ была уже рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Указываемыя лица сами мнѣ разсказывали о бывшихъ ихъ посѣщеніяхъ Владыки; при чемъ располагалъ ихъ къ этому и самъ, новоприбывшій къ нимъ, преосв. Михаилъ, который не замедлилъ приблизить ихъ къ себѣ вслѣдствіе рекомендаціи ему высокопр. Филарета. Одинъ же изъ протоіереевъ—А. А. Кандарицкій былъ посыланъ собственно самимъ преосв. Михаиломъ за совѣтами и указаніями относительно общины, о которой уже начиналось дѣло, чтобы обратить ее въ Монастырь,—въ каковомъ дѣлѣ посылаемый былъ на мѣстѣ главнымъ дѣятелемъ по назначенію преосв. Михаила, и который впослѣдствіи писалъ и въ С.-Петербургъ высокопр. Филарету, по желанію и уполномочію его же самого, когда приходила пора для окончательнаго рѣшенія объ открытіи перваго женскаго Монастыря не въ Уфѣ только, но перваго и во всей Епархіи, бывшей тогда одною изъ самыхъ обширнѣйшихъ.—Когда же пріѣзжали къ высокопр. Филарету двое изъ его родственниковъ—священники: Петръ и Иванъ Григорьевичи Несмѣловы и Ключарь собора Уфимскаго А. С. Лепоринскій, собственно ради только свиданія, безъ всякаго особаго дѣла,—то высокопр. Филаретъ самъ, хотя совершенно не думанно не гаданно, какъ разсказывали отцы Несмѣловы, нашелъ имъ дѣло. Пріѣхали они, какъ разъ, къ той порѣ, когда обновленъ былъ въ Казани памятникъ съ церковью надъ убіенными воинами. Высокопр. Филаретъ твердо зналъ, что въ Уфѣ, въ его пору, вовсе почти не было особеннаго устроеннаго городскаго кладбища, а тутъ узналъ отъ прибывшихъ, что и до сей поры почти тоже, или, по крайней мѣрѣ, кладбище общее городское, какъ говорится, въ забросѣ въ самомъ пустырномъ мѣстѣ. Когда же, между тѣмъ, гости—родственники его слишкомъ восхищены были памятникомъ и притомъ съ церковью внутри,—то Владыка вдругъ,—говорили они,—

къ намъ всѣмъ съ такими словами: „а что же, отцы и братіе, видно, Господь недаромъ благословилъ васъ прибыть сюда именно къ этой порѣ, чтобы вы увидѣли обновленную здѣшнюю нашу памятниковскую церковь... Ну-те-ка въ добрый часъ благословимся и поразсудимъ: вѣдь памятникъ этотъ съ церковью не слишкомъ дорого стоитъ во всемъ его устройствѣ, начиная отъ перваго его основанія.—А такъ какъ я слышалъ еще въ Калугѣ отъ пріѣзжавшаго ко мнѣ туда свата—вашего батюшки отца Григорія Андреевича, что вы у него оба съиздавна молодцы строиться... [1]) то, вотъ, и прекрасно... вы и будете оба строителями. А вотъ я теперь же велю снять копію съ плана и со всего, да и выписку велю доставить изъ книгъ, что чего стоило, и, такимъ образомъ, Господь да благословитъ насъ всѣхъ!! А чтобы вамъ не ѣхать съ пустыми карманами, я и теперь постараюсь и уповаю достать для перваго-то начала, и затѣмъ еще буду доставлять; да и въ Уфу-то напишу вашему Преосвященному, чтобы онъ немедленно же сдѣлалъ всѣ распоряженія касательно начала дѣла и приложилъ всевозможное стараніе о пріобрѣтеніи средствъ къ построенію церкви на кладбищѣ именно въ этомъ же видѣ, какъ нашъ памятникъ, который и самъ онъ осматривалъ вмѣстѣ со мною, въ бытность у меня въ Казани.—Кладбищенская Церковь въ Уфѣ [2]), дѣйствитель-

---

[1]) Читающимъ припомнимъ здѣсь подлинныя слова о. Григорія о своихъ сыновьяхъ „Ну сынки-то мои—Петруша и Ванюша вышли изъ подъ моего воспитанія не баричами—и въ священствѣ-то примѣрные.—Вотъ когда, мы, послѣ страшнаго пожара (въ 1816 г.), строили новый домъ, общій для всѣхъ, то они оба,—истинно удивляли меня своею работящностію; они сами даже ѣздили за бревнами на рѣку Бѣлую версты за три и ѣздили въ простыхъ зипунахъ, а тамъ, при выгрузкѣ бревенъ изъ рѣки, приводилось имъ быть въ водѣ чуть не по поясъ.

[2]) Церковь эта, по предназначенію же высокопр. Филарета, устроена во имя Предтечи и Крестителя Господня Іоанна—въ память „Усѣкновенія честныя Главы его“,—что праз-

но, устроена была въ совершенномъ сходствѣ съ здѣшнимъ памятникомъ. На постройку же этой—Уфимской Церкви высокопр. Филаретъ, дѣйствительно, доставилъ значительныя средства частію отъ себя, а вообще отъ жертвованій здѣшнихъ, извѣстныхъ ему благотворительностію, лицъ изъ среды купцовъ, его особенно любившихъ и свято чтившихъ, а потому-то и приготовлявшихъ для него отъ всего благочестиваго усердія обѣдъ прощальный предъ его выѣздомъ въ С.-Петербургъ въ первой половинѣ Апрѣля 1836 г.

Обращаемся же теперь къ прерванной нами прежде рѣчи объ общественномъ купеческомъ обѣдѣ, о которомъ имѣются у насъ свѣдѣнія отъ разныхъ доставителей. Одинъ изъ нихъ доставилъ даже копію съ письма высокопр. Филарета, отъ 7-го Апрѣля 1836 г., на имя тогдашняго Городскаго Головы, (Казанскаго купца Вѣрина), слѣдующаго содержанія: „Милостивый Государь, Михаилъ Степановичъ! Приношу Вамъ и всему Казанскому Городскому обществу искреннѣйшую мою благодарность за приглашеніе меня къ обѣду 9-го числа сего мѣсяца. Во все время управленія моего Казанскою паствою *съ пастырскимъ моимъ удовольствіемъ* видѣлъ я... *благочестивое усердіе къ своимъ пастырямъ* почтеннѣйшаго здѣшняго купеческаго сословія. Искреннѣйшее мое почтеніе и пастырскую мою любовь къ сему *благочестивому* и *добродѣтельному сословію* навсегда сохраню я въ сердцѣ моемъ. Будучи озабоченъ приготовленіемъ къ скорому отъѣзду въ С.-Петербургъ, по Высочайшей волѣ Государя Императора, всепокорнѣйше прошу Васъ

пуется 29-го Августа. Высокопр. Филаретъ, по случаю обновленія памятника и церкви, и здѣсь хотѣлъ-было освятить послѣднюю во имя это же, вмѣсто „Нерукотвореннаго образа Господа Спасителя“, находя первое особенно подходящимъ къ значенію памятника надъ убіенными за Вѣру, Царя и Отечество воинами, такъ какъ 29-го Августа совершается и по общему Уставу Церкви вселенское поминовеніе всѣхъ Православныхъ воиновъ.

отложить, приготовленный для меня, обѣдъ. *Несравненно пріятные для пастырскаго сердца моего видѣть и слышать о всегдашней готовности* Казанскаго градскаго общества *къ пожертвованіямъ для благолѣпія св. храмовъ Божіихъ и для пособія не имущихъ братій нашихъ.* Призывая на Васъ и на все благочестивое Казанское городское общество благословеніе Божіе, съ искреннѣйшимъ почтеніемъ и пастырскою любовію имѣю навсегда пребыть Вашъ искреннѣйшій слуга и усердный богомолецъ".

Доставитель копіи съ этого письма присовокупилъ, что на оборотѣ его подлинника собственною рукою Городскаго Головы Михаила Степановича (по фамиліи Вѣрина) сдѣлана тогда же надпись такого рода, (съ соблюденіемъ буквальности и орѳографіи писавшаго): *„При посѣщеніи, 9 Апрѣля, благословилъ преосвященнѣйшій Владыка Филаретъ общественниковъ образомъ пресвятыя Богородицы во имя Казанскіе вризе серебряной"* [1]).

Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ, по видимому, не болѣе, какъ о дѣлѣ самомъ обыкновенномъ; но, вникая съ должнымъ разсужденіемъ какъ въ самый фактъ, такъ и содержаніе письма, нельзя не видѣть особеннаго смысла и значенія. Для показанія этого смысла и значенія, мы ограничиваемся здѣсь тѣмъ, что отмѣтили *курсивомъ* въ письмѣ высокопр. Филарета, именно тѣми выраженіями, въ которыхъ, такъ сказать, насквозь видятся и чувство *удовольствія*, но не инаго, какъ *архипастырскаго*, и благочестивое усердіе общества къ Архипастырю, и состояніе его какъ благочестиваго и добродѣтельнаго, готоваго къ пожертвованіямъ христіанскимъ и на св. храмы и на нужды не имущихъ братій. Однимъ словомъ видится все то, о чемъ только вседушевно радѣлъ самъ

---

[1]) Копія съ письма и прочія свѣдѣнія доставлены отъ 15-го Апрѣля 1858 г. при письмѣ бывшаго тогда ректора Казанской Семинаріи, впослѣдствіи Казанской Академіи, Архим. Иннокентія на имя, бывшаго въ ту пору Викаріемъ Кіевскимъ, покойнаго Архіепископа Казанскаго Антонія.

Архипастырь и внѣдрялъ и словомъ, и дѣломъ, и примѣромъ въ души своихъ пасомыхъ.—Къ этому слѣдуетъ только присовокупить, что, получивъ сказанное письмо своего Архипастыря, Общество не только не почувствовало чего либо въ родѣ какъ-бы самолюбиваго оскорбленія, а напротивъ въ самомъ отклоненіи обѣда уразумѣло, по очевидному смыслу самыхъ выраженій, не иное что̀, какъ истинное архипастырское, такъ сказать *наклоненіе* мыслей и чувствованій готовившихъ обѣдъ къ тому, чтобы дать самому употребленію денегъ другое назначеніе, которое и дано было тогда же—именно въ *пользу не имущихъ братій*.—Обѣдъ же, между тѣмъ, не парадно-общественный, но частный домашній, хотя, какъ увидимъ, не уступавшій первому по содержанію, устроилъ, по личному своему желанію, извѣстнѣйшій въ то время капиталистъ—купецъ Котеловъ. Обѣдъ этотъ имѣлъ и значеніе особенное; онъ былъ въ буквальномъ смыслѣ по Русскому обычаю тотъ, что̀ называется „*на путь—дороженьку покушать хлѣба-соли*“. Описаніе проводовъ высокопр. Филарета имѣется у насъ, отъ двухъ составителей—очевидцевъ; но по совершенной почти тожественности описанія мы соединимъ ихъ въ одно цѣлое.

„Узнавъ самый день отъѣзда святочтимаго своего Архипастыря, Казанцы, со всѣхъ концовъ города и изъ подгородныхъ слободъ, спѣшили къ храму, чтобы узрѣть въ послѣдній разъ своего святаго *Молитвенника*. Служеніе было самое торжественное. Владыка служилъ Литургію *съ двѣнадцатью* сослужителями: Архимандритами, Игуменами, Протоіереями, Іеромонахами и Іереями,—изъ коихъ младшимъ двоимъ, не имѣвшимъ набедренника, преподалъ свое архипастырское благословеніе носить оный, и, такимъ образомъ, и послѣдній шагъ свой запечатлѣлъ благостію, преисполнявшею все его восьмилѣтнее служеніе. Во все время священнодѣйствія лицо его покрыто было какою-то таинственною глубокою скорбію. Прощальное слово его было на текстъ: *Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ*. Іоан. 14: 27. Имѣя постоянною заботою водворять миръ въ своей паствѣ, и прощаясь преподалъ его-же, дабы навсегда напечатлѣть

въ сердцахъ слушателей свое все—сердечное желаніе мира и любви ко всѣмъ.—Видимо было, что съ трудомъ онъ могъ договорить свое слово, отъ полноты чувства, прощальной бесѣды... Ставши же на амвонъ для совершенія напутственнаго молебна, онъ не могъ уже сдержать себя;—слезы капали на омофоръ, одинъ конецъ котораго взявъ въ руки, онъ перебиралъ кисточки его, какъ-бы четки. Ясное доказательство, каково было его состояніе... Такъ онъ сроднился съ своею паствою, такъ тяжело ему было оставить свой *Дворъ Овчій*. Настала тяжкая минута, и Іерархъ въ мантіи, съ возженными трикиріемъ и дикиріемъ, вышелъ изъ храма, и просвѣщая самое шествіе свое знаменательными свѣтильниками, Владыка шелъ до берега Казанки. Когда же вышелъ онъ только изъ храма, и, прощаясь поклонами на всѣ стороны, благословлялъ народъ, котораго было безчисленное множество,—въ толпѣ раздался голосъ: „Батюшка ты нашъ, Владыка свытый, на кого ты насъ покидаешь?!“ Владыка обернулся и, воздѣвъ руки горѣ, отвѣчалъ на этотъ вопль сокрушеннаго сердца: „Господу Богу и Пречистой Его Матери васъ всѣхъ поручаю,—токмо вѣруйте и усердно молитесь“.—„Эти слова возбудили всеобщій плачевный вопль“... [1]) „Мы сами [2]) были всего этого свидѣтельницы... и сами вполнѣ раздѣляли всю эту сердечную скорбь разлуки. Высокопреосвященный шелъ пѣшкомъ до самаго берега Казанки, гдѣ и сѣлъ въ катеръ, поплывши на другой берегъ въ Ягодную слободу; а сотни лодокъ, полныхъ разнаго сословія людей, поплыли за нимъ, чтобы еще разъ взглянуть на вседушевно-уважаемаго и святочтимаго Архипастыря и въ послѣдній разъ получить его святое благословеніе. По ту сторону Казанки, въ 2-хъ верстахъ отъ Казани, находится, прежде бывшее экономическое, село Ягодное, а нынѣ слобода, знаменитая кожевенными за-

---

[1]) Изъ рукописи г. Карачева.

[2]) Писавшая эти строки, Г-жа Геркенъ разумѣла здѣсь всё свое семейство.

водами.—Здѣсь обѣдъ на пятьсотъ, говорили, человѣкъ приготовилъ милліонеръ того времени, купецъ первой гильдіи, Почетный Гражданинъ Петръ Ивановичъ Котеловъ, Понятно, какъ было пріятно для души Іерарха видѣть не трапезу только, а, паче всего, такое собраніе провожавшихъ и искреннѣйшее усердіе хозяина, являвшаго это свое усердіе и на всякій гласъ Архипастыря своего для дѣлъ христіанскаго благотворенія". „Такихъ проводовъ не было ни прежде, ни послѣ..." „И такъ *Ангелъ Казанскія церкве*—Іерархъ Божій Филаретъ воспарилъ отъ насъ. И до днесь воспоминая его, нельзя, кажется, воспомнить иначе, какъ словами того, кому по свидѣтельству святобиблейскому (2 Маккав. XV. 12) было видѣніе объ одномъ Ветхозавѣтномъ Архіереѣ—*„видѣніе сицево: „Онію бывшаго архіерея, мужа добраго и благаго, благоговѣйна видѣніемъ, кротка же нравомъ и бесѣдою благолѣпна, и отъ дѣтства обучившагося всѣмъ добродѣтелемъ, сего руцѣ воздѣюща и молящагося за вся люди Іудейскія—сего видѣ*". Этими словами закончилъ свои воспоминанія составитель ихъ; [1]) ими же заканчиваемъ и мы наше повѣствованіе о восьмилѣтнемъ архипастырскомъ служеніи въ Бозѣ почившаго на каѳедрѣ Казанской, оставлявшаго ее въ описываемую пору только на время, предназначавшееся ему по Высочайшему вызову въ С.-Петербургъ для присутствованія въ св. Сунодѣ, но уже болѣе не возвращавшагося.

[1]) г. Карачевъ.

ОТДѢЛЪ VI.

ГЛАВА XIII.

«По не исповѣдимымъ Путямъ Промысла Божія, паче всякаго чаянія, паки призванъ я изъ отдаленной паствы въ Царствующій градъ на служеніе Святой Церкви.—За отбытіемъ Преосвященнѣйшихъ—Московскаго Митрополита и Тверскаго Архіепископа въ свои епархіи до осени, остаюсь я съ достопочтеннѣйшими Старцами... Помолитесь, Владыко Святый, да сила Божія совершится въ немощахъ моихъ на чредѣ настоящаго служенія моего. Мое здоровье, благодареніе Господу, отъ дальняго пути не пострадало. Для поклоненія Святителю Христову Митрофану, Новоявленному Чудотворцу я совершилъ путешествіе на пути изъ Казани въ Петербургъ чрезъ Воронежъ [1]).

Вызовъ для временнаго присутствованія въ Св. Синодѣ того, или иного изъ епархіальныхъ Преосвященныхъ зависитъ или отъ самого Св. Синода, съ разрѣшенія Высочайшей воли, или отъ собственнаго личнаго изволенія Государя Императора. Причины и побужденія, въ томъ и другомъ случаѣ, почти всегда остаются не извѣстными, по крайней мѣрѣ въ Указахъ Синодальныхъ онѣ не выражаются.—Изъ словъ письма, поставленныхъ въ эпиграфѣ, видно, что высокопр. Филаретъ тоже не зналъ ничего положительнаго въ этомъ отношеніи, такъ-какъ получилъ Указъ о вызовѣ его въ При-

[1]) Письмо высокопр. Филарета изъ С.-Петербурга, отъ 29-го Мая 1836 г., преосв. Кириллу, Епископу Каменецъ-Подольскому.

сутствующіе въ Св. Синодѣ, *„паче всякаго чаянія“*. Потому-то и въ благодарственномъ письмѣ его Городскому Головѣ и обществу мы видѣли, что онъ былъ озабоченъ приготовленіемъ къ скорому отъѣзду по Высочайшей волѣ Государя, такъ что просилъ даже отложить, приготовлявшійся для него, прощальный обѣдъ.

Впрочемъ, вообще видно, что высокопр. Филарета занимали, по полученіи Указа, какія-то особенныя думы,— разрѣшить которыя нужно было серьезно, не развлекаясь ничѣмъ постороннимъ, какъ напр. предлагаемымъ ему обѣдомъ; слѣдовательно думы эти были не о внѣшнихъ предметахъ и дѣлахъ, а относились къ области внутренней духовной.—Для читателей мы должны сказать напередъ, что предметомъ этихъ думъ была для высокопр. Филарета самая поѣздка.

Что же это означало? Сказать ли, что эта поѣздка, какъ говорится по человѣчески, была ему не по-сердцу. Да можетъ быть и такъ,—и вѣрно такъ; но вопросъ: отчего могло быть это?. Отвѣчать на такой вопросъ о внутреннемъ душевномъ состояніи, само собою, не возможно прямо и ясно; основаніемъ къ этому могутъ служить лишь обстоятельства, къ коимъ мы и обращаемся.

Въ запискахъ, писанныхъ подъ собственную диктовку высокопр. Филарета, о времени жизни его въ Казани, значится слѣдующее свѣдѣніе.—„Въ Казани въ 1836-мъ году опять открылось у него желаніе пустыннаго уединенія, и въ Раиѳской Пустынѣ онъ устроилъ для себя келліи, предполагая тамъ навсегда успокоиться [1]). Въ одномъ изъ писемъ высокопр. Филаретъ писалъ своему другу П. С. Алексинскому, между прочимъ, такъ: „Господь Богъ посѣтилъ меня на прошедшихъ святкахъ болѣзнію. Недѣли три изрядно похворалъ... Но наступившій постъ святый и послѣдніе остатки болѣзни, слава Богу, уничтожилъ“. Потомъ писалъ онъ ему же: „прежде не зналъ я усталости, а теперь очень чувствую. Силы, видимо, весьма слабѣютъ, и Господь Единъ

[1]) Смотр. Записки листъ 2-й, стр. 4-я.

вѣсть—не близь ли и скорое отшествіе мое изъ сей юдоли...“ Что мысль, о недалекой, быть можетъ, кончинѣ занимала сильно высокопр. Филарета, доказательство еще въ томъ, что въ числѣ его облаченій—собственныхъ было уже въ эту пору приготовлено особое собственно для погребенія. По вѣрному свѣдѣнію это облаченіе сдѣлано было для него, особенно глубоко почитавшею его, госпожею Мусиной—Пушкиною. Всѣ эти свѣдѣнія даютъ разумѣть намъ, каково было состояніе высокопр. Филарета и душевное и тѣлесное,—и особливо первое. Въ запискахъ прямо значится, что въ немъ открылось опять желаніе пустыннаго уединенія и въ Раиѳской Пустыни онъ устроилъ уже для себя келліи, предполагая тамъ навсегда успокоиться. Значится же это какъ разъ въ 1836 г., въ которомъ и послѣдовалъ, между тѣмъ, вызовъ его въ С.-Петербургъ. Понятно,—каково должно было быть его состояніе... Ему предлежало одно изъ двухъ: или рѣшиться отказаться отъ вызова въ С.-Петербургъ, а это было возможно по причинѣ серьезной болѣзни, или ослабленія силъ вообще, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, исполнить свое желаніе пустыннаго жительства т. е. уволиться на покой... или наоборотъ, отправляясь въ С.-Петербургъ отказать себѣ въ послѣднемъ на неопредѣленное время, или, быть можетъ, навсегда. Судя по этому, вѣсть о вызовѣ въ С.Петербургъ, дѣйствительно, могла быть высокопр. Филарету, какъ мы сказали, не по-сердцу.

Но, съ другой стороны, такъ какъ мы видѣли, что высокопр. Филаретъ собирается въ путь и приготовляется съ особенною озабоченностію къ возможно скорому выѣзду, то эта рѣшимость его объясняется еще однимъ обстоятельствомъ, значущимся въ тѣхъ же его запискахъ.—„На пути въ С.-Петербургъ заѣзжалъ въ Воронежъ, хотя и не по дорогѣ, по обѣту, данному въ Казани во время сильной болѣзни, отъ которой получилъ выздоровленіе“ [1]). Значитъ, если и допустить прежде

[1]) Листъ 2-й, стр. 4-я

сказанную мысль, что высокопр. Филаретъ могъ озабочиваться даже и состояніемъ своего здоровья, особливо въ отношеніи Петербургскаго климата и условій тамошней жизни,—то, вдругъ открывшійся ему, случай исполнить свой обѣтъ за прежнее исцѣленіе, и вновь излить свои молитвенныя чувства и прошенія предъ самою св. ракою Новоявленнаго Угодника Божія объ укрѣпленіи силъ тѣлесныхъ, естественно, долженъ былъ показаться высокопр. Филарету, особеннымъ даже знаменіемъ въ путяхъ Божіихъ для него. Нѣтъ сомнѣнія, что, остававшійся безъ исполненія, обѣтъ его не рѣдко смущалъ его духъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе онъ могъ предвидѣть для себя возможность имѣть свободное время, чтобы побывать въ Воронежѣ. Принимая же въ этомъ смыслѣ настоящую поѣздку, понятно, высокопр. Филаретъ могъ примириться съ мыслію и о томъ, что не настала, значитъ, еще пора для его успокоенія на мѣстѣ пустынножительства, а потому онъ и сталъ озабочиваться въ послѣдніе дни приготовленіемъ къ возможно скорѣйшему выѣзду въ предлежащій путь, дабы, въ случаѣ заѣзда въ Воронежъ, не продлить черезчуръ время явки въ Петербургъ. Послѣдуемъ же и мы за путешествующимъ—въ Воронежъ.

Въ тѣхъ же запискахъ сказано: „дорогой былъ въ Воронежѣ, и много содѣйствовалъ открытію Монастыря Святителя Митрофана“ [1]). Спрашивается,—какимъ же образомъ и въ чемъ оказалось потребнымъ это содѣйствіе и зависѣло ли оно именно отъ разсматриваемаго случая? Посмотримъ въ какомъ положеніи находилось дѣло о предполагавшемся учрежденіи упоминаемаго здѣсь Монастыря.

„Опытная мудрость высокопр. Антонія, (бывшаго тогда архіепископа Воронежскаго), пишетъ жизнеописатель сего блаженнаго Святителя, его живая вѣра, его благочестіе, его человѣколюбіе и благость легко собирали подъ кроткое его правленіе людей, ищущихъ ду-

[1]) Смотр. записки листъ 2-й, стр. 4-я.

шевнаго спасенія. А какъ, съ самаго прославленія Угодника Божія Святителя Митрофана, Благовѣщенскій каѳедральный соборъ, (въ коемъ почиваютъ св. Мощи Угодника) сдѣлался мѣстомъ, куда изъ всѣхъ странъ Православной Россіи стали притекать вѣрующіе,—одни воздать хвалу Богу, дивному во Святыхъ Своихъ, другіе, страждующіе различными болѣзнями, съ надеждою снискать себѣ уврачеваніе недуговъ, иные принести благодареніе Святителю Митрофану за полученныя отъ него исцѣленія,—и ложе Праведнаго потребовало окрестъ себя болѣе приличнаго устройства въ духовномъ чинѣ, большаго величія и благолѣпія въ Богослуженіи: то преосв. Антоній, слѣдуя сему побужденію и, вмѣстѣ, общему желанію жителей г. Воронежа, просилъ Св. Синодъ объ учрежденіи при Воронежскомъ каѳедральномъ Благовѣщенскомъ соборѣ Монастыря и о составленіи вновь для того штата“ [1]). И такъ прибытіе высокопр. Филарета въ Воронежъ, какъ разъ, совпало съ тѣмъ временемъ, когда дѣло объ учрежденіи Монастыря только-что должно было пойти въ ходъ. А какъ исходъ этого дѣла зависѣлъ главнѣйшимъ образомъ отъ Св. Синода, то прибытіе высокопр. Филарета, именно теперь, какъ въ Воронежъ, такъ и въ С.-Петербургъ, было такъ благовременно, какъ только возможно желать и представить для обѣихъ сторонъ,—и для Святителя Антонія Воронежскаго, и для самого Св. Синода. Понятно, что высокопр. Антоній встрѣтилъ и принялъ посѣтителя, именно какъ посланнаго Богомъ, или ближе,—какъ призваннаго по волѣ Божіей самимъ Угодникомъ Божіимъ Святителемъ Митрофаномъ.—Положимъ, что высокопр. Антоній уповалъ на успѣхъ своего представленія, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, внѣ всякаго сомнѣнія, могъ и предполагать какія либо препятствія, могущія, по крайней мѣрѣ, замедлить, такъ или иначе,

---

[1]) Смотр. жизнь преосв. Антонія, Архіепископа Воронежскаго и Задонскаго. Составл. Н. М. Савастьяновымъ. С.-Пб. 1852 г., стр. 79—80.

ходъ дѣла, или послужить къ измѣненію его представленія въ чемъ либо. Но теперь, лицомъ къ лицу въ откровенныхъ бесѣдахъ съ высокопр. Филаретомъ, высокопр. Антоній могъ объяснить ему и показать на мѣстѣ, что, какъ и почему онъ предполагалъ устроить въ предполагаемомъ Монастырѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ воспользоваться собственнымъ совѣтомъ его, какъ извѣстнаго, опытнаго строителя обителей и учредителя иноческаго житія. Понятно, что̀ долженъ былъ чувствовать и сознавать и самъ высокопр. Филаретъ, видя истинно чудодѣйственную надъ нимъ волю Господа и Его Угодника, приведшую его сюда не въ иную, а въ эту именно пору, когда онъ могъ оказаться дѣйствительно полезнымъ для разсматриваемаго дѣла. Взаимныя же отношенія обоихъ Святителей, въ смыслѣ духовнаго сочувствія, всего болѣе ручались за успѣхъ. Высокопр. Филаретъ и Антоній, положимъ, знали лично другъ друга мало; они видѣлись въ свое время, но слишкомъ давно и кратковременно. Но здѣсь имѣло мѣсто и значеніе не знакомство личное, а сходство ихъ свойствъ и направленій какъ со стороны духовной подвижнической жизни, такъ и пастырскаго служенія. А какъ разумѣлъ въ этомъ отношеніи Владыка Воронежскій Филарета, мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, и увидимъ и теперь.

Когда же и гдѣ могло быть ихъ личное свиданіе? Припомнимъ то̀ время, когда высокопр. Филаретъ былъ еще Префектомъ Сѣвской Семинаріи. Въ запискахъ, за ту пору его жизни, между прочимъ, значится: „въ Генварѣ 1802 г. былъ на богомольѣ въ Кіевѣ при Митрополитѣ Гавріилѣ“. Въ это же время высокопр. Антоній только-что начиналъ свои иноческіе подвиги, состоя въ званіи іеромонаха Кіево-Печерской Лавры, и пользуясь особеннымъ вниманіемъ Митрополита Гавріила [1]). Впрочемъ, если свиданіе это было на столько случайно и кратко, что Филаретъ и Антоній могли только сохра-

[1]) Высокопр. Антоній былъ старше высокопр. Филарета по возрасту 6-ю годами, а по монашеству 2-мя.

нить въ памяти преждебывшія обстоятельства своей встрѣчи, за-то теперь одно воспоминаніе объ этомъ давноминувшемъ времени и, отсюда, вся послѣдующая собственная жизнь того и другаго, естественно, составляли обильнѣйшій источникъ для ихъ духовныхъ собесѣдованій... По разсказамъ высокопр. Антонія, слышавшаго нѣкоторыя подробности отъ Владыки—дяди, при самой записи объ описываемомъ пребываніи его въ Воронежѣ,—высокопр. Филаретъ, съ своей стороны, отнесся къ высокопр. Антонію съ исповѣданіемъ, такъ сказать, всѣхъ духовныхъ тайнъ своего сердца. Ближайшимъ же предметомъ этихъ тайнъ была именно мысль объ увольненіи на жительство въ пустынѣ Раиской, и, вслѣдствіе ея, очень не охотное путешествіе въ С.-Петербургъ. Со стороны же высокопр. Антонія все это было обсуждено самымъ мудрымъ, назидательнымъ и, даже знаменательно-пророчественнымъ, образомъ. Такъ, когда высокопр. Филаретъ объяснилъ, что онъ ничего не знаетъ особеннаго о причинахъ его вызова въ Синодъ и самое Высочайшее Повелѣніе объ этомъ вызовѣ состоялось совершенно нежданно, негаданно для него,—и что если онъ и примирился въ душѣ съ этой неожиданностію, то собственно въ виду возможности—побывать въ Воронежѣ, чтобы исполнить свой вожделѣнный обѣтъ. На это Святитель Воронежскій отвѣчалъ своимъ обычнымъ полумалороссійскимъ говоромъ: „вотъ же бачьте теперь, Владыко, що во истину Сердце Царево въ Рукѣ Божіей, а предъ Богомъ предстоитъ выну и Угодникъ Его—нашъ Святитель Митрофанъ... Онъ вѣдалъ вашъ обѣтъ вожделѣнный; а потому и возжелалъ, щобъ исполненіе его въ благодарность за исцѣленіе, имъ Вамъ дарованное, не ограничивалось только молитвою благодаренія, но щобъ и вы сослужилы для него службу—потщились ускорить дѣло по устроенію Обители въ честь и славу Его имени.—При этомъ же Владыка Антоній (Воронежскій) примолвилъ: и мы не забудемо этой вашей послуги, будемъ молиться выну о васъ... за то и вы такъ же не забудьте и мою худость, якъ будете тамо у св. великихъ Угодниковъ нашихъ—

Кіево-Печерскихъ, гдѣ мы впервые и побачились съ вами... а вы жъ тамо, вотъ, скоро и будете."—Владыка, (Филаретъ) съ недоумѣніемъ слушая эти слова,—отвѣчалъ: „Нѣтъ, я не думалъ объ этомъ..., да и полагаю, что если бы, послѣ срока присутствованія моего въ св. Синодѣ, который, однако, и не знаю,—сколько продолжится,—я и пожелалъ попроситься посѣтить св. Кіевъ,—то, вѣроятнѣе всего, не пустятъ, а велятъ скорѣе возвращаться въ Казань, гдѣ у меня и теперь много—много заботъ и дѣлъ."—Владыка Антоній продолжалъ: „да вамъ не зачѣмъ буде и просыться... бо велятъ ихать, да и годи... и отказаться ни якимъ способомъ нельзя, якъ и теперь—ихать до Питера..."—А за симъ буде треба отгнати отъ себе и всяку думку, щобъ выходыти вамъ на покой, колы-бъ то ни було... Вотъ мыни-бъ добре було—выйдты на покой; и я гадаю, що, якъ тилки благословитъ Господь и Угодникъ Его устроиты святу Обытель, буду просыть увольненія, щобъ водворыться у (въ) Святой Кіево-Печерской Лаври, подъ ваше покровительство,—и вы жъ будьте ласковы не отрыньте моей худости".—Всѣ эти слова Святителя Антонія, видимо, столь добродушныя и, съ тѣмъ вмѣстѣ, загадочныя для высокопр. Филарета, сбылись всѣ во всей точности. Во первыхъ, ровно чрезъ годъ, 18-го Апрѣля 1837-го года послѣдовалъ Высочайшій Рескриптъ Государя Императора о назначеніи его Митрополитомъ Кіевскимъ. Во вторыхъ самъ высокопр. Антоній Воронежскій, дѣйствительно, по сооруженіи Благовѣщенскаго Митрофанова Монастыря писалъ и къ Оберъ-Прокурору, и къ Членамъ св. Сунода, и къ Самому Государю объ увольненіи его на покой—именно въ Кіевъ; но отъ всѣхъ получилъ отказъ.—Затѣмъ онъ до конца своей жизни оставался въ Епархіи въ Воронежѣ, не безпокоя уже никого просьбами объ увольненіи на покой. А почему произошло это послѣднее измѣненіе его мыслей и желаній, объ этомъ самъ высокопр. Антоній засвидѣтельствовалъ въ самомъ откровенномъ и подробномъ изложеніи замѣчательнѣйшаго въ своемъ родѣ, бывшаго ему, видѣнія, которое не замедлилъ онъ сооб-

щить и высокопр. Филарету, въ подтвержденіе своихъ прежнихъ словъ,—что и ему—(Филарету) „треба буде отгнати всяку думку, щобъ просыться на покой, колы-бъто ни було..“ Представляемъ указываемое видѣніе въ подлинномъ его изложеніи въ подстрочномъ текстѣ [1]).

---

[1]) Высокопреосвященный Антоній [1]), разсказывалъ въ письмѣ: „грѣшный Антоній“, по старости лѣтъ, не успѣвая ни дѣлать дѣла своевременно, ни обозрѣвать епархію, какъ бы слѣдовало, задумалъ отказаться отъ управленія Епархіею и идти на покой—въ Кіевъ. Для достиженія желаемаго, Преосвященный писалъ къ Оберъ-Прокурору, къ Государю и къ Членамъ Св. Сунода, но отъ всѣхъ получилъ отказъ“.

„Въ одно время эти мысли очень умножилися и сдѣлались неотходными отъ меня, такъ что я сталъ думать: видно это отъ Промысла о мнѣ Божія.

„Чтобы свободнѣе предаться имъ и разобрать ихъ, я поѣхалъ въ загородный Троицкій архіерейскій домъ.

„Пріѣхавши, помолился въ домовой здѣсь церкви и легъ плотно спиною на диванъ, изголовіемъ стоявшій къ стѣнѣ.

„Мысль, чтобы оставить усиленнымъ даже образомъ епархію, рѣшилъ я въ умѣ, что надо непремѣнно приступить къ исполненію. Сталъ размышлять о Кіевѣ, о моемъ тамъ будущемъ пребываніи, объ образѣ жизни, занятіяхъ, свойственныхъ нашему званію. И все представлялось съ самой пріятной и полезной стороны. Такъ бы я сейчасъ все оставилъ и туда уѣхалъ.

---

[1]) Архіепископъ Антоній (Смирницкій) изъ Намѣстниковъ Кіево-Печерской Лавры 31-го Января 1826-го года посвященъ былъ въ Епископа Воронежскаго; 31 Января 1832-го года возведенъ въ санъ Архіепископа; скончался блаженною кончиною 30-го Декабря 1846-го года.—Излагаемое видѣніе въ Бозѣ почившаго Святителя Антонія смотр., между прочимъ, съ собраніи мнѣній и отзывовъ высокопр. Филарета Митрополита Московскаго. Томъ IV. 1886 г. стран. 69 и 70.

Наконецъ во время-же пребыванія высокопр. Филарета въ Воронежѣ, кромѣ вышеизложеннаго предмета—устроенія Монастыря, было, какъ увидимъ сейчасъ, и еще дѣло, подлежавшее общему разсужденію обоихъ Святителей. Что и какъ лично разсуждали они объ этомъ дѣлѣ, свѣдѣній у насъ не имѣется, да и извѣстнымъ оно становится уже спустя три-четыре года, именно изъ писемъ высокопр. Филарета, находившагося, впослѣдствіи времени, въ 1839—40 гг.), въ С.-Петербургѣ.—Дѣло это—составленіе Службы съ Акаѳистомъ новопрославленному Угоднику Божію—Святителю Митрофану Воронежскому.—Вотъ два письма по этому предмету, писанныя къ бывшему тогда Ректору Кіевской Академіи Архимандриту Іереміи, (впослѣдствіи Епископу Нижегородскому). Первое письмо было отъ 14-го Февраля 1839-го года.—„У меня есть къ твоему Преподобію просьба, давно лежащая на душѣ моей. И по вѣрѣ моей къ Святителю Митрофану, Воронежскому

„Въ эту минуту размышленія слышу въ головахъ голосъ человѣка, говорящаго мнѣ: „напрасно ты такъ думаешь, ошибаешься ты...

„Зная близость изголовья къ стѣнѣ, я и не могъ подозрѣвать, что тутъ могъ быть человѣкъ. Нѣсколько оробѣвши, я, не озираясь на мѣсто, перекрестился троекратно, думалъ встать, но что-то, какъ бы сверхъ моей воли, удерживало меня лежащимъ на диванѣ. Голосъ тихій, наполняющій сердце мое миромъ и смиреніемъ, продолжаетъ: „Епископство есть сораспятіе Христа на крестѣ. А съ креста не сходятъ, а возносятся и снимаются.

„Видитъ Господь трудъ твой, и помогаетъ тебѣ своею благодатію въ дѣлѣ Своего Промысла о паствѣ и о тебѣ. И трудное, и не привычное дѣло съ Его помощію ты дѣлаешь.

„Ты хочешь усилиться—уйти на покой въ Кіевъ. А когда ты тамъ будешь оставленъ только своимъ силамъ, и что ты будешь дѣлать? Немощи съ тобою будутъ тѣ же, и помоществующаго не будетъ:—надѣешься ли ты на свои силы“.

Чудотворцу, и по препорученію Преосвященнѣйшаго Антонія есть надобность составить Службу сему Святителю съ Акаѳистомъ. При всемъ моемъ желаніи, самъ я мало имѣю времени заняться симъ дѣломъ. Именемъ Господнимъ прошу тебя взять на себя сей святый трудъ. Святитель Христовъ тебѣ поможетъ. Напиши-ко мнѣ о семъ. Когда не отринешь моей просьбы, то я пришлю къ тебѣ, нужныя для сего, бумаги". Второе письмо (отъ 9-го Марта 1840-го года).—„Получилъ я Акаѳистъ Святителю Божію Митрофану, не извѣстно кѣмъ составленный. При нѣкоторыхъ поправкахъ, кажется, можно его представить въ св. Сунодъ для напечатанія. Но вмѣстѣ надобно представить всю службу сему Святителю. Помнится, я, при отъѣздѣ изъ Кіева, вамъ поручилъ рукопись Службы и Акаѳиста сему Святителю,—или отдалъ преосв. Викарію. Пожалуйте, отыщите ее и съ своими замѣчаніями пришлите ко мнѣ. А вмѣстѣ пришлите, ежели и вы что нибудь для Службы составили. Пора-же

„Я въ полголоса говорю: „да я думалъ Бога ради это сдѣлать; лучше печись о душѣ своей, нежели, по неспособности, не удовлетворять нуждамъ паствы моей."

„Если Бога ради думаешь дѣлать, то и предай дѣло свое Богу. Когда Онъ найдетъ тебя неспособнымъ, то Самъ повелитъ снять тебя со креста И ты будешь въ мирѣ, что не своя, а Божія исполнилась съ тобою воля."

„Во всѣ эти минуты ручьями лились у меня слезы, и я ощущалъ душею, что это—не иной кто былъ, какъ Святитель Митрофанъ.

„Всталъ я, помолился; всѣ мысли, обременяющія меня, отошли, и я какъ будто свѣжѣе сдѣлался. Такъ съ этой минуты и отложилъ я мысли о покоѣ; ибо истинный покой есть въ преданіи себя волѣ Божіей."

Содержаніемъ этого видѣнія высокопр. Филаретъ, дѣйствительно, воспользовался, чтобы отгнать окончательно, бывавшія у него не разъ, намѣренія проситься въ отставку отъ Кіевской Митрополіи: о чемъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.—

это дѣло, лежащее на моей совѣсти, окончить". Наконецъ по этому-же предмету писалъ высокопр. Филаретъ и къ преосв. Иннокентію, (Херсонскому, бывшему еще тогда Епископомъ Вологодскимъ) отъ 18-го Февраля 1841-го года. „Отцу Іереміи я поручаю заняться дѣломъ по сердцу его благочестивому—именно составленіемъ Службы съ Акаѳистомъ Святителю Христову Митрофану. Надѣюсь, что не откажется. Стыдно намъ, что доселѣ никто не сочинитъ этой Службы; да и житіе сочинено человѣкомъ *не изъ духовнаго званія*, хотя истинно духовнымъ."

Описываемое дѣло—составленіе Службы и Акаѳиста Новоявленному Угоднику Святителю и Чудотворцу Митрофану принято было на себя высокопр. Филаретомъ сколько по очевиднѣйшему личному его желанію и усердію, и по просьбѣ Архіеп. Антонія, столько же, какъ видимъ изъ документовъ, оно совершалось имъ и въ значеніи оффиціальномъ. У насъ имѣется по этому дѣлу подлинный Указъ Св. Сунода 1840-го года за № 205-мъ.—Представляемъ его здѣсь въ копіи.—„Святѣйшій Правительствующій Сунодъ слушали Репортъ Преосвященнаго Антонія, Архіепископа Воронежскаго, въ коемъ изъяснивъ,—что Указомъ Святѣйшаго Сунода, отъ 29-го Ноября 1839-го года, съ препровожденіемъ, составленнаго (по замѣчаніямъ его же Преосвященнаго) С.-Петербургскимъ купцомъ Сергѣемъ Масленниковымъ, Акаѳиста Святителю Митрофану Чудотворцу Воронежскому, предписано ему—Преосвященному разсмотрѣть оный, а касательно напечатанія его для церковнаго употребленія представить Святѣйшему Суноду мнѣніе,—донесъ, что онъ, Преосвященный, разсмотрѣвъ тотъ Акаѳистъ, остается о немъ при прежнемъ своемъ мнѣніи; впрочемъ, какъ по прошенію его Архіепископа, Ваше Преосвященство приняли на себя трудъ—послужить Святой Церкви составленіемъ Службы съ Акаѳистомъ новоявленному Святителю и Чудотворцу Митрофану, и отъ него—Архіепископа, для соображенія, препровождено къ Вамъ, подобныхъ настоящему, нѣсколько Акаѳистовъ, отъ разныхъ лицъ на имя его, Архіепископа Воронеж-

скаго присланныхъ;-то, дабы и трудъ Купца Масленникова не остался безъ вниманія, не благоугодно-ли будетъ Святѣйшему Суноду и сей Акаѳистъ предоставить разсмотрѣнію Вашего Преосвященства. При семъ возвращена и самая рукопись.—По справкѣ:—Приказали: представленную Купцомъ Масленниковымъ, рукопись: „Акаѳистъ Святителю Митрофану, Воронежскому Чудотворцу“, препроводить (и препровождается) къ Вашему Преосвященству при Указѣ на разсмотрѣніе. Генваря 24-го дня 1840-го года“.

Продолжая путь изъ Воронежа въ Петербургъ, высокопр. Филаретъ не миновалъ посѣтить по дорогѣ и Задонскъ. Въ жизнеописаніи блаженнаго затворника Задонскаго Георгія значится слѣдующее объ этомъ свѣдѣніе:—„Всеблагій Господь и еще утѣшилъ раба своего Георгія другою радостію... Въ день его ангела, 23-го Апрѣля 1836-го года, Казанскій Архіепископъ Филаретъ, проѣзжавшій чрезъ Задонскъ въ Петербургъ, посѣтилъ обитель Пресвятыя Богородицы, и, побывавъ у гроба *Преосвященнаго Тихона*, посѣтилъ и его (Георгія). Обрадованный вниманіемъ посѣтителя, Георгій насладился съ нимъ бесѣдою и, между прочимъ, открылъ ему о дарованномъ ему отъ Бога исцѣленіи молитвами своего ангела—св. Великомученика Георгія. (Болѣзнь блаженнаго Георгія состояла въ совершенной глухотѣ, которая вдругъ прошла въ день его ангела послѣ св. Литургіи и трапезы, устроенной имъ для нищей братіи“ [1]).

Какъ ни размышлять объ этомъ свѣдѣніи,—нельзя не признать и здѣсь знаменательнаго значенія въ приложеніи къ лицу и состоянію высокопр. Филарета, который и самъ, по словамъ слышавшихъ, любилъ вспоминать объ этомъ путешествіи и, само собою, не въ смыслѣ только разсказовъ.—Сказанное выраженіе, что „рабъ Божій Георгій былъ утѣшенъ, какъ особенною радостію,

---

[1]) Смотр. жизнь Георгія—Затворника Задонскаго. Изд. 2-е 1844 г. Москва.—Часть 1-я, стр. 86.

свиданіемъ съ высокопр. Филаретомъ и насладился бесѣдами съ нимъ,"—положимъ, принадлежитъ Автору жизнеописанія, но, несомнѣнно, онъ употребилъ ихъ не иначе, какъ имѣя данныя со стороны самого жизнеописуемаго. Во всякомъ случаѣ, если мы примемъ эти выраженія въ смыслѣ взаимныхъ чувствъ между свидѣвшимися и бесѣдовавшими лицами, и даже скажемъ, что самъ высокопр. Филаретъ былъ тоже радъ имѣть свиданіе и бесѣду съ великимъ подвижникомъ Георгіемъ,—здѣсь мы ничего не скажемъ увеличеннаго. Обращаясь же въ частности къ тому факту, что, въ день свиданія, рабъ Божій Георгій получилъ внезапное чудесное исцѣленіе отъ своей болѣзни и не замедлилъ открыть о семъ исцѣленіи—именно высокопр. Филарету, мы осмѣливаемся въ чувствѣ благоговѣнія заключить, что, обладавшій духовнымъ даромъ прозорливости, рабъ Божій не относилъ ли этого факта и къ состоянію своего посѣтителя, и, такимъ образомъ, снялъ съ его души и послѣднюю тѣнь мысли, безпокоившей его на счетъ собственнаго состоянія его здоровья?! Наконецъ и то, что высокопр. Филаретъ, бывши въ Задонскѣ—въ тамошней Богородицкой обители, поклонялся и Гробу Святителя Тихона, тогда еще не прославленнаго во святыхъ, но уже чествуемаго и ублажаемаго со святыми, не могло остаться безъ особеннаго значенія и дѣйственности для его же собственнаго состоянія, и именно по отношенію къ его мысли объ увольненіи на покой. Зная жизнь сего блаженнаго Святителя, высокопр. Филаретъ не могъ, занятый сейчасъ сказанною мыслію, не воспомянуть и живо воспринять, и принять къ сердцу то состояніе почившаго о Господѣ, когда послѣдній находился на покоѣ, и здѣсь получить, соотвѣтствовавшій себѣ, урокъ. Мы разумѣемъ то состояніе Угодника Божія Святителя Тихона, какое изложено въ его жизнеописаніи слѣдующимъ образомъ.—

„Въ Задонскомъ Монастырѣ Святитель Тихонъ скоро оправился отъ болѣзни, по причинѣ которой онъ уволился на покой, и, по выздоровленіи, началъ мучиться жаждою дѣятельности. Въ теченіе своей пастырской

службы онъ привыкъ къ занятіямъ, и эта привычка теперь не имѣла уже никакого исхода, стала безпокоить, тяготить его... „Мужамъ дѣятельнымъ, говоритъ преосв. Митрополитъ Евгеній, привыкшимъ къ должностямъ и чувствующимъ еще въ себѣ силы къ онымъ, нѣтъ ничего тягостнѣе удаленія отъ обыкновенныхъ своихъ занятій. Они, больше всѣхъ, тогда чувствуютъ какъ бы потерю своего существованія, пустоту времени и будто бы всей своей жизни безполезность, по крайней мѣрѣ въ первые годы своей свободы. Уединеніе и досугъ, которыхъ они искали при дѣлахъ своихъ, становятся для нихъ обременительнѣе самыхъ дѣлъ, и мрачная скука одолѣваетъ ими...“ [1]). Это испыталъ и св. Тихонъ. Ему представлялось теперь, что онъ слишкомъ мало трудился для Церкви, для служенія которой и принялъ санъ Архипастыря, что много, полезныхъ для Церкви, начинаній оставилъ онъ не оконченными, много добрыхъ намѣреній не приведенными въ исполненіе; онъ упрекалъ себя въ томъ,—зачѣмъ такъ рѣшительно и поспѣшно требовалъ себѣ увольненія на покой,—зачѣмъ считалъ выздоровленіе свое невозможнымъ. Смущала его и та мысль, что будто бы даромъ незаслуженно получаетъ онъ и пенсію... Такое состояніе продолжалось слишкомъ годъ. Въ это время онъ былъ постоянно скученъ и безпокоенъ; по цѣлымъ днямъ сидѣлъ, запершись въ своей келліи, и не выходилъ изъ нея. Жившіе при немъ слышали только быстрые шаги его по комнатѣ и голосъ его молитвенныхъ обращеній къ Господу.“

И такъ озабоченность, съ которою мы видѣли сборы высокопр. Филарета къ отъѣзду въ С.-Петербургъ, должна была, послѣ всѣхъ описанныхъ нами обстоятельствъ, совершенно сгладиться съ чела его. Вмѣсто всякихъ, занимавшихъ его, думъ, онъ доженъ былъ чувствовать себя умиреннымъ, ободреннымъ, окрѣпленнымъ, насколько возможно допустить по благоразумію чело-

---

[1]) Житіе св. Тихона при его сочиненіяхъ. 1836 г. стр. 25 и Странникъ, Апрѣль 1867 г. отд. III стр. 8—9.

вѣческому, во всѣхъ отношеніяхъ будущаго своего положенія на служебномъ поприщѣ... Вскорѣ же по прибытіи въ С.-Петербургъ, высокопр. Филаретъ, дѣйствительно, вотъ что писалъ (отъ 29-го Мая 1836 г.) преосв. Кириллу Каменецъ-Подольскому: „По непостижимымъ судьбамъ Промысла Божія, паче всякаго чаянія, паки призванъ я изъ отдаленной паствы въ Царствующій градъ, на служеніе святой Церкви. За отбытіемъ Преосвященнѣйшихъ—Московскаго Митрополита и Тверскаго Архіепископа въ свои епархіи до осени, я остаюсь съ достопочтеннѣйшими Старцами [1]). Помолитесь, Владыко святый, да сила Божія совершится въ немощахъ моихъ на чредѣ настоящаго служенія моего. *Мое же здоровье, благодареніе Господу, отъ дальняго пути не пострадало...* Для поклоненія Святителю Христову Митрофану, новоявленному Чудотворцу, я совершилъ путешествіе изъ Казани въ Петербургъ чрезъ Воронежъ. И Васъ помянулъ при святыхъ и многоцѣлебныхъ мощахъ Угодника Божія“.

По прибытіи въ С.-Петербургъ, высокопр. Филарету, какъ мы видѣли, предлежало уже готовое занятіе въ Синодѣ; это—дѣло объ учрежденіи въ Воронежѣ, при тамошнемъ Каѳедральномъ соборѣ, мужескаго Монастыря. Дѣло это было уже въ движеніи, но, съ принятіемъ въ немъ личнаго особеннаго участія со стороны высокопр. Филарета, движеніе это ускорилось. Св. Синодъ, узнавъ отъ высокопр. Филарета о его личномъ пребываніи въ Воронежѣ, и вообще зная о его ревности и опытности въ отношеніи подобныхъ устроительныхъ дѣлъ, съ совершенною довѣренностію передалъ это дѣло въ исключительное его вѣдѣніе. На этомъ-то основаніи онъ и могъ такъ рѣшительно засвидѣтельствовать самъ о себѣ, что „*много содѣйствовалъ* и много успѣлъ въ дѣлѣ открытія Монастыря св. Митрофана“ [2]). Чрезъ три не болѣе мѣ-

---

[1]) Разумѣется здѣсь—высокопр. *Серафимъ*—Митрополитъ С.-Петербургскій и Митрополитъ *Іона*, бывшій Екзархъ Грузіи.

[2]) Смотр. записки, писанныя съ его собственныхъ словъ.

сяца докладъ Св. Синода былъ Высочайше конфирмованъ, именно въ 1-й день Августа 1836-го года, а въ первый день церковнаго новолѣтія, 1-го Сентября того же года совершено и самое открытіе Благовѣщенскаго Монастыря въ г. Воронежѣ.

Между тѣмъ, въ теченіе того же времени, въ служебномъ положеніи высокопр. Филарета произошли перемѣны.—Это во первыхъ то, что, спустя полтора мѣсяца по прибытіи его въ Петербургъ, Государь Императоръ благоизволилъ пожаловать его Членомъ Св. Синода,—именно указомъ Своимъ отъ 17-го Іюня.—Затѣмъ, ровно чрезъ два мѣсяца,—по случаю открывшейся вакансіи въ Ярославской Епархіи, послѣдовала Высочайшая воля о перемѣщеніи высокопр. Филарета на Архіепископскую каѳедру Ярославскую, съ сохраненіемъ за нимъ степени и правъ, присвоенныхъ Казанской Епархіи, какъ первостарѣйшей изъ всѣхъ архіепископій [1]). Такимъ образомъ, вызовъ высокопр. Филарета оказался *не временнымъ* по отношенію къ Казанской его паствѣ; съ послѣднею онъ долженъ былъ проститься теперь навсегда, хотя и заочно, какъ нѣкогда съ Рязанскою.—Что же касается того, что перемѣщеніе его произошло, нѣкоторымъ образомъ какъ-бы съ пониженіемъ въ рангѣ епархій,—это, какъ объяснялъ онъ „и самъ при случаѣ свимъ близкимъ, послѣдовало для того, чтобы ему, по званію Члена Св. Синода, болѣе имѣть удобства для частыхъ пріѣздовъ въ С.-Петербургъ, и, ближайшихъ по разстоянію, заочныхъ сношеній по участію въ дѣлахъ Св. Синода, а наконецъ для облегченія его въ дѣлахъ управленія епархіальнаго, такъ какъ Ярославская Епархія не представляла столь многосложныхъ и трудныхъ предметовъ по управленію, какъ Казанская. Непосредственное же присутствованіе высокопр. Филарета въ Св. Синодѣ требовалось, какъ въ описываемую пору, такъ и въ послѣдующую—ближайшую потому, что въ Св. Си-

---

[1]) Смотр. формулярн. списокъ о службѣ высокопр. Филарета.

нодѣ были на очереди дѣла особенной важности. Объ этихъ дѣлахъ будетъ отдѣльная рѣчь въ слѣдующей главѣ; въ настоящей же мы скажемъ нѣсколько словъ о двухъ дѣлахъ, къ особенному участію въ которыхъ призывалъ высокопр. Филарета его личный нравственный интересъ. Объ этихъ обоихъ дѣлахъ читающіе отчасти уже знаютъ [1]). Одно изъ нихъ относилось къ лицу преосв. Августина, бывшаго Епископа Оренбургскаго и Уфимскаго, преслѣдовавшаго высокопр. Филарета, въ бытность его Ректоромъ Семинаріи въ Уфѣ; а второе дѣло—объ образовавшейся въ г. Уфѣ женской общинѣ, которая къ описываемому времени развилась и устроилась настолько, что мѣстное Уфимское Епархіальное начальство вошло уже съ ходатайствомъ предъ Св. Синодомъ объ учрежденіи, вмѣсто этой общины, штатнаго общежительнаго женскаго Монастыря.

Первое изъ указанныхъ дѣлъ состояло въ слѣдующемъ.—Бывшій Епископъ Оренбургско-Уфимскій Августинъ, по увольненіи своемъ въ 1818 г. въ отставку, избралъ для себя мѣстомъ жительства Варницкій,—что̀ близъ самого г. Ростова, Монастырь, въ которомъ онъ и находился и въ описываемое время. Когда же послѣдовало перемѣщеніе высокопр. Филарета изъ Казанской Епархіи въ Ярославскую, тогда-то онъ и вспомнилъ въ особенности о бывшемъ своемъ Начальникѣ—Архипастырѣ. Хотя высокопр. Филарету вовсе не привелось и побывать въ новой своей паствѣ Ярославской, но, тѣмъ не менѣе, онъ собралъ свѣдѣнія о состояніи и самаго Монастыря Варницкаго, оказавшагося однимъ изъ бѣднѣйшихъ въ его Епархіи, и о состояніи самого преосв. Августина. Послѣднему какъ назначена была въ свое время—очень малая пенсія, такъ при ней онъ и находился до послѣднихъ поръ.—Потому-то высокопр. Филаретъ сколько по званію и праву мѣстнаго Епархіальнаго-Ярославскаго Архіерея, столько же и Члена Св. Синода, вошелъ отъ себя съ ходатайствомъ предъ Св.

---

[1]) Смотр. Том. I. стран. 96. [2])—Том. II. стран. 296.

Синодомъ объ увеличеніи вдвое пенсіи преосв. Августину,—каковое ходатайство его и было немедленно же удовлетворено.

Относительно же втораго дѣла о возведеніи женской общины въ штатный общежительный Монастырь за несомнѣнное извѣстно то, что высокопр. Филаретъ какъ еще прежде, при первомъ учрежденіи этой общины, принималъ самое живое участіе, такъ и теперь явился, почти въ качествѣ личнаго ходатая, чтобы дать возможно скорѣйшій и успѣшнѣйшій ходъ дѣлу объ открытіи въ Уфѣ женскаго Монастыря. По предварительнымъ письмамъ къ нему изъ Уфы и отъ бывшаго преосв. Михаила, и отъ новопоступившаго—преосв. Іоанникія, и отъ Протоіерея Каѳедральнаго Кандарицкаго, ему извѣстнаго,—являлись лично и обѣ сестры—дѣвицы Стефанида и Евдокія Степановы въ С.-Петербургъ. Ихъ-то высокопр. Филаретъ и руководилъ во всемъ,—куда, къ кому и зачѣмъ обратиться и рекомендовалъ ихъ лично и Членамъ Св. Синода и многимъ знатнымъ лицамъ.—Изъ Членовъ Св. Синода, съ перваго же раза, приняли особенное участіе въ разсматриваемомъ дѣлѣ—высокопр. Филаретъ Московскій и высокопр. Митрополитъ Іона, бывшій Екзархъ Грузіи. Отъ самыхъ устроительницъ Общины мнѣ приводилось слышать весьма многіе интересные разсказы обо всемъ ходѣ дѣла, которое, дѣйствительно, совершилось во всѣхъ отношеніяхъ удивительно благоуспѣшно, такъ что онѣ признавали и исповѣдывали во многихъ фактахъ что-то необычайное въ смыслѣ явныхъ знаменій Божіихъ.—Не касаясь болѣе какихъ либо подробностей, хотя намъ извѣстныхъ во всей точности, мы скажемъ одно только, что, хотя для устроенія Монастыря въ г. Уфѣ почти не имѣлось никакихъ готовыхъ средствъ, Св. Синодъ постановилъ и Государь Императоръ соизволилъ—открыть этотъ Монастырь и дать отъ Св. Синода особую книгу для сбора пожертвованій, начиная съ самаго С.-Петербурга.—Въ этой книгѣ мы лично видѣли и собственноручныя подписи съ весьма значительными пожертвованіями отъ самыхъ Членовъ Св. Синода, высокопреосвященнѣйшихъ Митро-

политовъ—С.-Петербургскаго Серафима, Кіевскаго Филарета. Московскаго Филарета и Митрополита Іоны;—кромѣ же означенныхъ въ книгѣ суммъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ—въ особенности отъ высокопр. Филарета (Кіевскаго) были вручены сборщицамъ—сестрамъ и еще значительныя суммы.—Описываемый Монастырь въ 1838 году былъ окончательно открытъ съ наименованіемъ его „Благовѣщенскимъ“ и тогда же помѣстилось въ немъ весьма большое число обительницъ подъ главенствомъ двухъ сестеръ—дѣвицъ Степановыхъ, изъ коихъ старшая Стефанида (28-ми лѣтъ отъ роду), нареченная при постриженіи Филаретою, была опредѣлена, съ утвержденія Св. Синода, Игуменіею, а младшая Евдокія (26-ти лѣтъ), нареченная Іоанникіею,—опредѣлена мѣстнымъ Преосвященнымъ Іоанникіемъ—Казначеею.—Достойно замѣчанія объ этомъ Монастырѣ то, что отъ него—перваго и единственнаго, бывшаго въ обширнѣйшемъ Оренбургско-Самарскомъ краѣ, съ теченіемъ времени, получили свое началопроисхожденіе не менѣе шести женскихъ обителей, изъ коихъ въ большинствѣ и доднесь состоятъ Игуменіи изъ среды монахинь Уфимскаго Благовѣщенскаго женскаго Монастыря. Явное знаменіе, что отъ благаго корня добро насажденнаго древа всегда бываютъ обильныя и плодоносныя по роду своему отрасли.—Въ Уфимскомъ Благовѣщенскомъ женскомъ Монастырѣ доднесь находится, очень хорошо написанный масляными красками, большой поясной портретъ высокопр. Филарета Митрополита Кіевскаго, подаренный имъ лично устроительницѣ Монастыря Игуменіи Филаретѣ, доселѣ еще здравствующей, проживающей тутъ же на покоѣ.

ГЛАВА XIV.

«Въ дѣлѣ Возсоединенія Уніятовъ принималъ (высокопр. Филаретъ) самое дѣятельное участіе» [1].

«Видѣлъ въ ночи на 18-е число Апрѣля 1837 года сонъ: «Стоя предъ зеркаломъ, взглянулъ на себя и увидѣлъ: весь сталъ я бѣлый». Въ это самое 18-е число получилъ Высочайшій Рескриптъ о назначеніи меня на Кіевскую Митрополію» [2].

Дѣла особенной важности, о которыхъ сказано нами въ предъидущей главѣ,—бывшія на очереди въ Св. Синодѣ въ описываемую пору, относились къ области исторіи нашей Отечественной Церкви и къ церковно-духовной администраціи. Дѣло первой категоріи было уже въ ходу съ давнихъ поръ, и вниманіе на немъ, въ настоящее время, должно было особенно сосредоточиваться, чтобы дать ему возможно вѣрный ходъ и выполненіе.—Дѣла другія только еще предначинались, но требовали скораго разрѣшенія и самого выполненія. Первое дѣло было „Возсоединеніе Уніятовъ; а послѣднія о преобразованіи администраціи, по нѣкоторымъ отдѣленіямъ при Св. Синодѣ, и учебно-воспитательной

---

[1]) Собственныя слова высокопр. Филарета. Смотр. въ запискахъ листъ 3-й, стр. 1.

[2]) Собственныя же слова высокопр. Филарета. Смотр. въ запискахъ листъ 3-й стр. 2.

части въ Семинаріяхъ. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ требовалось, должно напередъ сказать, непремѣнное участіе высокопр. Филарета, какъ спеціалиста, которое, дѣйствительно, и оправдалось. Такъ относительно „*Возсоединенія Уніятовъ*", высокопр. Филаретъ и самъ засвидѣтельствовалъ, какъ значится въ запискахъ,—что „онъ принималъ въ немъ самое дѣятельное участіе" [1]). Потому-то ему, какъ увидимъ впослѣдствіи, выпалъ справедливо достойный жребій совершить самое Торжество Возсоединенія въ г. Витебскѣ въ 1839-мъ году.

Впрочемъ, изложеніе свѣдѣній какъ о дѣятельномъ участіи высокопр. Филарета, такъ и о самыхъ дѣйствіяхъ Св. Синода, и вообще о ходѣ этого событія не можетъ заключать въ себѣ полноты и подробностей. Причина этого понятна по самому тогдашнему характеру и образу всѣхъ вообще Правительственныхъ дѣйствій. Гласность вообще, а въ особенности касательно подобныхъ предметовъ, относящихся къ Правительственной области, тогда еще не только не существовала, но она была даже строго воспрещаема. Съ другой стороны и самыя обстоятельства времени требовали, своего рода особенной, мѣры—если не сокровенности, то осторожности въ образѣ и порядкѣ веденія дѣлъ. Къ послѣдней категоріи собственно относится первое изъ разсматриваемыхъ событій—„*Возсоединеніе Уніятовъ*". Въ этомъ дѣлѣ, нужно замѣтить, высокопр. Филаретъ принималъ участіе еще въ первую пору своего присутствованія въ Св. Синодѣ. (1826—1828 г.). Въ настоящую же бытность его въ С.-Петербургѣ (въ 1836—1837 г.), дѣло это подвигалось уже къ близкому окончанію, увѣнчавшемуся полнымъ успѣхомъ въ началѣ 1839-го года [2]). Потому мы здѣсь скажемъ только,—въ какомъ положеніи могъ застать это дѣло высокопр. Филаретъ, и какое, и почему именно онъ могъ имѣть особенное отношеніе къ этому дѣлу въ описываемое нами время.

---

[1]) Смотри записки листъ 3-й, стр. 1.

[2]) Объ этомъ будетъ подробное изложеніе въ третьемъ томѣ.

Возсоединеніе Уніятовъ обязано было самою первою инициативою своею Митрополиту Уніятскому *Ираклію Лисовскому*, дѣйствовавшему въ званіи Президента, особо учрежденнаго еще въ 1805-мъ году, „Департамента для Уніятскихъ Дѣлъ“. Продолженіе же и конецъ его были при преемникѣ его—Митрополитѣ *Іоасафатѣ Булгакѣ*, при которомъ, и подъ личнымъ предсѣдательствомъ его, учреждена была въ 1828-мъ году „Духовная Грекоуніятская Коллегія“ въ С.-Петербургѣ. Въ это-то время и былъ высокопр. Филаретъ вызываемъ для присутствованія въ Св. Синодѣ. Состояніе Уніятовъ, въ это именно время, постепенно приходившихъ ближе къ возможности возсоединенія, крѣпко занимало вниманіе Правительства и, въ частности, Св. Синода; а Члены Грекоуніятской Коллегіи, и, въ особенности, самъ Предсѣдатель ея—Митрополитъ Іоасафатъ Булгакъ питалъ истинное искреннее уваженіе и расположеніе къ Синодальнымъ Членамъ. Высокопреосвященный же Филаретъ пользовался этими личными отношеніями Грекоуніятскаго Митрополита въ особенности. Поэтому самое дѣло было ему болѣе, чѣмъ кому, извѣстно, а по собственному его чувству ревности по св. Вѣрѣ Православной было въ особенности близко и драгоцѣнно для его сердца. Прибывъ изъ Казани, послѣ столькихъ благоплодныхъ трудовъ истинно-апостольскаго служенія по обращенію, отпадавшихъ отъ св. Вѣры, иновѣрцевъ, и найдя дѣло о „Возсоединеніи Уніятовъ“ благоуспѣвающимъ, хотя и требовавшимъ еще многаго для приведенія его къ вожделѣнному концу,—высокопр. Филаретъ сколько самъ по себѣ не могъ не воспламениться особенною ревностію, чтобы принять участіе въ этомъ дѣлѣ, столько же и Св. Синодъ, и самъ Государь Императоръ, принимавшій самое живое участіе въ дѣлѣ „Возсоединенія Уніятовъ, указали ему путь и средства къ возможному участію. Отсюда-то несомнѣнно можно заключить и о главной, если не единственной, причинѣ къ вызову высокопр. Филарета для присутствованія въ Св. Синодѣ въ 1836-мъ году.

Но прежде чѣмъ, скажемъ,—въ чемъ собственно состояло личное дѣятельное участіе высокопр. Филарета, и выражались особенно близкія и расположенныя отношенія къ нему Митрополита Іоасафата Булгака, котораго онъ еще засталъ попрежнему въ С.-Петербургѣ въ званіи Президента Коллегіи,—мы не можемъ не указать на одну особенную черту въ лицѣ и состояніи высокопр. Филарета въ отношеніи разсматриваемаго дѣла. Чѣмъ болѣе входилъ онъ въ ближайшее ознакомленіе съ дѣломъ и самымъ положеніемъ Уніятовъ, доведенныхъ до самой грустно-тяжкой участи силою и дѣйствіемъ Ватикана, тѣмъ болѣе все это производило и оставило навсегда на душѣ высокопр. Филарета самое глубокое скорбное впечатлѣніе. При частыхъ, бывавшихъ впослѣдствіи, бесѣдахъ о дѣйствіяхъ Римскаго Двора, и въ отдѣльности о личности Папъ, онъ не могъ почти сдерживать своихъ скорбно-душевныхъ чувствованій и выраженій, отзывавшихся нѣкотораго рода желчностію и, съ тѣмъ вмѣстѣ, не рѣдко иронією, хотя всегда заканчивавшихся глубокимъ вздохомъ и возведеніемъ взора горѣ... Это бывало даже и на экзаменахъ академическихъ и семинарскихъ въ Кіевѣ, когда отвѣты испытуемыхъ были изъ трактата о Папизмѣ. Въ особенности стремленіе Папъ къ всеобщему господствованію и, въ частности, къ мірскому властолюбію и свѣтскому характеру жизни, не исключая бритья бороды и пр., по преимуществу вызывали изъ устъ его сказанную иронію. Объ этомъ много есть замѣтокъ въ дневникѣ напр. о. Намѣстника [1]). Наконецъ, что̀ главнѣе и важнѣе, указываемое близкое знакомство съ бывшимъ ходомъ дѣла о Возсоединеніи Уніятовъ и съ самымъ состояніемъ возсоединенныхъ Уніятовъ, претерпѣвавшихъ всевозможныя интриги и преслѣдованія со стороны не возсоединившихся, а точнѣе сказать—со стороны всего элемента католическо-польскаго въ лицѣ пановъ и ксендзовъ,

[1]) Объ этомъ будетъ сказано подробно въ своемъ мѣстѣ — въ томѣ III.

все это,—хотимъ мы сказать, послужило высокопр. Филарету для его самой ревностной и стойкой дѣятельности при управленіи Кіевскою Епархіею. На это увидимъ въ своемъ мѣстѣ подлинные факты, равно какъ и то, что самому высокопр. Филарету привелось тогда же испытать много неблагопріятностей и скорбей за подобный образъ дѣйствій,—хотя, по видимому, не прямо за нихъ, а подъ другими предлогами, исходившими, въ силу явныхъ интригъ, со стороны мѣстныхъ и *иныхъ полу-лойоловъ*... изъ среды *нашихъ*.

Въ свое время, когда мы находились въ Кіевѣ (въ 1867 г.) для собранія матеріаловъ, и когда по нѣкоторымъ вопросамъ имѣли собесѣдованіе съ проживавшимъ въ Кіевѣ, извѣстнымъ ревнителемъ Православія—Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, то онъ прямо сказалъ: „на вашемъ мѣстѣ я не обинуяся бы сказалъ,— „что высокопр. Филаретъ, (если,-какъ вы указываете даже на подлинныя его въ запискахъ слова, что онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ дѣлѣ Возсоединенія Уніятовъ), олицетворилъ здѣсь собою знаменитѣйшаго, доблестнѣйшаго поборника Православія—*Георгія Конисскаго*.—Да... это я лично знаю и свидѣтельствую. Вѣдь, надо было именно видѣть и знать все это въ свое время,—не исключая и того, что происходило со стороны *нашихъ*, дѣйствовавшихъ по званію своему яко бы *во главѣ*, а въ сущности хватавшихся только за хвостъ.., но, тѣмъ не менѣе, восписывавшихъ, и, къ удивленію, успѣвшихъ восписать себѣ чуть не всю честь... и ни Бога не убоявшихся, ни людей не устыдившихся, чтобы свидѣтельствовать о своихъ личныхъ и чувствахъ, и дѣйствіяхъ, и успѣхахъ и, притомъ, въ такомъ родѣ и тонѣ, что будто бы предъ ними отверзалось самое Царствіе Небесное, или они отверзали его для другихъ... а въ сущности дѣла ключи къ сему царствію готовы были бы припрятать, чтобы и самимъ не войти, и другихъ не впустить..."Все это высказано было нашимъ собесѣдникомъ въ ту пору, конечно, по выраженію Евангельскому, *ко уху*... но теперь все это уже сдѣлалось *проповѣданнымъ на кровляхъ*—на страницахъ журналовъ—напр. въ Историче-

скомъ Вѣстникѣ и въ Русской Старинѣ.—Въ своемъ мѣстѣ [1]) мы представимъ всѣ эти данныя въ точности и подробности. Теперь же обратимся лишь къ тому, что̀ исходило изъ прямо-враждебнаго лагеря—изъ Ватикана отъ руки самаго Понтифекса (тогдашняго папы Григорія XVI) и подручныхъ его ловкихъ, по выраженію Библейскому—„*господій стрѣляній*“ (Быт. XLIX ст. 23) и явныхъ и тайныхъ,—и что̀ заставляло дѣйствовать ревнителей истины и дѣла со всевозможною осторожностію—съ опасеніемъ даже за жизнь, что̀ и совершилось напр. въ судьбѣ одного бывшаго ревностнаго дѣятеля,—отравленнаго ядомъ въ жареномъ голубѣ, поданномъ на обѣдѣ. [2]) Представимъ нѣсколько строкъ объ этомъ, изъ печатныхъ историческихъ данныхъ, для характеристики.

„Во все время происходившихъ приготовленій къ окончательному рѣшенію дѣла о Возсоединеніи Уніятовъ, Римскій Дворъ не дремалъ, чтобы вооружаться всѣми средствами и мѣрами, освящаемыми своею антиправославною цѣлію... Самъ Папа Григорій XVI, хотя не могшій уже ничего болѣе сдѣлать, разразился сколько неистовствующею скорбію, столько же самымъ безпощадно-клеветливымъ объясненіемъ дѣла „Возсоединенія“ въ самомъ извращеннѣйшемъ видѣ.—Такъ въ своей рѣчи, произнесенной имъ въ Тайной Консисторіи, онъ воскликнулъ: „О горестная и несчастная превратность вещей! Вотъ событіе, братіе достопочтенные, которое поставляетъ насъ въ тяжкое недоумѣніе и заботливость! Къ горестямъ, отовсюду на насъ находящимъ, надлежало присовокупиться еще и сему событію, которое выразить можно больше слезами, нежели словами... Изъ столь лютой язвы, нанесенной нашей Римской церкви, вы усматриваете,—каково теперь намъ и какою внутри скорбію мы снѣдаемся!“.—А какъ объяснялъ этотъ-же Папа самый ходъ и образъ совершавшагося Возсоединенія,

---

[1]) Объ этомъ будетъ сказано въ томѣ III.

[2]) Смотр. Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи 1864 г.

читаемъ въ окружномъ посланіи Митрополита *Михаила Левицкаго* на имя, оставшихся не возсоединенными, Русскихъ уніятовъ.—Несправедливое это предпріятіе—„Возсоединеніе“ ведено было такъ, что, введя сначала хитрымъ образомъ, при совершеніи священно-дѣйствій, книги, полученныя отъ Грекороссіянъ, извратили этимъ на свой ладъ почти всю внѣшность богослуженія; такимъ образомъ, невѣжественная чернь, соблазняясь сходствомъ обрядовъ, болѣе и болѣе приходившихъ въ силу, невольно уклонялась *въ схизму*. Затѣмъ, по особому повелѣнію, созваны были многіе приходскіе священники, которымъ тотчасъ-же даны были предписанія, которыми, между безстыдными лжами, требовалось, дабы всякій присоединеніе свое къ Грекороссійской Церкви засвидѣтельствовалъ по изложенной для сего формѣ. Таковыя предписанія, хотя сначала были единодушно отвергнуты на томъ основаніи, что это лишаетъ ихъ (т. е. священниковъ) приходовъ и подвергаетъ несомнѣнной отвѣтственности какъ ихъ, такъ и прочихъ клириковъ, увлеченныхъ ихъ примѣромъ, предъ высшимъ судилищемъ,—за-то, послѣ нѣкоторыхъ, употребленныхъ противъ нихъ, хитростей они дошли до такого развращенія, что не устыдились публично изъявить желаніе присоединиться къ означенной Церкви, и, кромѣ того, отъ имени, подчиненной имъ, паствы войти прошеніемъ къ Императору о позволеніи касательно своего присоединенія. Успѣхъ соотвѣтствовалъ ихъ желаніямъ. Опредѣленіями *схизматическаго* Синода, находящагося въ Петербургѣ, формально Высочайше утвержденными, рѣшено было присоединеніе къ Церкви Греческой Русскихъ Епископовъ, клира и народа, дотолѣ принадлежавшихъ церкви Римской“ [1]).

При такихъ разъяренныхъ дѣйствіяхъ со стороны папскаго Двора и его приставниковъ понятно, какая требовалась сдержанность и осторожность, чтобы еще

---

[1]) Смотри Памятную Книжку Витебской губ. на 1864 г. часть 1 стран. 70—71.

болѣе не вызвать ненависти и дерзости нетолько противъ тѣхъ, которые возсоединялись, но и противъ остававшихся въ уніятствѣ и не дѣлать ихъ жертвою особенныхъ преслѣдованій и насилій. Всего же болѣе требовалось это, чтобы не поднять изъ-за этого событія бури и на политическо-государственномъ горизонтѣ, подобно той, какая возникла-было въ послѣдніе годы [1]) въ польско-западномъ краѣ, и которая, если строго всмотрѣться въ дѣло, была, такъ или иначе, отголоскомъ, отнюдь еще не успокоившихся въ нѣдрахъ Ватикана, властолюбивыхъ козней и замысловъ на возвращеніе къ себѣ Возсоединенныхъ.—Время и Исторія, само собою, раскроютъ во всей полнотѣ и ясности все, что остается и теперь еще для насъ подъ глубокимъ спудомъ; и тогда,—позволяемъ себѣ высказать истинное утѣшительное убѣжденіе,—явится и имя въ Бозѣ почившаго высокопр. Филарета на скрижаляхъ Исторіи, какъ и имя Георгія Конисскаго, знаменитѣйшаго и незабвеннаго по доблестнымъ заслугамъ своимъ поборника Православія на постоянно, столько уже вѣковъ, помрачаемомъ тьмою изувѣрныхъ интригъ и козней папизма, западномъ горизонтѣ нашего Богохранимаго Отечества.—Истинность такого убѣжденія, мы увѣрены, окажется болѣе ясною и близкою для сердца читателей, когда увидятъ, что, именно какъ бы въ свидѣтельство ея и для бывшихъ очевидцевъ, и въ залогъ увѣковѣченія для потомства, суждено было никому другому, какъ именно—высокопр. Филарету, быть совершителемъ самаго Торжества „Возсоединенія Уніятовъ“ въ г. Витебскѣ въ 1839-мъ году.

Вмѣстѣ съ сейчасъ изложеннымъ событіемъ мы предуказали выше еще два событія, начало дѣйствій по коимъ въ Св. Синодѣ должно было быть положено не позже описываемаго времени—(1836—1837 г.); но какъ эти дѣйствія были теперь только еще въ иниціативѣ и состояли въ однихъ предварительныхъ разсужденіяхъ,

---

[1]) Въ 1863—64 г.г.

а формально-административная процедура дѣла получила свой ходъ и движеніе не ранѣе вторичнаго пріѣзда въ С.-Петербургъ высокопр. Филарета въ 1838—39 г.г., приведеніе-же его въ окончательное исполненіе произошло уже въ 1840-мъ году, когда такъ же былъ вызываемъ высокопр. Филаретъ въ С.-Петерб.,—то повѣствованіе объ этихъ предметахъ мы отлагаемъ до будущей же поры и до другаго мѣста именно—въ томѣ III.

Мы уже сказали, что вскорѣ по прибытіи высокопр. Филарета въ С.-Петербургъ, именно вслѣдъ за пожалованіемъ его званіемъ Члена Св. Сунода, онъ былъ перемѣщенъ изъ Казанской епархіи въ Ярославскую. Но это перемѣщеніе оказалось не только кратковременнымъ, но даже случилось такъ, что новая паства вовсе и не видѣла въ лицо своего Архипастыря. Все время отъ назначенія его на Ярославскую каѳедру, состоявшагося 17 Сентября 1836-го года, высокопр. Филаретъ безотлучно долженъ былъ находиться въ С.-Петербургѣ; а въ день св. Пасхи, 18-го Апрѣля 1837-го года, онъ получилъ Высочайшій Рескриптъ о назначеніи его на Кіевскую Епархію съ возведеніемъ въ санъ Митрополита. Такимъ образомъ, это назначеніе на Ярославскую каѳедру осталось только въ послужномъ спискѣ высокопр. Филарета. Впрочемъ, въ теченіе семи мѣсяцевъ, были представляемы ему дѣла изъ Консисторіи Ярославской, которыя онъ разрѣшалъ и утверждалъ заочно. Въ числѣ же прочихъ дѣлъ мы видѣли уже и то, которое совершилъ высокопр. Филаретъ по отношенію къ бывшему Оренбургско-Уфимскому Епископу Августину. Дѣло это, по своему духовно-нравственному значенію, одно изъ достойнѣйшихъ замѣчанія и самыхъ глубокопоразительнѣйшихъ! Нѣтъ сомнѣнія, что, судя по-человѣчески одна вѣсть, дошедшая до преосв. Августина, о назначеніи Архіереемъ, преслѣдованнаго имъ прежде, лица не могла не породить въ душѣ его и смущенія, и опасенія на счетъ возможности недоброжелательства и даже мстительности... Но что же оказалось?!—Какъ не ложно высокопр. Филаретъ уподоблялъ свое, бывшее среди претерпѣваемыхъ имъ отъ преосв. Августина несправед-

ливыхъ преслѣдованій, состояніе-состоянію „*Іосифа во рву*“,—такъ оправдалъ это и здѣсь: онъ отнесся къ преосв. Августину истинно, какъ тотъ же „*Іосифъ къ братьямъ своимъ*“.

Какова же вообще была дѣятельность высокопр. Филарета во время пребыванія его въ Св. Сунодѣ,—объ этомъ вѣрнѣйшее свидѣтельство видимъ въ письмѣ его къ преосв. Кириллу предъ праздникомъ Рождества Христова—въ 1836 г.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!
Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Усерднѣйшую приношу Вашему Высокопреосвященству благодарность за братское о моемъ недостоинствѣ воспоминаніе въ день моего ангела. Извините, возлюбленне, что очень рѣдко пишу къ вамъ. Силы скудны,—а *дѣлъ здѣсь зѣло много*;—кромѣ своихъ обязанностей, вотъ уже около двухъ мѣсяцевъ, занимаюсь дѣлами Тверской Епархіи, по причинѣ тяжкой болѣзни Преосвященнѣйшаго Григорія. Впрочемъ охотно исполняю слова св. Апостола Павла: *другъ друга тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ*. Помолитесь о здравіи добраго сослужителя нашего. Зѣло страждетъ особенно однимъ глазомъ, которымъ не видитъ два мѣсяца слишкомъ. Примите отъ искренно любящаго васъ сердца моего усерднѣйшее поздравленіе съ великимъ праздникомъ Рождества Христова Спасителя нашего, и съ наступающимъ новымъ годомъ и пр...

Въ заключеніе остается вопросъ:—какъ смотрѣть на столь быстро, одинъ за другимъ, состоявшійся *двукратный* переводъ высокопр. Филарета съ одного мѣста на другое—изъ Казани въ Ярославль и изъ Ярославля въ Кіевъ? Ставимъ этотъ вопросъ, между прочимъ, потому, что мы прежде объясняли, что перемѣщеніе изъ Казани въ Ярославль, главнымъ образомъ, состоялось для того, чтобы дать возможность высокопр. Филарету постояннѣе и свободнѣе участвовать лично въ дѣйствіяхъ св. Сунода,—чему способствовали близкость разстоянія, сравнительно

съ Казанью, Ярославля отъ Петербурга, и самое состояніе Епархіи Ярославской, не имѣвшей такихъ разнообразныхъ дѣлъ, какъ Казанская. Теперь же выходитъ нѣчто, по видимому, противное сему объясненію. Кіевъ по разстоянію отъ Петербурга почти не разнится отъ Казани; что же касается дѣлъ епархіальныхъ и прочихъ служебныхъ условій, то свободы отъ тѣхъ и другихъ едва ли менѣе могло быть въ Кіевѣ, чѣмъ въ Казани для высокопр. Филарета. И такъ какой же, наконецъ, отвѣтъ?..

Отвѣтъ на поставленный вопросъ, готовый, конечно, въ душѣ и у читателей, первый и главный есть тотъ, что такъ угодно было Господу, волею Коего управлялось и сердце Помазанника Его, какъ, дѣйствительно, и выражено въ Высочайшемъ Рескриптѣ, который мы сейчасъ увидимъ. Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, такъ какъ пути и дѣйствія воли Господней открываются въ соотвѣтствующихъ имъ обстоятельствахъ положенія, хода и направленія дѣлъ и соображеній человѣческихъ, то нельзя не согласиться, что въ послѣднихъ, дѣйствительно, заключались причины и побужденія, чтобы быть на Митрополіи Кіевской не кому иному, какъ высокопр. Филарету и, при томъ, именно въ настоящую пору. Мы хотимъ этимъ указать на связь между вышеизложеннымъ положеніемъ дѣла о Возсоединеніи Уніятовъ и настоящимъ назначеніемъ высокопр. Филарета на каѳедру Кіевскую, на которой, дѣйствительно, и явилъ онъ себя такимъ дѣятелемъ, какъ объ этомъ отчасти и преднамѣчено было нами выше. Правда, читая, сейчасъ ниже приведенный въ подлинникѣ, Высочайшій Рескриптъ, читатели увидятъ, что, въ немъ выражена одна только положительная сторона архипастырскихъ достоинствъ лица, возводимаго на старѣйшую и знаменитѣйшую Епархію, *„ідѣ издревле взошла денница спасенія Русской земли“*. Но вторая вышеуказанная, несомнѣнно, разумѣлась сама собою; выражать же ее въ буквальномъ текстѣ было бы тогда неумѣстно и не своевременно въ силу самого событія, требовавшаго по своему значенію всевозможной благо-

разумной осторожности. Прочтемъ Высочайшій Рескриптъ отъ слова до слова.

Преосвященный Митрополитъ Кіевскій

Филаретъ!

По воззваніи Всевышнимъ Кіевскаго Митрополита Евгенія отъ сей временной жизни, въ заботливости Моей о паствѣ, кончиною его осиротѣвшей, и въ знакъ особеннаго вниманія къ вашимъ долговременнымъ заслугамъ и христіанскимъ добродѣтелямъ призналъ Я за благо возвести васъ въ санъ, имъ несенный, и ввѣрить вамъ сію старѣйшую и знаменитую Епархію, гдѣ издревле взошла денница спасенія Русской земли, и гдѣ нетлѣнные останки Угодниковъ Божіихъ и живая память ихъ святыхъ подвиговъ изъ вѣка въ вѣкъ завѣщали намъ чистоту Православія.

Моля Верховнаго Пастыреначальника укрѣпить ваши силы для столь важнаго поприща, Я убѣждаюсь въ мысли, что вы, руководимые Небесною благодатію, по стопамъ истинныхъ Іерарховъ и Учителей Вселенской Церкви, въ духѣ любви и мира, словомъ и примѣромъ послужите къ животворному назиданію новой паствы своей, а съ нею и древнѣйшаго въ отечествѣ нашемъ вертограда наукъ, да неусыпными попеченіями вашими образуетъ онъ смиренномудрыхъ проповѣдниковъ слова Господня, и Богоспасаемый градъ Кіевъ да свѣтитъ окрестнымъ странамъ лучами живой дѣятельной вѣры.

Препровождая къ вамъ бѣлый клобукъ, украшенный крестомъ изъ драгоцѣнныхъ камней,—поручаю Себя вашимъ молитвамъ и пребываю всегда вамъ благосклонный.

Николай.

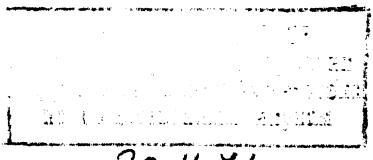
Данъ въ С.-Петербургѣ
въ 18-й день 1837-го года.

И по разсказамъ самого въ Бозѣ почившаго и въ запискахъ его сохранилось свѣдѣніе, что, предъ назначеніемъ его Митрополитомъ Кіевскимъ, онъ видѣлъ такой сонъ: „Стоя предъ зеркаломъ, я взглянулъ на себя,

и увидѣлъ: весь сталъ я бѣлый". Этотъ сонъ самъ же высокопр. Филаретъ объяснялъ предзнаменовательнымъ въ отношеніи къ Митрополитству: „Въ это самое 18-е число я получилъ Высочайшій Рескриптъ о назначеніи меня на Кіевскую Митрополію". Зналъ ли сколько нибудь и могъ ли знать предварительно высокопр. Филаретъ о своемъ назначеніи на Кіевскую Митрополію,—неизвѣстно ничего, кромѣ вышеприведеннаго сна.—Вѣроятнѣе же всего не зналъ; по крайней мѣрѣ въ письмѣ своемъ къ преосв. Каменецъ-Подольскому Кириллу, писанному не далѣе, какъ 4-го Апрѣля,—онъ писалъ такъ: „Тверской Архіепископъ (бывшій тогда Григорій) просится на два года въ свою Епархію по причинѣ болѣзни. А Кіевская Митрополія доселѣ еще вдовствуетъ. (Митрополитъ Евгеній скончался 23-го Февраля). Неизвѣстно еще никому,—кого вызовутъ въ Сунодъ вмѣсто Тверскаго".—Спустя уже мѣсяцъ высокопр. Филаретъ писалъ преосв. Кириллу: „И такъ Господу Богу угодно было паки поставить насъ съ Вами въ ближнее сосѣдство.—Съ нетерпѣніемъ ожидаю мановенія Помазанника Господня о дозволеніи отправиться въ новую, ввѣренную мнѣ паству, хотя бы на время для обозрѣнія. Къ 1-му Іюля надѣюсь узрѣть св. градъ Кіевъ,—а ранѣе не пустятъ."—Самое же первое письмо о назначеніи своемъ на Митрополію Кіевскую, именно на другой же день,—19-го Апрѣля,—писалъ высокопр. Филаретъ преосв. Викарному Кіевскому, бывшему тогда Иннокентію. Письмо это было слѣдующее.—„Господу Богу и Спасителю нашему Іисусу Христу угодно было въ свѣтлый день Воскресенія Своего вручить моему недостоинству знаменитую Кіевскую паству. Сердце Царево въ Рукѣ Божіей! Благочестивѣйшій Государь Императоръ въ Высочайшемъ Рескриптѣ, послѣдовавшемъ на мое имя, изволилъ весьма ясно начертать обязанности Кіевскаго Митрополита. Да поможетъ намъ Господь Богъ оправдать, сколько возможно, ожиданіе Всемилостивѣйшаго Государя. Я совершенно надѣюсь, что Ваше Преосвященство, постигая высокія и благотворныя намѣренія Его Величества, всѣми силами и всѣмъ серд-

цемъ будете мнѣ помогать въ исполненіи общаго нашего долга". Съ этого же времени, до выбытія своего изъ С.-Петербурга, высокопр. Филаретъ получалъ уже изъ Кіева дѣла по всѣмъ частямъ управленія, дѣлалъ по нимъ свои распоряженія, о чемъ увидимъ въ самомъ повѣствованіи объ управленіи его Кіевскою Митрополіею.

Конецъ втораго тома.



ОПЕЧАТКИ.

(ВО ВТОРОМЪ ТОМѢ).

Стран.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Слѣд. читать.*
27	4 снизу	вниманіе	вниманіе
28	2—3 сверху	произ ношеніяхъ	—
40	8 снизу	наконедъ	наконецъ
41	5 —	утверждаясь	утверждаясь
46	4 —	Гопода	Господа
62	18 сверху	Гооподней	Господней,
73	2 снизу	церконныя,	церковныя;
101	20 сверху	дѣятельндсти	дѣятельности
101	22 —	быдо	было
109	7 снизу	рошительнѣйшій	рѣшительнѣйшій
151	9 сверху	прогнѣевается	прогнѣвается
181	6 —	превышило	превысило
197	13 снизу	оброщеніе	обращеніе
218	7 —	тода	тогда
232	5 сверху	въ сторому.	въ сторону,
240	13 снизу	экономической	экономской
248	5 сверху	Архіепископъ	Архіепископомъ.